

ПРОЦЕСС
ЖИЛЯ ДЕ РЭ

ЖОРЖ БАТАЙ

ПРОЦЕСС ЖИЛЯ ДЕ РЭ

Перевод Ивана А. Болдырева

KOLONNA PUBLICATIONS

GEORGES BATAILLE

LE PROCÈS DE GILLES DE RAIS

JEAN-JACQUES PAUVERT

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин»
при поддержке Министерства иностранных дел Франции
и посольства Франции в России.

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la publication
Pouchkine avec le soutien du Ministère des Affaires Étrangères français
et de l'Ambassade de France en Russie.

Редактор: Дмитрий Волчек
Руководство изданием: Дмитрий Боченков
Обложка: Сергей Жилкин
Оригинал-макет и верстка: Сергей Фёдоров

World copyright © 1965 Jean-Jacques Pauvert
© SNE Pauvert, département des éditions Edition Fayard, 1979
© Иван Болдырев, перевод, 2008
© Kolonna Publications, 2008

«Процесс Жилья де Рэ» – исторический труд, над которым французский философ Жорж Батай (1897–1962) работал в последние годы своей жизни. Фигура, которую выбрал для изучения Батай, широко известна: маршал Франции Жиль де Рэ, соратник Жанны д'Арк, был обвинен в многочисленных убийствах детей и поклонении дьяволу и казнен в 1440 году. Судьба Жилья де Рэ стала материалом для фольклора (его считают прообразом злодея из сказок о Синей Бороде), в конце XIX века вдохновляла декадентов, однако до Батая было немного попыток исследовать ее с точки зрения исторической науки. Значительную часть книги занимают протоколы состоявшегося в 1440 году в Нанте суда над Жилем де Рэ, которые перевел с латыни писатель и философ Пьер Клодсовски. Батай составил подробнейшую хронологическую канву жизни своего героя; особый интерес представляет первая часть книги, в которой философ анализирует героизм и злодейство, объединившиеся в одном характере.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Трагедия Жиля де Рэ	9
Анализ исторических данных	67
Различные проблемы и исторические данные	143
Документы процесса над Жилем де Рэ	
<i>I Церковный суд</i>	
Предварительные документы	159
Протоколы слушаний	163
Показания свидетелей	221
<i>II Светский суд</i>	
Полуофициальное донесение о судебном расследовании	261
Расследование уполномоченных герцога Бретонского	264
Протоколы последних дней	285
От переводчика	297

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аббат Боссар написал, что процесс маршала де Рэ был «во всех смыслах противоположен процессу Жанны д'Арк». Но тут же добавил: «Оба они являются самыми знаменитыми судебными делами Средневековья, а, быть может, и Нового времени». С тех пор мы узнали и о других интереснейших судебных делах, но все же эта точка зрения не совсем ушла в прошлое. И если верно то, что книга аббата Боссара, наиболее важная из всех до сих пор посвящавшихся Жилю де Рэ, сегодня устарела, то такого нельзя сказать о протоколах процесса: в самом деле, мало что может сравниться со зловещим обликом этих текстов. Единственная их публикация в сокращенном виде стала библиографической редкостью. Теперь мы осуществляем переиздание этих протоколов; оно стало предметом долгих и кропотливых исследований. Надеемся, что усилия наши адекватны тому исключительному интересу, который представляют предлагаемые документы.

Во введении мы старались ограничиться тем, что, как нам казалось, следует знать об этом персонаже. Прежде всего, некоторый общий взгляд. К нему мы прибавили некоторые уточнения, исторические данные, причем всякий раз, по возможности, в хронологическом порядке.

ТРАГЕДИЯ ЖИЛЯ ДЕ РЭ

1 СВЯЩЕННЫЙ МОНСТР

Жиль де Рэ получил известность благодаря своим преступлениям. Но был ли он, как утверждали, «самым отвратительным преступником всех времен»? В принципе, подобное легкомысленное утверждение трудно назвать состоятельным. Преступление – событие человеческого, даже исключительно человеческого масштаба, но, что особенно важно, оно заключает в себе сокрытый, непроницаемый, потаенный аспект человеческого. Преступление прячется, и то, что ускользает от нас, наиболее отвратительно. В ночи, открывающейся нашему страху, мы постоянно воображаем наихудшее. Наихудшее всегда возможно; более того, оно есть конечный смысл преступления.

Вот почему не реальные преступления, а, скорее, легенда, миф, литература, прежде всего, литература трагическая, придают значение нашим страхам. Никогда не следует забывать, что только легендарные моменты преступления и разглашали всю правду о нем.

Это значит, что мы не можем приступить к истории Жюль де Рэ, не придав ей особой ценности. В конечном счете, нам придется столкнуться со сверхъестественной силой, присутствующей в повседневной реальности. А видя преступления Жюль де Рэ, мы чувствуем, пусть и заблуждаясь порой, что они выходят за границы возможного. Его знатное происхождение, его несметные богатства и подвиги, казнь перед лицом разъяренной толпы, – которая тем не менее была взволнована и тронута многочисленными признаниями, слезами, раскаяниями, – все это, в конце концов, делает образ Жюль де Рэ чем-то невероятным.

Настроение толпы, собравшейся на его казнь, невозможно окончательно объяснить. Жюль де Рэ был всего лишь грубым воякой, грансеньором, который не отличался сдержанностью, благородием или щепетильностью. Во время казни у него не было надежды на снисхождение со стороны этой толпы. Возможно, люди были потрясены той жестокостью, с которой Рэ предавался своей безудержной, безотчетной страсти. В сущности, пылкое раскаяние этого преступника было и отражением болезненной порочности, повлекшей за собой столь неслыханные убийства. Народное

волнение было последствием чрезмерности, которая правила его судьбой и никогда не подчинялась рациональному расчету. Жиль де Рэ – трагический преступник. В преступлении заложена суть трагедии, а этот преступник, более чем кто бы то ни было другой, быть может, как никто другой, был ее персонажем.

Нам придется представить себе эти детские жертвоприношения, которых становилось все больше и больше. Вообразим почти молчаливый ужас: он все возрастает, а родители, боясь репрессий, не решаются ничего сказать. Подобный страх есть страх феодального мира, над которым распростерлась тень огромных замков. Сегодня туристов привлекают их развалины; но прежде они были чудовищными тюрьмами, чьи стены не могли до конца заглушить доносившиеся изнутри крики мучеников. Увидев эти замки Рэ из волшебных сказок, которые чуть позже местное население назовет замками Синей Бороды, мы должны вспомнить о том, что в них обитали не злые волшебницы, а человек, опьяненный кровью. Исток преступлений Рэ – в неслыханном душевном распутстве, которое смутило его и сбило с пути. Из показаний преступника, записанных судебными секретарями, мы знаем, что даже сладострастие не играло для него главной роли. Доподлинно известно, что он садился на живот жертвы и ласкал себя, проливая на умирающего семя; однако важным для него было не сексуальное удовлетворение, а, скорее, возможность видеть смерть за работой. Он любил наблюдать: он заставлял вскрывать тело, разрезать горло, отрубать члены, он любил смотреть на кровь.

Но все-таки свою последнюю блажь он удовлетворить не смог. Жиль де Рэ мечтал о суверенности монарха. Маршал Франции, после победы под Орлеаном и коронавания Карла он обзавелся почти королевской армией. Его выезды сопровождался королевским эскортом вместе с «церковным собранием». Военный герольд, две сотни человек и трубы возвещали о нем, а каноники из его часовни, некто вроде епископа, певчие, дети из его хоровой капеллы составляли кортеж, который блистал богатейшим облачением. Жиль де Рэ хотел ослеплять, не боясь потратить все. Прежде чем предаться своей преступной мании, он, не считая денег, промотал громадное состояние. В его склонности к расточительству коренилось что-то безумное; он жертвовал средства на огромные театральные представления, где бесплатно угощали едой и напитками. Жиль де Рэ хотел поразить любой ценой, однако ему недоставало того, чего довольно часто недостает преступнику и что заставило его, когда он давал показания, кичиться поступками, которые следовало утаивать: *своими преступлениями...*

Преступление, несомненно, вызывает к иочи; преступление без иочной тьмы не было бы преступлением, однако сколь ни глубока тьма, ужас ночи все равно устремлен к свету солнца.

Чего-то недоставало в жертвоприношениях ацтеков, которые происходили в то же самое время, что и убийства Рэ. Ацтеки умерщвляли на вершинах пирамид, на солнце: им недоставало религиозного освящения, сопряженного с неприятием дня, со стремлением к ночи.

Напротив, в самой сути преступления заложена возможность театральности, требующая, чтобы преступник был разоблачен, и лишь будучи разоблаченным, он способен наслаждаться этой возможностью. У Жиль де Рэ была страсть к театру: исповедуясь в своих гнусностях, рыдая и раскаиваясь, он создавал патетику публичной казни. Толпа, собравшаяся посмотреть, как он будет умирать, по-видимому, оцепенела от этих раскаяний, от этих просьб о помиловании, которые сеньор, смиренный, плачущий, обращал к родителям своих жертв. В смерти Жиль де Рэ хотел обогнать двух своих сообщников. Его повесили и сожгли перед этими душегубцами, которые помогали ему в его резне и один из которых познал его плотские объятия; они долго наблюдали за Рэ, ввергнутым в нескончаемый ужас; для них он давно уже был тем «священным монстром», которым стал в тот момент для толпы.

Свидетелей эксгибиционизма Жиль де Рэ во время его жизни было немного, в основном, сообщники: Сийе, Бриквиль, Анрие, Пуату, некоторые другие..., однако когда, повешенный, он предстал перед толпой в пламени костра, зажженного палачом, его исповедь и смерть обрели особый иступленный смысл.

Жиль де Рэ – прежде всего трагический, шекспировский герой, которого одна фраза из юридического сочинения, возможно, воскрешает в памяти не менее сильно, чем весь суд. (Эта фраза приведена в тексте, опубликованном под заглавием «Сочинение наследников» стараниями членов семьи Жиль де Рэ, желавших после его смерти доказать, что он бездумно промотал свое состояние: «Всякий знал, что он был известным мотом, не имевшим ни рассудка, ни разума, ибо рассудок его и в самом деле порою помрачался, он часто уходил ранним утром и в полном одиночестве бродил по улицам, а когда его упрекнули, что это, дескать, нехорошо, он ответил скорее как глупец, как помешанный, нежели как человек разумный».¹) Впрочем, он сам осознавал свой чудовищный нрав и, по его словам, «родился под таким созвездием, что невозможно было без смущения постичь те беззакония, которые <я> совершал». Один из тех, кто помогал ему в этих ужасных делах, слышал от него, «что нет на земле человека, способного уразуметь его свершений». Но звезды заставляли его действовать именно так...

1 В: Morice Dom H., Mémoire des héritiers de Gilles de Rais pour prouver sa prodigalité («Сочинение наследников Жиль де Рэ, призванное доказать его расточительность»), т. II, col. I. 1338.

По видимому, он окутал собственный образ магическим флером суеверий, чтобы казалось, будто он обладает иным естеством, чем-то сверхъестественным, будто ему сопутствуют Бог и дьявол. Жертва профанного, реального мира, который с самого рождения осыпал его благодеяниями, но в котором он так и не обрел окончательной поддержки, Рэ был убежден, что по первому зову дьявол примчится к нему на помощь. Как в преступлении, так и в твердом, благочестивом смирении он ощущал причастность сакральному миру, который, казалось ему, неизменно должен был оказывать ему поддержку. Дьявол возместит понесенный им ущерб, причиной которого в действительности была его опрометчивость! Но эта апелляция к дьяволу заканчивается для него разорением; она отдала Жилья в руки шарлатанов, эксплуатировавших его легковерие. Трагедия Жилья де Рэ – это трагедия доктора Фауста, но Фауста инфантильного. Этот монстр и в самом деле трепетал перед дьяволом. Последняя надежда преступника, дьявол, не только заставлял его трепетать, он внушал ему благоговейный страх, порою комичный, и вынудил его молить о спасении. Кровавый монстр был малодушен.

С поразительной дерзостью Рэ до последнего момента воображал, что спасется и, невзирая на отвратительные преступления, избежит того адского пламени, в которое слепо верил. Хоть он и заклинал демона, ожидая от него восстановления своего богатства, но по наивности оставался добрым и благочестивым христианином до самой смерти. Менее чем за месяц до кончины, будучи еще на свободе, он исповедался и причастился. Даже в тот момент он еще пробуждал покорность; в церкви Машкуля простой народ расступился, освобождая место для сеньора. Жилья попросил бедняков остаться рядом с ним. Видимо, в это время страх нередко хватает его за горло, он хочет отречься от своих кровавых оргий, поэтому решает уехать в дальние края, чтобы проливать слезы пред Гробом Господним в Иерусалиме.

Он мечтал о нескончаемом странствии, которое было бы спасением... Но дальше намерений Рэ не пошел. Он ожесточился и в последние дни своей свободы все еще резал детей.

Это распутство не есть противоположность самому истинному христианству, которое, – будь оно даже отталкивающим, таким, каким оно было у Жилья де Рэ! – всегда готово помиловать преступника. Быть может, по сути своей, христианство даже требует преступления, требует ужасов, которые ему в некотором смысле необходимы. Христианство должно иметь возможность миловать грешников. Именно так, мне представляется, и следует понимать восклицание св. Августина: «*Felix culpa!*», – счастливый проступок! – обретающий всю свою значимость в свете преступления, искупить которое невозможно. Христианин несет в себе ту испуганную

крайность, выдерживать которую дозволено лишь самому христианству. Разве смогли бы мы понять христианство без крайностей того насилия, которое предстает перед нами в преступлениях сира де Рэ?

Быть может, христианство теснее всего связано с природой архаического человека, беспрепятственно открытой для насилия? Тот, кто, «уходя ранним утром, в полном одиночестве бродил по улицам...», был тесно связан с архаизмом, черты которого можно усмотреть не только в преступлениях но и в его диковинном христианстве.

2 СИНЯЯ БОРОДА И ЖИЛЬ ДЕ РЭ

Мне не кажется, что главным требованием христианства является главенство разума. Возможно, христианству и не нужен мир, из которого удалено насилие. Оно *сообщает* (*fait la part*) о насилии, отыскивая такую силу души, без которой насилию не удалось бы в ней удержаться. В конечном счете в противоречиях Жюль де Рэ сосредоточена самая суть ситуации христианства, и нас не должно удивлять то странное обстоятельство, что он погряз в крови множества детей, посвящал себя служению демонам, заботясь при этом о бессмертии своей души... Кем бы он ни был, мы видим в нем противоположность разуму. В Жюль де Рэ не было ничего разумного. Он чудовищен с любой точки зрения. В памяти людей Рэ остался легендарным монстром; в краю, где он обитал, эта память смешалась с легендой о Синей Бороде. Между Синей Бородой Перро и Синей Бородой, которому население Анжу, Пуату и Бретани позднее приписало владение замками Машкуль, Тиффож и Шантосе, нет ничего общего. В жизни Жюль де Рэ ничто не соответствует запретной комнате, испачканному ключу, или дозору сестры Анны с вершины башни... Впрочем, от легенды вряд ли можно ожидать какой-то логики. Замки и преступления Жюль де Рэ молва связала с Синей Бородой лишь в том смысле, что черты реальной личности перешли к сказочному персонажу. Образ Синей Бороды легко вписывался в истории из реального прошлого, которое постепенно изглаживалось из памяти. Здесь нет нужды подробно останавливаться на том, что представляла собою сказка о Синей Бороде во множестве разнообразных версий, порой противоречивых.¹ В частности, не имеет значения, связано

¹ Мнение, высказываемое нами здесь по поводу связей между историей Жюль де Рэ и сказкой о Синей Бороде, весьма точно сформулировано Шарлем Пти-Дютайн, который пишет (в Charles VII, 1902, p. 183): «Мы не считаем, что Жюль де Рэ – прототип Синей Бороды. Сказка о Синей Бороде и его семи женах, по-видимому, является древней и весьма популярна в народе, но не несет в себе никакой аналогии с Жюлем де Рэ, который женился лишь один раз, повелев своей супруге жить отдельно; однако со всей определенностью можно сказать, что в Бретани и Вандее люди смешали сказку о Синей Бороде с историей сира де Рэ».

ли происхождение этого персонажа с Бретанью, как полагал Мишле и некоторые другие. Однако когда мы говорим о Жиле де Рэ, нам следует иметь в виду лишь традицию, относящуюся именно к нему. И именно эту традицию хотел создать аббат Боссар, которого мы считаем автором самого авторитетного и детального исследования об этом преступнике.

Опираясь на сведения Боссара, мы можем сказать, что в местности, где обитал Жиль де Рэ, его отождествляли с Синей Бородой. Поражает, даже несколько смущает тот факт, что подобное дьявольское воспоминание получило в народе столь верное выражение. В самом деле, быть может, лучше всего эта история соотносится с легендой, которая только и способна пробудить в преступлении как раз то, что не помещается в пределах знакомого мира. Точно так же, не можем ли мы наилучшим образом обозначить нечто ужасное и чрезмерное, присутствовавшее в фигуре Жилия де Рэ, лишь связав эту фигуру с именем Синей Бороды, как это сделали сельские бедняки? Я вернусь к точным фактам только после того, как выделю этот аспект. Мне хотелось бы обратить внимание на свой первый тезис: то, что завораживает нас в образе Жилия де Рэ, вообще говоря, связано с той чудовищностью, которая, как кошмар, укоренена в человеческом существе с самого раннего детства. В начале я говорил о «священном монстре», но когда-то бедняки прозвали его Синей Бородой...

Вот те факты, которые в 1880 году смог довольно методично собрать, опираясь на устную традицию, аббат Боссар: «Нет ни одной матери или кормилицы, – говорит он нам,¹ – которая в своем рассказе ошиблась бы относительно мест обитания Синей Бороды: на развалины замков Тиффожа, Шантосе, Лаверрьер, Машкуль, Порник, Сеи-Этьен-де-Мерморт, Пузож, каждый из которых принадлежал Жилию де Рэ, – они указывают как на места, в которых жил Синяя Борода». Порою аббат был наивен, но здесь он стремился все изложить тщательно. Боссар уточняет: «Мы расспросили многих стариков в окрестностях Тиффожа, Машкуля и Шантосе; их свидетельства единодушны: именно сеньор Тиффожа, или сеньор Машкуля, или сеньор Шантосе был или все еще является для всех Синей Бородой». Наконец он пишет: «С тайным намерением поколебать их убежденность и смутить их твердую уверенность мы не раз пытались спутать их воспоминания и заставить придерживаться мнения, противоположного нашему! „Вы ошибаетесь, – говорили мы, – Синяя Борода не был ни сеньором Шантосе, ни сеньором Машкуля, ни сеньором Тиффожа“. Одним мы говорили: „Он жил в Мортани или Клиссоне“, другим: „Шантосо“, наконец третьим указывали на всем известные находившиеся неподалеку развалины. Повсюду сначала наблюдалось одно и то же: вначале – удивление, вско-

1 Bossard Abbé E., Gilles de Rais, maréchal de France, 1885, p. 399.

ре вслед за ним следовала недоверчивая реакция и тот же ответ: Синяя Борода жил для вандейцев – в Тиффоже; для анжуйцев – в Шантосе; для бретонцев – в Машкуле... Мы выслушали стариков, которым было более девяноста лет; они уверили нас, что их рассказы уходят корнями в глубь веков. Если говорить исключительно о крае Тиффож, традиции которого нам особенно знакомы, то там зловещий барон пребывает вечно живым, уже и вправду без первоначальных черт Жилья де Рэ, но в облике мрачном и легендарном – в облике Синей Бороды. Однажды, прогуливаясь среди развалин замка рядом с прудом Крюм, мы встретили у разрушенной плотины группу туристов, расположившуюся на траве у подножия широкой башни, в центре сидела местная старуха и рассказывала о Синей Бороде. Эта женщина еще жива; она родилась в черте крепостных стен, где ее семья жила три столетия, до 1850 года, когда переселилась в деревню. Ее сестра, которая была еще старше, после всех расспросов подтвердила рассказанное ею в тот день, причем в мельчайших подробностях... Синяя Борода действительно был хозяином этого замка; родители все время говорили ей об этом, ссылаясь и на своих собственных предков. „Послушайте, – добавила она внезапно, – пойдемте, я проведу вас в ту самую комнату, где он обычно резал горло маленьким детям“.

Мы взобрались на холм, бывший некогда обрывистым, а сейчас осыпавшийся под тяжестью развалин разрушенных башен; она повела нас направо, к подножию донжона¹, и сказала, указывая пальцем на угол между двумя огромными участками стены, где была маленькая дверь, расположенная очень высоко: „Вот эта комната“. – Но все-таки, еще раз, откуда Вы это знаете? – Мои старики, мать и отец, всегда говорили об этом, а уж они-то знали. Когда-то туда вела лестница, и в молодости я часто туда поднималась; но теперь лестница обрушилась, а сама комната чуть ли не доверху заполнена обломками стен и сводов».

Таким образом, оказалось, что в памяти людей маршал де Рэ остался в облике монстра по имени Синяя Борода. Порой Синяя Борода – это Жиль де Рэ, у которого изменено лишь имя, порой мы видим, как на его образ повлиял Синяя Борода из самой расхожей легенды: «Население Вандеи, – добавляет аббат Боссар, – воображает, что погребальная комната, в которой повешены семь жен Синей Бороды, все еще существует в потайном месте в замке Тиффож, вот только ступени лестницы, ведущей туда, со временем обрушились, и горе любопытному, которого случай заставит посетить это место. Внезапно он упадет в глубокую пропасть и сгинет навсегда. По вечерам селяне обходят стороной эти зловещие руины,

¹ Главная, самая высокая башня феодального замка, служившая последним убежищем при нападении неприятеля (*прим. пер.*)

в которых обитает беспокойный, недобрый призрак Синей Бороды». Однако, похоже, классическая легенда лишь во вторую очередь ассоциируется с этой традицией, в которой на самом деле изменено только имя персонажа. «В Нанте, – добавляет аббат Боссар, – небольшой покаянный памятник, воздвигнутый усилиями Марии де Рэ на месте казни ее отца, всюду обозначен и известен лишь под именем памятника Синей Бороде. Старики в окрестностях Клиссона рассказали нам, что когда они были детьми, их родители, проходя с ними мимо этого небольшого сооружения, говорили им: «Вот здесь и был сожжен Синяя Борода»; они не говорили: «Жиль де Рэ». Как будто бы героем такой ни с чем несоразмерной истории мог быть лишь монстр, существо, находящееся за пределами всеобщей человечности, которому не подходило никакое имя, кроме отягощенного миазмами легенды. Синяя Борода не мог быть одним из тех, кто похож на нас, он мог быть только священным монстром, не стесненным границами общепринятой жизни. Имени Синей Бороды удавалось, гораздо лучше, чем Жилью де Рэ, укреплять и воспроизводить память о призраке, обитавшую в воображении бедняков¹.

3 ПРОНЗИТЕЛЬНАЯ ИСТИНА...

В полном согласии с мнением жителей Вандеи и Бретани, быстро переставших воспринимать в Жиле де Рэ то, что отличало его от Синей Бороды, и наивно путавших одного с другим, я сразу же захотел изобразить легендарного монстра, необычайное существо, выходящее за пределы обыденности.

Настало время пойти дальше этих первых набросков, в которых события, представленные в их совокупности, изображаются так же, как выглядят они и на «народных картинках», и в трудах самых внимательных историков. Мы же сосредоточимся исключительно на деталях, более точных, более конкретных, не имеющих большого значения как таковых, но позволяющих несколько ближе познакомиться с нашим необыкновенным персонажем. Мне хотелось бы касаться этих деталей постепенно, так же как и документов, их уточняющих; я понимаю, что порой их истина пронзительна, но, во всяком случае, они никогда не вступают в противоречие с истиной «священного монстра», с самого начала необычайно ярко заявившего о себе.

Между Ванном и Нантом, в местечке Ларош-Бернар, Жиль де Рэ выходит из дома, где он провел ночь. Его сопровождает ребенок, мать которого, Перонн Лессар, накануне имела неосторожность доверить дитя одному

¹ Эти бедняки могли прийти к такому отождествлению, поскольку не решались рассказывать своим детям скандальную историю маршала де Рэ. Имя Синей Бороды с тем же успехом соответствовало фигуре, на которую указывало.

из слуг грансеньора. Временами Жиль де Рэ мягок, даже обходителен, а из показаний Перонн Лессар на процессе видно, что в тот момент Жиль – сама безмятежность. Он выходит из дома с ребенком, который, несомненно, счастлив, ибо накануне ему удалось покинуть свое бедное жилище. Увидев их, мать тотчас же приближается; она обращается к тому, кто вскоре перережет горло десятилетнему мальчику, следовавшему за ним. *Не удостоив ответом робкую мольбу матери* и обращаясь к слуге, который затравил добычу, Жиль де Рэ говорит спокойно и просто; ребенок, говорит он, «выбран правильно»; затем добавляет: «Он прекрасен, как ангел». Несколько мгновений спустя, гарцуя на лошадке, невинная жертва отбывает в сторону замка Машкуль, сопровождаемая эскортом людоеда...

Мы плохо пойдем монстра, жестокость которого вскоре вырвется наружу, если прежде не увидим его в ситуации этой явной бесчувственности, этой безучастной небрежности, которая, во-первых, помещает его за пределы и, видимо, по ту сторону душевного мира средневекового человека. Имела ли эта безмятежность в ожидании худшего, представленная в свидетельстве Перонн Лессар, предельно истинном в своей наивности, – имела ли она какое-то отношение к тому, что последовало затем? Прилив крови, дикое, зверское насилие! В ней поистине сопряжены этот прилив бешенства и суверенная чудовищность того, чье величие уничтожает находящийся рядом, того, кто иногда от души смеялся, видя подергивания и судороги детей с разрезанным горлом. Нет ничего пронзительнее этих слов: «Прекрасен, как ангел», – произнесенных перед лицом матери и ребенка, который вот-вот погибнет, маленького ребенка десяти лет, произнесенных тем, кто вскоре, усевшись на живот своей жертвы, наклонится ближе, чтобы лучше видеть, чтобы вознестись на вершины блаженства, наблюдая за агонией.

Убийство ребенка Перонн Лессар произошло в Машкуле в сентябре 1438 года. День ото дня Жиль де Рэ превращался в затравленного зверя, хотя в то время еще не стал им окончательно. Но весной 1440 года у него уже нет денег; покровители, поддерживавшие его, скрылись; множатся слухи; Жилия обвиняют в преступлениях все чаще и настойчивее. Он и в самом деле затравленный зверь, занятый самоослеплением, пытающийся оседлать судьбу: силой оружия он отбирает проданный им замок Сен-Этьен-де-Мерморт у покупателя. Результатом этой ошибки должны были стать жестокие репрессии. Если в поступке Жилия и есть какой-то смысл, то перед нами проявление душевного смятения и беспомощности.

С этого момента Жиль де Рэ, у которого не оставалось иного выхода, кроме смерти, потерял опору. Не заботясь ни о чем, он отчаянно гибнет. В тот день Рэ спрятал в лесу шестьдесят вооруженных людей; в конце большой мессы, размахивая секирой, он с несколькими соратниками врывается

в церковь. С криками бросается он на духовное лицо – брата покупателя, который присматривал за этим замком. Перед нами бесноватый сорвиголова, который вопит в церкви: *«А, бесстыдник, ты поколотил моих людей, вымогал у них деньги! Выходи из церкви, не то я прибью тебя до смерти!»*

Плод стараний судебного секретаря, протокол процесса, сообщая нам по-французски об этом моменте душевного расстройства, воспроизводит развязку трагедии. Нам не дано узнать, почему Жиль де Рэ охватил столь внезапный гнев и после того, как были распроданы последние из оставшихся у него замков, он вдруг перестал мириться с происходящим. Но, игнорируя святость церкви, нарушая во время службы неприкосновенность духовного лица, Жана Леферрона, наконец, пренебрегая авторитетом герцога Бретонского – единственной опоры, которая у него тогда оставалась, – он обрек себя на гибель. После сцены в Сен-Этьен-де-Мермorte процесс и казнь не заставили себя ждать. Жиль де Рэ думал, что у него есть заложник, он держал Жана Леферрона в застенке, сначала в Сен-Этьене, потом в Тиффоже. Но только по наивности своей он, желая убежать, видел дверь там, где не было и крохотного окошечка. Герцог Бретонский и в самом деле вынужден был обратиться к коннетаблю Франции, который обладал властью за пределами Бретани, в Тиффоже, в Пуату. Но коннетабль, Артур де Ришмон, был родным братом герцога; безумец выиграл несколько недель. Сира де Рэ казнили 26 октября 1440 года, а эпизод в Сен-Этьене произошел 15 мая. Преступления, которые непрестанно множились, отчаянные воззвания к демону, наконец эта полоумная выходка, – все вело его к быстрому концу.

Известно, что вначале он держался перед судьями дерзко и заносчиво. В его поведении не было никакого расчета, никакой интриги: оскорбительный тон мгновенно сменяется изнеможением и подавленным состоянием духа. Его заносчивость нелепа и глупа. Сквозь все гнусности Рэ иногда проступает благородство, но происходит это лишь тогда, когда его одолевает бессилие. Рядом с мужеством и отвагой, которые он обнаруживает при встрече с наказанием и смертью, в нем живет панический страх перед дьяволом. И мужество, и отвагу он проявил в битвах. Но трагический ужас обретает особую значимость, если важна не только смерть (как происходит на войне), если преступление и раскаяние выводят на сцену то, что обозначается как трагедия, что делает трагедию выражением самой судьбы. В этом смысле диалог судьбы и преступника, Пьера де Л'Опитала и Жиль де Рэ – невероятно масштабное по напряженности зрелище. Вся важность этой беседы, видимо, сразу же стала очевидной: вот почему писец передает их по-французски, что происходит всякий раз, когда слушания, часто обремененные юридической педантичностью, внезапно меняют свой ритм и перерастают в патетику.

Во время внеочередного допроса, прервавшего церковные судебные процедуры (решение о нем было принято лишь в последний момент, перед дыбой, готовой вступить в дело) высокий священный магистрат, который и есть Пьер де Л'Опиталь, настойчиво требует у Жилья де Рэ ответа, «исходя из каких мотивов, с какими намерениями, с какой целью» убивал он своих жертв. Жиль незадолго до того уточнял, что совершил эти преступления «следуя своему воображению, а не чьим-либо советам, согласно своему собственному рассудку, стремясь лишь к наслаждению и плотским утехам»; он смущен и говорит в ответ:

– Увы, Монсеньор! Вы терзаетесь, и я вместе с Вами.

Ответная реплика Пьера де Л'Опиталья также дана по-французски:

– Нет, я не терзаюсь, – сказал он, – но удивлен тем, что Вы мне говорите, и не могу этим довольствоваться: мне хотелось бы услышать от Вас только чистую правду.

– На самом деле, никаких других причин, целей или намерений не было, кроме тех, о которых я Вам сказал; я поведал Вам о предметах более значительных, чем эти, достаточных для того, чтобы умертвить десять тысяч человек.

Де Л'Опиталю нужен простой ответ. Именно об этом хочет знать человек, направляемый разумом. Почему Жиль убивал? Какие ситуации, какие мотивы заставили его действовать так, а не иначе? Судье важно объяснить преступление... Напротив, Жиль воспринимает лишь трагическую, чудовищную правду, слепым выражением которой он был. Это фатальное стремление убивать, убивать без причины, которое никакие слова не смогли бы прояснить, которое увлекало его за собою, как увлекает седока лошадь, пустившаяся в галоп... Виновному не нужно было постигать или открывать источники своих преступлений. Его преступления были тем, чем был он сам, чем он был в глубине своей, трагически, до такой степени, что он не помышлял ни о чем другом. Никаких объяснений. Не было ничего соразмерного тому неистовству, которое он пережил, разве что искупление, которое ему предстоит пережить. Поэтому искупление – единственное слово в сознании Рэ, соответствующее тому, что хотел бы знать судья; «Достаточно для того, чтобы умертвить десять тысяч человек!». Вот ответ виновного! Он алогичен, но он несет в себе движение, которое есть жизнь преступника; этот человек должен до конца, я не говорю жить внутри преступления, но быть захлестнутым, погруженным в него; в тот момент, когда в тюрьме его лишили возможности убивать, от кончины его отделяли лишь покаяние и искупление, – покаяние, связывавшее его с содеянным, и искупление, сообщавшее о его преступлениях толпе, замороженной их чудовищной гнусностью и спектаклем, в который была превращена его казнь. До последнего вздоха он будет жить в преступлении,

и умирая, в слезах умоляя простить его, он попросит у Бога приюта и блаженной жизни в раю.

«Достаточно для того, чтобы умертвить десять тысяч человек!»

Возможно ли явить бóльшую гордость или бóльшую кротость?

В слезах сир де Рэ раскаивается вновь; он не может перестать быть чудовищем: это монстр плачет, это монстр напоказ раскаивается. И не надо здесь питать никаких иллюзий. Обычно умиляются безропотности его последних дней. Но смущают несколько слов Жилья, о которых сообщает судебный секретарь. Жиль де Рэ обратился в конце очной ставки к своему молодому флорентийскому заклинателю, Франческо Прелати. Тут надо сразу же сказать о том, что сделал этот Прелати – образованный, искушенный комедиант, проходимец; он, несомненно, соблазнил своего хозяина (сам он, судя по внешности, был гомосексуалистом), притом, разумеется, обобрав его. Прелати до конца злоупотребляла наивностью Жилья де Рэ; однажды, притворившись, что его нещадно избивает дьявол, и исчезнув, он вернулся с воем, раненый. Но когда в суде обвиняемый виовь предстал перед ним и Прелати уже выходил из зала суда, Жиль де Рэ сказал ему, сдерживая рыдания:

– Прощайте, Франческо, друг мой! Мы больше не увидимся в этом мире. Я молю Всевышнего, чтобы Он даровал Вам терпение и разум, и надежду на Бога, Которого мы узрим в райских кущах: молитесь Богу за меня, а я буду молиться за Вас!

Немногие из людей оставили после себя такие следы, по которым мы пять столетий спустя смогли бы почувствовать, как они говорят, как они плачут! Подобные сцены невозможно сочинить. *Это произошло на самом деле*: мы обладаем в некотором роде стенограммой событий. Но не следует удивляться, очутившись в двусмысленном положении: это прощание трагично и вместе с тем смехотворно. А уж если мы ищем связности в этой истории, в этом персонаже и во всем этом деле, то нам открывается некая первоначальная истина: легендарный монстр, Синяя Борода из провинций, где обломки стен и башен его замков вселяли ужас, – этот моистр кажется нам ребенком.

Невозможно отрицать присутствие в природе детства некой чудовищности. Сколь часто дети, будь они на это способны, становились бы Жильями де Рэ! Представим себе ту почти безграничную власть, которой он располагал. Лишь разум способен очертить границы чудовищности, которую мы называем так лишь потому, что она свойственна человеку, разумному существу. В сущности, ни тигр, ни ребенок монстрами не являются, но в мире, где правит разум, их откровенное зверство завораживает; они выбиваются из устойчивого порядка вещей.

Но вот и настала пора сказать о том, каким образом, в какой мере этот монстр, витавший над печальным краем Рэ под именем Жилия де Рэ, а затем Синей Бороды, был ребенком.

Я не могу ограничиться тем, о чем сообщил только что. Упомянутые мной аспекты истории Рэ связаны с той завораживающей властью, которая заставляет меня спустя пятьсот лет воскрешать в памяти ее обладателя. Они в определенном смысле наиболее известны и не касаются той глупости, той детскости, которые я хотел сделать особенно заметными: на эту глупость, детскость обычно не обращали внимания. И поскольку я хотел бы продемонстрировать малоизвестные стороны в облике Жилия де Рэ, теперь их следует связать со всей его жизнью.

4 НАСЛЕДНИК ГРАНСЕНЬОРОВ

Жиль де Рэ, ставший в 1429 году маршалом Рэ, – сын Ги де Лавала (внучатого племянника коннетабля Дюгелена), внук Жана де Краона. Дом Лавалей-Монморанси, к которому принадлежал его отец, и дом Краонов, откуда вышел его дед по материнской линии, как и дом Рэ, от которого ему удалось получить титул и наследство, принадлежали к числу самых благородных, богатых и влиятельных родов в феодальном обществе той эпохи.

Об отце Жилия или, говоря в общем, о членах его семьи, мы ничего определенного не знаем; точно так же дела обстоят и с родом Рэ, чьим наследником он был. Этот род оборвался в 1407 году на Жанне Шабо, которую прозвали Мудрой. Единственные персонажи, подробности жизни которых нам известны, – это Пьер и Жан де Краон, прадед и дед Жилия по материнской линии. Мы еще скажем о них, но вначале нам следует погрузиться в тот мир, к которому принадлежали близкие этого кровожадного человека, все эти годы смуты выживавшего, пока не наступит удобный момент, чтобы похищать детей, насиловать их и резать им горло.

Все они – могущественные феодалы, владельцы обширных провинций и многочисленных замков, внушавших ужас и служивших символами могущества. Их власть даже была в каком-то смысле религиозной. (Суверенная власть короля отчасти сверхъестественна, власть грансеньора на нее похожа, она есть ее отражение.) Разумеется, эти феодалы не пытались осмыслить свое положение, из которого они извлекали выгоду, живя в поисках славы, в достатке и роскоши (если они и не обладали материальным комфортом, то их подлинный комфорт обеспечивался многочисленными слугами). Щедрость и милосердие, религиозный трепет, амбициозность, праздные удовольствия, корыстные интересы насыщали хрупкую и расточительную жизнь, жизнь, способную в любой момент оборваться в конвульсиях смерти. Никто в этом мире грансеньоров – которые смеются,

охотятся, воюют, не переставая помышлять о врагах, о соперниках, однако редко скучают и никогда не работают – не мог долго избегать мысли о гримасах дьявола, царящего над вечным ужасом адской бездны. Наша сегодняшняя жизнь, считающаяся разумной, во многом соткана из противоречий. Грансенъор в начале XV века, далекий от принуждений к разумной жизни, безусловно, жил в противоречивом хаосе расчета, насилия, благодушия, кровавого распутства, смертельного страха и беззаботности...

Говоря о Жиле де Рэ, мы с самого начала намекали на архаичность нашего персонажа; мы увидим, сколь причудливо проявится эта архаичность.

Тем не менее, в первую очередь Жиль де Рэ принадлежит своей эпохе. С безрассудными феодалами его роднят радости эгоизма, праздность и распутства. Так же точно живет и он, в своих огромных и роскошных замках, среди подчиненных ему вооруженных людей, пренебрегая всем остальным миром.

Благодаря своему образованию он целиком и полностью вписался в знатное общество и стал одним из заурядных его членов. Если у него и есть военные навыки, то лишь благодаря участию в насильственных набегах, но что касается военного искусства, то он владел им лишь в элементарной форме (в те времена военному искусству не обучали: единственной возможностью была жизнь среди тех, у кого имелся военный опыт). Поскольку Жиль был из богатой семьи, у него было два церковных наставника, по-видимому, учивших его свободно читать и писать, он знал латынь, на которой даже мог говорить, однако не существует свидетельств, что культурный уровень Жилия де Рэ действительно был высок. То обстоятельство, что после него осталось несколько рукописей, большую часть которых он, возможно, унаследовал, вовсе не означает, что он посвящал им много времени.

В общем, Жиль де Рэ затерян в массе феодалов своей эпохи. Однако в одном (в том, что относится к его архаическому характеру) он отличается от человека, взявшего на себя заботу о его образовании, от своего деда. Как уже было сказано, жизнь деда, Жана де Краона, нам известна лучше, чем жизнь других его родственников.

Мать Жилия, Мария де Краон, и отец, Ги де Лаваль, умерли молодыми один за другим в 1415 году. Ги де Лаваль опасается, что поскольку его собственных родителей уже нет, воспитанием детей будет заниматься дед по материнской линии, с которым у него, по-видимому, напряженные отношения, причем его определенно страшит аморальность деда. Он хочет предотвратить то, что в глубине души считает пагубным. Но его последняя воля, как бы точно он ее ни сформулировал, исполнена не была. Одиннадцать лет от роду Жиль переходит в руки деда, на которого он в некотором отношении похож, будучи, тем не менее, его противоположностью.

5 ДЕД ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ: ЖАН ДЕ КРАОН

Мы только что упомянули об аморальности Жана де Краона. В самом деле, этот грансеньор неразборчив в средствах, груб, корыстен, его поведение смахивает на бандитизм. Но он ни в коей мере не анахроничен, его недостатки не противоречат характеру той эпохи. Наоборот, в них проявляются ее черты. И неудивителен тот факт, что, будучи грансеньором, он имел воззрения и привычки банального грабителя. Более того, он был типичным представителем феодального общества в момент, когда буржуазный идеал управления интересами и использования благ приходит на смену заботе о традиционных ценностях, связанных с понятием рыцарской чести. Бандитизм Жана де Краона не имеет ничего общего с романтическим идеалом благородного разбойника.

Его состояние весьма значительно. За исключением семьи герцога, он самый богатый вассал в Анжу. Но им движет одно желание: приумножить свои богатства. Для этого он плетет интриги, вовлекающие его в большую политику той эпохи; он скуп, не пренебрегает ни одной возможностью поживиться. Обычно он живет в крепости, занимающей господствующее положение на Луаре, в Шантоссе; этот замок был важным опорным пунктом, ключом к соседней Бретани. Он взимает пошлины с лодочников; превышая свои полномочия, он использует насильственные методы – лодочники преследуют его в судебном порядке, и он осуждается парижским судом.

Мы не знаем, обладал ли он учтивостью и обходительностью своего отца, который был известнее его и считался одним из приближенных герцога Орлеанского (убитого по приказу Иоанна Бесстрашного). Возможно, это и так, но от отца он унаследовал, прежде всего, понимание политики и вкус к ней. Поговаривали, что никто так не пекся о своей славе, как его отец. Быть может, слава означает здесь в первую очередь щепетильность в соблюдении феодальных обычаев. Но если сын и походит на него, то лишь в той степени, в какой у коварнейшего из мошенников остается чувство меры. Внешняя респектабельность у Жана де Краона была, он обладал, если угодно, изяществом вора-карманника. Краон несет ответственность за Жилия, за его образование. Но ему нет до этого никакого дела. Внуку позволено творить на свой лад любые пакости, какие заблагорассудится. Если дед и вмешивается, то лишь затем, чтобы подать пример: он учит внука чувствовать себя выше закона.

Мы увидим: не в этом была суть противостояния между юношей и старцем!

Ниже (с. 71) мы приведем отчет о разбойном нападении, в которое дед вовлек шестнадцатилетнего Жилия.

Речь идет о вымогательстве, во время которого некую даму, родственницу, похищают, прячут, угрожают засунуть ее в мешок и, как кошку, утопить

в Луаре. Трех людей, заступившихся за нее, бросают в застенки, после чего один из них умирает. Поступки Жилья и его деда заставляют вспомнить о жестокостях нацистов...

6 ДЕД И ВНУК

Однако различие между внуком и дедом появляется быстро. Хитроумный дед умело преследует свои интересы. Внук порой пользуется расчетливостью деда, но сам расчетов никогда не делает. Если Жиль и поступает в согласии с принципом разума, который в действии всегда нацелен на конечный результат, то при этом обязательно нуждается в ком-то другом, кто руководит им и дает советы. Он никогда не был дальновидным человеком. Он готов поступать подло и жестоко, но не способен на рациональный расчет. Какая-либо рефлексия в его действиях возникала лишь благодаря вмешательству извне.

Жан де Краон не колеблется перед тем, как совершить преступление, но привлекает его в преступлении именно результат. У него нет иной заботы, кроме своих интересов. У Жилья все не так. После смерти деда он продолжает вершить беззакония, в которые вовлек его старый феодал. Он даже пойдет дальше, значительно дальше, но руководствуясь исключительно своей манией, своей одержимостью. Он действует лихорадочно. Похоронив Краона, он начинает убивать детей, вовлекаясь в кровавый водоворот. Иногда, превосходя требования своей страсти, он предается бессмысленному, скандальному насилию. Но ему никогда не удастся поставить свою аморальность приносить пользу. Беспощадно жестокий, он забывает о своих интересах, пренебрегает ими или вовсе не ведает о них.

Здесь противоположность деда и внука разительна. Она абсолютна. В конечном счете, дед, в соответствии со своими взглядами, пытается поселить в душе Жилья честолюбие. Алчный старик воображает, как этот пылкий юноша, не отступающий ни перед чем, становится одним из влиятельных мужей королевства, преумножая огромное состояние, которое тот собирается ему оставить. Дед станет советчиком внука, будет направлять его на путь истинный. Он прав: в тех условиях Жиль, благодаря своему неистовому мужеству, поднимается на самый верх. В 1429 году кажется, что его, славного двадцатипятилетнего маршала Франции, соратника Жанны д'Арк и освободителя Орлеана, ожидает незаурядная судьба. Но этот успех непрочен, он предвещает и начало полного краха, он знаменует собою незаурядную, блистательную гибель. То, что корыстный старик обратил бы на пользу себе, Жиль превращает в исступление, в распутство. В нем есть какое-то безумие и безудержность, которые резко контрастируют с бесчувственностью этого старого человека, с его хитроумными и коварными проделками. При жизни деда он пускается в невероятные рас-

траты, быстро истощившие состояние, одно из самых крупных в то время, когда богатство, которым ты обладаешь, значило больше, чем сейчас, поскольку разница между богатыми и бедными была значительнее. С самого начала Жиль расточителен настолько, что с ним не сравнятся ни величайшим грансеньяорам, ни королю. Будучи маршалом Франции, он получает значительное жалование, но должность для него – это, в первую очередь, повод для непомерных расходов, таковы его наклонности. Он стремится блистать, это ему необходимо: он не может воспротивиться, ощутив в себе способность вызывать восхищение, ему нужно ошеломлять всех вокруг невероятным великолепием. Славу, которой он обладал с самого начала, другие могли бы обратить на пользу своему кошельку. У него же она, напротив, доводится до полного краха, вовлекая его в непрерывный поток расточительства. Ему нужно ослеплять других, любой ценой, но прежде всех он ослепляет себя самого. Порыв, встречающийся не так уж редко, превращается у Жилия в болезненное неистовство. Жиль де Рэ – не только чудовищный преступник, он еще и безрассудный расточитель; расточительность эта подобна опьянению. Жан де Краон думал, что, став влиятельным человеком, внук сумеет остепениться; но почести, которые ему оказывают, только сильнее опьяняют его, призывая беззастенчиво отдаться во власть желания изумлять растратами, пышными и феерическими.

Конфликт между дедом и внуком не заставил себя ждать: в 1424 году двадцатилетний Жиль потребовал, чтобы ему предоставили право распоряжаться всем своим имуществом. Дед, не задумываясь, отказывает. В итоге их отношения становятся напряженными.

Однако Краон не может оказывать решительное сопротивление. Да и как мог этот суровый, пусть и равнодушный, старик настаивать на своем? В 1415 году, в битве при Азенкуре, он потерял единственного сына. Сперва Краон еще надеялся, что новая жена подарит ему наследника, но впоследствии был вынужден смириться с мыслью о том, что внук, с которым он не ладит, унаследует его огромное состояние.

Он нес ответственность за Жилия с тех пор, как умер его отец, в том же году умер и его собственный сын; Жилия он воспитал себе на погибель. Ведь Краон не только служил внуку дурным примером, но и опрометчиво предал ребенка праздности и бесчинствам.

Из заявлений самого Жилия на процессе нам известно, каким диким и жестоким было его отрочество после того, как ему исполнилось одиннадцать лет. По-видимому, два духовных лица, его первые воспитатели, покинули Жилия. Нам мало что известно о его отношениях с этими персонажами. Но двадцать лет спустя, в 1436 году, он повелит арестовать одного из них, Мишеля де Фонтене, бросить его в тюрьму (с. 99), а ведь мы знаем, чем в ту эпоху грозила тюрьма...

Когда он окончил обучение и оказался предоставлен самому себе, с ним начали происходить зловещие метаморфозы. «...Дурное воспитание, полученное им в детстве, разнузданность, стремление делать все, что нравится, и страсть к любым беззакониям...». Таковы формулировки самого Жилия, воспроизведенные секретарем суда.

Писец уточняет: «Он совершил множество неслыханных, ужасных преступлений..., большей частью в юности, цинично выступая против Бога и заповедей Его...»

По правде говоря, мораль не интересовала и Жана де Краона. В основании их разногласий, вне всякого сомнения, лежала скупость деда. Ей противостояла пылкость внука, которая с необходимостью должна была привести к крайнему обострению этих разногласий.

В конце концов, дед представляет заблудшего юнца при дворе. В 1425 году Жиль вместе с Краоном присутствуют при встрече в Сомюре, где Карл VII и герцог Бретонский, Иоанн V, заключают союз. Соглашение не сможет надолго разрешить трудности, возникшие в отношениях между Францией «Буржского короля» и Бретанью, тогда метавшейся между боязнью английского вторжения и желанием избежать французского владычества.

Однако в 1427 году представилась исключительная возможность. От своего сюзерена, Иоланды Арагонской, Жан де Краон получает право стать главным наместником герцогства Анжуйского. Иоланда Арагонская – теща Карла VII. Она хочет стать матерью настоящей королевы: вот почему интересы зятя ей так важны. Время от времени ей удается преодолеть инертность этого слабовольного человека. Двумя годами позже она окажет серьезную поддержку Жанне д'Арк при дворе. В 1427 году она предпринимает хоть и скромные, но все же разумные действия. В ее доменах вновь начинается война с Англией. Она договаривается с Краоном, самым могущественным из ее вассалов, который возьмет на себя руководство военными операциями. Но Краон стар, ему тогда было не менее шестидесяти лет. Он не может лично принимать участие в кампании. Королевские войска ведут в бой испытанные военачальники, а главой анжуйской армии назначен двадцатитрехлетний Жиль. Впрочем, он не один. Жан де Краон доверяет внука некому ментору, Гийому де Лажюмельеру, анжуйскому сеньору, фигурирующему в бумагах Жилия под именем монсеньора де Мартинье. Военные познания Жилия невелики, в отличие от де Лажюмельера, который, по-видимому, единственный из советников на жаловании у Жилия, кого можно считать заслуживающим уважения (остальные бесстыдно пользуются наивностью Рэ). В этих условиях Жан де Краон помогает Жилию распоряжаться его состоянием: с самого начала будущий маршал Франции нанимает невероятное количество шпионов и платит им колоссальное жалованье.

Удача сопутствует Жилью, и эта кампания, которая велась с осторожностью, оканчивается явным успехом. Войска Карла VII освобождают от англичан не одну крепость. Однако Жиль не просто выделяется богатством и знатностью. Скорее всего, он проявляет необычайное мужество и, идя на штурм, обнаруживает тот воинственный пыл, память о котором будет жить и после его смерти. Нет сомнений, что именно это заставило Жанну д'Арк, решившуюся форсировать ход событий под стенами Парижа, призвать его к себе. В то время Жанна д'Арк хотела, чтобы вместе с герцогом Алансоном при ней был и этот молодой человек, неистовый и жестокий, подлинный преступник. Заметим, что если бы в тот день стрела из арбалета не пронзила ее плечо, результат, которого ожидала Орлеанская Дева, мог быть достигнут. Очевидно, что Жиль – превосходный воин и полководец. Он из тех, кто в пылу битвы кидается в атаку. И если Жанна д'Арк в решающий момент хочет, чтобы он был рядом с ней, то лишь потому, что она знает об этом.

7 ЖОРЖ ДЕ ЛАТРЕМУЙ И ЖИЛЬ ДЕ РЭ

Но эта пылкость оказалась бы бесполезной, не будь она изначально элементом политических игр и интриг, на которые Жиль неспособен. Если бы дед не связал внука с Жоржем де Латремусем, их родственником, если бы Жиль не стал доверенным лицом этого интригана, – наш вертопрах никогда не занял бы в истории важное место, обретенное им с быстротою молнии.

По приезде Жанны д'Арк в Шинон Жиль де Рэ включается в интриги большой политики. Именно эти интриги, на которые он явно не обращает внимания, но которым служит, дают ему во время службы то, чего он не мог достичь сам: деловитость. В апреле 1429 года он присягает этому мощеннику, который, став фаворитом Карла VII, фактически является первым министром. Латремую нужен человек, волю которого он подчинил бы себе; он хотел бы иметь в своем распоряжении военного в роскошных доспехах, не задающего вопросов, чья величественность и, в определенный момент, стойкость – отвечали бы его интересам.

Латремуй, этот изворотливый человек, остановился на Жиле де Рэ по многим причинам. Во-первых, кровная связь (я уже указывал на родство с Краонами). Но, самое главное, Латремуй опасается, что кто-либо кроме него может оказывать влияние на короля. Сперва он, возможно, подумал о Жанне д'Арк. Однако женщина не способна играть сколько-нибудь важную роль в политике. Этого нельзя было сказать о воине, который благодаря своим победам мог получить доступ к королю. Вот почему выбор такого расчетливого, такого осторожного человека, как Латремуй, должен был остановиться на том, кто, обладая талантами военного, вряд ли проявил бы какие-то способности к политике.

Очевидно, Латремуй не колебался. Он с самого начала понял, кем был Жиль де Рэ; Краон, его дед, действовал без зазрения совести – и был пройдохой; Рэ, его внук, действовал не менее бессовестно, но как только речь заходила о хитрости, расчете, интригах, он быстро терял к этому интерес: такие проблемы были выше его разумения. Мы не знаем, какого мнения Латремуй был о Жиле, когда они только познакомились. Но в 1435 году интригана, уже попавшего в опалу, упрекают в том, что он злоупотребил доверчивостью маршала (у двух «друзей» были тогда совместные денежные дела).

Аббат Бурдо уточняет: тогда стало «ясно, что Латремуй злоупотреблял доверчивостью и безумной расточительностью своего кузена». Должно быть, Латремуй всегда принимал его за глупца: именно он доводит это ощущение до предела в поразительной форме. Упреки лишь забавляют его. Не колеблясь, Латремуй заявляет нечто невероятное: «Добром было бы, – уверяет Латремуй, – вдохновить его на дурные дела!»¹ Сегодня от таких слов захватывает дух, но как этот заурядный вельможа, этот пройдоха представлял себе противоположность глупости и доброты – злобы и разума? По всей видимости, о необузданной жестокости Рэ он узнал лишь гораздо позже.

Порочность Жили была беспредельна. Однако он не смог бы даже вообразить всю расчетливость и недобросовестность Латремуйа. Эта недобросовестность, эта расчетливость не вызывала у него отвращения. Но если бы никто не делал расчетов вместо него, сам он этим не занимался бы. Под покровительством Латремуйа он занимает свое место в окружении Карла VII. В решающем и очень деликатном деле, при освобождении Орлеана, он несомненно играет первостепенную роль рядом с Жанной д'Арк, уступив, разве что, лишь самой Орлеанской Деве. Аббат Бурдо показал, что на «особый характер» этой роли раньше «не обращали внимания»: в 1445 году, вновь, «когда шел процесс, призванный восстановить доброе имя Жанны, и давал показания Дюнуа, в ту эпоху, когда никто не стал бы хвастаться близким знакомством с маршалом..., он изображает Жили главой военных вождей, руководивших освобождением».² Однако роль военачальника сводилась тогда к личному авторитету грансеньора и стойкости воина. Пользуясь советами Лажюмельера, Жиль безусловно был способен держать речь на советах перед битвами. Но что самое важное, в битвах он способен вести своих людей вперед и наносить решающие удары.

Латремуй выдвинул его на ключевые позиции. Но за собой он оставил то, что относилось к расчетам, к политике. Если бы молодой барон Рэ умел интриговать, Латремуй не позволил бы ему стать маршалом.

1 Bourdeau A., Champtocé, Gilles de Rays et les Ducs de Bretagne, p. 78.

2 Op. cit. p. 67.

Не будь Латремуя, наш безрассудный вертопрах никогда не занял бы такого места в истории. Но не будь он тем ветреным глупцом, каким мы видим его сегодня, Латремуя никогда бы не воспользовался его услугами.

8 ГЛУПОСТЬ ЖИЛЯ ДЕ РЭ

Обычно не замечают, что в чудовищности Жюль де Рэ присутствует некая странность: маршал Франции – глупец!

Но личность Рэ завораживает нас. Гюисманс, впадая в другую крайность, видел в нем одного из самых образованных людей своего времени!

У Гюисманса не было на это никаких оснований, кроме разве что одного. Маршал де Рэ, как и он сам, обожал церковную музыку и пение. Вот на чем основывает он свои поверхностные выводы, которые ничего не доказывают.

Однако Гюисманс лишь последовательно выразил общее впечатление. Масштаб личности Рэ и в особенности его чудовищный облик в любом случае поражают. В его непринужденности проглядывает благородство, которое он сохранил, даже когда в слезах раскаивался. В явленности чудища присутствует суверенное величие. Оно уживается со смирением несчастного человека, который во всеуслышание заявляет об ужасах своих преступлений.¹

Это величие в некотором смысле совместимо с той глупостью, о которой я говорю. И действительно: различие между глупостью Жюль де Рэ и глупостью в ее обыденном понимании велико. В сущности речь идет о суверенном безразличии, с которым он платил двойную цену за то, что доставляло ему удовольствие... Такое безразличие, такая рассеянность были смешны. Но Жюль, конечно, не снисходил до того, чтобы обращать на это внимание.

Я уже показал, каким образом злоупотреблял доверчивостью Жюль соблазвивший его Прелати. Жюль так и не избавился от привязанности к нему, проявив ее даже в последний день своей жизни. Он долгое время доверял и Бриквиллю, который гнусно вымогал у него доверенность на право действовать от его лица (с. 91).

Самыми странными кажутся его отношения с Латремуем, – с тем, кто насмеялся над ним и кого Рэ, не желая того, ввел в заблуждение! С тем человеком, который хотел «вдохновить его на дурные дела».

В жизни Рэ почти не было ситуаций, в которых не проявлялось бы это крайнее равнодушие, некая рассеянность, сменявшаяся жестокостью. Чуждый осторожности, он был словно ввергнут во власть своих влечений, не подчиненных рефлексии: достаточно представить себе всю абсурдность случая в Сен-Этьене! В частности, этими ребяческими выходками изобилует

¹ Точно так же, не присутствует ли в суверенности, такой, какой видится она похожим друг на друга, заурядным людям, аналог преступления?

его поведение на суде. Вначале он оскорбляет судей, но затем внезапно, — нам непонятна причина такой перемены, — бросается в слезы, признает свою вину, подробно повествуя о своих постыдных деяниях.

Защищается он неумело, бросаясь из крайности в крайность, противореча самому себе.

Я настаиваю: перед нами ребенок.

Но этот ребенок обладал состоянием, казавшимся ему безграничным, и почти абсолютной властью.

В принципе, возможности у инфантильности невелики, но инфантильность Жилья де Рэ, дополненная таким богатством и такой властью, раскрыла перед ним трагические возможности.

В глубине души Жиль был ребенком, но в преступлениях сущность его не проявилась до конца.

Его ребяческая глупость, обогретенная кровью, обретает трагическое величие.

9 АРХАИЗМ И ИНФАНТИЛЬНОСТЬ

В случае с Жилем де Рэ речь более не идет о том, что мы обычно именуем инфантильностью. На самом деле мы говорим о *чудовищности*. Чудовищность эта по сути инфантильна. Однако перед нами ребенок, который обладает возможностями взрослого человека, и возможности эти скорее не инфантильные, а архаические. Если Жиль де Рэ ребенок, то он подобен дикарю. Он похож на каннибала; а еще точнее, на одного из своих германских предков, не скованных условиями цивилизации.

Эти юные воины, которые инициатически приобщались к божеству суверенности, отличались особой животной свирепостью: они не знали никаких правил, никаких границ. В своем экстагическом неистовстве они принимали себя за диких зверей — кровожадных медведей, волков. Гариин¹ у Тацита устрасали всех своими безумствами, используя черные щиты; желая поразить врагов, вселить в них ужас, они обмазывали свои тела сажей. Это «замогильное войско», дабы наводить страх, действовало «в кромешной тьме». Часто их называли *берсерками* («воинами в медвежьем обличье»). Подобно греческим кентаврам, индийским гандхарвам², римским луперкам³, в исступлении они превращались в животных. Хатты⁴, которых также описывает Тацит, предавались *scelera improbissima*⁵:

1 Одно из древнегерманских племен (*прим. пер.*).

2 Класс полубогов в мифологии индунзма (*прим. пер.*).

3 Луперк — древнеиталийское божество стад, отождествлявшееся с Паном Ликийским у греков (*прим. пер.*).

4 Древнегерманское племя, обитавшее в районе нынешнего Гессена (*прим. пер.*).

5 Бесстыднейшим преступлениям (*лат.*).

они грабили, избивали, пытали и мучили людей, истребляли их, и «ни огонь, ни сталь ничего не могли с ними поделаться». В ярости *берсерки* становились чудовищами. Аммиан Марцеллин, говоря о тайфалах¹, негодует, описывая их педерастические практики... После этого они напивались вдрызг, лишаясь остатков человеческого облика.²

В религии германцев не было ничего, что могло бы компенсировать эту жестокость и юношеские дебоши. В отличие от галлов и римлян, у них не было жрецов, ученость и невозмутимое спокойствие которых могли противостоять опьянению, свирепости и бесчинствам.

Надо полагать, что какие-то элементы этих варварских обычаев сохранились и в воспитании рыцарей: по крайней мере, в первые столетия Средневековья. Очевидно, что у истоков рыцарства стояло сообщество молодых посвященных из германских племен. Христианство повлияло на их воспитание позднее. Это влияние не прослеживается до тринадцатого века, в крайнем случае до двенадцатого, то есть за два или три столетия до Жюль де Рэ...

По-видимому, никаких точных сведений, ничего из того, о чем мы могли бы говорить с уверенностью, от упомянутых мною давних традиций не сохранилось. Но нельзя считать, будто от них ничего не осталось. Хмельная атмосфера насилия, непреодолимая склонность устрашать, должно быть, сохранялись еще долго. В целом архаические черты поведения по-прежнему преобладали над принципами рыцарства и чести; а эти черты в точности соответствуют особенностям жизни Жюль де Рэ.

В его жизни архаика сыграла еще большую роль, ведь он был наивен и столь же чужд разуму и расчетливости, сколь и мошенническим помыслам. На самом деле, на воспитание Жюль де Рэ повлияли лишь жестокость воина, которой, как и во времена германцев, сопутствовали невероятное мужество и неистовство дикого зверя, с одной стороны, и постоянные воздействия (обычно заканчивавшиеся, как мы видели, разворотом, например, гомосексуальными опытами) – с другой. В ту эпоху подростки, сызмала приобретающие дурные или жестокие наклонности, возможно, чувствовали поддержку традиции, даже если такое поведение было характерно лишь для узких групп. Впрочем, мне кажется, что некоторые из самых мерзостных их наклонностей могли развиваться и усугубляться в сообществе. Не могли наставить их на путь мудрости ни далекое прошлое, с которым была связана их жизнь, ни обязательная жестокая муштра, которой подвергались эти люди. Они всегда имели возможность безжалостно насиловать и крепостных слуг, и служанок своих родителей; вряд ли

¹ Еще одно варварское племя (*прим. пер.*).

² См.: Dumézil Georges. Les Dieux des Germains, Paris, 1939, in-16, passim.

христианство сумело заметно обуздать их склонности: они обращали на человеческую жизнь не больше внимания, чем на жизнь животного.

Лишь впоследствии принципы куртуазной любви привели к исчезновению грубости из мира военных. Как и христианство, куртуазная любовь в какой-то мере противостояла насилию. Парадокс средневековья состоял в том, что военные люди не должны были говорить на языке силы, на языке битвы. Часто их речь становилась слащавой. Но мы не должны впасть в заблуждение: добродушие французов прошлого – это циничная ложь. Даже любовь к поэзии, которую якобы испытывали благородные рыцари XIV и XV веков, была во всех смыслах фальшивой: прежде всего, грансеньоры любили войну, их поведение мало отличалось от поведения германских *берсерков*, мечтавших об ужасах и убийствах. Впрочем, знаменитое стихотворение Бертраида де Борна есть признание в их изуверских чувствах. Такие чувства могли идти рука об руку с куртуазностью, но эти стихи свидетельствуют о том, насколько притягательными остались резина и ужасы войны. Должно быть, Жиль де Рэ сильнее, чем кто-либо другой, испытывал подобное стремление к насилию, напоминающее о лютых *берсерках*. К тому же, он имел обыкновение напиваться, тем самым обостряя сексуальное возбуждение: как и варвары прошлого, он выходил за границы возможного, он жил суверенной жизнью.

Привилегией германских воинов было чувствовать себя выше закона и, исходя из этого, действовать со всей жестокостью. Я не говорю, что всем благородным юношам было свойственно одно и то же иступленное отношение к жизни, – тем более склонность к гомосексуальности не была в традиции военных, – однако независимо от того, смягчились ли нравы этих молодых людей, умело владевших мечом или бердышом, их поведение, видимо, во многом было отталкивающим: у меня нет сомнений, что нередко кто-то из них почитал за честь показаться гнуснее всех остальных. Возможно, они и не совсем утратили человеческий облик, но были близки к этому, тем более что их гомосексуальность, даже утратив ритуальный характер, безусловно, способствовала такому перерождению.

10 СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ: ВОЙНА

Я счел возможным отнести пороки Жюль де Рэ ко всем тем диким выходкам и возлияниям, что были освящены традицией. Кроме того, у нас имеются сведения, пусть и не очень отчетливые, поясняющие, как в действительности формировались его пороки.

Я уже упоминал о показаниях Жюль де Рэ, согласно которым он «с самых юных лет цинично» совершал «множество неслыханных, ужасных преступлений». Я также цитировал и продолжение речи Жюль де Рэ из материалов процесса: что в его преступлениях повинно «дурное воспитание,

полученное им в детстве, приведшее к разнузданности, стремлению делать все, что нравится, и страсти к любым беззакониям». Исходя из этого, сложно утверждать что-то с определенностью. Следуя смутным свидетельствам (например, историям, рассказанным по случаю: «Сын того-то сделал то-то, а другой сделал что-то еще»), можно предположить, что в то время обычаи, связанные с насилием, или по крайней мере, с распутством в раннем возрасте, не исчезли. Однако в показаниях Жилия следует выделить два аспекта.

Прежде всего, в детстве внук (видимо, поддавшись дурному влиянию деда) тайком и самым разнузданным образом творил всевозможные беззакония, которые сходили ему с рук. Мы уже говорили, что когда в сентябре 1415 года умер его отец (за несколько месяцев до этого ушла из жизни и мать), ему было одиннадцать лет. Как бы то ни было, дед всегда предоставлял ему полную свободу действий. Но тут речь пока идет о предосудительных поступках, наверняка – о сексуальных извращениях, быть может, садистских, – но не о преступлениях.

Преступления сами по себе, «неслыханные, ужасные преступления», он совершил, когда «был еще совсем молод».

Здесь ничего более определенного мы уже сказать не можем.

В документах процесса присутствует противоречие относительно даты начала детоубийств.

Согласно обвинительному акту, все началось около 1426 года, за четырнадцать лет до процесса: заклинания демонов и убийства детей. Однако согласно признаниям подсудимого, которые согласуются с первыми показаниями родителей жертв, первые убийства произошли только после смерти деда, то есть в 1432 году.

В 1426 году он был еще совсем молод: ему двадцать два. Тогда же начинается и ле-манская кампания. С 1424 года Жиль начал требовать от деда, чтобы тот дал ему возможность распоряжаться всем его состоянием. В 1426 году, отправляясь на войну, он, помимо безусловной личной власти, обретает еще большую свободу.

Мы смогли бы выйти из затруднения, предположив, что «неслыханные и ужасные преступления» в первые годы его юности – не то же самое, что и убийства детей. В убийствах, начиная с 1432 года, должна была возникнуть некоторая последовательность, некая «установка»: те же способы, тот же порядок, а все чаще – и те же сообщники. Когда он «был еще совсем молод», никаких «неслыханных преступлений» скорее всего не было, если не считать заклинаний демонов и, быть может, зверских, жестоких выходок, которые в то время, видимо, были связаны с войной.

Было бы странно, если бы этот сластолюбец, которому доставляло столько удовольствия проливать кровь, не воспользовался войной, начиная с самой первой кампании.

Нельзя терять из виду ни того, что мы со всей определенностью знаем о Жиле де Рэ, ни того, что известно о войнах XV века.

Всегда следует помнить, что тогда, в эпоху непрекращающихся войн, сцены убийств в городах и объятые огнем деревни были своего рода банальностью. Грабеж был единственным средством прокормить ненасытную солдатню. В любом случае, очевидно, что война возбуждала алчность...

Мне не удастся точнее описать эти *фундаментальные аспекты человеческой жизни*, кроме как вспомнив об испанском короле Филиппе II; его вырвало, когда он верхом на лошади проезжал через Сен-Кентен, где шел грабеж. Но Жиль, которого совершенно не воротило от этого, безусловно получал некое удовольствие, видя, как вспарывают животы несчастных жертв. Взирая на эти военные спектакли, наш педераст, видимо, получил возможность увязать сексуальное возбуждение с резней.

Говоря об этой резне и о том, сколь привычна она была, мы можем сослаться на труд архиепископа Реймского, Ювенала де Юрсена (его «Послания» 1439 и 1440 годов). Прелат настаивает: подобные преступления были не только делом вражьих рук, но и «кое-кого из тех, кто именовал себя королем»; перед тем, как запастись в деревне необходимой провизией, солдаты «хватали мужчин, женщин и маленьких детей, не разбирая ни пола, ни возраста, насилюя женщин и девочек; они убивали мужей и отцов в присутствии жен их и дочерей; они хватали кормилиц и оставляли грудных младенцев умирать, лишив их пропитания, они хватали беременных женщин, заковывали их в кандалы, и те разрешались от бремени прямо в кандалах, плод же их погибал некрещеным, затем они бросали женщин и детей в реку, хватали священников, иноков, церковных служек, работников, заковывали их различным способом и, истерзав таким образом, они их били, некоторые выживали, искалеченные, а кто-то лишился рассудка... Сажали... в темницу... в кандалы... оставляли... умирать с голоду в ямах, в мерзостных канавах, полных всякой нечисти. Многие умирали от этого. И одному Богу известно, каким мукам их подвергали! Одних поджаривали на огне; другим вырывали зубы, кого-то били тяжелыми палками и не отпускали до тех пор, пока они не отдавали столько денег, сколько и не было у них...».¹ Одного из капитанов Жили де Рэ еще в 1439 году должны были повесить за подобные преступления. Известно, что после 1427 года у Жили было, по-видимому, лишь несколько поводов поучаствовать самому в этих садистских вылазках; после первой кампании он сражался только дважды, сначала рядом с Жанной д'Арк, твердой противницей беззаконий; затем, в 1432 году, в Ланьи, где злодеяниям, вероятно, не было предела.

¹ Du Fresne de Beaucourt G., Histoire de Charles VII, tome 3, Paris, 1885, pp. 389–390.

Впрочем, нет никаких доказательств того, что Жиль принимал участие в настоящей резне. Нам известно лишь, что в Люде он настаивал на повешении пленников французского происхождения, сражавшихся на стороне англичан и считавшихся изменниками родины. Возможно, другие капитаны, которые больше пеклись о деньгах, предпочли бы получить за них выкуп. Жиль и сам по-своему ценил деньги, однако ему не захотелось публично признавать это.

В любом случае, трудно поверить, что «неслыханные и ужасные преступления» во время войны 1427 года, когда он «был еще молод», не имели никакого отношения к беззакониям, которые вершили войска, проходя через какую-либо местность. Мы еще столкнемся с этим: вид человеческой крови и развороченных тел восхищал его. Позднее Жилья, вероятно, интересовали только особые жертвы – дети. Но его необычные пристрастия должны были проявиться раньше, в более грубой и непристойной обстановке. Жиль не стал бы говорить о преступлении, не будь он сам его жестоким соучастником, убийцей, имевшим вкус к жестокости. Трудно сказать наверняка, но можно считать это правдоподобным и вполне вероятным. Он безусловно мог бы говорить о преступлениях, имея в виду заклинания демонов: они, очевидно, начались именно в то время. Но были ли убийства, начавшиеся в 1432 году, первыми? Мне кажется, что Жиль сумел перейти от простой жестокости по отношению детям к их убийствам, поскольку успел пристраститься к крови.

Говоря о том времени (и имея в виду, очевидно, свою юность), он утверждает, что «в стремлении к наслаждению и по собственной воле творил всевозможные злодеяния»; кроме того, он «устремился в помыслах и намерениях своих к нечестивым поступкам, кои сотворил». Повод получить удовольствие от резни был слишком хорош. Позднее это стало сравнительно небезопасным, но во время военных кампаний жестокость не встречала никаких помех.

II СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ: ДЕТОУБИЙСТВА

Исследование призрачной, необычайной жизни Рэ не исчерпывается описанием его сексуальных извращений; вместе с тем именно эта сторона его жизни наиболее известна. Мы узнаем о них как из показаний самого сира де Рэ, так и из свидетельств его прислуги. Материалы процесса изобилуют поразительными деталями. То, о чем мы обычно узнаем лишь крайне редко: вкусы, фантазии, капризы, пристрастия монстра – записывалось, причем обычно дважды, с кропотливостью, которая граничила с бесстыдством.

В 1432 году в каждой резиденции Рэ появилась комната, достойная жестоких фантазий де Сада, в которой удовольствие сливалось с судорогами

умирающих. Была такая комната кошмаров и в огромном замке Шантосе. Не там ли умер его дед? Быть может, он протянул бы подольше? Убийства начались в год его смерти. Жиль в окружении своих приятелей тотчас же предался вожделению. Все было устроено так, что если ему хотелось убить, он делал это сам. В других случаях он просил об этом Гийома де Сийе или Роже де Бриквиля, своих родственников и приспешников, выходцев из благородных семей, разоренных войной. Часто Жиль убивал сам в присутствии Сийе и Бриквиля, но в случае необходимости один из этих грубых наемников брался за дело. Все они жили на содержании хозяина, хозяин платил, но, главное, они исполняли его желания.

Вначале эта компания предавалась всевозможным излишества; они до отвала наедались изысканными кушаньями, напивались до беспамятства; притом сатрапы, скорее всего, никогда не оставляли Жилия в кровавом одиночестве.

После 1432 года замок Шантосе, по-видимому, был почти полностью предан забвению: его место очень быстро заняли дом Ла-Сюз в Нанте, замки Тиффош и Машкуль. Позднее сменились и участники празднеств; в тайны Жилия были посвящены новые люди. Вероятно, сначала это были певчие из капеллы – Андре Бюше из Ванна и Жан Россиньоль из Ла-Рошели, у которых были педерастичные ангельские голоса и которых Жиль сделал канониками в храме св. Илария в Пуатье¹. Были еще Ике де Бремон и Робен Ромюляр (или «малыш Робен»), который, по-видимому, умер в конце 1439 года. Наконец, двое слуг, откликавшихся на имена Пуату и Анрие, также добрались до этих кровавых покоев. Других певчих, помоложе, которых хозяин отложил про запас, использовали в те дни, когда не было новых жертв; их, принужденных молчать, вероятно, не посвящали в тайны... Эти развратные обиталища – Машкуль и Тиффош – внушали ужас... Они внушали ужас, даже когда там было многолюдно. Забудем о легкомыслии колдунов, заклинавших дьявола, и священников, отправлявших богослужения, – они все равно внушали ужас... Эти крепости напоминали дьявольский капкан. Их двери закрывались за детьми, имевшими неосторожность просить милостыню у портала. Большую часть детей, принесенных в жертву, заманили именно в эту ловушку. Столь чудовищное беззаконие подсказывало худшее. Иногда он выбирал жертву сам, порой просил об этом Сийе и других. Как только ребенка вводили в комнату Жилия, события развивались стремительно. Взяв в руку свой «мужской член», Жиль «гер», «возбуждал» его или «прижимал» к животу жертвы, а потом засовывал ей между бедер. Он терся «о нутро...

¹ Св. Иларий (ок. 315–367), выдающийся отец Церкви, был епископом Пиктавии (нынешний г. Пуатье во Франции) (*прим. пер.*).

детей..., он услаждал себя и распаялся так, что семя его окольными путями, не так, как должно, изливалось на животы детей оных». С каждым из детей Жиль достигал такого финала лишь один или два раза, после чего «он убивал... или приказывал убить их».

Но почти все оргии начинались с предварительных истязаний ребенка. Сперва устраивалось нечто вроде удушения: несчастных подводили к омерзительной конструкции. Жиль хотел «заглушить их крики», дабы они не были услышаны. «Порой он подвешивал их собственноручно, порой заставлял других подвешивать их за шею на веревках в покоях своих, на жердь или на крюк». С растянутой шеей им оставалось только хрипеть.

В этот момент можно было начать комедию. Жиль приказывал снять ребенка с крюков и опустить его вниз, затем ласкал и нежил его, уверяя, что не хотел ни «причинить ему зла», ни «поранить», что, напротив, он хотел с ним «развлечься». И если в конечном счете он все же заставлял ребенка замолчать, то потом овладевал жертвой, но надолго этим не удовлетворялся.

Получив жестокое удовольствие от жертвы, он убивал ее сам или руками своих слуг. Нередко Жиль переживал наивысшее наслаждение в момент смерти ребенка. Иногда он надрезал – или приказывал надрезать – вену на шее: когда начинала струиться кровь, Жиль испытывал оргазм. Иной раз ему хотелось, чтобы в решающий момент жертва изнемогала в ожидании смерти. Или же он приказывал обезглавить ее: тогда оргия продолжалась «до тех пор, пока тело еще оставалось теплым». Иногда, после того как ребенку отрубали голову, он садился на живот жертвы и наслаждался, глядя на то, как она умирает, он садился наискось, дабы лучше видеть последние содрогания.

Время от времени Рэ менял способы убийства. Вот что он сам говорит об этом: или Жиль, или его сообщники использовали «разные виды и способы пыток; иногда они отделяли голову от тела ножами, резаками и кинжалами, а иногда нещадно били детей по голове палками или другими тупыми предметами». Он уточняет, что к этим пыткам добавлялась казнь через повешение. На допросе слуга Пуату перечисляет способы убийства следующим образом: «Иногда отрубали или отрезали голову; иногда резали им горло или отрубали конечности, а иногда переламывали шею палками». Еще он говорит, что был «приготовленный для казни меч, который называют бракмаром¹» (с. 238).

Но наш путь к вершинам зла еще не окончен.

Вот что нам известно от слуги Анрие. Жиль в его присутствии хвалился тем, что получает «от убийства... детей, от наблюдения за тем, как им

¹ Короткий и широкий меч в XIV–XV вв. (прим. пер.).

отрубают головы и члены, как они слабеют, изнемогают и как льется их кровь, больше удовольствия, чем от плотской близости с ними» (с. 250). Так он провозгласил, задолго до маркиза де Сада, жизненный принцип погрязших во зле либертенов.

Известные нам сведения о поиске «самых красивых голов», сбивают с толку. Мы узнаем об этом от самого монстра: когда в конце дети уже лежали мертвыми, он обнимал их, «а у кого были самые красивые головы и члены, тех он отдавал на всеобщее обозрение, а затем приказывал безжалостно вскрыть тела их и наслаждался, глядя на их внутренние органы» (с. 207). Анриэ, который, в отличие от второго слуги, помнит самые мелкие подробности, не обходит вниманием и такие безумства.

Он утверждает, что Жиль «наслаждался», глядя на отрезанные головы, показывал их ему, свидетелю, и Этьену Коррийо..., «вопросая их, какая из указанных голов является красивейшей – отрубленная в тот самый момент или накануне, или та, что отрублена была позавчера, и он нередко целовал голову, что доставляло ему еще большее удовольствие и наслаждение» (с. 250). В глазах Жили человеческий род был всего лишь составной частью смутного вселенского сладострастия; все человечество было в его суверенном распоряжении, оно использовалось лишь для того, чтобы получить еще более изуверское удовольствие, а Жиль с каждым днем все больше погрязался в эти зверства.

Нет на свете более патетической сексуальной исповеди, ведь в своем стремлении вселять ужас она доходит до предела.

От таких слов нельзя не содрогнуться.

В показаниях Жили мы читаем: «И очень часто, когда дети умирали, он садился им на живот и наслаждался, наблюдая за тем, как это происходит, и смеялся над этим вместе с помянутыми Коррийо и Анриэ...» (с. 207).

Наконец, чтобы возбудить свои чувства до предела, сир де Рэ напиившись в доску и как сноп падал навзничь. Слуги убирали комнату, смывали кровь и пока хозяин спал сжигали труп в камине. Большие поленья и вязанки хвороста помогали быстро сжечь тело дотла. Они старательно уничтожали все предметы одежды, один за другим, опасаясь, по их словам, дурных запахов.

Весь ход праздника следовал заранее составленному распорядку: он не подчинялся порывам страсти. Предназначенное для того, чтобы потворствовать вожделению одного человека, оно проходило без угрызений совести: мальчиков и юношей от семи до двадцати лет убивали, как козлят.

Если перед нами и разыгрывалась трагедия, то не постоянно. Гораздо больше бросается в глаза равнодушие ее участников.

Они никогда не смогли бы постичь и пережить те чувства, которые в наши дни обрели столь непреложную значимость: ужас и безграничное

возмущение... Для своего времени Жиль де Рэ был весьма влиятельной фигурой, а жизнь малолетних нищих, которым он резал глотки, стоила ненамного больше жизни козлят.

Нам трудно оценить дистанцию, отделявшую тогда высокопоставленного человека, которого состояние и знатное происхождение вознесли на вершину славы, от мелкого, ничтожного насекомого.

Прошло больше века, и в Венгрии одна дама начала убивать служанок, не испытывая, подобно детоубийце Жилю, никаких затруднений. Эта дама, Эржбет Батори, была из королевского рода; ее начали преследовать лишь после того, как она поддалась искушению и принялась убивать дочерей мелких дворян. У Жилия де Рэ поводы для беспокойства тоже появились лишь после длительных колебаний властей. Этому предшествовали несколько абсурдных оплошностей, которые совершил Рэ; вероятно, всеобщий ропот разросся наконец до таких масштабов, когда уже нельзя было просто закрывать на все глаза. Без друзей, без поддержки Жиль не мог избавиться от окружающей его враждебности, все тяготило его. Но если бы он был искуснее и соблюдал меру в своих преступлениях, они не вызвали бы столь глубокого возмущения: в отсутствие иных причин все закрывали бы на них глаза.

12 ВЛИЯТЕЛЬНОСТЬ ЖИЛИЯ ДЕ РЭ

Нельзя забывать о том, что отличает фигуру Жилия в этой кровавой драме в первую очередь: он не какой-то обычный человек, перед нами знатная особа; этот воин, этот людоед, насилловавший и убивавший маленьких детей, прежде всего, относится к привилегированному сословию. Однако привилегией было не только богатство Рэ. Уже само существование Жилия выделяет его из множества других людей, поражая наше воображение, излучая свет. Оно само по себе блистательно, хотя бы в силу самого факта его рождения; столь же блистательны роскошь и война.

Выдающаяся личность Рэ сама по себе есть власть, которая довлеет, соблазняет. Разумеется, нет ничего соблазнительного в том, что детям резали глотки. Но *благородство* Рэ не есть благородство в смягченном и выхолощенном смысле. Рэ благороден, подобно германским воинам. Его благородство сродни жестокости, которая не останавливается ни перед чем и служит предметом всеобщего преклонения; как и у *берсерков*, подобная жестокость помещает вдохновенного ею по ту сторону мира. Благородство Рэ обнажает в нем монстра.

Порой благородное происхождение Жилия неотделимо от темной стороны его личности; его орудием становится притягательная сила ночи и ночных кошмаров. Вспомним о германских гариях и о том, как они покрывали себя сажей, чтобы приблизиться к ужасам ночи. В жестокости

присутствует двойной смысл соблазнения и устрашения. Благородный воин, грансенбор, тот, кто восхищает, – в то же время вселяет в души страх.

При этом Жиль де Рэ трепетал перед дьяволом. Однако дьявол завораживал его, ведь на самом деле Рэ пытался заключить союз с тем, кто вселял в него ужас. Сущность сверхъестественного мира, мира Бога или дьявола, состояла в благородстве или, если угодно, в суверенности, и этим потусторонний мир был близок Жилю. Существование Бога или дьявола имело лишь один смысл: тот, что благородный человек почитает за цель всего благородного мира, светлое или темное обаяние, которое в реальности напоминает прекраснейшие полотна, обольстительные и чарующие. Полотна эти могут изображать кровавые битвы или мучеников (сексуальные темы непременно заглушевывались...). Но в любом случае ужас тесно связан с прелестью колдовских чар.

У сира де Рэ есть преимущество, по крайней мере, в этом плане. Он руководствовался тем внутренним импульсом (в его чистой форме), который состоит в стремлении подчинить деятельность людей обаянию избранных, их изысканным играм. Люди в их совокупности производят блага всех видов. Но в обществе XV века эти блага предназначены для привилегированного сословия, для тех, кто может вести разрушительные войны между собой, но подчиняет себе массы. Массам необходимо трудиться, чтобы избранные могли играть, даже если избранные, играя, истребят друг друга. Блага, в которых большинство видит лишь труд, для избранных есть не что иное, как игра. Они не замечают труда, воплощенного в благах как в продуктах этого труда, ибо благородный, избранный не трудится и не должен трудиться никогда.

Об этом часто забывают, однако самый принцип благородства, составляющий сущность его, есть отказ претерпевать унижение и бесчестье, которые оказываются неизбежным результатом труда!

Для общества прошлого труд постыден с фундаментальной точки зрения. Он – дело раба, крепостного, того, кто вместе с возможностью распорядиться самим собой потерял и честь; свободный же человек смог бы работать, лишь впад в ничтожество.

Это связано с тем, что сам труд не содержит в себе никакого особого интереса, он – подчиненная, служебная деятельность, направленная на нечто, лежащее вне ее самой. Тот, кто хочет избежать этой подчиненной жизни, в сущности не может работать. Ему нужно играть. Ему, как ребенку, необходимо спокойно развлекаться; ведь освободившись от своих занятий, ребенок развлекается. Но взрослый не может, подобно ребенку, развлекаться, если он не занимает привилегированного положения. Те, у кого нет привилегий, вынуждены опускаться до труда. Напротив, избранным следует воевать. Подобно тому, как неизбранный вынужден трудиться, избранный должен воевать.

Война сама по себе обладает привилегией: она и есть игра. Она не похожа на иные виды деятельности, смысл которых состоит лишь в расчете на результат. Конечно, верно и то, что войну можно рассматривать с точки зрения пользы: если город или страна подвергаются нападению, их следует защищать. Но в отсутствие воинственных стран или городов, которые без всякой необходимости тревожат своих соседей, люди могли бы избежать распри. Изначально война представляет собой результат деятельного беспокойства, даже если в действительности она зачастую становится неизбежным следствием обнищания какой-нибудь местности, жители которой должны искать себе пропитание, чтобы выжить.

Чаще всего зачинщики войн вели их неистово и необузданно. Вот почему долгое время война могла казаться игрой. Страшной, но все же игрой.

В эпоху Жилья де Рэ война была все еще господской игрой. Разоряя население, эта игра превозносила и вдохновляла избранных. Для них она была наделена *наивысшим* смыслом, которым для бедняков не мог обладать *труд*. Интерес труда подчинен его результату; интерес войны заложен лишь в самой войне, восхитительной и наводящей ужас. Тем, кто подобен Жилью де Рэ, кто живет в ожидании страшных войн, несущих с собой смерть, крики ужаса и страдания, неведомо, откуда возникает у них это жестокое возбуждение. Нынешним поколениям почти ничего не известно об этом древнем вдохновении, которое, хотя и было основано на смерти, составляло ключевой смысл и цель войны. Вот почему теперь нас можно забросить в мир, где мы ощущаем свое бессилие. Не оказываемся ли мы слепы в тот момент, когда безумная истина прошлого ускользает от нас?

Что еще нам остается сделать, кроме как уклониться, ускользнуть от столь нелепого вопроса?

Но мы должны продолжать наше парадоксальное исследование, посвященное тем проблемам, которые перед Жилем де Рэ ставили жизнь и действительность его эпохи...

13 ТРАГЕДИЯ БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ

Жиль де Рэ жил в привилегированном мире военных, но нам не следует забывать и о том, что ситуация тогда менялась. В глазах Жилья война — это действительно игра. Но такое видение мира перестает разделяться большинством привилегированного сословия и оттого все менее и менее соответствует реальному положению дел. Война все чаще делается всеобщей бедой; в то же время она есть *труд* для множества людей. Обстановка ухудшается, становясь более сложной, беда добирается даже до избранных, которые все менее жаждут войны и игры, которые видят наконец, что пришла пора сложить оружие и подчиниться требованиям разума. В то же самое время в военном деле возникли технические и финансовые новшества, отныне армия оснащалась так, что храбрость отдельных людей и их

отчаянное неистовство утрачивали смысл. Тяжелая кавалерия, которая по сути дела и превращала войну в роскошную игру, ко времени Жилья де Рэ отчасти уступает свои позиции в пользу пехоты и лучников, пик и стрел. Грабительские набеги вооруженных отрядов равным образом вытесняют пышные поединки всадников на покрытых попонами лошадях; отсюда следует необходимость замены недисциплинированных наемников регулярной и иерархизированной армией. Лишь иерархия и дисциплина могли сохранить тот вес, которым обладало во время войны привилегированное сословие.

Однако на самом деле какие-то элементы игры, той игры, которой является война по сути своей, оставались. Строго говоря, что-то от нее осталось и по сей день. Но дисциплина, жесткие директивы и рациональное управление придали войне тот глубоко рассудочный характер, который заставил забыть о затянувшемся противостоянии игры и разума, а затем, по ходу дела, – и о том, что война начинает отделяться от неистовства и беспощадности отдельного человека (которые были ее истиной, ее глубиной сутью), дабы превознести холодный разум.

События развивались медленно: не было резкого перехода к тому колоссальному натиску современной армии, который с течением времени подавил беспощадную игру насилия, преобразовавшую войну. Но со смертью Жанны д'Арк Жиль де Рэ, пожизненный маршал Франции, уже не чувствовал себя на своем месте в армии, которая неизбежно должна была стать регулярной. С той поры, как в 1434 году коннетабль Ришмон одержал верх над Латремуем, возник зародыш королевской администрации, ставший в 1439 году Генеральными Штатами Орлеана.

В 1434 году Жиль де Рэ все еще обладал титулом маршала Франции. Но после опалы Латремуя он уже не имел никакого авторитета. Жиль был «галантным рыцарем шпаги», умел брать штурмом крепости, выстраивать в ряд великолепных лошадей и превосходных рыцарей. Он умел пить, и похождения его, похоже, отличались невероятной разнузданностью. Но прежде всего он любил битвы и рядом с Жанной д'Арк покрыл свое имя славой в Турели, в Пате и даже после смерти этой великой героини, в 1432 году в Ланьи.

Поскольку возникало организованное управление армией и ни один интриган не мог уже обеспечить Жилю благосклонность короля, его военная доблесть внезапно лишилась смысла. Он становится неадекватным, и с тех пор существование Жилья, его состояние духа и его действия не соответствуют больше новым потребностям.

Начиная с 1432 года, с того дня, когда Жиль де Рэ целиком предался своему наваждению и начал резать детей, он – всего лишь жалкое недоразумение. Все спутывается, становится беспорядочным. В августе 1432 го-

да в Ланьи он все еще славный военачальник. Его дед умирает в ноябре. Исчезновение этой грубой силы должно было освободить его, принести ему облегчение и вместе с тем растлить окончательно. По-видимому, он плохо переносил слишком всеобъемлющую, внезапно обретенную свободу, богатство, ставшее головокружительным. Следующим летом попадает в опалу Латремуй. Трудно представить себе, чтобы Рэ легко это перенес. Я говорил о его ребяческой глупости... Но то, что я сказал об игре, в которую он играл, позволяет увидеть, что он ею жил и что игра для него не отличалась от жизни. Эта потеря должна была стать для него еще болезненнее, поскольку незадолго до нее он предался ужасным, отвратительным порокам...

Я говорил о его инфантильности. В конечном счете, именно в этих инфантильных повадках – самым безумным, невероятным образом, – он сумел воплотить тот феодальный дух, который во всех своих проявлениях был преемником игрищ *берсерков*; он был привязан к войне, и связь эта выдавала его вкус к беспощадной похоти. Он не находил себе иного места в мире, кроме того, что давала ему война. Только общество, погрязшее в феодальной войне, могло воздать по заслугам тому избранному, которому ничего не оставалось, кроме как до предела исчерпать последние остатки своей избранности. Не только тщеславие его было уязвлено, но и пристрастия повредила настигшая его немилость. Изнуренный феодальный мир забраквал его. Казалось, что он еще богат, но на его имущество с самого начала было наложено заклятье. Одно отличало его от этих несчастных сеньоров, готовых довольствоваться тем, что у них осталось. Никогда, даже под угрозой смерти, этот благородный избранник не способен был принять жизнь, которая больше не очаровывала бы его.

В трагедии Жилия де Рэ с самого начала различимы подавление и удушье. Речь здесь не идет о том, чтобы восхищаться этим несчастным или сострадать ему. Но трагедия произошла тогда, когда условия, от которых зависела жизнь привилегированного сословия, исчезли. Исчезло то, чем жил феодальный мир. Удушье, о котором я говорю, становится невыносимым. В то же время в замках появился запах смерти. В башнях Шантосе и Машкуля высыхали или разлагались трупы (с. 100–103). Эти замки представляли собой огромные сооружения из камня, внутри которых, вероятно, находились недоступные или почти недоступные тайники, идеально подходившие под склепы. Крепости были зримыми символами – или алтарями – старинных феодальных войн, богами которых все еще оставались наши сеньоры. Эти войны требовали опьянения, сумасшествия, неуступленности от тех, кто посвятил им себя с рождения. Война бросала их на приступ, а порою душила мрачными, неотвязными мыслями. Игра, олицетворенная этими замками, должна была быть сыграна до конца:

обладателям и обитателям крепостей нелегко было отделаться от своего имущества. Они смогли бы это сделать, если бы сумели отвергнуть дух, воплотившийся в крепостных стенах. Тот, кто, подобно Краону, удачно действовал в собственных интересах, распоряжаясь своим состоянием при помощи расчета и буржуазной алчности, мог, если бы пожелал, выйти из игры. Но тот, над кем властвует интерес, уже преступил черту: он вовлечен в некий труд, он порабощен. Напротив, Жиль де Рэ со всей страстью шел наперекор событиям, упрявился, упорствовал до конца.

Падение Жилия де Рэ отличалось похоронным великолепием.

Его преследует неотвязная мысль о смерти; мало-помалу этот человек погружается в загробное одиночество, погрязнув в злодеяниях, наедине со своей гомосексуальностью; посреди этой глубокой тишины его преследуют лица мертвых детей, которых он оскверняет омерзительным поцелуем.

Посреди таких декораций – замков и могил – падение Жилия де Рэ обретает черты театрализованной галлюцинации.

Мы не можем судить о душевном состоянии этого монстра.

Но именно эту комнату, где на него пристально смотрели отрезанные детские головы, он однажды утром вдруг решил покинуть и пойти по деревенским улицам – улицам Машкуля и Тиффожа.

Можно ли придумать для долгой, невыносимо долгой галлюцинации более тяжкую истину?

Фигура Жилия де Рэ связана с этим трагическим видением. Оно имеет отношение к окончательной его опале после падения Латремюа.

Оно соотносено с этой опалой так, что наряду с личной трагедией Рэ обнаруживается трагедия мира, к которому принадлежал этот кровавый монстр и который пронизан, от *берсерков* до Шарлюса¹, жестокой ребяческой глупостью. В конечном счете феодальный мир невозможно отделить от чрезмерности, которая есть принцип всех войн. Но королевская политика, политика интеллекта лишает его этих черт. Интеллект, или расчет, чужды благородству. Вести расчеты и даже размышлять неблагородно, и ни один философ не сможет воплотить в себе сущность благородства. Эти истины, высказанные по поводу Жилия де Рэ, обладают как раз тем преимуществом, что относятся к порочному истоку его жизни. Трагедия с неизбежностью порочна, и чем она порочнее, тем подлинней.

Добавим сюда принцип, который, будучи презираем, не становится от того менее весомым: без благородства, без существенного для благородства отказа от расчетов и рефлексии не было бы трагедии, остались бы лишь рефлексия и расчет.

1 Барон де Шарлюс – персонаж М. Пруста, тщеславный, одинокий и порочный человек (*прим. пер.*).

Наконец я могу сказать, что *трагедия Жюль де Рэ*, осмысленная как трагедия посредством тяжеловесных размышлений, рефлексии, в которой постигается мир, от рефлексии отказавшийся (и даже сделавший этот отказ исходным пунктом для себя), что это трагедия феодализма, трагедия благородного сословия.

Но что означает такое утверждение?

Что не будь Жюль глубоко проникнут глупостью, руководившей этим резким отказом и упорядочивавшей его, не было бы и трагедии.

Мы не отдаляемся от Жюль де Рэ. Наши размышления лишились бы смысла, если бы мы отвлеклись от этого персонажа и обагрившей его крови. Но если правда, что лишь воплощенный в нем феодальный дух делал его фигуру трагической, то в этой трагической игре, бесспорно обладая неоспоримым, *наивным* могуществом овладевать жестокостью жизни, феодальный дух не отличается от той *суверенности*, которая лежит в основе не только греческих трагедий, но и Трагедии личной. *Трагедия есть бессилие Разума.*

Это не означает, что законы Трагедии противостоят Разуму. В самом деле, то, что противоположно Разуму, не может подчиняться никаким законам. Разве можно противопоставить *закон* и Разум? Но человеческая Жестокость, бросающая вызов Разуму, трагична и должна быть по возможности подавлена; по крайней мере, ее нельзя игнорировать, ею нельзя пренебречь. В случае Жюль де Рэ я должен сказать, что именно это отличает его от тех, чьи преступления были личными. Преступления Жюль де Рэ суть преступления того мира, в котором он их совершил, конвульсии этого мира, обнажающие перерезанные шеи. Мира, призвавшего безжалостные различия, в силу которых детские шеи остались беззащитными. Он дал полную – или почти полную – свободу трагическим играм – играм иступленного человека, находящегося на вершине суверенного могущества! Верно и то, что в мире этом уже возникло потаенное движение, которое сотрет эти отличия, понемногу сотрет их... То постепенное движение, которое, в свою очередь, тоже внезапно окажется трагическим, ибо будет порождено своей противоположностью – насилием...

14 ТЕАТРАЛЬНЫЕ РУИНЫ ОРЛЕАНА

Я показал, что эта трагедия касалась всего благородного сословия, представители которого обретали трагический, а временами, если угодно, даже трагикомичный облик. Трагедия Жюль де Рэ разыгрывалась и после его опалы, с 1433 по 1440 годы. Как только он оставил военное дело, жизнь его, полная преступлений и тщетных усилий, пошла под откос.

Последнее появление маршала на поле боя, хотел он того или нет, выглядело бесполезным и пустым парадом (с. 87). В тот день армия французского

короля под предводительством коннетабля де Ришмона померялась силами с англичанами. Но ни французы, ни англичане не вступили в бой. Проявив свою военную мощь, противники отступили на прежние позиции без битвы. Тем не менее, именно в тот день Жиль обратил всеобщее внимание на своих великолепных, превосходно оснащенных оруженосцев! Возможно, это было случайностью, но отныне люди, которых он раньше вел в кровавый бой, должны были подчиняться ему лишь на параде (за исключением мелких стычек). Он всегда любил выстраивать людей в боевом порядке, подобно тому, как наши современники любят выстраивать лошадей. В результате расходы его оказывались непомерными. Вот почему, чтобы расплачиваться по счетам, Жилю приходилось продавать свои земли. В эпоху Жанны д'Арк такие затраты были оправданны. Его расходы были огромны, но все равно казались ничтожными на фоне несметных богатств. После смерти деда состояние Жили возросло. Однако продолжалось это недолго. Поскольку Латремуй был в опале, маршальский титул Рэ ничего более не значил, и события развивались совершенно не так, как следовало ожидать по логике вещей. Его состояние не просто не приумножилось – оно стало таять. Растраты его, которые прежде были необходимы, теперь оказались данью тщеславию! По-видимому, образ жизни номинального маршала был гораздо обременительнее, чем у какого-нибудь капитана, участвующего в сражениях. При помощи этой напускной роскоши он словно должен был компенсировать утраченный престиж.

Безумным растратам Рэ посвящены многочисленные документы, но они не дают точных сведений: мы не можем ни прояснить для себя, что же, в конечном счете, его разорило, ни понять, до какой степени он был разорен. Мы видим то, что произошло, но от нас сокрыты масштаб и причины этих событий.

Можно лишь утверждать, что по мере того, как расходы увеличивались, разорение неотвязно преследовало Жиля, став частью его трагической жизни. Растраты Жили де Рэ не имеют отношения к мотовству или расточительности, они связаны с игрой *чрезмерности*, которая есть принцип первобытного человечества. По сравнению с войной эта игра, вообще говоря, вторична, однако она обладает глубинной реальностью для человека, все действия которого пронизаны архаикой. Жестокий человек, которого лишили военной игры, стремился отыгаться. Видимо, показные растраты послужили компенсацией. Но если бы эта игра не угрожала Жилю разорением, могла ли она по-настоящему привлечь его?

Когда Жиль де Рэ стал никем, он мог лишь играть, играть беспрестанно. На что же еще был способен этот феодал в таком мире?

Привилегии феодала обладают единственным смыслом: они освобождают его от труда и позволяют посвятить себя игре. Но лишь война ока-

зывается той игрой, в которой избранный обретает всю свою значимость. Разве может «показная растрата» пробудить пылкий восторг, сравнимый с тем, что дарует война? Игра безумных растрат больше не интересовала феодалов, равных Рэ. Она казалась им смешной. Она принадлежала миру, находившемуся на грани исчезновения. Лицом к лицу сошлись в этой игре города, соревнуясь в высоте своих соборов. Но в XV веке общество подверглось глубоким преобразованиям, и реальность уже стала важнее видимости.

Такой человек, как Жиль де Рэ, лишь в одиночку мог олицетворять жизнь первобытного мира, которая благородному сословию XII века была еще очень близка. По случаю «дворцового выезда» в Лимузене рыцарь XII века усыпал серебром вспаханную землю; другой, дабы ответить на этот вызов, приказывал готовить еду на своей кухне при помощи восковых свечей; третий «из бахвальства» сжег живьем всех своих лошадей. Сегодня мы знаем, что означает это *бахвальство*, столь тесно связанное с необъяснимыми растратами сира де Рэ.

В обществах, непохожих на наше, – а ведь мы заняты накоплением богатств, рассчитывая на их постоянный прирост, – напротив, преобладал принцип расточительства, утраты богатств, их дарения или уничтожения. У накопленного богатства такой же смысл, как и у *труда*; а растроченные или уничтоженные во время *потлачей* блага обретают для племени тот же смысл, что и *игра*. Накопленные богатства ценны лишь во вторую очередь, а растроченные или уничтоженные, – в глазах тех, кто их расточает или уничтожает, – обладают *суверенной* ценностью: они не служат ничему другому, – лишь самому этому расточению или разрушению, которое завораживает. Их смысл осеязаем *здесь и сейчас*: их растрата или дарение суть последние основания их бытия. Смысл этого бытия внезапно могут перестать откладывать на потом, могут сделать *мгновенным, мимолетным*. Но именно *в это мгновение* блага и потребляются. Причем потребление может отличаться великолепием и пышностью; те, кто умеют его ценить, восхищены, но потом не остается ничего.

Вот каков смысл разбросанных и растерянных денег, свечей для стряпни и ревуших лошадей, охваченных пламенем.

Таков и смысл безумных растрат Рэ, которые увеличивались с тех пор, как он вынужден был отказаться от военной службы.

Весной 1434 года, после битвы при Сийе, он еще не отказывается от нее окончательно, сохраняя отношения с Латремуем. Старый фаворит, которого отлучили от двора, пытается на стороне восстановить утраченную политическую активность: он обращает себе на пользу затяжную вражду между своим другом, герцогом Бурбоном, и герцогом Бургундским; Латремуи хочет отправиться на подмогу Бурбону, чей город, Гранси, осажден

бургундцами на их территории. Он явно считает, что Карл VII будет ему за это признателен и предлагает Рэ, собрав войска, оказать помощь Гранси. Рэ, по-видимому, с готовностью принимает предложение.

Нам неизвестно, что в точности произошло, но их затея провалилась. Возможно, в этом деле кто-то вставлял палки в колеса...

Действительно, Жиль добился того, что Карл VII официально поручил ему освободить Гранси, но известно, что в тот день, когда этот город сдался бургундцам, Рэ был в Пуатье... Он заблаговременно попросил своего брата Рене взять на себя руководство войсками, которые с легкостью собрал в Бретани.

Однако маршал хоть и остался не у дел, но еще не вышел из игры.

Он отправляется в Орлеан, намереваясь жить там в свое удовольствие, в роскоши, но Латремуй снова вовлекает его в дело. И тогда Жиль соглашается следовать за ним в Бурбонне. В тот момент речь идет о помощи герцогу Бурбону, которая, правда, оказывается бесполезной.

Эти двое упорствуют вместе. В начале следующего года они пытаются напасть на Иоанна Люксембургского. После Неверского мира, который заключили друг с другом герцог Бургундии и король (в феврале 1435 года), Иоанн Люксембургский продолжал воевать с французами.

Но у Латремуйа и Рэ мало денег. Более того, у них по этому поводу возникают разногласия, ведь Рэ твердо намерен вести королевский образ жизни, великолепие которой поражало бы воображение.

Он колеблется. Пребывая в расстройстве и смятении, он не отчаялся, но Латремуй сбил его с толку, Жиль чувствует это: ему поручают малозначительные дела; он лишен кредитов, лишен королевских денег. Он решил дать волю своим чувствам. С того времени Рэ, подобно католическому кардиналу, погружается в изнеженность и роскошь.

Окруженный юными певчими, он приказывает, чтобы его нарекли каноником церкви св. Илария в Пуатье. (До той поры такой титул носили лишь герцоги Аквитанские.) По сему случаю он должен был облачиться в пышный костюм, наполовину церковный, наполовину рыцарский. Отныне он путешествует с церковной свитой, «коллекцией», резиденция которой находилась в капелле Невинных младенцев, расположенной внутри замка Машкуль. В этой капелле были свои каноники и даже один мнимый епископ; в ней были певчие, хор, похожий на соборный; более пятидесяти человек, облаченных в пишию украшенные, как при литургии, одежды, и столько же лошадей. К церковной свите присоединялась военная: две сотни всадников, а перед ними – военный герольд с трубами. Мы еще ничего не сказали о прорицателях, алхимиках, оружейниках, осветителях, о тех, кто должен был нести орган во время этих странствий... Человек, замурованный в склепе преступного одиночества, не мог обойтись

без толпы, напоминавшей королевскую свиту. Из нотариальных документов Орлеана, города, в котором он провел более года, нам известно, что представляла собою эта толпа. Та же толпа немногим ранее, должно быть, сопровождала его в Пуатье. Заметим, что эти бредовые события в Пуатье имели скандальный оттенок. Жила сопровождали двое очаровавших его юных певчих; позже он превратит их в преступников. Один из них – это Андре Бюше из Ванна, по крайней мере дважды приводивший к нему жертв. Другой, Жан Россиньоль из Ла-Рошели, которого Рэ одарил землей в Машкуле, принял участие в переносе детских скелетов из Шантосе (сс. 104–105). В тот день, в храме св. Илария, он учреждает в пользу своих любимцев две пребанды¹. Жиль, похоже, стремился к скрытому эксгибиционизму, обретавшему для него тот же смысл, что и злодеяния; видимо, он исступленно, страстно любил ангельские голоса этих развратных эфэбов, которых вовлекал в свои оргии.

Мы можем представить себе, что за адский образ жизни вел маршал де Рэ (во время своего путешествия в Пуатье и затем, – в конце года и в течение следующего – во время длительного пребывания в Орлеане) с того дня, когда от его маршальского статуса остался лишь титул (который он сохранил, хотя в те времена этого звания можно было лишиться). По-видимому, Орлеан обошелся Рэ в 80000 экю золотом; причем, что важно, он тратил не доходы, а свое состояние. (В 1437 году он выручил лишь 100000 экю, продав Ингранд и Шантосе, два самых главных имения, на которые особенно претендовал Иоанн V Бретонский.) По возвращении его финансы были в столь плачевном состоянии, что ему пришлось на время укрыться в своих имениях в Бретани.

Тогда он обосновывается в краю Рэ, в крепости Машкуль.

Он не высаживал землю серебром, не предавал пламени своих лошадей, но обстоятельства его расточительных трат рождали все то же ощущение тщеславной игры, «бахвальства» и безумия, напоминавшее о лимузенском сумасбродстве...

Именно тогда его покинул Гийом де Лажюмельер, анжуйский вельможа, которому его доверил Жан де Краон.

Во всех кампаниях Лажюмельер помогал ему советами. Он все еще был с ним, когда в конце 1434 года Рэ в сопровождении своей военной свиты прибыл в Орлеан.

Оголтелые растраты в Орлеане, эти вспышки безумия, знаменуют решительный отказ от войны, который был лишь апелляцией к невозможному, а не выходом из тупика. Эксцентричные орлеанские выходы были не просто уподоблением происходившему в Лимузене, – нет, они вели

¹ Доход от церковного имущества (*прим. пер.*).

к трагической развязке. Орлеан, в 1429 году восславивший Рэ, спустя шесть лет провозглашает его падение.

Рэ оставался там и после того, как ясно осознал, что счастливые мгновения, пережитые в этом городе, навсегда ушли в прошлое: он был по-настоящему привязан к Орлеану.

Купаясь в роскоши, он хочет продлить счастливое время, когда в битность свою юным маршалом Франции, сподвижником Жанны д'Арк, он яростно истреблял англичан и принес своей стране победу, на которую она и не надеялась. Это событие он воспринимал совершенно иначе, не так, как другие. Очевидно, личность Жанны д'Арк была непонятна Жилью де Рэ. Мог ли он интересоваться судьбой народа? Впоследствии о нем говорили совсем иначе. Рэ интересовался лишь самим собой. В крайнем случае, он мог из своих инфантильных соображений разделить с кем-то высокие чувства, которые сам был неспособен постичь... Но 8 мая 1435 года Орлеан, как обычно, праздновал свое освобождение; Жилью нужно было хотя бы отчасти вернуть себе безумную популярность, подобную той, которой с первых дней обладала в Орлеане Жанна д'Арк. Прошло четыре года, несчастная Жанна погибла, она погибла в огне, а Жиль, ее соратник, выжил, и в этих событиях сыграл, быть может, главную роль после нее. Ему вновь представилась возможность пережить тот день посреди ликующей толпы; но на этот раз он был один, и освобождение Орлеана, Турельская битва, стали его личным триумфом.

По-видимому, празднование освобождения Орлеана длилось несколько дней. По таком случаю Жиль не жалел золота. Он разбрасывался деньгами, словно во хмелю, ища забвения, при этом в центре праздника было нескончаемое шествие, устроенное впервые в годовщину отступления англичан. Оно оживало благодаря тому, что на всем его протяжении вдоль дороги играли «мистерии». В них были представлены эпизоды битвы 1429 года. Мы знаем, что на этот раз представление состоялось в момент, когда процессия подошла к проходу у моста: имелось в виду взятие Турели, крепости, обеспечивавшей господство над мостом через Луару. Городская управа оплатила расходы (об этом свидетельствуют сохранившиеся муниципальные счета), но лишь отчасти. Для Рэ часто организовывались мистерии; говорят, что они и стали причиной его разорения. Новых роскошных костюмов покупалось все больше, и он не хотел, чтобы их надевали более одного раза. Он мог распорядиться подать зрителям вино, гипокрас¹ и изысканные кушанья. Более того, нам известно, что знамя и штандарт, — которые спустя четыре года использовались в другом представлении, где разыгрывался все тот же штурм Турели, — принадлежали

1 Сладкое вино с добавлением корицы (*прим. пер.*).

ему. Не подлежит сомнению, что в тот год, когда он потратил 8000 экю, значительная часть средств пошла на покрытие расходов, связанных с этими празднествами.

А на обратном пути в Бретань сундуки его были пусты.

Сундуки его были пусты, а негодующие родственники обзаводились королевскими указами, в которых он объявлялся неплатежеспособным и на него накладывался интердикт. Этот интердикт был публично оглашен в Анже, в Туре и Орлеане, в Шантосе, в Пузоже, в Тиффоже. Предаваться таким безумствам, не продав части своего имущества, он не мог, но отныне никто не имел права заключать с ним какие-либо договоры, по крайней мере на территории королевства.

Быть может, Жиль де Рэ не был тогда в столь плачевном положении, как казалось на первый взгляд. Но в придачу к его моральному падению этот интердикт дал всем почувствовать признаки другого, финансового упадка, который тоже, по-видимому, подействовал на него угнетающе.

В конечном счете, в этих орлеанских растратах нам открывается поразительная черта его характера: особенно важным для Жилия оказывалось то, что превращало жизнь его в пылающий факел, завораживало! Вот почему он имел вкус к театру. В 1435 году Рэ уже был никем. Но в Орлеане он вновь обрел, правда, в театральной форме, утраченное величие. И ради этого он был способен разорить самого себя!

В 1435 году в Орлеане Жиль сумел возвеличить на сцене воинскую доблесть и ярость, сразившую англичан.

В 1440 году он приобрел гигантскую толпу к славе иного рода, подозрительной и зловещей, к славе преступника! За этот последний всполох он заплатил жизнью. После всего сказанного мы должны по крайней мере признать, что он сумел придать величие своему жесту.

15 ОТЧАЯННАЯ ПОПЫТКА: ВОЗЗВАНИЕ К ДЬЯВОЛУ

Интердикт, провозглашенный в указах от 2 июля 1435 года, все же не вступил в полную силу, поскольку, например, Иоанн V, герцог Бретонский, не хотел вводить его в своих владениях... Но легче от этого не становилось. Рэ мог лишь катиться вниз по тому склону, на который толкнули его немилость и опала.

На самом деле, с 1432 года за одним кризисом следует другой. Душевное расстройство, сразившее Рэ в тот злосчастный год, буквально вырывает его от мира. Как я уже сказал, это расстройство заточило его в темницу трагических галлюцинаций. И все-таки он ощущал, что им правит судьба избранника: в конце концов, то чудесное существо – или тот монстр, – которым он был, спасется. Да, столь велика была его наивность. Я едва не сказал: простодушие. Он без раздумий прибежал к двум противоположным

орудиям – и к Богу, и к дьяволу. Наивного демона ничто и никогда не смущало; в договоре, который он предложил дьяволу, душа его и жизнь оставались за ним. Этот избалованный привилегиями человек, был абсолютно убежден, что на тот свет он проникнет так же, как жил на этом – шагая по головам всех остальных. Однажды, исполненный великодушия, он приказал беднякам собраться около него перед Святым Престолом, что никак не повлияло на свойственное ему чрезмерное самомнение. Но главное, во время процесса Жиль был уверен: он должен воссоединиться с Прелати, своим соучастником и приспешником, в раю, как только они будут повешены палачом...¹

В действительности подобное высокомерие, лежащее у истоков всей драмы, есть в более общем смысле основной принцип феодальной надменности, которая вкупе с дерзостью и эксплуататорским духом составляет сущность благородного сословия.

Этот импульс, в котором выражена личная трагедия Рэ, можно обозначить одной фразой: очертя голову кинуться в невозможное! Ситуация заведомо проигрышная, но такие безумцы, как Рэ, не изменяют себе и держатся до конца. Этому человеку грозит скорое разорение, он постоянно находится на грани, на краю пропасти, он вот-вот сознается; но манеры его не становятся от этого менее развязными, а самоуверенность – более обоснованной, и катастрофа оказывается теперь неизбежной.

Со дня на день он ожидает дьявола, свою главную надежду... Он ждет его годами. И если он признается, что «когда ... был еще совсем молод, совершал неслыханные и ужасные преступления», то речь идет – по крайней мере, отчасти – об опыте заклинаний. Используя любую возможность, он вступает в контакт со всеми, кто хвастается, что обладает властью в иных мирах.

Мы не можем утверждать наверняка, но одним из первых его мнимых контактов с потусторонним миром, который заморозил его, была, скорее всего, встреча, состоявшаяся в 1426 году в Анже, с человеком, о котором нам известно немного: это был анжуйский рыцарь. Должно быть, Рэ встретился с ним, когда набирал людей в войска, чтобы сражаться с англичанами под знаменами Иоланды Анжуйской; в ту пору ему было двадцать два года (именно тогда Жиль, по его собственным словам, «был <...> совсем молод»). Рыцарь этот, сведущий в искусстве алхимии и заклинаний дьявола, был брошен в темницу: инквизиция обвинила его в ереси. В темнице, в замке герцогов Анжуйских, Жиль побеседовал с ним. У рыцаря была рукопись, посвященная его подозрительному мастерству, которую Жиль

1 Когда-то Саломон Рейнах, который поспешно ознакомился с документами и не знал обо всех свидетельствах, посчитал, что такая эксцентричная уверенность означала, будто Жиль невиновен! (с. 149–152).

у него позаимствовал; он приказал читать манускрипт вслух, в зале, в присутствии нескольких человек. Кроме того, мы знаем, что книга вернулась к анжуйцу, но о том, что приключилось с несчастным, ничего неизвестно. Этот тюремный визит и чтение рукописи наводят на мысль о первых попытках, пробах. Логично предположить, что тогда, за «четырнадцать лет» до процесса 1440 года, Жиль провел в Анже много времени.

Вместе с тем нам следует доверять и высказываниям самого Рэ, согласно которым в 1440 году он уже «четырнадцать лет» практиковал искусство заклинания дьявола.

Таким образом, можно считать, что его демоническая инициация, относящаяся приблизительно к 1426 году, началась с тех сведений, которые он получил от узника темницы и из книги. Потом, безусловно, были многочисленные встречи и ритуальные практики, организованные профессиональными заклинателями.

Во время процесса об этих заклинаниях, длившихся в течение «четырнадцати лет», говорится, что иногда они происходили в замках Машкуль и Тиффож, а иногда – в доме под названием Ла-Сюз, в Нанте. Была одна или несколько попыток и в Орлеане, в «Золотом Кресте». Их датировка наиболее ранняя: визиты сира де Рэ в «Золотой Крест» относятся к 1434 и 1435 году.

Помимо прочего, нам известны некоторые подробности о том, какие заклинатели приглашались и какие заклинания произносились.

Мы знаем имена трубача, которого звали Дюменилем, некоего «Луи» и одного ломбардца – Антуана де Палерна. Они, по-видимому, с давних пор (а некоторые из них – с очень давних пор) состояли на службе у сира де Рэ. Во время этих заклинаний, в большинстве из которых участвовал Жиль, «как в Машкуле, так и в иных местах», чертили «на земле круг или фигуру округлой формы»; тот, кто хочет вызвать дьявола, «намереваясь его увидеть <...>, побеседовать с ним и заключить соглашение, должен перво-наперво провести по земле круг»... Впрочем, Жиль утверждал, что он так и не сумел ни увидеть дьявола, ни поговорить с ним, «хотя <...> прилагал к тому все возможные усилия, в такой степени, что от него теперь уже не зависело, смог бы он узреть дьявола либо побеседовать с ним».

У нас есть обстоятельное изложение некоторых заклинаний. В одном из них, помимо сира де Рэ, участвовал Жиль де Сийе. Нам неизвестно имя заклинателя, но мы знаем, что само действие происходило в покоях Тиффожа и было, вероятно, одной из первых попыток вызвать дьявола. Хотя там и был прочерчен круг, но оба сообщника тряслись от страха. Исполненный дурных предчувствий, Рэ, «взяв в руки образ Всемиловитой Девы Марии» и скорее всего, вошел в круг, «ибо заклинатель запретил ему креститься, ведь если бы он сие совершил, все бы они подверглись

серьезной опасности; однако он вспомнил молитву Пресвятой Деве, начинавшуюся с «Alma»¹, и тотчас же заклинатель приказал ему выйти из круга, что он немедля и сделал, крестясь; быстро покинул он комнату, оставив там заклинателя и заперев за собою дверь; затем он <...> Сийе <...> обнаружил, и тот ему сказал, что заклинатель, коего в покоях оставили, был побит и поколочен весьма сильно, и что слышно было, как будто выбивают перину; он, обвиняемый, этого не слышавший, повелел открыть комнату и на пороге узрел заклинателя с израненным лицом и иными частями тела, а лоб у него был так ушиблен, что он едва мог стоять; испугавшись, что он не переживет помянутых ранений, Жиль пожелал, чтобы тот исповедовался и принял причастие; однако заклинатель не умер и от ранений своих излечился». Заклинатель, имитировавший шум от нападения демона и для пущей убедительности изранивший сам себя, видимо, использовал традиционную технику обмана, жертвой которого Рэ становился по крайней мере дважды.

Помимо того, что поведение Рэ было столь несдержанным, поскольку вначале он очень нервничал, есть еще одно основание считать, что это заклинание одно из первых: роль, которую играл Сийе и то, что, кроме Сийе, никого больше не было. Вплоть до 1435–1436 года в том, что касается алхимии и заклинаний Сийе, похоже, был для Жилиа единственным «поставщиком» (в то время он, вероятно, был и главным поставщиком детей, причем когда хозяин уставал от убийств, именно Сийе чаще всего брал это дело на себя).

Начиная с 1435–1436 года священник Эташ Бланше, по-видимому, заменил его в поиске алхимиков и заклинателей (что касается детей, ими в основном стали заниматься Анрие и Пуату, хотя Сийе не исчезал).

Прежде всего, Жиль де Рэ поручил Сийе разыскивать заклинателей «в местности, которая находилась выше по течению реки», но никаких удовлетворительных результатов поиски, видимо, не дали. Сийе доложил ему о том, что сказала одна заклинательница: если его господин не обратит души своей от Церкви, в особенности от часовни в Машкуле, ничего не выйдет; другая сказала ему почти то же самое, но в иных выражениях. Еще один заклинатель, которого он должен был привести, утонул. Другой пришел, но вскоре умер...

Эташ Бланше, который должен был привезти из Италии молодого и обаятельного Прелата, вначале, казалось, не совершал ни малейшей оплошности. Но заклинатель, привезенный Бланше из Пуатье в Пузож, обокрал сира де Рэ. У Рэ в Пузоже был замок, полученный им, как и Тиффожский, от жены. Однако заклинали дьявола не в замке. Церемония

¹ Это хорошо известный церковный гимн, первый стих которого – Alma Redemptoris Mater...

произошла ночью, в лесу неподалеку. Там были Рэ, Бланше, Анри и Пуату. (Сийе в то время, по-видимому, впал в немилость.)

Заклинатель, доктор по имени Жан де Ларивьер, вошел в лес один. Он был вооружен. У него был меч и другое оружие, а доспехи его были белого цвета. Внезапно сообщники услышали громкий звук, как будто Ларивьер с кем-то сражался. Бланше полагает, что он изо всех сил бил себя мечом по доспехам. По возвращении Ларивьер выглядел «испуганным и взволнованным». Он сказал, что видел в лесу «демона в облике леопарда». Демон прошел мимо, не сказав ни слова и ускользнув от него. Жиль безоговорочно поверил заклинателю.

Он немедленно выплатил ему двадцать золотых реалов. Затем все вернулись в Пузож, где закатали пир и провели ночь. После этого Ларивьер сказал, что пойдет за чем-то, чего ему недостает и вернется в скором времени, но, забрав двадцать золотых, исчез и больше не появлялся.

Это заклинание относится приблизительно к 1436 году. Почти в то же самое время, видимо, произошла и история с золотых дел мастером из Анже. В 1436 году Жиль в любом случае проезжал через этот город. Там он напустился на своего прежнего наставника, имевшего неосторожность перечить ему и встать на сторону его семьи. Возможно, Жиль остановился тогда в «Серебряном льве», куда Бланше, по его словам, направил золотых дел мастера, якобы сведущего в алхимии. Жиль дает ему марку¹ серебра «для опытов». Но мастер, запершись в комнате, начинает пьянствовать. Жиль с негодованием обнаружил его спящим... Он прогнал его, но тот забрал серебро.

Похоже, этот пройдоца был честнее всех остальных: он был не заклинателем, а алхимиком. Церковь преследовала алхимиков, но не столь открыто, как колдунов или заклинателей; порой она даже терпела эту науку, которая, в конечном счете, лежит в основе химии... Немногим позже Рэ пригласил на службу вполне приличного алхимика. Как и человек из Анже, это золотых дел мастер; работа с металлами подготавливала к алхимии и не противоречила ей. Мы не знаем, когда он переезжает жить к сиру де Рэ в Тиффож, но он был там в день приезда Прелати из Италии — 14 мая 1439 года; Прелати и Бланше расположились в одной комнате с ним. Почти все, что мы можем сказать о нем, нам известно из свидетельства Бланше (сс. 230—231) и у нас столько же оснований полагать, что тот привел его к Рэ, сколько и в случае с мастером из Анже. Второй мастер был из Парижа и отзывался на имя Жан Пти.

В декабре 1439 года он еще был на службе у Рэ; хозяин послал его в Мортань, чтобы убедить беглеца Бланше вернуться в Тиффож. Но Бланше

¹ Старинная мера веса, равная половине фунта (*прим. пер.*).

отказался. Он поручил Жану Пти растолковать Жилию и Прелати, что общественное мнение против них, что они должны отречься от своей преступной жизни. Жан Пти выполнил поручение Бланше и поплатился за это, ибо взбешенный Жиль приказал бросить его в темницу в замке Сен-Этьен-де-Мерморт; если верить Бланше, он «пробыл там долго». Нам неизвестно, до какого момента он продолжал служить Жилию, однако 15 сентября 1440 года, в день ареста, его рядом с Жилем уже не было. Будь Жан Пти в тот день в Машкуле, его бы арестовали, как Прелати, с которым он долгое время ежедневно трудился. Прелати работал вместе с ним у тех печей, которые Жан, по всей видимости, установил до приезда итальянца, даже задолго до того.

Другие алхимики, итальянцы Антуан де Палерн и Прелати, были еще и заклинателями. Кажется, Антуан де Палерн был первым, но не остался на службе у Жилия надолго; и когда Рэ говорит об опытах с ртутью, то, возможно, инициатором их был именно Жан Пти (итальянцы в основном занимались заклинаниями). Жиль не сомневался, что вот-вот, не сегодня-завтра, вместе с Пти или Прелати, а с обоими – уж тем более, – он научится превращать металлы; Рэ всерьез считал, что будет создавать золото. Он был уверен: если бы неожиданный визит будущего Людовика XI, тогда дофина Вьеннского, в декабре 1439 года, не вынудил его разрушить эти печи (поскольку указом Карла V алхимия была запрещена), то он смог бы производить золото! Он вновь обрел бы свое гигантское состояние и наслаждался безграничным могуществом и неисчерпаемыми богатствами!

16 ПРЕЛАТИ, ПОСЛЕДНИЙ ВСПЛЕСК И КАТАСТРОФА

Появление Франческо Прелати, которого весной 1439 года Бланше привез из Флоренции, окончательно погубило Жилия. Прелати, молодой, чарующий своими познаниями в магии, литературным дарованием и итальянским происхождением, буквально соблазнил сира де Рэ; его действительные таланты вкупе с красноречием шарлатана покорили Жилия.

У Жилия теперь оставалась одна надежда: на помощь демона. Он принял обворожительного юношу за знатока, который, по его мнению, как никто другой был сведущ в тайных знаниях, способных вернуть Рэ утраченные богатства. Прелати, дерзкий, отважный, родом из города, где процветала гомосексуальность, должно быть, отлично сошелся со своим господином, который, похоже, сам соблазнил необузданного и амбициозного распутника. Скорее всего, Прелати поддался обольщению, ведь, несмотря на опалу, Жиль все еще распоряжался оставшимся у него состоянием с щедростью. Принятый как друг, быть может, как любовник (хотя в этом мы не можем быть уверены до конца), Франческо Прелати с самого начала развернул бурную деятельность с заклинаниями, ничуть не смущаясь тем,

с каким упорством дьявол отказывался появляться. Легкие и изящные выдумки, а порой и неуклюжие комедии скрывали обман. Вслед за прежним заклинателем он оправдывался мнимой агрессивностью демона, который якобы нещадно избил его в комнате, где Прелати не забыл запереться. Перепуганный Жиль уже представляя своего друга мертвым, и обнаружив его, израненного, пожелал взять на себя заботу о нем и никого не подпускал к Прелати. Но, отказавшись явиться Жилю, дьявол не преминул объяснить Франческо причину. Ведь близкий Прелати демон по имени Баррон несколько раз снизошел до того, чтобы оказать прелестному плуту честь своим присутствием, когда тот был один... Так у Прелати без труда получалось держать в страхе и беспокойстве своего суеверного господина. Впрочем, выдумки Прелати ни о чем нам не говорят; должно быть, между этими двумя людьми были особые отношения, о которых свидетельствует уже упоминавшееся нами патетическое прощание (с. 204) Жилия и Франческо на суде. Похоже, эти заблудшие души не останавливались ни перед чем... И тот, и другой, несмотря на невероятную развращенность, все же были способны на какие-то чувства... запутанная интрига их чувств сплелась из мошенничества одного и глупости другого. Нам не следует забывать и о том, как юный комедиант грубым ударом ноги под зад отплатил своей хозяйке, которая побеспокоила его, оплакивая своего умершего мужа (с. 123). Если бы старая кормилица не поймала ее за платье, несчастная от удара свалилась бы с лестницы... Именно об этой сцене следует напоминать тем, кто растрогается, услышав слова, с которыми на пороге смерти, перед лицом судей, монстр обратился к своему мистификатору.

Ниже (сс. 112–127) я в деталях приведу все сведения о заклинаниях (произошедших с весны 1439 года до ареста в сентябре 1440 года), которые можно извлечь из показаний Жилия, а также из свидетельств Анриэ, Пуату и Бланше, не говоря уже о Прелати. Довольно многочисленные и точные описания открывают перед нами богатую панораму колдовских ритуалов той эпохи... Пока же мне хотелось бы передать ту атмосферу, которую создавали в замке Тиффож настойчивые воззвания к бесовским силам. Прелати увидел всю суеверную набожность своего господина, но вместе с тем ему открылись и жестокие убийства, без которых Жиль не мог обойтись; должно быть, Прелати сделал существование Жилия двусмысленным и парадоксальным, заставив его тщетно ожидать спасения от дьявола и жить в демонической атмосфере, в окружении призраков зарезанных детей. Тот, кого Рэ с нетерпением ждал, впадая в удивительную эйфорию от предвкушения несметных богатств, был неуловим... а отчаянию Жилия вторил лишь кошмар окровавленных голов и угроза все ближе подступающей, окончательной катастрофы; не замечая этой угрозы, Жиль по-детски закрывал на все глаза.

Прежде всего, Прелати отучил своего господина от привычки присутствовать во время заклинаний. Свои неудачи он объяснял недовольством дьявола; напротив, всякий раз, когда щепетильный итальянец колдовал в одиночестве, дьявол был тут как тут! С апреля по декабрь 1439 года ему удавалось завораживать кровавого убийцу, который слепо плыл по течению. Но ситуация осложнилась. В июле-августе Жиль отправился в Бурж, где пробыл некоторое время, получал известия о дьяволе и даже подарок от него: «черный порошок на кровельном сланце», переданный специально для Рэ Барроном, знакомым демоном Прелати. Последний регулярно пишет своему господину. Сначала Жиль носит прах на шее, в серебряной шкатулке, но через несколько дней понимает, что это ему никак не помогло... Видимо, по возвращении из Буржа, в Бургнефе, где Рэ встретился с герцогом Иоанном v Бретонским, он потребовал, чтобы Прелати дал ему возможность присутствовать при заклинании, устроенном там же, намереваясь снискать при помощи Баррона милостей герцога. Тщетно. Обманутый и разочарованный, Жиль тотчас же предается своей изуверской страсти: в тот день расстался с жизнью пятнадцатилетний Бернар Лекамю. Но и это не помогло; очевидно, злодей не мог обрести покой: его терзают ужас и угрызения совести. Даже в Бургнефе он мечтает о том, что исправится, будет проливать слезы пред Гробом Господним в Иерусалиме. Возможно, после этого провала и последующего кризиса Прелати, понимая, что ему следует вновь заручиться поддержкой своего господина, предлагает нечто вроде спасительного средства: разгневанный демон потребовал от Жилия жертвы! Настала пора принести в жертву дьяволу младенца. Вначале казалось, что такое предложение напугало Жилия. Прелати должен был заранее предвидеть, что этот суеверный человек будет трястись от страха; ему была знакома нерешительность преступника, которого так никогда и не покидали надежда и забота о спасении своей души: Жиль не мог утаить от самого себя всю непростительность, всю мерзость этого приношения «нечистой силе», жертвой которого стал невинный, несчастный ребенок. Тем не менее, он, затравленный, желая любой ценой спасти как жизнь свою и душу, так и оставшиеся богатства, – однажды вечером принес Прелати руку, сердце и, возможно, глаз ребенка. Столь велико было его желание увидеть дьявола! Ночью итальянец преподнес дьяволу этот жуткий дар, но тот не появился...

Нетрудно представить себе в каком состоянии духа пребывал Жиль после случившегося. Видимо, этот человек, запятнавший себя кровью, был в ярости. Разве сумел бы теперь Прелати сохранять прежнюю магическую власть над ним? Видимо, Жиль теперь боялся всего. Ему, похоже, оставалось только одно – биться в припадках гнева... По просьбе Бланше Жан Пти известил его о всеобщем недовольстве, которое все нарастало,

и призвал изменить своим преступным наклонностям; за это золотых дел мастера заключили в одну из тех ужасающих тюрем, долгое пребывание в которых сулило верную смерть...

Последним звеном в цепи несчастий Жилья стал внезапный визит будущего Людовика XI, в ту пору дофина Вьеннского. Этого зловещего человека отец его послал в Пуату, дабы положить конец военным беспорядкам, которые в том краю не прекращались ни на миг. Он едет в Тиффож, а Рэ, похоже, едва успевает уничтожить там алхимические печи. Старый указ Карла V запрещал практиковать алхимию. Печи вовремя убрали, и дофин, для которого такой номинальный и ненастоящий маршал, каким был в 1439 году сир де Рэ, не был авторитетом, ограничился арестом руководителя Тиффожского гарнизона, виновного в грабежах и «реквизициях» во время кампаний, проходивших в этой местности. Арест был обусловлен тем, что вооруженные люди Рэ нередко там промышляли... На самом деле этот недружелюбный визит имел весьма печальные последствия: разгром печей означал, что злодей, который находился на грани разорения, не сможет быстро завладеть вожаденным золотом. И правда, пожелай этого демон, он бы смог при помощи алхимии даровать своему ревностному слуге желаемое! Но демон по-прежнему не намеревался появляться! Красноречие и очарование Прелати отсрочили финал лишь на несколько месяцев. Всплеск эйфории был предвестником катастрофы; прилив жизненных сил предшествовал окончательному падению.

В принципе, к началу 1440 года игра уже была проиграна. Состояние маршала и моральное доверие к нему иссякли окончательно. Ему разом изменили все. Дьявол смеется над ним. Если бы соблазнительный Прелати его не околдовал, он прогнал бы этого хвастуна, у которого ничего не получалось. Но в ту бедственную пору Жилья не смог бы остаться в одиночестве. Он высоко ценил общество Прелати. Они могли беседовать на латыни, а суждения итальянца всегда были пронизательными и тонкими. По всей вероятности, французские приятели Жилья были увальнями, жестокими убийцами, такими, как Сийе; Бриквиль был вульгарным стяжателем; более молодые Анрие и Пуату, возможно, отличались милосердием: их показания написаны живым языком..., и, самое главное, мы знаем, что Пуату, любовник Жилья, был красив. Но и эти юноши были грубыми крестьянами и логично предположить, что Прелати, который, по-видимому, сам бросился в объятия господина, доставлял ему удовольствие благодаря своей утонченности. Жилью наскучили оргии, и он не мог обойтись без своего чудесного собеседника. Не сумев спасти господина при помощи дьявола, Прелати, мог, по крайней мере, позабавить его и развлечь в то время, когда жизнь Рэ погрузилась в кошмар, куда загнала его жажда крови.

Если бы не эти последние надежды, зловещий маршал окончательно превратился бы в жалкую развалину. Он уже давно жил в аду, предаваясь необузданной страсти, – для человека, который отказался от рассудочно-го существования, она становится эротизмом.

Жиль был вконец сломлен, поэтому в какой-то момент ожесточение и гнев ослепили его. Он продал один из последних оставшихся у него замков в домене Рэ, Сен-Этьен-де-Мерморт, бретонскому казначею Жоффруа Леферрону. Узнав, что сир де Вьейвинь, один из кузенов Рэ, охотно купил бы этот замок, потому что когда-то он принадлежал его семье, Жиль подумал, что Жоффруа Леферрон откажется от сделки и примет его условия. Он ошибся. Мы не знаем, почему Жиль так и не смирился с отказом казначея. Вопреки здравому смыслу он решил силой верить себе то, что продал. В Сен-Этьен-де-Мерморте не было вооруженного гарнизона. Казначей просто направил туда своего брата Жана, который был духовным лицом и находился под церковным покровительством.

Жиль де Рэ столкнулся не просто с казначеем Иоанна v, этот высокопоставленный чиновник явно был лишь доверенным лицом, выступавшим от имени самого герцога. Что бы ни руководило его поступками, в настойчивости Жилия, устремившегося с криком, потрясая оружием, к деревенской церкви, где брат казначея отправлял божественную литургию, было нечто безумное.

Под угрозой немедленной смерти – отсечения головы – Жан Леферрон отворил двери замка безумцу, который тотчас же заключил его в каидалы.

Этот неистовый порыв натолкнулся на яростный отпор противников Жилия, спровоцировав вместе с тем герцога Бретонского и епископа Нантского на ответные действия.

Рэ сопротивлялся, он надеялся спастись, используя различные властные возможности. Он перевел своего пленника, Жана Леферрона, из Сен-Этьена, находившегося под юрисдикцией герцога Бретонского, в Тиффож, подвластный лишь королю.

Он пытался вступить в переговоры с Иоанном v. Но четырех месяцев хватило. Хотя Иоанн v и Рэ встретились, и эта встреча оставляла Жилию надежду, приблизительно в то же время герцог добился того, что его брат, коннетабль Карла vii, завладел Тиффожем во Франции и освободил Жана Леферрона, на которого Жиль рассчитывал как на заложника. 15 сентября люди Иоанна v схватили сира де Рэ в Машкуле. После ареста он был препровожден в темницу Нанта вместе с Прелати, Эташем Бланше, Анрие и Пуату.

Между тем расследование детоубийств уже серьезно продвинулось. С 30 июля его вел епископ Нантский, Жан Мальтруа, канцлер и правая рука Иоанна v.

Абсурдная история в Сен-Этьене запустила механизм правосудия, представители которого еще долго оставались бы безучастными к судьбе маленьких голодных нищих, зарезанных грансеньором.

17 СМЕРТЬ КАК ЗРЕЛИЩЕ

Лишь с недавних пор юридически санкционированная смерть перестала быть спектаклем, призванным развлечь и утрашить толпу. В средневековье любая казнь была еще и зрелищем. Как и трагедия в театре, смерть казенного становилась в те времена напряженным и захватывающим моментом повседневной жизни. Войны и массовые убийства, пышные выезды сеньоров или духовенства, казни покоряли и подчиняли себе толпу так же, как церкви или крепости: именно они были источником нравственных установлений и придавали глубокий смысл всей жизни в целом (но, быть может, вместе с тем поощряли порок и, в конечном счете, обесмысливали мир). Еще до суда, завершившегося смертным приговором, сразу после ареста Жиль де Рэ был отдан на потребу публике; он был ей обещан, подобно лучшему спектаклю на театральной афише.

Десятью годами ранее той же безликой толпе обещали Жанну д'Арк; шум и ярость этой толпы по-прежнему доносятся до нас сквозь столетия...

Среди всех жертв, отданных толпе, Жанна д'Арк и Жиль де Рэ, эти боевые товарищи, были противоположны друг другу, подобно тому, как преступление, которое обнажает отталкивающий лик и слезы преступника, противоположно поруганной невинности! И лишь в одном смысле можно сопоставить две этих казни: *переживания* грозной и шумной толпы, на глазах которой вспыхнуло тело Жанны; *переживания*, связанные, вероятно, с таким же смутным рокотом безликой толпы, раздавшимся, когда Жиль в свою очередь был предан пламени. Нам это кажется странным, но трепет, вызванный этими преступлениями (бесчисленные дети, которых зарезал убийца, извергая на них, если верить его показаниям, свое семя) и сопровождаемый слезливым спектаклем, вызвал сочувствие у толпы. Ведь в моменты необычайного народного волнения можно ожидать чего угодно; в тот день толпа собралась с раннего утра, чтобы участвовать в процессии, отправившейся к месту казни, молясь Богу за Жилия и его сообщников, которых вели на смерть. В тот день люди в толпе, проливая слезы, осознавали, что этот грансеньор, который умирал на их глазах, гнуснейший из преступников, похож на каждого из них.

Нам ничего неизвестно о том, как вел себя Жиль де Рэ во время ареста.

Видимо, поначалу он верил, что сумеет выпутаться из положения, в которое попал после скандальной истории в Сен-Этьене. На первых порах Жилью оказывали почести, соответствующие его титулу. Ему отвели обширные покои, совершенно непохожие на застенки, в которых держали

несчастных узников (настолько непохожие, что допрос обвиняемого проводили десять или пятнадцать человек). Судебные прения проходили перед церковным трибуналом, который возглавляли епископ Нантский и представитель святой инквизиции. Именно эти церковные прения и придали процессу Жилья де Рэ тот особый драматизм, благодаря которому он занял важное место среди всех остальных судебных разбирательств. (Светские слушания были менее значимы; впрочем, в подробностях до нас дошли лишь протоколы церковного процесса.)

Среди всех средневековых казней, какими бы зрелищными они ни были, театрализованная казнь Жилья де Рэ была, по-видимому, наиболее волнующей. И нам кажется, что этот процесс был по крайней мере одним из самых оживленных, проникнутых патетикой судебных дел всех времен.

Перед судьями предстал человек, привыкший вызывать у людей дрожь, подсудимый, который был гораздо неудобнее тех, кого судят в наши дни.

Чуждый какой бы то ни было хитрости, Жиль де Рэ, как я уже сказал, был по-настоящему глуп и простодушен. Глупость эта отчетливо проявилась в его первых действиях, в оскорбительных выпадах, за которыми последовали подавленность, слезы и постыдные, скандальные признания. Каким бы устрашающим ни был его облик с самого начала, судьбы все равно не утратили благоразумия. При первом его визите в суд они не стали рассматривать самое существенное; им, вероятно, хотелось, чтобы подсудимый, прежде чем оценить серьезность обвинения, признал их полномочия. Первая явка состоялась 28 сентября. Предоставив Рэ томиться в одиночестве, они ждали до 8 октября, чтобы затем вновь пригласить его в суд. Но на этот раз обвинение явилось в своем истинном облике: оно было окончательным. Жилья теперь обвиняли не просто в нарушении церковной неприкосновенности в Сен-Этьене; он заклинал дьявола, резал и насиловал детей, он преподнес демону кисть руки, глаз и сердце ребенка. Когда Жиль осознал всю тяжесть обвинения, бешенству его не было предела. Ему следовало знать с самого начала: для него все кончено. Он вспылил, объявив своих судей некомпетентными. Ему явно хотелось затянуть процесс в надежде на вмешательство каких-то внешних сил. Однако суд оказался непреклонен и огласил свое решение: с Жилем следовало покончить без промедления. Когда Рэ вновь предстал перед судьями 13 числа, он впал в бессильную ярость, неистово оскорбляя их, называя их развратниками и симонитами¹, тщетно пытаясь настроить против них президента светского трибунала, присутствовавшего на прениях. Судьи реагировали холодно: они тотчас же отлучили безумца от Церкви.

1 По имени Симона Мага (волхва), самарийского чародея и гностика, предложившего апостолу Петру, согласно Библии, деньги в обмен на апостольское достоинство. Отсюда «симония» – купля-продажа церковных должностей (*прим. пер.*).

В те времена отлучение от Церкви было чрезвычайно действенным средством. На первый взгляд, Жиль де Рэ мог поставить себя выше судей. Но его суеверная и набожная натура, которая, несмотря на все преступления и сатанинские опыты, давала о себе знать, не выдержала. Возвратившись в свои одинокие покои, Рэ очутился посреди немислимых кошмаров, и бред охватил его.

Оставался еще один выход, жуткий, но возможный для безумца. Пусть его гибель обратится в яркое пламя! Пламя, неизбежно гибельное, зато зрелищное, неистовое; толпа, приблизившись к этому сияющему пламени, будет зачарована...

Он жил, окруженный нескончаемыми галлюцинациями, и теперь, вотще добиваясь славы, неистовым движением мысли вышел за пределы мыслимого. Слава Жили окончательно улетучилась, и отныне единственная возможность для него действительно прославиться связана была с преступлениями. Но лишь при одном условии:

Он собирался сознаться в них, рыдая, отчаявшись, уже почти умирая, но в то же время явить устрашающее величие, величие, способное вызвать трепет!

Он собирался подчиниться духу христианства, именно по этому пути он всегда хотел следовать, вопреки всему. Жиль, стеная, воззвал бы к Богу, моля о пощаде Его, а также всех тех, кто пострадал от глубочайшего презрения, которое он питал к людям. Он воззвал бы, стеная, на пороге смерти; слезы его в этот тяжкий момент, апофеоз страдания, оказались бы воистину кровавыми слезами!

Но прежде чем постигнуть причины смены настроений Жили или, быть может, догадаться о них, мы лишь смутно представляем себе, что промелькнуло в хрупком его сознании в тот миг, когда сопротивляться он уже не смог. Точно так же ночью в грозу ничего не различить, и отблески сверкающих молний проносятся мимо нас... при условии, что они проносятся мимо нас; а мы заворожены не только понятными, знакомыми явлениями, но и изменчивостью, сбивающей с толку, внутри которой поочередно сменяют друг друга разные возможности. Мы не должны отказываться от изображения (или хотя бы от попытки такового) незначительных событий, в силу которых могло произойти то, о чем повествуют документы. Ни в коем случае не следует забывать, что мысли и чувства Жили де Рэ никогда не могли быть в точности такими, как это нам представляется, и догадки наши весьма приблизительны. До неприличия откровенные и точные показания свидетельствуют о *душевном смятении*, повлекшем за собою знакомые нам слезы, признания и молитвы. Но не будь слов, свидетельствующих об этом, такое смятение было бы нам не менее чуждо, чем гроза, пронесшаяся мимо нас во время сна. Именно в таком – и лишь в таком –

смысле комментарии добавляют что-то к перечню фактов. Но нужно ли целиком сводить театрализованную смерть сира де Рэ к убожеству этих фактов? Разве можно отделить факты от непостижимой, молниеносной зарницы возможного?

Когда 15 октября 1440 года Жиль де Рэ вновь предстал перед судом, перемены, которые произошли с ним в течение этих двух дней в одиночестве его покоев, были столь велики, что походили на смерть: одна лишь смерть производит более глубокое опустошение... Жиль был безропотен, покорен судьбе; у судей он попросил прощения за свои оскорбления, плакал. Он не сознался во всем в первый же день, но, отрицая то, что было самым тяжким преступлением для представителей Церкви, Рэ с самого начала признался в постыднейших деяниях: он убивал детей!

На коленях, в слезах, «жалобно стеная», он молил вернуть его в лоно Церкви. Судьи, уже простившие его оскорбления, удовлетворили и эту просьбу. Колебания во время первых его допросов не являются показательными. Конечно, нет ничего невероятного в том, что вначале он о многом умалчивал. Быть может, он полагал, что раскаявшемуся грансеньюру простят убийства несчастных детей, тогда как за воззвание к демонам его предадут огню? Не исключено.

Однако сложно представить себе, что первый, самый трудный шаг был наигранным. Я полагаю, что охватившее Жилия глубокое душевное смятение все еще обрекало его на мучительные колебания. Хотя он едва осознавал это, но его с самого начала увлекла головокружительная возможность: признаваясь в своих отвратительных преступлениях, он очарует тех, кто будет ему внимать. Мог ли он жить и не очаровывать? Жить и не очаровывать? То же, что жить и не дышать! Все его судорожные помыслы были устремлены к мгновению, когда внимающих ему охватит дрожь. Очарованные, они в ужасе содрогнутся! Эксгибиционизму преступников, служащему компенсацией за тревожную скрытность, обычно присущи такие черты; именно поэтому признание столь соблазнительно для виновного, у которого в силу губельности преступления всегда есть *возможность вспыхнуть пламенем, которое гибельно само по себе.*

Решающие и самые постыдные признания Жиль де Рэ сделал не ранее 21 октября, дня, когда было принято решение пытать его. Эти показания, возможно, были даны под угрозой пыток. Мне кажется более вероятным, что после этой угрозы Жилю было проще поддаться своим страстям, которые самой угрозой спровоцированы не были. Ощущая угрозу, Жиль де Рэ умолял судей даровать ему отсрочку. Он будет размышлять, но вначале обязуется говорить спонтанно, так, чтобы судьи остались довольны. Рэ добивается того, что его выслушивает не только церковный суд, но и председатель светского трибунала, к которому присоединился епископ

Сен-Брекский. После того как пытка была отсрочена, Жиль исподволь принялся давать чудовищные показания, после которых настаивать на своем было уже невыносимо. Заседание 22 октября оказалось решающим; перед церковными судьями, которых окружали многочисленные помощники, Жиль пространно живописал свои гнусности. Он вспомнил о самом страшном. Об отрубленных головах, которые он разглядывал со своими сообщниками, дабы решить, какая из них красивее всех, и поцеловать ее. И как дружно все они смеялись, наблюдая за гримасами умиравших.

Этот жестокий эксгибиционизм возможен сам по себе лишь в силу некой двусмысленности. Можно ли его представить без рыданий грансеньора? А если бы плачущий преступник не был этим грансеньором? В этих признаниях напряжение достигает пика... Они являются в необычном, суверенном свете: ощутимо величие преступника (не требует ли сама трагедия того, чтобы преступник был суверенен?); вызывая ужас, преступник в то же время возбуждает трепетную симпатию, сочувствие тех, кто видит, как он плачет, тех, кто плачет вместе с ним.

В смерти Жюль де Рэ особенно потрясает именно сочувствие. Кажется, что преступник растрогал публику, отчасти из-за жестокости своей, отчасти в силу благородного происхождения и пролитых слез.

Когда по завершении светского суда был вынесен смертный приговор и президент трибунала проговорил с Жилем некоторое время, судья обратился к обвиняемому не как судья; он был почитателем настолько, насколько в обычных обстоятельствах один человек почитателен с другим. Набожность, проявленная Жилем в эти последние мгновения, видимо, оправдала судью в его собственных глазах. Его, вероятно, беспокоило могущество рода, к которому принадлежал человек, только что посланный им на смерть. Я думаю, что судью ошеломил прежде всего подлый и отталкивающий характер убийств, соединенный с набожностью, с этими слезами и величием, так что судья перестал ощущать дистанцию между собой и гнусным преступником.

В то же время, я полагаю, сам виновный смутно осознавал, какое волнение и смятение может вызвать его смерть.

В тот день наивность его была сродни наивности судей, которых он так растрогал. Он даже попросил у председателя светского трибунала обратиться к епископу Нантскому, который был президентом церковного суда; «невероятная» просьба преступника состояла в том, чтобы к месту казни его сопровождала процессия, устроенная самим епископом и прислужниками из его храма, чтобы в процессии этой шел весь народ и молился Богу за него и его сообщников, которые погибнут вслед за ним.

Судья тотчас же пообещал ему испросить этой милости, которая была ему оказана.

Но прежде он испросил и получил другую милость: поскольку его должны были повесить, а затем сразу же предать огню, он захотел, чтобы «прежде чем тело его обнажится и вспыхнет», труп вытащили из пылающего костра, положили в гроб и доставили в церковь монастыря кармелитов в Нанте.

Так что смерть его была обставлена с театральной пышностью.

Выйдя из замка Тур Нев («Новой башни»), где судили приговоренного, процессия – огромная толпа – с молитвами и песнопениями сопровождала несчастного, столь презиравшего простой народ. Теперь этот народ следовал за ним и молился за него Богу. Процессия подошла к лужайке, возвышавшейся над городом на берегу Луары.

Он до безумия любил эти церковные песнопения, придавшие его смерти блеск, которым он никак не мог насытиться. Кажется, «женщины благородного происхождения» позаботились о том, чтобы как можно скорее вытащить из огня повешенного мертвеца, и на мгновение он предстал в окружении наводящего ужас великолепия пламени.

Затем они положили его в гроб, и тело было торжественно доставлено к своему последнему приюту, где его ожидала смиренная и строгая панихида.

АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В первой, предыдущей части введения, история Жилья де Рэ рассматривается в общем плане.

Здесь же, во второй части, мы собрали подробности его жизни, выводы, которые непосредственно следуют из их рассмотрения, и различные связанные с этим вопросы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ

Еще до своего рождения злодей Жиль де Рэ, в силу нескольких обстоятельств, обрел несметные богатства. 1400

Опасаясь умереть, не оставив наследников, последняя представительница дома Рэ, Жанна Мудрая, решает усыновить будущего отца Жилья, Ги II де Лавалья, из дома Монморанси-Лаваль, и сделать своим наследником его.

Этот Ги де Лаваль – племянник коннетабля Дюгеклена.

Согласившись на предложение Жанны Мудрой, он должен был отказаться от титула и герба Лавалей и принять для себя и своих потомков титул и герб Рэ.

1401

Ги II де Лаваль принимает наследство баронов Рэ и соглашается на условия, предложенные ему Жанной Мудрой. 25.09

1402

В какой-то момент удачное сочетание событий, благодаря которым Жиль обрел громадное состояние и которые сказались на его судьбе, оказывается под угрозой. По неведомой нам причине Жанна Мудрая отказывается назначать наследником Ги де Лавалья. Она оставляет свое наследство Катрин де Машкуль, вдове Пьера де Краона. Однако по прихоти судьбы воплощается значительный, заранее предопределенный замысел: достаточно было домам Лавалей и Краонов заключить брачный союз. После этого Краоны стали самыми могущественными феодалами в Анжу (после потомков Людовика I (1339–1384), младшего сына Иоанна Доброго, которому отец отдал Анжу в удел). 14.05

1404 Ги II де Лаваль, несмотря ни на что, завладевает наследством
05.02 Жанны де Рэ; он женится на Марии де Краон, внучке Катрин де Машкуль и Пьера де Краона, дочери Жана де Краона.

После тяжбы между заинтересованными семьями наконец воцаряется согласие, которое сулит наследнику новой четы большое состояние. По договору Мария де Краон передает своему мужу, Ги де Лавалю, все права на наследство дома Рэ. Поэтому теперь Ги де Лаваль и его наследники будут обладать, помимо прочего, именем и гербом Рэ.

Ближе к концу года Жиль де Рэ родился на берегах Луары, он появился на свет в Черной башне замка Шантосе, могучей крепости, резиденции Жана де Краона. На крещение в деревенской церкви приглашена «вся окрестная знать»: каждый принимает участие в церемонии «со свечью в руках».¹

1407 Жанна Мудрая умирает в крепости Машкуль, где ее и хоронят. После ее смерти Жиль с родителями живет в Машкуле.

Ок. 1407 Рождение Рене, брата Жилия.

1415 Смерть Марии де Краон, матери Жилия. Ее хоронят в часовне Богоматери в Рэ, в аббатстве Бузе.

28.09 Умирая, Ги де Лаваль де Блезон составляет завещание, в котором возлагает обязанности по опеке над сыновьями на своего кузена, Воспитание Жана Турнемина де Лаюнанде. Кроме того он просит, чтобы два Жилия дове- Жилия наставника – священники, которым он доверил Жилия – Жорж рено Жану де Лабоссак и Мишель де Фонтене, продолжили его обучать. Ги де Краону де Лавалья хоронят в одной могиле с Марией де Краон.

Однако завещание не имело никаких последствий. Жан де Краон решает сам воспитывать Жилия и Рене и расходовать средства старшего из братьев, которому еще не было шестнадцати лет. Жестоким и беспринципным, он отдает Жилия, лишившегося матери, во власть необузданных страстей. Именно Краон несет изрядную долю ответственности за столь свободное воспитание, которое Жиль назвал на судебном процессе причиной возникновения своих чудовищных наклонностей.

1 Bourdeaut A., Chantocé, Gilles de Rays et les Ducs de Bretagne, p. 46.

После смерти Амори, сына Жана де Краона, в неудачном сражении при Азенкуре одиннадцатилетний Жиль становится одним из самых богатых наследников королевства.

25. 10

1417

По настоянию деда Жиль обручается с Жанной Пейнель, дочерью Фулька, сира де Амбийе, очень богатой наследницей из Нормандии. Для Жана де Краона такой брак означал присвоение владений, принадлежащих сироте, в обмен на выплату долгов ее опекуна. Краона, этого алчного человека, интересует не будущее Жилия, а как распорядиться его собственностью, пока Жиль не достигнет совершеннолетия. Встревоженный парижский парламент откладывает свадьбу до времени совершеннолетия Жанны Пейнель.

14. 01

1419

На мосту Монтро соратники дофина Карла закалывают кинжалом герцога Бургундии Иоанна Бесстрашного во время переговоров; считалось, что эти переговоры положат конец гражданской войне и объединят против англичан сторонников будущего Карла VII и бургундцев. Двойная игра Иоанна Бесстрашного была, по-видимому, основной причиной убийства, надолго омрачившего отношения между противостоящими партиями.

10. 09

Жан де Краон обручает Жилия во второй раз: с племянницей Иоанна V, герцога Бретонского, Беатрисой де Роан. Нам неизвестно, почему эта сделка, оформленная в Ванне как контракт, не имела последствий.

28. 11

1420

Выживший из ума король Карл VI отказывается сделать своим наследником дофина Карла, которому видение Жанны д'Арк впоследствии вернет королевский титул, казавшийся утраченным.

17. 01

Иоанн V, герцог Бретонский из рода Монфоров, попадает в засаду, устроенную его врагами Пентьеврами. Его заключают в тюрьму в Шантосо. Этот эпизод положил начало новому этапу борьбы между Монфорами и Пентьеврами. Жан де Краон встает на сторону Монфоров. Феодалы, принадлежащие ему и Жилю, разграбляют банды, подчиненные Пентьеврам. Мот-Ашар захвачен, но Пентьевры разбиты наголову, а Иоанн V освобожден. Жаиу де Краону «и сыну его де Рэ» возместили убытки.

13. 02

Вряд ли сам Жиль де Рэ участвовал в битвах этой феодальной войны. Аббат Боссар сделал такое предположение, а Ролан Вильнев

согласился с ним, однако в то время Рэ было шестнадцать лет; в документах ничего об этом не сказано. Такая гипотеза неправдоподобна, мы даже не знаем, принимал ли он участие в триумфальном въезде Иоанна V в Нант.

- 20.05 По договору, подписанному в Труа, Генрих V, король Англии, становится наследником Карла VI; королевства Англии и Франции должны объединиться под властью одной короны. Парижский университет и некое подобие Генеральных Штатов признают этот договор. Герцог Бретонский, в свою очередь, тоже признает его, но после смерти Карла VI он еще несколько раз перебежит из одного лагеря в другой; этот непостоянный человек, который никогда не держит слова, сегодня уповает на английскую корону, а завтра – на партию дофина.
- 28.09 Иоанн V дарует Жану де Краону и его внуку сто ливров ренты, отобранных у одного из сторонников Пентьевров. Эти сто ливров примерно соответствуют миллиону современных франков (1959 год).

Ноябрь С согласия Жана де Краона Жиль похищает свою кузину – дочь Свадьба Миле де Туара и Беатрисы де Монжан – Катрин де Туар и овладевает ею. Владения Катрин в Пуату стали существенным дополнением к баронской вотчине Рэ. Сложно понять истинную причину этих событий, за которыми последовала благопристойная свадьба. Быть может, в силу относительно близкого родства молодых замужество должно было стать для церковных властей и семьи свершившимся фактом. В любом случае, Жиль де Рэ и его дед воспользовались тем обстоятельством, что незадолго до этого Миле де Туар «скончался в Мео от лихорадки»¹.

Ок. 1420 Умирает жена Жана де Краона. Через несколько недель тот вторично вступает в брак с бабушкой Катрин де Туар, Анной де Сийе, родственницей одного из самых неистовых соучастников будущих оргий Жилия де Рэ.

1421

22.03 В Боже, близ Сомюра, будущий Карл VII, ввиду безумия Карла VI нарекший себя регентом, одерживает победу над английскими войсками.

1 Op. cit., p. 52.

Беатриса де Монжан, отдав должное своему вдовству, выходит замуж за юного рыцаря, Жака Мешена де Ларош-Эрео. Этот способный молодой человек был камергером при дворе дофина; он мог помочь своей жене сопротивляться грубым выходкам Жана де Краона и Жилья де Рэ; те уже присвоили богатства Катрин, наследство, доставшееся ее матери от мужа, крепости Тиффож и Пузож в Пуату. Ок. 1421

Одобренная Папой Римским публичная свадьба Жилья де Рэ и Катрин де Туар. Жак Мешен – он об этом еще пожалеет – стал посредником, получившим согласие Беатрисы де Монжан. 1422 24.04

Смерть Генриха v Английского. Его сыну и наследнику, Генриху vi, десять месяцев. 31.08

Смерть Карла vi. Его наследство поспорит дофина Карла vii – короля Буржского – и английского регента Франции Бедфорда, брата Генриха v, представляющего интересы юного Генриха vi. 21.10

Бедфорда отдает английскому вельможе замки Амбриер и Сент-Обен-Фосс-Лувен, принадлежавшие Жаиу де Краону. 1423 14.06

По указанию Жана де Краона капитан тиффожского гарнизона Жан де Лане силой препровождает Беатрису де Монжан и ее младшую сестру в Луру-Боттро, где помещает их в темницу. Оттуда их везут в Шантосе, где Жиль и его дед грозятся зашить Беатрису в мешок и выкинуть в реку.¹ Они требуют, чтобы мать Катрин отказалась от своего наследства – Тиффожа и Пузожа. Но муж вступается за жену. Ему отвечают, что если она не откажется от наследства (не говоря уже о других требованиях), то больше он ее никогда не увидит. Через некоторое время Жан де Краон приказывает бросить в каменный мешок трех посланников Жака Мешена, в том числе и его брата Жилья. По просьбе своей жены, Анны де Сийе, Краон отпускает Беатрису к мужу, но оставляет у себя посланцев. Между тем сестра Беатрисы выходит замуж за Жира де Лане, сына того капитана, который похитил двух женщин. В конце концов, Жак Мешен вынужден уступить требованиям хищников из Шантосе, которые значительно могущественнее его. Он платит выкуп за посланцев, но один из них, брат Жака, умирает 1423-1424 Похищенные тещи

¹ Op. cit., p. 54.

от последствий невыносимого заточения в темнице, а его товарищам едва удастся оправиться. Впоследствии дело рассматривается королевским парламентом, располагавшимся тогда в Пуатье. Заключается полюбовное соглашение, но в то время авторитет короля был столь незначителен, что помочь исполнить это предписание он не мог. Судьба наследства Беатрисы де Монжан, которое отстаивали до конца, решалась в Лимузене. Мешену и Беатрисе был предоставлен выбор между Пузожем и Тиффожем. Но Жиль забирает оба замка, причем Пузож под предлогом того, что его жена «носит этот титул».¹

Когда глава парламента, Адам де Камбре, прибывает в Пузож, дабы проследить за выполнением подписанного под парламентской эгидой соглашения, его грубо избивают люди Жилия де Рэ. Жана де Краона и Жилия приговаривают к штрафу за оскорбление величия, но к 1443 году (когда Жилия уже три года не было в живых) штраф все еще не был уплачен. После поражения при Азенкуре крупные феодалы высмеивают королевскую власть, особенно если они оказывают королю военную помощь. Именно так ведут себя Жиль и его дед.

1424 В возрасте двадцати лет Жиль становится обладателем всех своих богатств; с этого момента он пользуется ими в свое удовольствие, не советуясь с Жаном де Краоном, который, согласно договоренности, все еще «управляет их расхождением».²

1425 Иоланда Арагонская, чья дочь, Мария Анжуйская, состоит в браке с Карлом VII, стремится к победе над англичанами. Она пытается сблизить Францию и Бретань. От зятя она добивается назначения Артура де Ришмона, брата Иоаина V Бретонского и его военачальника коннетаблем Франции. Она верит энергичному, хотя и инертному порой де Ришмону. Но Иоланда позабыла о влиянии Жоржа де Латремюя. Латремуй довольно быстро приобретает расположение Карла VII и сводит на нет всю власть нового коннетабля. Он отдаляет от Карла Ришмона, который был способен затмить его самого. Ришмон вновь обретет влияние лишь восемь лет спустя, когда противоположная партия, в свою очередь, отдаст интригана Латремюя. Лишь с 1433 года Ришмон

1 Op. cit., p. 56, n. 1.

2 Mémoire des héritiers de Gilles de Rais pour prouver sa prodigalité в: Maurice Dom H., Mémoires..., t. II, col. 1337.

получил возможность упрочить победы Жанны д'Арк. Только тогда Франция смогла окончательно освободиться от англичан.

Иоланда Арагонская берет инициативу в свои руки: состоялась 07.10 встреча между Карлом VII и Иоанном V Бретонским. Жан де Краон, некоторые владения которого находились в зависимости от герцогства Бретонского, прежде всего анжусец и способствует, в полном согласии с Иоландой Арагонской, сближению Франции и Бретани. Иоланда Арагонская поручает ему ведение переговоров о свадьбе Изабеллы Бретонской, старшей дочери Иоанна V, и ее собственного сына, Людовика III Анжуйского. Жиль де Рэ присутствует при встрече в Сомюре, которая заканчивается 7 октября полным согласием между сторонами. Это его первая точно установленная встреча с молодым королем.

1426

06.03

Артур де Ришмон, брат герцога Бретонского, с недавних пор коннетабль Франции, терпит поражение от англичан при Сен-Джеймс-де-Бевроне, которое произошло, видимо, не без участия англофила Жана де Мальтруа, Бретонского канцлера. Соломон Рейнах¹ полагал, что Жан де Мальтруа был настроен враждебно по отношению к Жилю со времен Сен-Джеймса. По всей вероятности, именно Мальтруа в 1440 году приказал повесить Жиля. Однако свидетельств о том, что их враждебные отношения имеют столь давние корни, нет. Более того, неизвестно, сражался ли Жиль при Сен-Джеймсе вообще. Но в результате этого поражения Иоанн V сближается с англичанами и вторично признает договор в Труа, по которому Генрих V становился наследником французской короны. Без поддержки брата Артур де Ришмон теряет влияние, теперь на первом плане – Жорж де Латремуй. Авторитет Латремуй в тот момент оказывается решающим для военной карьеры Жиля де Рэ, его кузена. Нам известно, что на самом деле влияние это было губительным. Латремуй будет противостоять пылкой Жанне д'Арк, более того, он будет чинить ей препятствия у стен Парижа. Только после того, как Латремуй лишился своего авторитета, Париж был взят окончательно и бесповоротно.

1427

19.06

Иоланда Арагонская назначает Жана де Краона своим главным военачальником. Аббат Бурдо², видимо, прав, когда соотносит это Ле-манская кампания против англичан

¹ Reinach S., Gilles de Rais, p. 270.

² Bourdeaut A., op. cit., p. 64.

назначение со взлетом карьеры Латремюя, который к тому времени еще не был явным врагом Иоланды Арагонской. Латремуй – кузен Жилия именно со стороны Краонов; сам Жиль отныне играет важную роль в борьбе французов с англичанами. Он богат, он щедро оплачивает труд многочисленных шпионов. Ведущую роль с французской стороны в этой ожесточенной борьбе играет способный полководец незнатного происхождения Амбруаз де Лоре, но похоже, что появление на сцене Жилия де Рэ во главе войск Жана де Краона придает ей новый импульс. Кроме того, к несметному богатству Жилия добавились несомненная храбрость, решимость и отвага. Замки Ренфор и Сен-Лоран-де-Мортье в Майенне, затем замки Люд и Маликорн в Сарте были отвоеваны у англичан. У нас есть основания связывать эту удачную для французов кампанию с вмешательством Латремюя.

Ок. 1427 Выходец из Пузожа Этьен Коррийо, которому тогда было около десяти лет, поступает на службу к Жилию де Рэ; позже он станет его любовником и будет поставлять ему детей и участвовать в их убийствах. 26 сентября 1440 года Коррийо будет казнен вместе со своим господином.

1428

Октябрь Англичане готовятся к осаде Орлеана. Поколебавшись между Орлеаном и Анже, они сосредоточивают под Орлеаном все силы, которыми располагают во Франции.

1429

06.03 Жиль де Рэ находится при дворе в Шиноне, когда Жанна д'Арк, приехав из Вокулера, встречается там с королем. Она хочет изгнать англичан из Французского королевства. Вначале Жанна намеревается освободить Орлеан, а затем вести Карла VII в Реймс. Именно там Карла должны были короновать, дабы придать его восхождению на престол сакральное величие.

08.04

Договор Жилия с Жоржем де Латремюем Жиль обязуется служить Жоржу, сеньору де Латремюю, всеми силами, «до самой смерти, невзирая ни на что, ни с какими не считаясь сеньорами и с кем бы то ни было другим, без исключения... в благословении и любви короля». Письмо составлено в Шиноне, подписано рукой Жилия и скреплено его печатью. С этим письмом согласуется и возложенная на Жилия миссия: именно он поведет войска, доверенные Жанне д'Арк королем. Не он один, но прежде всего отвечает за это именно Рэ – соратник фактического премьер-министра. Латремюю нужно держать ситуацию под контро-

дем и следить за ходом событий. Но главное, ему нужно соблюсти собственный интерес. Никто больше не должен встать между фаворитом и королем. Никто не должен извлечь из этих событий выгоду и обрести дополнительный вес, опасный для авторитета Латремуя.

В Блуа, где приготовлен обоз с провиантом, прибывает Жанна д'Арк в сопровождении сира де Гокура. Жиль де Рэ и подчиненные ему войска, а также герцог Алансон и Амбруаз де Лоре присоединяются к этому обозу. Вместе с эскортом в десять-двенадцать тысяч человек обоз направляется к Орлеану. Жанна д'Арк открывает марш пением «Veni Creator». Следуя предложению Жиля де Рэ, армия пересекает мост в Блуа и проходит через Солонь таким образом, чтобы при подъезде к осажденному городу она была отделена от него Луарой. Протесты Жанны д'Арк не повлияли на принятие этого решения, которое лишь откладывало битву. Жанна предпочитала атаковать Орлеан с правого берега, чтобы войти в него, не пересекая Луару на корабле.

28.04
Отъезд Жиля
и Жанны
д'Арк
в Орлеан

Королевская армия находится на левом берегу напротив Шеси. Жанна д'Арк снаряжает двести человек с провиантом на кораблях, под предводительством Орлеанского бастарда из находившегося перед нею города. Жиль де Рэ и бóльшая часть эскорта возвращаются в Блуа.

29.04

После некоторых колебаний королевская армия вновь выходит из Блуа, на этот раз по правому берегу. Она атакует город с той стороны, где у противника самые мощные укрепления, и делает это напрямик. Жанна д'Арк, сопровождаемая, в том числе, Флораном Д'Ильбером и де Лаиром, со знаменем в руках шествует впереди войска. Орлеанская Дева, части, вышедшие из Орлеана, и армия, прибывшая из Блуа, входят в город в боевом порядке, пересекая английские укрепления с западной стороны. Затем Жанна направляется на восток, к крепости Сен-Лу, которую отвоевывает с тяжелыми боями. Должно быть, это первая битва, в которой Жиль де Рэ участвует вместе с Жанной д'Арк. На следующий день, в праздник Вознесения, армия отдыхает.

04.05
Сражения
под Орлеаном

Полководцев одолевают сомнения. Однако армия атакует англичан на левом берегу, где присутствие Жанны д'Арк оказывается решающим для успешного штурма крепости августинцев. После

06.05

этого военачальники посчитали, что с них достаточно: поскольку провизии в городе вполне хватает, они полагают, что следует хотьешенько укрепиться там и ждать помощи от короля. Жиль де Рэ, скорее всего, поддержал эту партию.

- 07.05 Жанна отказывается бездействовать. Вначале она убеждает в своей правоте Орлеанского бастарда и Лаира; впрочем, вскоре Жиль де Рэ и другие следуют за ней к крепости Турель, у моста на левом берегу. После полудня Жанну д'Арк ранят в плечо арбалетной стрелой, когда она приставляет к стене лестницу. Соратники окружают Жанну и утешают ее; они считают, что штурм можно продолжить на следующий день. Но Жанна, напротив, полна решимости вновь кинуться в бой, она требует своего коня, и битва возобновляется. К концу дня Турель взята. У побежденных англичан множество жертв, их предводитель Гласдейл среди прочих сброшен в Луару. В этой битве, которая решала судьбу страны, Жиль де Рэ отважно сражается. Турельская битва – одна из тех, что принесли ему славу «весьма доблестного рыцаря», славу, которая пережила память о постыдном приговоре.
- 08.05 Англичане снимают осаду с Орлеана. Весь город и армия празднуют освобождение гигантским шествием, которое и поныне проводится ежегодно 8 мая.
- 12.06 Жанна д'Арк, возложив руководство армией на герцога Алансона, овладевает крепостью Жарго, в двадцати километрах выше по течению Луары. Свидетельств о том, что Жиль де Рэ участвовал в битве за Жарго, нет.
- 17.06 Жиль де Рэ участвует во взятии королевской армией Божанси, находящегося в двадцати пяти километрах от Орлеана вниз по течению Луары.
- 18.06 Поражение англичан при Пате, к северу от Божанси. Жиль де Рэ сражается плечом к плечу с Жанной д'Арк.
- 19.06 Армия-победительница в Орлеане.
- 24.06 Армия вновь отправляется в поход. В тот же день она прибывает в Жьен, однако относительно отбытия в Реймс возникают разногласия.

- Карл VII, Жанна д'Арк и, среди прочих полководцев, Жиль де Рэ отбывают в Реймс. 29.06
Отъезда
в Реймс
- Спустя несколько дней город Труа покоряется королевской армии, направляющейся в Реймс. 10.07
- Карла VII торжественно коронуют в соборе Реймса в присутствии Жанны д'Арк. Жилью де Рэ поручено привезти из аббатства Сен-Реми, куда он въезжает на коне, сосуд со святым елеем для миропомазания короля. В тот же день он становится маршалом Франции. Ему нет еще двадцати пяти лет. После коронации плачущая Жанна припадает к коленам короля. Карл VII и все вокруг него в слезах. Жиль де Рэ, который впоследствии будет вместе со своими сообщниками смеяться над детьми, чьи шеи они пережут, в тот момент, видимо, плакал вместе с героиней. 17.07
Коронавание
Карла VII
в Реймсе
Жиль де Рэ
маршал
Франции
- Карл VII и королевская армия въезжают в Компьень. Бове, Крей и Шантийи покоряются их власти. 10.08
- Жанна и герцог Алансон покидают Компьень и направляются к Парижу. В то же время коннетабль де Ришмон вторгается в Нормандию. Регент Бедфорд, озабоченный ситуацией в Нормандии, оставляет в Париже лишь небольшой гарнизон. 23.08
- Жанна д'Арк в Сен-Дени. 26.08
- Между Карлом VII и бургундцами, союзниками англичан, заключено перемирие. 29.08
- Карл VII прибывает в Сен-Дени. Его сопровождают бастард Орлеанский, маршалы де Буссак и де Рэ, Лаир и Ксентрай. 07.09
- Созвав вокруг себя «тех, кто ей подходил»,¹ Жанна д'Арк штурмует стены Парижа вместе с маршалом де Рэ и сиром де Гокуром. Они берут укрепление, защищавшее ворота Сент-Оноре (у площади Французского театра). Тогда в самом Париже казалось, что город готов сдаться. Но к вечеру бедро Жанны пронзила арбалетная стрела. И вновь в момент, который Жанна считает решающим, возле себя она желает видеть сира де Рэ: в любом случае

¹ Perceval de Cagny, в: Quicherat, Procès de... Jeanne d'Arc, т. IV, p. 26.

это означает, что она высоко оценивала его военную доблесть. Согласно Кишра, из всех хронистов наиболее информированным и заслуживающим доверия является Персеваль де Каньи.

09.09 Ранним утром герцог Алансон и Жанна д'Арк, которая не обращает внимания на свое ранение, готовятся к битве. Но по высочайшему повелению они должны присоединиться к королю в Сен-Дени. Логично предположить, что Латремуй обеспокоен. Со взятием Парижа (а оно казалось тогда весьма вероятным) Орлеанская дева приобрела бы необычайный авторитет, а фаворит оказался бы в тени. Вместе с тем он, похоже, боялся и прославления герцога Алансона. Снятие осады с Парижа, скорее всего, дело рук Латремую. Усталый Карл VII согласился на такой шаг. Как бы то ни было, принятое в этот день решение разрушить мост через Сену, который должен был облегчить взятие города, часто приписывают самому королю. Когда возникает необходимость, Жиль де Рэ должен служить интересам Латремую. Восьмого он сражается, а девятого следует указаниям.

13.09 Карл VII покидает Сен-Дени. Он уезжает к Луаре. Это отступление только вредит освобождению страны. Города, сдавшиеся Карлу VII, покинуты, и положение их становится опасным. Падение Жанны д'Арк, за которым последуют тюрьма и пламя казни, начинается с приказа об отступлении под Парижем.

Сентябрь К концу сентября официальные указы Карла VII удостоивают маршала де Рэ «ордена золотой лилии на лазурном поле», в дополнение к наградному оружию. В этих указах упоминаются «важная и достойная одобрения служба» и «великие опасности», в которых маршал проявил себя, «такие, как взятие Люда и множество других славных подвигов, снятие недавней осады английской у стен Орлеана..., а также битва в Пате, где после снятия названной осады помянутые недруги наши были рассеяны и, далее, поход, который мы осуществили недавно в Реймс, для коронования и миропомазания нашего, а также по ту сторону Сены, дабы отвоевать многие земли страны нашей...». На этих письмах отмечена резиденция Сюлли-сюр-Луар, то есть замок, принадлежавший Жоржу де Латремую, что свидетельствует о союзе между Жилем де Рэ и фаворитом Карла VII. В любом случае, Жанна д'Арк не упоминается. Говорили о дружеских чувствах Жилия к Жанне или Жанны к Жилю. Здесь мы видим лишь предположения некото-

рых современных авторов, которые, по наивности своей, говоря о Жиле де Рэ, хотели противопоставить его гнусному облику привлекательные черты. Говорили, что он исправился во время войны, находясь рядом с Жанной; это маловероятно; скорее всего, он решил использовать память о Жанне д'Арк во время длительного пребывания в Орлеане (в 1434 и 1435 годах): тогда Орлеанская дева пользовалась необыкновенной популярностью среди жителей города, и Жиль воспользовался возможностью и напомнил о том, что сражался с нею рука об руку. Однако в сентябре 1429 года представители канцелярии Карла VII пожелали засвидетельствовать свою благосклонность по отношению к этому высокородному маршалу, которому не было и двадцати пяти лет (сегодня же он знаменит лишь своими небывалыми преступлениями). Жанна д'Арк была забыта не сразу, однако власть предрержащие не хотели больше давать ей первые роли.

Ближе к концу года
Рождение Марии,
дочери Жилия

Рождение дочери Жилия, Марии, скорее всего, в Шантосе.

Нам известно, что в возрасте двадцати пяти лет (он родился в 1404 году) Жиль начинает растрачивать свое огромное состояние, продав родовое поместье Блезон. С 1434 года эти траты, по видимому, ускорились и быстро привели его к разорению.

Совершенно
неожиданно:
первая продажа
имения

В начале 1430 (или в конце 1429) года Жиль де Рэ командует войсками в Сабле, на Сарте. Иоланда Арагонская, регентша герцогства Анжуйского, воюет в это время с Латремумем; занятие Жилем Сабле – один из эпизодов распри. Оставив Сабле, Жиль пытается овладеть городом Шато-Эрмитаж, который был занят Жаном де Бюем, известным военачальником, грансеньором, автором книги, в которой историческая хроника сочетается с вымыслом. В этой книге под названием «Жувансель» не называются имена, но в деталях сообщается о событиях той войны. Жиль не сумел овладеть Шато-Эрмитажем. Жан де Бюй вовремя поднимает тревогу; однако после этого попадает в руки людей Жилия. Пленника привозят в Сабле. Жиль приказывает заточить его «совершенно одного в большую башню, в которой было у него много времени на досуге для размышлений, наблюдений и сочинений». Там Жан де Бюй придумывает коварный план мести; платит выкуп и, освободившись, приводит в Сабле подмогу. Впоследствии Жиль де Рэ вновь отнимает у него город; датировку сложно уточнить, но аббат Бурдо, имея на то разумные основания, считает, что это произошло

1430
Ок. 1430

перед нападением на Латремуя в июле 1433 года, положившим конец карьере фаворита и его конфликту с Иоландой Арагонской. Кстати говоря, подчиненный Иоланды, Жан де Бюй, участвует в этом нападении.

Нападение на Иоланду Арагонскую в Ансени По всей видимости, до июля 1433 года, а, быть может, даже до февраля 1431 года, происходит вооруженное нападение, жертвой которого оказывается Иоланда. Нападением организовано Жилем де Рэ или Жаиом де Краоном – или обоими; королева Сицилии мирно ехала по своему собственному домену, в Анжу, и когда она въезжала в город Ансени (находящийся по крайней мере в сорока километрах от Нанта вверх по течению Луары), люди из гарнизона Шантосе (расположенного в двадцати километрах выше по течению) останавливают часть эскорта, отнимают лошадей и скарб. В ту эпоху бандитизм не был чужд и грансеньорам.

26. 12 Жиль де Рэ в Лувьере В Лувьере Жиль де Рэ признает свой долг в двести шестьдесят золотых эку Ролану Мовуазену, капитану из Принсе (местечко, находящееся в вотчине Рэ). Эти двести шестьдесят эку нужны для покупки лошади другому капитану Жилия, Мишелю Машфе. Поскольку Жиль в Лувьере, а Жанна д'Арк в это время находится в темнице Руана, можно предположить, что готовилась военная операция по ее освобождению. Однако эта гипотеза кажется необоснованной. Во-первых, Карл VII не предпринял ничего для освобождения Жанны, которой он был обязан своим восхождением на престол. Но, прежде всего, Жиль связан с Латремуем, врагом Иоланды Арагонской, а Иоланда – единственная в окружении короля, кто по крайней мере заинтересован в Жанне. Очевидно, Жиль в то время разделяет безразличие, присущее всем, кто враждует вокруг Карла VII.

1431

22–24. 02 Жиль де Рэ и Жан де Краон выступают от имени Латремуя в качестве посредников на сложных переговорах с Иоанном V Бретонским и Иоландой Арагонской; они же являются и посредниками между Иоландой и Иоанном V. Место встреч – замок Шантосе. С 1430 года коннетабль Артур де Ришмон, брат Иоанна V, в сопровождении другого брата герцога, Ришара, графа Этампского, встречается там либо с Иоландой, либо с ее посланниками; речь идет об организации союза между домами Анжу и Бретани.¹ Во

1 Cosneau E., Arthur de Richemont, p. 180.

всяком случае, при встрече, проходившей с 22 по 24 февраля, Жорж де Латремуй общается там с Иоанном v. Оба они обмениваются совершенно абстрактными письменными заверениями в вечной дружбе. А вот о женитьбе Франсуа Бретонского, сына Иоанна, на Иоланде Арагонской, они договорились (свадьба состоялась в Нанте 20 августа того же года); это положило конец распрям, которые могли спровоцировать войну между Анжу и Бретанью. Нам неизвестна в точности роль Жилья и его деда на этих трудных переговорах. Возможно, они получали удовольствие от этих занятий, следуя изворотливым замыслам Латремуйя.

Жанна д'Арк сожжена в Руане.

30.05

Юный Генрих vi Английский становится королем Франции. Его коронуют в Соборе Парижской Богоматери. Но хотя Жанна д'Арк казнена, а церемония проходит в пышной и торжественной обстановке, Англия в это время в тяжелом положении. И только вредоносное влияние Латремуйя позволяет ей сохранять свои позиции на протяжении нескольких лет.

16.12

1432

После взятия Ланьи французы берут под контроль область нижнего течения Марны, вблизи Парижа. Регент Бедфорд лично прибывает на поле боя, дабы укрепить дух солдат. Жиль де Рэ вместе с бастардом Орлеанским, сиром де Гокуром, Ксентрайем и другими дает бой англичанам. Победоносная королевская армия вынуждает Англию снять осаду. Ланьи и Турель – это две восиних операции, принесшие маршалу славу отважного воина.

10.08

Сражение при Ланьи

Жан де Краон умирает. Видимо, он был в ужасе, узнав, на что способен его старший виук. Краона испугала не только его расточительность, он, должно быть, предвидел, чем обернутся порочность и жестокость Жилья. Свой меч и доспехи он с горечью оставляет младшему внуку, Рене! Впрочем, с приближением смерти Краона все больше заботит другое. Видимо, он уже не хочет быть надменным и грубым разбойником и требует, чтобы похороны были скромными.

15.11

Смерть деда

Жиль возмещает ущерб, причиненный приходу Луру-Ботро: Краон присваивал себе средства, выделенные для этого благотворительного заведения его прабабкой, Катрин де Машкуль, в конце XIV века.

26.11

Ок. 1432 Пуату, который прежде был пажом Жилия де Рэ, становится его «камердинером», однако до 1437 года он, скорее всего, не был посвящен в тайны своего господина.

1432–1433

Первые убийства детей Вот что говорится в показаниях Жилия по поводу начала преступлений (с. 202): «Когда же его спросили о месте, где он совершил помянутые преступления и о том, когда он сие начал творить..., он отвечал: вначале в крепости Шантосе, в год, когда скончался сеньор де Ласюз, дед его». Мы только что указали, что этот сеньор, Жан де Краон, умер 15 ноября 1432 года; не будем забывать и о том, что в Средние века новый год начинался весной.

В документах также сказано: «В каком месте он сам и слуги его убили множество детей, и число их велико; какое число – он в точности вспомнить не может, и совершил с ними... противозаконный грех содомский, а... знал тогда об этом лишь Жиль де Сийе...» (с. 207).

В показаниях, данных на светском суде, Пуату, который, по-видимому, с 1427 года, с десятилетнего возраста, состоял в услужении у Жилия де Рэ, уверяет, что Жиль совершал убийства в своих покоях в Шантосе, когда был жив Жан де Краон. Пуату слышал, как Рэ говорил об этом (с. 290), что, впрочем, не выглядит убедительным. Пуату утверждает, согласно обвинительному акту, что Рэ убивал детей, начиная с 1426 года. Вероятно, нам следует придерживаться даты, указанной самим Жилем: он начал совершать убийства в год смерти своего деда. Однако Рэ не говорит: «После его смерти». После того как старик ослабел настолько, что спокойно можно было действовать так, словно его уже нет, Жиль вполне мог совершать убийства в своих покоях. Разумеется, до того, как дед умер, он мог бы делать это и в другом месте. Во всяком случае, после смерти Краона или в момент, когда его смерть была близка, Жилия, вероятно, охватило и опьянило чувство самовластия, могущества, свободы. Его дед, этот хищный старик, видимо, повлиял на Рэ. Он ввел его в жизнь, был сообщником Жилия, давал ему советы в ратном деле, основанном на насилии и пренебрежении человеческой жизнью. Он научил его вести себя, подобно бандиту. На самом деле Жиль не вмешивается в денежные дела до 1424 года. Но с 1427 года, когда он начинает воевать, Жан де Краон становится главным наместником в Анжу, и Жиль оказывается там наравне с опытными полководцами. В провинции Ле-Ман он командует войсками Краона; именно благодаря деду он сходитя со своим родственником Жоржем де Латремуем – тот происходил из

рода Краонов. Скорее всего, дед был живым примером для Жилия. С этим беспринципным, безудержным человеком Рэ был на короткой ноге. Он жил бок о бок с дедом, и его завораживала такая жизнь! Но Жилия не оставляла мысль о сексуальном преступлении, а такое преступление возмутило бы старика. Кроме того, Краон старался избегать безумных растрат, а Жилию они кружили голову, и он не мог противиться этому наваждению. Со смертью деда внук оказался владельцем несметных богатств; ничто более не сдерживало терзающее его неистовство. Лишь преступление, это преодоление всех границ, лишь оно должно было даровать ему безграничную суверенность, которой в его глазах, глазах подростка, обладал старик. Жиль был соперником того, кто его воспитал, за кем он следовал и кем восхищался – того, который, превзойдя внука при жизни, теперь был мертв. Отныне Жиль сам собирается опередить его. Он превзойдет его в преступлении. Даже если Рэ и не рассуждал именно так, хмельная свобода сама перешла в постыдную распушенность.

По поводу датировки преступлений показания Жилия расходятся с обвинительным актом: в нем сказано «по прошествии четырнадцати лет». В этом акте, который предшествовал даче показаний, первые убийства относятся к 1426 году, но перед нами лишь бездоказательные предположения. Коль скоро Жиль сознавался во всем, он не ухудшил бы свое положение, согласись он в этом пункте с обвинением. Впрочем, датировка, приведенная в его показаниях, согласуется с той, что указана в первых свидетельствах об исчезновении детей.

На самом деле, эти свидетельства не связаны с Шантосе, который относится к герцогству Анжу: нантские судьи вели расследование лишь в пределах собственной юрисдикции, исключительно в герцогстве Бретонском.

Пять приведенных ниже свидетельств связаны с Машкулем Машкуля и относятся приблизительно ко времени между 1432 и 1433 годами, то есть, по старому стилю, это год, когда «скончался сеньор де Ласюз»:

1 Около 1432 года двенадцатилетний сын Жана Жедона из Машкуля был отправлен для обучения ремеслу к Гийому Илере, скорняку, который тоже жил в Машкуле. Гийом Илере, дающий показания вместе со своей женой Жанной, утверждает, что отдал ребенка Жнлю де Сийе под предлогом отправки его в замок с поручением. В тот же день, поздним вечером, Гийом Илере спрашивает у Жилия де Сийе и Роже де Бриквиля, куда делся его подмастерье.

Они отвечают: им ничего неизвестно, кроме того, что он пошел в Тиффож: «И куда-то, сообщает помянутый Сийе, где, как он считает, помянутого лакея поймали и забрали к себе разбойники, дабы он служил им пажом».

Жан Жедон, вызванный в суд в качестве свидетеля, подтверждает сказанное Илере. Показания этих первых свидетелей подтвердили Андре Барб, сапожник, Жанно Руссен и Жанна (вдова Эмери Эделена), а затем Маса Сорен и его жена, – тоже жители Машкуля. Мы увидим, что и эти последние вскоре хватились исчезнувшего ребенка. Илере полагает, что с момента пропажи сына Жана Жедона прошло семь или восемь лет. Допрос проходил 28 сентября 1440 года (или в один из следующих двух дней). Таким образом, согласно воспоминаниям Илере, убийства иначались в 1432 или 1433 году. Далее мы увидим: и других детей, о которых будет сказано ниже, скорее всего, похищали в 1432–1433 годах (сс. 268–272).

2 Сын Жанно Руссен из окрестностей Машкуля, девяти лет от роду, исчез, когда пас скот. По воспоминаниям свидетеля, он пропал на следующий день после того, как поступили жалобы на исчезновение сына Жана Жедона. Эти события явно связаны, они следуют одно за другим и, видимо, рождают всеобщий страх. Жиль де Сийе, причастный к пропаже сына Жана Жедона, причастен и к похищению ребенка Жанно Руссен. Этот ребенок хорошо знал общника сира де Рэ: очевидцы утверждают, что Жиль де Сийе разговаривал с ним, одетый в длинный плащ, лицо его было закрыто.

По поводу датировки этих событий в показаниях Жанно Руссен сказано, что с тех пор «прошло около девяти лет». Таким образом, мы должны были бы отнести это похищение, как и исчезновения остальных четырех известных нам жертв, к 1431 году, поскольку второе последовало за первым и, как мы увидим, третье и четвертое произошли вскоре после второго. Однако эти позднейшие оценки чрезвычайно расплывчаты; кроме того, поскольку сын Руссен исчез в возрасте девяти лет, Руссен могла перепутать возраст ребенка с давностью его исчезновения. Наконец, цифра восемь (и даже один раз семь) упоминалась в отношении других случаев пропажи детей, которые произошли почти одновременно, как о том довольно точно сказано в свидетельских показаниях (с. 270–272).

3 Жанна, вдова Эмери Эделена, а прежде – жена Жана Бонно, жалуется на исчезновение своего сына, живущего с ее матерью напротив замка Машкуль. Это был «очень красивый, белокурый, способный ребенок», восьмилетний школьник.

Процесс проходил приблизительно через восемь лет после его внезапного исчезновения, которое произошло за две недели до похищения сына Маса Сорена и после пропажи детей Жана Жедона и Жанно Руссен. Маса Сорен и его жена свидетельствуют о том, что с тех пор этого ребенка никто не видел (с. 270–271).

4 Исчезновение сына Маса Сорена не удостоверено самим отцом, который, однако, вместе с женой дает показания по делу о пропаже детей вдовы Эмери Эделена, Жанно Руссен, Жана Жедона (который, видимо, по недоразумению, назван Гийомом Жедоном) и Александра Шателье. В документах, не дошедших до нас полностью, очевидно, существует пробел, поскольку сама Жанна, вдова Эмери Эделена, уточняет, что через две недели после исчезновения ребенка Маса Сорена исчезает, в свою очередь, и ее собственный ребенок; это наиболее достоверные данные, которые для нас важнее всего. Однако здесь есть некая странность. Маса Сорен и его жена указывают на то, что ребенок Жанны, вдовы Эделена, не был сыном «помянутого Сорена». В любом случае, здесь перед нами, по-видимому, лакуна, а значит, понять причины этих странностей невозможно (с. 268, 270–272).

5 Исчезновение ребенка Александра Шателье (с. 268, 270) засвидетельствовано Андре Барбом, Гийомом Илере и его женой, наконец Маса Сореном с женой. Нам известно, что он пропал «приблизительно в то же время», когда исчез и ребенок вдовы Эделена, за две недели до пропажи ребенка Маса Сорена.

Из этих первых пяти свидетельств, данных спустя восемь лет, видно, какое серьезное беспокойство последовало за серией похищений, – столь серьезное, что по прошествии восьми лет семь человек в деталях вспоминают случившееся. Впрочем, в Машкуле через некоторое время после этих событий о них едва осмеливались говорить, в страхе перед людьми из капеллы сира де Рэ или другими его подчиненными, по словам сапожника Андре Барба (с. 268); жители Машкуля боялись, что если жалобы станут известны, их бросят в темницу или как-то иначе накажут. Но в краю Рэ тотчас же возникло недовольство. Поэтому Жиль де Сийе даже вынужден придумать легенду: детей увели в качестве заложников в обмен на его брата Мишеля, плененного англичанами; англичане якобы потребовали определенное количество мальчиков, чтобы сделать из них пажей (с. 271–272). Однако довольно быстро, когда ложь была разоблачена, рты затыкает страх, и лишь на суде языки развязываются. А во время процесса, восемь лет спустя, все свидетельства согласуются между собой. Роль, отводимая Жилу

де Сийе, в показаниях родителей и сира де Рэ одинакова. Этот Жиль де Сийе, кузен Жилия де Рэ, происходил из той же семьи, что и Анна де Сийе, поздно вышедшая замуж за Жана де Краона. Жиль де Сийе был соратником машкульского монстра (по крайней мере) с 1432 и вплоть до 1440 года, когда, во время процесса, он сумел вовремя ускользнуть. Сийе приводит сиру де Рэ детей и часто убивает их на его глазах. А Жиль, по-видимому, без труда с превращает своих соратников – а потом и слуг – в сообщников. Первым был Жиль де Сийе. Потом появится Роже де Бриквиль, о котором сразу же было сказано в показаниях сира де Рэ и который уже упоминался в свидетельстве Гийома Илере, относящемся к первому из известных нам похищений.

1433

Ок. 10.07 По указу Карла Анжуйского, сына королевы Иоланды Арагонской, племянника жены Карла VII, Жан де Бюй (военачальник на службе у Иоланды), Пьер де Брезе и Прежан де Коэтиви (высокопоставленный сеньор, который после 1440 года женится на дочери Жилия де Рэ) ночью, в замке Шинон, захватывают в плен Жоржа де Латремуя. Похищение произошло, несмотря на присутствие в замке Карла VII, фаворитом которого был Латремуй. Последний, «в великом страхе смерти», откупился; он обязывается никогда более не возвращаться ко двору. Партия Иоланды Арагонской и коннетабля де Ришмона одержала верх. Карл VII испытывает почти физическое отвращение к коннетаблю, сопернику Латремуя; а к Карлу Анжуйскому, которому тогда было двадцать лет, он, напротив, питает самые нежные чувства. С того времени Иоланда Арагонская обладает реальной властью. Карл VII дает волю своей теще, сын которой, Карл Анжуйский, выдвигается на первые роли в государстве. В этих условиях энергичный Артур де Ришмон, истинный враг Латремуя, готов взвалить на себя бремя войны с англичанами.

Жанна д'Арк даровала французам победу, но лишь Ришмону удастся ее организовать. Только он сможет поправить положение, ухудшенное интригами и политиканством Латремуя. Как бы то ни было, *удаление Латремуя знаменует собою конец карьеры Жилия де Рэ.*

1434

Март После опалы Латремуя маршал де Рэ еще раз появился в королевской армии – при Сийе-ле-Гийоме, где французы и англичане лишь демонстрируют силу, не вступая в бой. На этот раз королевской армией командует коннетабль. Он созывает «маршалов де Рэ

и де Рье, сира де Рострена и нескольких рыцарей и дворян из Бретани и Пуату». Королева Иоланда послала туда своего сына, Карла Анжуйского, с людьми из королевской свиты, пожелавшими за ним последовать. На призыв откликнулись сиры де Бюй, де Брез, де Коэтиви, де Шомон, виконт де Туар.¹ Герцог Алансон, сир де Лозак и другие тоже здесь. За редкими исключениями, в числе которых Жиль де Рэ, присутствовавшие полководцы – враги Латремуя. В тот день обе стороны просто устраивают парад, меряются силой. Противники просто наблюдают друг за другом, не отваживаясь броситься в атаку. Наконец англичане отступают в соседнюю деревню, где и укрепляются. Они возвращаются в заранее условленное место – в Сабле, откуда вышли. Однако вскоре они нападают на Сийе, город, не представлявший особого интереса. Через три дня этот город капитулирует. Ришмон сразу же возвращается ко двору.

Для Жилия де Рэ стычка в Сийе имеет особый смысл: с одной стороны, Сийе – это феодал вдовы его деда, с другой – самый преданный из сообщников и участников его оргий – Жиль де Сийе, кузен Анны (мы уже говорили о нем (с. 86)).

Вероятно, в этом происшествии Жиль де Рэ выглядел достойно.² При переходе через Мен жители Анже, видимо, восхищались его людьми. С того времени военные выезды Жилия отличались фантастической роскошью (возможно, после смерти деда пышности прибавилось). Когда карьера его подошла к концу и он осознал весь ужас своих преступлений, ему, видимо, захотелось еще больше блистать. На самом же деле он не мог не догадываться о том, что звезда его закатилась; должно быть, в этом великолепии, в его неслыханной щедрости таились скорбные чувства.

Между тем впавший в немилость Латремуй, несмотря ни на что, Весна...
сохранил многочисленных сторонников. Его влияние теперь нич- Бургундский
тожно, однако для Жилия де Рэ оно все еще имеет значение. Город похода
Гранси в Бургундии принадлежит герцогу Бурбону, который сохраняет хорошие отношения с Латремуем. Этот город осажден войсками герцога Бургундского, а у Латремуя в городе и вообще в той местности лишь два военных соединения. Он хочет, чтобы маршал де Рэ снял осаду с Гранси. Жилию нужны деньги. Латремуй ссужает ему 10000 реалов, заверив, что Карл VII возместит все

¹ Cosneau E., Arthur de Richemont, p. 208.

² Bourdeaut A., Chantocé, Gilles de Rays et les Ducs de Bretagne, p. 76.

его убитки. Жиль собирает в Бретани войска и получает в Туре благословение короля на освобождение Гранси. Карл VII перестал советоваться со своим прежним фаворитом, но в этом второстепенном деле он оказывает ему поддержку. Однако Жиль чувствует, что все кончено; он знает, что ему больше нечего ждать, и ограничивается лицемерными, показными жестами. Войска он доверяет своему младшему брату, двадцатилетнему Рене де Ласюзу. Из Тура он отправляется не в Орлеан, как говорили некоторые, а в Пуатье.

- 15.08 Город Гранси 15 августа сдается армии Филиппа Доброго.
- Жиль – каноник церкви св. Илария в Пуатье. Отказ от освобождения Гранси и церемония в храме св. Илария обозначают то итоговое направление, в котором движется отныне жизнь этого удивительного маршала Франции. Видимо, в жестокости битвы присутствовало нечто соблазнительное для Жилия. И разумеется, он был в этом настоящим мастером. Но вскоре большую часть времени Рэ стал посвящать своей страсти к парадам, где он мог блистать великолепным облачением. При Сийе-ле-Гийоме его военная дружина заметно выделяется. Став маршалом Франции, он содержит блестящую свиту. Он богат, тем более после смерти деда в 1432 году. И именно с этого момента начинается его падение. Его эскорт – это эскорт князя. Но еще больше, чем парад, педерастичного преступника возбуждают торжественность и роскошь великих религиозных обрядов. «Церковные песнопения» пьянят его, как вино и крепкие напитки. Литургические службы в то время, несмотря на военную разруху, были изумительны. Тогда они еще могли потрясать, ныне же их вытеснили другие зрелища. Жан де Бурдинье прерывает свое повествование об исторических событиях, чтобы показать, сколь совершенна была церковная служба в соборе Анже, которую Карл VII ежедневно посещал по время своего пребывания в городе: «Во Франции, – говорит хронист, – нет церкви, в которой служба Господу нашему отправлялась бы с большим благоговением, гимны, антифоны и все остальное, что поется в церкви, исполнялись бы степеннее, а церковные обряды отправлялись бы с большею пышностью...»¹ Конечно, Жиль де Рэ, часто проводивший время в Анже, был зна-

¹ Bourdigné Jean de, Histoire agrégative des annales et chroniques d'Anjou... fol. 137 verso.

ком с этими обрядами, присутствовал при них и, должно быть, восхищался ими, поскольку позже он впадет в экстаз, проходя мимо облачений лионских каноников.

В любом случае, путешествие в Пуатье проясняет существенные черты жизни Рэ. Образование церковного прихода и регентство Жиля в капелле с тех пор серьезно занимают его. Теперь он путешествует вместе с людьми из капеллы, сопровождающими его верхом. Скорее всего, он поступил так и в тот день, когда ему были оказаны церковные почести, которых прежде удостаивались среди мирян лишь герцоги Аквитании. Кроме того, в Пуатье его сопровождают двое молодых людей, чьи голоса восхищают его. Он вовлекает их в свои распутства. Это Аидре Бюше из Ванна, который по крайней мере дважды доставлял ему детей для убийства, и Жан Россиньоль из Ла-Рошели. Переодевшись каноником, Жиль в тот день назначает в церкви св. Илария две пребенды для этих молодых людей.

Из Пуатье маршал-каноник направляется в Орлеан, где на людях дает волю своей расточительности. В Орлеане он оказывается, самое позднее, 27 сентября; в тот день, как нам известно, некоторые из слуг Рэ за него поручились. Уже тогда стало ясно, что он не способен умерить свои немыслимые растраты.

27.09
Пребывание
в Орлеане

В документах, которые вплоть до пожара 1940 года хранились в нотариальных архивах Орлеана, приведены точные сведения об этих растратах, отчасти известные нам по работе аббата Боссара.¹

Во время пребывания (одиого или нескольких) в Орлеане Жиль де Рэ сопровождает его церковная свита и военные. Сам он живет в гостинице «Золотой крест», которая предназначалась теперь не для проезжающих, а для него самого, стала его домом, который он на время получил в свое распоряжение. Согласно обвинительному акту 1440 года, Жиль со своими людьми пытался совершать в этом доме заклинания злых духов (с. 181). Его брат, Рене де Ласюз, расположился в «Маленьком лососе». «Коллегия» Жиля, в состав которой входили церковные сановники из капеллы, находится в «Щите святого Георгия», у Гийома Анта; его «певчие» – в «Знаке меча», у Жана Фурнье; военные, среди которых его герольд, названный им Герольд-Рэ – в «Черной голове», у Анье Гровиллен; начальник его охраны, Луи из Анже, нареченный Луйино, – в «Большом лососе», у Гюйо Дени, как и

¹ Gilles de Rais, Maréchal de France, pp. 70–77.

другие его соратники, среди которых злодей Жиль де Сийе; рыцари его, монсеньор де Мартинье, монсеньор Фульк Бласм, Жан де Рен и Болеи – в «Образе Пресвятой Марии Магдалины»; Жан де Монтекле – у Колена Легоделье; его оруженосец, Гектор Бруасе, – в «Кубке», у Маса Дюбуа; лошади (его и брата Рене) – в гостинице «Рош-Буле», у Маргариты, вдовы Тевнона Юе; лошади его коллегии, викарий из капеллы, Оллине, некий Жан малый (Petit-Jean), священник Леблон и его цирюльник – в «Трубочисте», у Жана Кутюрье, прозванного Четвергом; сеньор Жан де Вейи, его прево¹ Буасулье, трубач по имени Жорж – у Жаннетты Ляпион; Тома, его «художник-иллюминатор» – в «Боге любви», у Маргариты; другие слуги распределились между «Белой лошадьё» у Шарля де Ало, «Дикарем» у Себиль Латразилон и «Орлеанским щитом», у Фулька д'Эстрапона².

Октябрь Раздраженный легкомысленной жизнью, из-за которой, как он считает, Жиль отказался от Гранси, Латремуй приезжает за ним в Орлеан. Он хочет вместе с ним отправиться на подмогу к герцогу Бурбону. Старый фаворит, вероятно, повлиял на маршала; вместе они добираются до Иссудена, а оттуда направляются в Бурбоне, где продолжается война между сторонниками Карла VII и бургундцами.

В орлеанских документах, использованных аббатом Боссаром³, говорится, что в октябре Жиль переехал в Монлусон. Нам известно, что он живет там до декабря, в «Экю де Франс». Там ему выписывают счет на восемьсот десять золотых реалов, из которых, уезжая, он смог оплатить лишь четыреста девяносто пять. Жилия все еще сопровождают войска, не говоря уже о многочисленной свите. Его расточительность принимает такой масштаб, что он испытывает постоянные затруднения. Жорж де Латремуй путешествует вместе с ним.

28.12 К этому времени Жиль возвращается в Орлеан, но нам неизвестно, сколько в точности он там пробыл. 28 декабря он подписывает в Орлеане некий документ. В октябре он был в Монлусоне и теперь вместе с Латремудом проводит некоторое время в тех краях. В Орлеан он мог вернуться уже в ноябре и живет там до января.

1 Судейская должность (*прим. пер.*).

2 Bossard E., *op. cit.*, p. 70.

3 Bossard E., *op. cit.*, pp. 77–78.

По его указанию 28 декабря был составлен по меньшей мере странный документ. Жиль приютил одного из своих нормандских кузенов, очень молодого, семья которого, преданная Карлу VII, была истреблена англичанами; этот Роже де Бриквиль упоминается уже в свидетельских показаниях, касавшихся Машкуля и отиосившихся к 1432 и 1433 годам. С 1432 года он получает жалование у сира де Рэ; наряду с Жилем де Сийе он становится его советником и участвует в совместных оргиях. Согласно показаниям самого маршала, в тайны свои он посвятил Бриквиля сразу вслед за Жилем де Сийе. 28 декабря 1434 года Рэ наделяет его невероятными полномочиями. Отныне Бриквиль может действовать от его имени; он может продавать замки и земли своего господина в Бретани, если это покажется ему правильным; более того, он получает право, если захочет, просить руки и жениться на дочери своего господина! Марии тогда около четырех лет. Как считает аббат Бурдо, чтобы объяснить, откуда взялись такие неслыханные полномочия, следует представить себе развратную, хмельную ночь, [которую сообщники провели вместе]. Ребенок родился в конце 1429 года. Отец, который, казалось, уже давно не имел никаких связей со своей женой, отлучился как раз незадолго до того...

Жиль де Рэ в последний раз пытается (по меньшей мере, так кажется) удержать свои позиции в игре, в которую он начал играть вместе с Латремумом. Кузены, путешествующие вместе, находятся в Фор, когда Карл VII и Филипп Бургундский подписывают мирный договор.

Этот мир, которого король желал уже давно, положил конец междоусобной войне, обострившейся из-за убийства Жана Бесстрашного на мосту в Монтро. Герцог Филипп лишь спустя семнадцать лет решил простить смерть своего отца, в организации которой, похоже, принимал участие и Карл VII. Значение имело лишь желание грансеньера отомстить, а не страдания простых людей. Мирный договор был наконец подписан в Невере, 5 и 6 февраля 1435 года.

Мы уже сказали: Латремуй и Жиль в это время в Фор. Они решают вместе отправиться в Лангр, затем в Лаон, где продолжается война; Жан Люксембургский, союзник Филиппа Доброго, отказывается от перемирия. Он продолжает угрожать Лаону. Латремуй очевидно надеется, напав на него и, быть может, освободив Лаон, хоть отчасти вернуть доверие Карла VII, которое он утратил.

1435

Начало
февраля
Поход против
Жана Люк-
сембургского

Оба приятеля сумели бы стянуть в те земли войска. Однако не достаёт денег. Видимо, с целью отделаться от Латремюя Жиль соглашается поехать в Лион и воспользоваться своим кредитом, чтобы занять у банкиров денег и выплатить солдатам жалованье. В Лангр Жиль возвращается с какими-то средствами, но как только речь заходит о движении к Лаону, он наталкивается на сопротивление своих военачальников; розданных денег недостаточно. Жиль не умел по-настоящему решать денежные вопросы; его постоянно обирали. «Многим было очевидно», что Латремуй злоупотреблял доверием и безумной расточительностью своего кузена. Латремюя упрекают, а тому остается лишь посмеяться; «Добром было бы, – говорит Латремуй, – вдохновить его на дурные дела!».

«Циничные слова, свидетельствующие о том, насколько бывший министр Карла VII и многие другие уважали маршала де Рэ».¹ В любом случае в Лангре Жиль еще раз бросает начатое дело, возложив на своего брата обязанность вести войска к Лаону, если получится. Он уезжает в Орлеан под предлогом того, что будет искать недостающие деньги. В Лангре он даже подписывает документ, согласно которому если он и его брат умрут, не оставив наследников, Шантосе достанется Жоржу де Латремую.² Однако неверно вслед за аббатом Бурдо делать из этого вывод, будто Жиль намеревался связать себя с Жоржем де Латремюем более тесными узами. Такое соглашение – простая условность. В тот же самый момент Жиль решительно сходит с пути, на который вывел его Латремуй.

26.02 Второй визит в Орлеан В Орлеане Жиль продает или закладывает серебряный ковчезец св. Гонория.³ Внешне эта сделка согласуется с теми намерениями, о которых было сказано Латремую. На самом деле, она положила начало серии сделок, имеющих смысл лишь в свете безрассудной и безудержной жизни, которая отныне только и волнует маршала.

26.03 Основание Капеллы Невинных младенцев в Машкуле Парадокс, но в этой безрассудной жизни нам следует прежде всего упомянуть о благочестивом деянии – об основании капеллы в Машкуле. Двум нотариусам из Орлеана, Жану Казо и Жану де Реконену, Жиль поручает составить акт, подтверждающий создание капеллы, которая по великолепию церемоний и богатству клира соперничала с коллегиальной церковью и даже с собором. Подлинник этого акта до 1440 года хранился в Орлеане. Аббат

1 Bourdeaut A., Chantocé, Gilles de Rays et les Ducs de Bretagne, p. 78.

2 Op. cit., p. 79.

3 Bossard E., Gilles de Rais, maréchal de France, p. 78.

Боссар воспроизводит его фрагмент, который мы считаем необходимым процитировать и здесь.

Этот текст освещает одну из самых страниных черт жизни де-тоубийцы, которая приводит нас в замешательство: «Поскольку благородный сеньор, монсеньор Жиль, сеньор де Рэ, граф Бриенский, сеньор де Шантосе и де Пузож, маршал Франции, во благо и во спасение души своей и дабы пред Господом нашим Иисусом Христом остался в памяти он и его усопшие отец, мать, родственники, друзья и покойные благодетели, – учредил капеллу в память Невинных младенцев, в Машкуле-ан-Рэ, в герцогстве Бретонском; и поскольку при основании сием он назначил викария, старейшину, архидиакона, казначея, каиоников, капитул и коллегию; а также назначил и предоставил им ренту, доходы и владения для пропитания их и нужд, дабы служба церковная преуспевала и могла впредь отправляться в помянутой местности Машкуль; и поскольку помянутый сеньор имел и до сих пор имеет добрые устремления и твердые намерения поддерживать сие начинание, что он выказывал и непременно выказывает по сей деиь, от всего сердца желая, дабы после кончины его помянутые викарий, старейшина и капитул снабжались и охранялись бы, не теряя собственности своей и имущества, им от него, как было сказано, данного и предоставленного, и чтобы их охраняли и оберегали от всякого притеснения, сеньор сей отдал королю Сицилии и герцогу Анжуйскому, от лица коих имеет он феода, относящийся к герцогству Анжу, замок Шантосе и прилегающие области, за исключением денежной расписки или дорожной пошлины с той земли, где помянутая капелла находится, и он отдал герцогу Бретонскому половину всех поместий, баронских угодий и земель Рэ, дабы в случае, если госпожа Катрин де Туар, супруга помянутого монсеньора де Рэ, или мадемуазель Мария де Рэ, дочь его, или иные родственники, друзья, наследники и доверители, кои от имени помянутой девицы Марии или иначе каким-либо образом или по какой-либо причине оспорят или приостановят помянутое начинание, названные сеньоры король Сицилии и герцог Анжуйский и герцог Бретонский могли помогать, поддерживать и защищать их...».¹

Разумеется, подобные соглашения мало что значат. В частности, дарение Шантосе Латремю (если Жиль умрет, не оставив наследников) невозможно было согласовать с условным легатом² королю Рене. В обоих случаях мы имеем дело с пустыми, ничего

¹ Op. cit., pp. 61, 62.

² Завещательный отказ, связанный с определенными условиями (*прим. пер.*).

не значившими заявлениями. Однако они свидетельствуют о том, сколь привязан был Жиль к этому разорительному для него мероприятию.

Мы видели, как боялись жители Машкуля, родители невинных жертв мецената, что их жалобы дойдут до «людей из капеллы сира де Рэ»! Капелла Невинных младенцев, логово детоубийцы! Жан Россиньоля, Андре Бюше – люди, участвовавшие в преступлении Жилия, благоговейно чтители память Невинных младенцев!

Документ тех лет, не включенный в акт от 26 марта 1435 года, дает нам точные сведения об этом кровавом святилище. Сочинение, в котором наследники сира де Рэ после его смерти намеревались доказать расточительность своего предка, содержит следующий текст:

Куда бы Жиль ни направлялся, в свите его была хоровая капелла, состоявшая из двадцати пяти–тридцати человек, детей, капеллана, юных служек и других; он возил их за собою в своих путешествиях таким образом, что свита его благодаря помянутой капелле, включая прислугу, составляла более пятидесяти человек и столько же лошадей, и все были на его обеспечении. И было в той капелле у него множество золотых и шелковых тканей, подсвечников, кадил, распятий, блюд и проч. весьма роскошных, обошедшихся в три раза дороже стоимости их, с несколькими органами, один из коих должны были носить за ним шесть человек. И были у него в названной капелле старейшина, певчие, архидьяконы, викарии, школьный учитель и проч., словно в соборах, а один из них называл себя епископом; кому-то он платил четыре экю, другим три сотни, покрывая их расходы; он переодевал их в пунцовые платья с подбоем, отороченные мехом и проч., богато выделанные беличьи шапки, и проч., в тщеславии же их не было ни благочестия, ни порядочности. А когда его охватывало желание по отношению к кому-то из них, он, помимо жалования его, отдавал ему и даже родственникам его свои владения, как, например, некому Россиньолю, из Ла-Рошели, и ребенку-хористу из Пуатье, коему он отдал земли в Ла-Ривьере, близ Машкуля, стоившие двести ливров ренты; более того, он отдал отцу его и матери более двух сотен экю.¹

Эти безумные траты вынуждают Жилия ступить на гибельный путь. Сдержаться он не в состоянии. В Орлеане, например, он закладывает свое движимое и недвижимое имущество, ибо нуж-

¹ Mémoire des héritiers de Gilles de Rais pour prouver sa prodigalité в: Maurice Dom N., Mémoires..., t. II, col. 1357–1358.

дается в звонкой монете. Мы уже говорили о том, что 26 февраля он продает (или закладывает) серебряный ковчег.

16 апреля 1435 года он закладывает «мантию, позолоченный серебряный балдахин, выполненный в зеленом цвете, с инкрустированными золотыми птицами, снабженный капюшоном и сделанный в Париже, вместе с ризой и далматиком дьякона».

Он закладывает «два капюшона для церковной мантии, на одном вышита была Троица, на другом – коронация Пресвятой Девы, велюровую мантию багрового и фиолетового цвета, с золотым сукном, украшенным попарно картинками, атласный далматик, выполненный в темном цвете с шелковым сукном; балдахин в тринадцать локтей, с золотыми птичками, привезенный с Кипра». 30.04

В документах отсутствуют точные указания на тот факт, что Жиль участвовал в празднествах, посвященных Жанне д'Арк в 1435 году, однако у нас есть все основания полагать, что его участие, как ни парадоксально, сыграло очень важную роль. Скорее всего, именно на это тратились немыслимые суммы, испарившиеся в течение нескольких месяцев. 08.05

Во-первых, нам известно из уже процитированного «Сочинения наследников» (с. 94), что значительная часть его расходов была связана с театром. Он ставил за свой счет разные представления: «мистерии», «розыгрыши», «фарсы», «пьесы в мавританском стиле», «олицетворения», «моралите». Маршалу нужны были пышные спектакли. «Всякий раз, как повелевал он им играть, они должны были облачаться в разные одеяния, сообразно тому, что игралось». Театр той эпохи был похож на прекрасные композиции, чье изящество напоминало о стиле гобеленов. Здесь, как и повсюду, жажда роскоши у Жилия не знала границ. Он так хотел восхищать, что на подмостках, несущих сцену и декорации (которые следовало воздвигать заново для каждого представления), по его указанию, разливали вино и гипокрас, не говоря уже о раздаче яств зрителям. Жиль де Рэ Праздник в честь Жанны д'Арк и скандальные траты

Нам также известно, что ежегодно, начиная с 1429 года, освобождение Орлеана широко празднуется и всегда сопровождается процессией. Мы читаем в городских счетах за 1435 год:

«Гийому Лешаррону и Мишле Фийо даруется, дабы помочь им покрыть стоимость их подмостков и иные расходы, сделанные мая восьмого дня 1435 года, когда они показывали мистерии на мосту во время процессии».

Очевидно, имеется в виду «Мистерия об осаде Орлеана». Эта грандиозная театральная феерия, в которой было более двадцати тысяч стихов и участвовали около пятисот актеров, ныне предана забвению. Однако она была издана по французскому манускрипту XV века, хранившемуся в библиотеке Ватикана, где он оказался, скорее всего, после ограбления в 1562 году аббатства св. Бенедикта на Луаре, неподалеку от Орлеана. Эта мистерия была сочинена орлеанцем вскоре после тех событий и предназначалась для сцены, поскольку ремарки и сценические пояснения даются с неизменной точностью. Но сыграть ее могли только в Орлеане и для его жителей. А другой отрывок из документов (счетов) свидетельствует о том, что эпизоды осады разыгрывались в городе почти в это же время. Вот что написано в счетах за 1439 год:

«Иоанну Илеру, за покупку штайдарта и знамени, бывших с Монсеньором де Рэ, дабы представить, как взята была у англичан Турель, мая, восьмого дня, VII турских ливров...»

Сложно представить себе, что мистерия, которую разыгрывали на мосту в 1435 году, не имеет ничего общего с «Мистерией об осаде»¹, если нам доподлинно известно, что в то же самое время в Орлеане ставится «Взятие Турели». Крепость Турель стояла у моста. То есть в обоих случаях все происходит рядом с мостом, притом штурм Турели есть не что иное, как решающий момент осады, а, следовательно, и «Мистерии об осаде». Это не означает, что мистерию поставили целиком, однако по крайней мере один эпизод из нее был сыгран во время процессии 8 мая.

Персонаж Жилья де Рэ играет в «Мистерии об осаде» важную роль. Его штандарт и знамя действительно необходимы при изображении взятия Турели, где он отличился. В 1439 году город их покупает. Мы не можем узнать, кто продал их Иоанну Илеру, нам известно лишь, «что были они с монсеньором де Рэ» и принадлежали ему изначально.

С некоторой долей уверенности можно утверждать, что Жилья де Рэ лично принимал участие в спектаклях, поставленных во время чествования Жанны д'Арк в 1435 году в Орлеане. На каких условиях и в какой роли он там выступал, нам неизвестно. Но в «Сочинении наследников»² сообщается, что во время своего

1 Le Mystère du Siège d'Orléans. Опубликовано по ватиканскому манускрипту... В этой чрезвычайно длинной театральной пьесе, написанной после осады, изображены различные ее эпизоды.

2 В: Morice Dom H., Mémoires..., col. 1338.

пребывания в Орлеане (речь идет о двух или более визитах, продолжавшихся с сентября 1434 по август 1435 года) Жиль тратит от 80000 до 100000 золотых экю (сотни миллионов, а, быть может, и миллиард франков в 1959 году).

Кроме того, пребывание в Орлеане явно сказалось на общем финансовом положении Жилия. Нам известно, что у него есть страсть к пышным спектаклям и что эта страсть разоряет его. Поэтому разумно предположить, что он принял участие в расходах на спектакли, которые были поставлены в мае 1435 года. Это был исключительный случай; видимо, таких представлений больше не давалось.

В том году его расходы и масштабные распродажи земель (которые только и позволяли эти расходы покрыть) приводят к тому, что семья начинает бунтовать. Его брат вместе с кузеном, Андре де Лавалем-Лозаком, получают от Карла VII, считавшего, что маршал разорен, интердикты, написанные 2 июля 1435 года в Амбюазе. Жиль теряет право на продажу своей собственности, и отныне никому не позволено заключать с ним сделки. Этот запрет всенародно оглашен повсюду, где обыкновенно останавливается Жиль де Рэ: в Орлеане, Туре, Анже, Шантосе, Пузоже, Тиффоже...

Еще до этого, в Орлеане, он продавал крупные имения так быстро, что мы можем с уверенностью сказать, не имея возможности «установить баланс всех сделок злополучного барона»: когда был провозглашен интердикт, у него в Пуату не оставалось ничего, кроме собственности его жены, прикасаться к которой не дозволял обычай; ничего не оставалось в Мене; ничего не оставалось в Анжу, кроме Ингранда и Шантосе. И только его вотчины в Бретани оказались по большей части нетронутыми.¹

Распродавая свои владения, Жиль вынужден был прибегать к любым средствам. 7 июля, например, он закладывает в Орлеане золотые подсвечники. Скорее всего, они были из капеллы в Машкуле.

Шарлю де Ало, владельцу гостиницы «Белая лошадь», он закладывает несколько весьма ценных вещей на двести шестьдесят золотых реалов: манускрипт Валерия Максима²; «О граде Божиим» Блаженного Августина, на латыни; еще один экземпляр «О граде

02.07
Интердикты
Карла VII
и продажа
имений

07.07

25.08

¹ Bourdeaut A., Chantocé, Gilles de Rays et les Ducs de Bretagne, pp. 86–87.

² Валерий Максим (I в. н. э.) – римский историк и писатель (прим. пер.).

Божием» – на французском языке; две мантии, одна из которых сделана из шелковой узорчатой ткани, и черную атласную ризу.

Приблизительно в то же время он закладывает, на этот раз у Жана Буало, четвертый манускрипт, «Метаморфозы» Овидия, о котором мы узнаем, что это был пергамент «в золоченой коже, украшенный медными ключиками и с позолоченной серебряной застежкой». Два года спустя этот манускрипт был выкуплен.

Еще во время пребывания в Орлеане он закладывает своих лошадей, даже своего любимого коня, Кассенуа; закладывает он и повозки вместе с упряжью.

Август– Жиль покидает Орлеан и возвращается в свои владения видимо, сентябрь в домене Рэ. Из-за чрезмерных растрат и наложенного на него интердикта он лишен кредитов. По всей видимости, окончательно он не разорен, но его могущество серьезно пошатнулось. С ним остаются лишь те из соратников, кто падок до щедрот расточительного безумца.

Военные Гийом де Лажюмельер – рыцарь, который следовал за Жилем с самого начала и был с ним еще в Орлеане, где, как нам известно, он сборы Жили де Рэ служил ему (Жиль размещает его в гостинице «Образ Пресвятой Гийом де Марии Магдалины», в документах он указывается под именем Лажюмельер монсеиора де Мартинье), – решительно порывает с ним. Этот разрыв знаменует возникшее теперь ощущение того, что Жиль порывает непосредствен, что он сбился с пути.¹

Но, возможно, Гийом де Лажюмельер прослышал не только о скандальных распродажах и растратах, но и о преступных деяниях маршала. Скандал, конечно, не разразился за один день. Слухи распространяются медленно. Бедняки говорят, но сами трясутся от страха; сеньоры порой умолкают по иным причинам; их мотивы те же, что и у церковников, склонных утаивать грехи, совершенные своими: они осыпают проклятиями грешников, ио при этом замалчивают их грехи.

Конец года Следующее свидетельство можно при необходимости связать с возвращением Жили из Орлеана. Однако, прежде всего, следует сказать, что его нельзя принимать всерьез. Во время процесса нотариус сохранил это свидетельство, но его бессвязность могла лишь повредить доказательствам обвинения. Если мы и говорим о нем,

¹ Op. cit., pp. 91, 92 и 93.

как о других, столь же значимых, то лишь затем, чтобы быть точными, и здесь есть повод еще раз подчеркнуть, что обвинение в целом основано на точных свидетельствах, число которых значительно.

На процессе в 1440 году житель Машкуля, Гийом Илере, проходивший как свидетель по первому из указанных выше пяти эпизодов (с. 270), утверждает, что «видел прежде, как некая женщина из Рэ, имени коей он не знает, жаловалась в Машкуле, что у нее пропал ребенок». Эта фраза следует за рассказом о событии, по поводу которого свидетель говорит, что произошло оно «около пяти лет назад»: стало быть, в 1435 году. Но встреча с неизвестной ничего не доказывает и вполне может относиться к другому времени (с. 270). Как бы то ни было, это смутное воспоминание о страданиях матери полностью вписывается в ту атмосферу, которая воцарилась в землях Рэ после того, как туда вернулся их правитель и укрывался за высокими стенами.

Жиль жестоко повздорил с Мишеlem де Фонтене, одним из двоих наставников, которым отец Рэ 28 сентября 1415 года, составляя на смертном одре завещание, решил его доверить. Мишель де Фонтене, священник из Анже, связанный дружескими отношениями с местным университетом, способствовал публикации в Шантосе королевских интердиктов, направленных против Жияя. Проезжая через Анже, сир де Рэ приказывает схватить его. Применяв насилие, Жиль тем самым публично притязал на обладание той властью, которой у него не было. Такое злоупотребление властными полномочиями было тем более безумным потому, что Мишель де Фонтене – священник и именитый житель города. Жиль заточает его в Шантосе, а потом в Машкуле; в этих темницах его безусловно ожидал бы тот же конец, что и несчастного Жияя Мешена в 1423 году (с. 71–72). Но после протестов епископа, офицеров и университета сир де Рэ вынужден отпустить человека, которому в детстве был отдан на воспитание.¹

1436

Нападение на Мишеля де Фонтене

Очевидно, семья, – в первую очередь, брат, Рене де Ласюз, и кузен, Андре де Лаваль-Лозак, – готова решительно воспрепятствовать любым договорам, которые стремится заключить с Жилем Иоанн V Бретонский, открыто отказавшийся выполнять интердикт. Желая предупредить намерения этих двух сеньоров, связанных с ним узами вассалитета, Иоанн V требует от них принести обет верности.

24 и 25 августа

¹ Op. cit., pp. 95, 96.

05.09 Опасаясь интриг и, возможно, военных нападений со стороны родственников Рэ, Иоанн v лично направляется в Машкуль. Там ему присягают капитаны, которые были наместниками в принадлежавших Жилью и еще не проданных землях в Бретани. Мишель де Сийе, брат Жилья де Сийе, и его правая рука, Жан де Дрезнек – в Машкуле; Конан де Вьейшатель – в Сен-Этьен-де-Мерморте; Ивон де Керсалью – в Порнике; Валентин де Мортме – в Луру-Ботро. Скорее всего, эти люди были более преданны семье Жилья, чем ему самому.

13.09 Младший сын Иоланды Арагонской, Карл, управляет Анжу от имени своего брата, Рене, короля Сицилии, «добротого короля Рене», который в то время был пленником Филиппа Бургундского; вместе с тем с 1433 года Карл фактически является первым министром Карла VII. 13 сентября Карл Анжуйский, граф де Мен, встречается в Ансени, на берегу Луары, с Иоанном v Бретонским и коннетаблем де Ришмоном. Жиль де Рэ все еще может продать свои земли в пределах герцогства Бретонского, где, как мы знаем, находится значительная часть его владений. Но самое главное, в Анжу у него по-прежнему остаются прекрасные крепости Ингранд и Шантосе, которыми Иоанн v хотел бы завладеть любой ценой: Шантосе на Луаре – это, в некотором смысле, ключ ко всей Бретани. Судьба Шантосе обсуждается в Ансени, где присутствуют брат Жилья, Рене, ставший правой рукой коннетабля де Ришмона, и Андре де Лозак, его кузен, защищающий вместе с Рене интересы семьи маршала. На этой встрече присутствуют также Дюнуа и Жан де Бюй. Проблема Шантосе, возникшая в связи с разорением Жилья, наиболее значима. Иоанн v, очевидно, хотел лишь выиграть время. Нам неизвестно, каким образом ему удастся их успокоить, но он соглашается обменяться дружественными письмами с сыном Иоланды Арагонской. Иоанн v и не намеревается соблюдать дружеские соглашения! Дружба и преданность провозглашаются с обеих сторон, но никто не собирается держать слово!

1437

Приблизительно в начале года Пуату и Анрие – слуги Жилья де Рэ
Этьен Коррийо, прозванный Пуату, родом из Пузожа, становится слугой Жилья де Рэ. В то время ему меньше двадцати лет. Согласно показаниям этого Пуату на церковном процессе (с. 241), Жиль вступил с ним в связь с момента, когда тот начал у него жить; после чего Рэ хотел его убить и даже схватил кинжал, чтобы сделать это, но Жиль де Сийе остановил его, объяснив, что Пуату – милый мальчик и что надо оставить его в живых. В протоколах гражданс-

кого процесса (с. 289) сказано, что спустя десять лет после поступления на службу к Жилю (Пуату стал его слугой приблизительно в 1427 году), он увидел двух мертвых детей в комнате своего господина. Жиль хочет убить слугу, но Бриквиль и Сийе останавливают его. Тогда Жиль вступает с ним плотское сношение, а затем берет с него клятву никогда не разглашать ни того, что он видел, ни того, что еще увидит (с. 241 и 289). Пуату будет блюсти тайну Жилья, поставлять господину жертв и резать им горло; его повесят вместе с Рэ (с. 141).

В это время другой лакей, парижанин Анриэ Грийяр, находится на службе у сира де Рэ уже почти три года, но в тайны все еще не посвящен. Немного позже Пуату получит указание ввести Анриэ в курс дела.

В начале 1437 года Катрин, жена художника по имени Тьерри, живущего в Нанте, передает своего брата в руки Аириэ, дабы мальчик был принят в Машкульскую капеллу. По собственному признанию Анриэ, это первый ребенок, которого он привел в Машкуль, в комнату, где тот был убит. Видимо, сначала Анриэ не знал, в чем дело. Господин заставляет его поклясться: он должен молчать и не выдавать тех тайн, о которых узнает. После этого, согласно показаниям Анриэ, брат Катрин Тьерри исчез, что его очень удивило. И именно тогда Анриэ начал догадываться, что Жиль убил ребенка собственными руками.

Показания Пуату и Анриэ согласуются, но если верить Аириэ, это убийство произошло за три года до процесса, Пуату же говорит о четырех годах. Лишь по этим разноречивым указаниям мы можем приблизительно установить время, когда Пуату, а за ним и Анриэ, становятся сообщниками своего господина (сс. 239–240, 248–249, 286).

Рене Анжуйский, пленник Филиппа Бургундского, освобожден 28 января. Он сразу же возвращается в Анжу. Рене де Ласюз и Андре де Лозак просят его воспротивиться возможной продаже Ингранда и Шантосе, вспоминая насильственные и грабительские выходы Жилья де Рэ: разве не люди Рэ нападали на его мать? Рене Анжуйский объявляет, что Шантосе изымается в его пользу. Затем он получит от Иоанна в письменное обещание не покупать Шантосе, скрепленное печатью и подписью. Иоанн в даже поклялся «на теле Господа нашего, во время мессы».¹

Убийство
брата Катрин
Тьерри

Февраль или
март

¹ Op. cit., p. 98.

Но при этом он продолжает обсуждать условия продажи с сиром де Рэ!

26.05 Согласно бретонскому обычаю, Иоанн V не имел права покупать земли своих вассалов. Вот почему сеньорию Ла-Бенат он покупает на имя своего сына Пьера за десять тысяч экю. Принсе, военному герольду Жилия, который в этом деле преследовал его интересы, он дает шестьдесят ливров. Однако Иоанн V встречает сопротивление Анны де Сийе, вдовы Жана де Краона; при жизни муж оставил ей эти земли в наследство.

Октябрь Семья Жилия овладевает Шантосе
Жилья пове-
левает сжечь
останки детей
в Машкуле

Узнав о переговорах между Иоанном V и Жилем де Рэ, полные решимости покончить с этим делом, Рене де Ласюз и Андре де Лаваль-Лозак захватывают Шантосе. Жилия одолевает страх и, опасаясь нападения на Машкуль, он требует от Жилия де Сийе и Робена Ромуляра убрать «из башни, что у нижних покоев» крепости «останки сорока или около того детей» и сжечь их. Позже, согласно показаниям Пуату, Жиль де Сийе сказал ему и Анри: «Не велли себя мессир Роже де Бриквиль предательски, ведь он позволил мадам де Жарвиль и Томену д'Арагену подглядывать за мною и за Робеном Ромуляром через бойницу, когда мы убирали помянутые останки?» (с. 251). Благородных друзей Бриквилья очевидно влекло нездоровое любопытство. Такую историю не придумаешь: в ней найдется место для смутного негодования, открытого скандала, порой неопишемого возмущения, порожденных преступлениями сира де Рэ. Жиль без труда собирает вокруг себя огромное количество сообщников, и оттого ему кажется, что преступления его вовсе не так чудовищны; в конечном счете, речь идет о грансеньоре и жалких детях. Реакция правосудия последовала по другому поводу; при определенных политических обстоятельствах судьи на многое закрывали глаза.

Ноябрь Семья Жилья завладевает Машкулем и обнаруживает детские останки

Останки сожжены за две или три недели до прибытия сира де Ласюза и сира де Лозака в замок Машкуль (с. 251). Брат и кузен Жилия захватывают Машкуль в ноябре. Несмотря на то, что Жиль де Сийе и Робен Ромуляр пытались замести следы, в нижних помещениях башни, откуда были убраны останки сорока жертв, еще оставались два детских скелета. Командир одной из воинских частей, захвативших замок, спрашивает у Пуату и Анри, было ли им известно об этом. На допросе слуги говорят, что ответили

отрицательно: Жиль «не посвятил их в свои тайны». Очевидно, они лгут. Если бы они узнали обо всем лишь после взятия Машкуля, то есть, по логике вещей, с момента переезда из Шантосе (с. 100–101), то им обоим стало бы все известно одновременно. Однако мы уже знаем, что первым был Пуату, который затем посвятил в тайны Арире (с. 285).

Когда были обнаружены останки детей, это, вероятно, сыграло свою роль в возникновении и распространении слухов. На этот раз о преступлениях Жилья узнали сеньоры, аристократы, и не только его родственники, но и враги.

Иоанн V испугался, что Анжу вяжется в войну с Бретанью. Жан де Бюй мог вторгнуться в его земли из Сабле. Вот почему герцог созывает в Ванн вассалов со всего герцогства, среди которых сиры де Роан, де Шатобриан, де Мальтруа и де Рэ. Иоанн V обменивается с Жилем письменными заверениями о военной взаимопомощи и союзнчестве. Он снимает с поста главного наместника в Бретани Андре де Лавалья-Лозака, своего шурина, и назначает на эту должность новоиспеченного собрата по оружию, под предлогом того, что Жиль оказал ему какие-то услуги. Он думает, что Лавали составили заговор против него... 02. 11

И хотя Артур де Ришмон занят войной против англичан, брат просит у него поддержки в борьбе с Лавалем-Лозаком: он явно намерен завладеть Шантосе.

Жиль останавливается в Ванне, где располагается двор Иоанна V. Теперь у него остался единственный защитник – этот корыстный, алчный феодал. Отныне опасности грозят Рэ со всех сторон, и скоро внешне дружелюбный Иоанн V предаст Жилья в руки нантских судей. Но пока еще Жиль находится в Ванне вместе со своей капеллой: они поют на рождественской литургии в присутствии герцога. 25. 12

Жиль заключает договор с Иоанном V: он передает ему Шантосе в обмен на сто тысяч золотых экю. Он на грани полного разорения, и это его последний шанс. Но прежде Жиль должен вернуть себе крепость, которой в то время владел его брат. Для этого он вступает с ним в мучительные переговоры. С согласия Рене Анжуйского королевские власти пытаются сместить Рене де Лазюза. Но братья тайком приходят к соглашению: Рене сдаст крепость, притворившись, что защищает ее, а Жиль заплатит за это семь тысяч экю золотом и отдаст ему Ла-Мот-Ашар.

1438

Февраль–март

Убийство

Гийома Дели

Гийом, сын Гибеле Дели, часто посещал гостиницу Ла-Сюз, где помогал жарить мясо повару сира де Рэ, которого звали Шерпи. Согласно показаниям матери Гийома, Жанны, некий м-р Жан Бриан, состоявший на службе у Жилия в этой гостинице, сказал Шерпи: нехорошо, что ребенок жарит мясо. С тех пор она не видела сына и не получала о нем никаких известий.

Это происходит в феврале или в марте 1438 года (во время процесса 1440 года говорится: «За год до прошлой Пасхи»). Три или четыре месяца спустя (где-то в мае) она пожаловалась жене Жана Бриана. «Говорят, что сир де Рэ велит хватать маленьких детей и убивать их», – утверждает Жанна. Сразу же появляются люди Жилия, чьих имен она не знает. Жена Жана Бриана говорит им: Жанна Дели считает, что сир де Рэ убил детей; она добавляет, что Жанна не права и с ней, видимо, что-то не так.

После этого несчастная Жанна извиняется перед слугами Жилия (с. 280).

Где-то в июне

Жиль де Рэ

вновь хозяин

Шантосе

Он перевозит

в Машкуль

три сундука

с костями

детей

В один из дней (точную дату установить сложно) Рене де Ласюз, согласно договоренности, оставляет Шантосе на попечении своей жены, которую он ввел в курс дела. Двадцать вооруженных людей Жилия под командованием Ива де Керсалью, командующего в Порнике, захватывают Шантосе, разыгрывая штурм. Жан де Мальтруа, епископ Нантский и канцлер Бретани, который впоследствии предаст Жилия суду, завладеет замком от имени Юанна v. Но прежде Жиль прикажет пяти своим слугам – Жилю де Сийе, Ике де Бремону, Робену Ромуляру и двоим камердинерам, Анрие и Пуату, – пойти в башню и убрать оттуда останки детей, которых было около сорока. Они кладут их в три сундука и уносят «со всею возможной скрытностью» в Машкуль, в том числе и по воде. В Машкуле двое певчих из капеллы Жилия, Жан Россиньоль и Андре Бюше, о которых мы упоминали выше (с. 89), замещают Ике де Бремона и Робена Ромуляра. Останки были сожжены именно в Машкуле; их невозможно сжечь в Шантосе, крепости, которая вот-вот должна быть передана герцогу. Из показаний Анрие и Пуату мы узнаем, что «кости уже иссохли... ибо долгое время» хранились в башне. Нам неизвестно точно, когда были убиты дети. Мы можем лишь считать, что это случилось после осени 1432 года, когда умер Жан де Краон (с. 81).

Жиль скорее всего должен был направиться в Ванн под предлогом получения с герцога того, что ему причиталось; скорее всего, это предприятие не увенчалось успехом. В конечном счете,

он сохранил за собой земли в Бретани, которые прежде заложил, чтобы раздобыть денег. По-видимому, величина аванса, который он получил за эти земли, равнялась стоимости Шантосе. Между тем, вероятно, именно тогда Андре Бюше, который, как мы знаем, состоял в капелле сира де Рэ, посылает из Ванна в Машкуль, через посредство некоего Рауле, ребенка около девяти лет, одетого пажом. В принципе все счета должны были быть сведены сразу после возврата Шантосе (сс. 240–241, 250, 287). И хотя мы знаем из показаний Анрие, что Андре Бюше послал ребенка в тот момент, когда Рэ получил от герцога деньги за Шантосе, Жиль мог не получить денег, а просто разыграть комедию.

Жан Жанвре и его жена жалуются на исчезновение своего сына, школьника девяти лет, который часто бывал в доме Ла-Сюз. В момент исчезновения сир де Рэ находился в Нанте, в этом доме, «за восемь дней до праздника святого Иоанна Крестителя, два года назад» (то есть приблизительно 16 июня 1438 года). Жан Жанвре жил у г-на д'Этампа, то есть принадлежал дому Ришара, брата герцога Бретонского, графа д'Этампа.

Перед смертью в Нантской тюрьме Перрин Мартен, самая известная из «поставщиц» Жилия, признается, что привела ребенка в замок Машкуль. Пуату же утверждает, что он убил ребенка в доме Ла-Сюз. Перрин Мартен, по-видимому, привезла в Машкуль лишь труп. Четверо свидетелей из прихода св. Креста в Нанте знали этого ребенка; они слышали, как родители горевали по поводу его исчезновения; больше они его никогда не видели (ниже сс. 277, 279 и 291).

Двенадцатилетний школьник Жан, сын Жанны Дегрепи, вдовы Реньо Донета, из прихода Нантской Богоматери, исчез приблизительно в день св. Иоанна (24 июня 1438 года), Жиль де Рэ тогда расположился в гостинице Ла-Сюз, куда мальчик иногда заходил. Перрин Мартен, скорее всего, привела его в покой Жилия; тот дал указание привести ребенка к привратнику в Машкуль, что она, по-видимому, и сделала. Мать и шестеро человек из одного прихода засвидетельствовали это исчезновение (сс. 159, 165, 277, 280 и 284).

Согласно свидетельствам, сын Жана и Николь Юбер, названный Жаном в честь отца, был убит Жилем де Рэ в гостинице Ла-Сюз. Среди всех показаний, касающихся предполагаемых жертв Жилье де Рэ, свидетельства относительно судьбы этого Жана Юбера

Прибл. 16.06
Убийство
сына Жана
Жанвре

Прибл. 24.06
Убийство
Жана, сына
Жанны
Дегрепи

Прибл. 24.06
Убийство
Жана Юбера

четырнадцать лет наиболее точны и подробны. Весной 1438 года мальчик еще живет со своими родителями, Жаном и Николь, в приходе св. Леонарда в Нанте. Впоследствии родители обосновываются в приходе св. Винсента. Ребенок продолжает ходить в школу – по крайней мере, до тех пор, пока Жан и Николь не препоручают его некому Мэнги, к которому тот переезжает. Но Мэнги умирает, и Жан возвращается домой. Приближается день св. Иоанна (24 июня 1438 года).

В то время в Нанте живет человек по имени Пьер Жак (или Жюке), более известный под именем Принсе; он состоит в свите Жилия, где служит военным герольдом.

Фамилию Принсе он мог получить по названию местности, откуда происходила его семья: Princesé, или Prinçau – деревня недалеко от Шемере, где у сира де Рэ был замок, в котором он иногда останавливался.

Приблизительно 17 июня этот Принсе берет юного и «очень красивого» Жана Юбера «на работу». Он обещает мальчику золотые горы: тот будет его пажом, и не только ребенок, но и его родители будут очень довольны.

Мальчик рассказывает родителям, что Принсе, его господин, очень боится собственной лошади; он не может влезть на нее, боясь погибнуть...

«Работа» продолжается восемь дней, до 24 июня. Но у родителей уже есть повод разочароваться. Ребенка могли бы разместить и получше, да и обещания не исполняются. Принсе больше не говорит о том, что его оставят, а родители хотят, чтобы он вернулся в школу. На самом деле Принсе передает ребенка камердинеру Жилия, Анрие Грияру, который ведет его в гостиницу Ла-Сюз, где знакомит с дворянином – видимо, шотландцем из военной дружины Жилия. Маленький Жан говорит о нем как о «настоящем дворянине», в показаниях родителей он назван Спадином (что, вероятно, соответствует имени «Сполдинг»).

Маленького Жана ожидают благодетелия «Спадина», «настоящий дворянин» должен отправиться с ним в далекие края. Уже здесь следовало бы заподозрить, что ребенок скоро исчезнет... Спадину, видимо, поручено соблазнить мальчика, который, по мнению подручных Жилия, отвечал вкусам их господина. Анрис же говорит, что сделает ребенка камердинером Жилия вместо Пуату, который якобы уволится и вернется домой. Эти обещания ничего не стоили лжецам; они знали, что смерть ребенка не отвратима...

Как бы то ни было, родители, которых переубедил Спадин, согласны на все (на самом деле, в обвинительном акте Спадин фигурирует и как сообщник, и как убийца, но, скорее всего, ему удалось ускользнуть и избежать ареста).

Маленький Жан, по-видимому, встретился со Спадином в Ла-Сюзе 18 июня. 17-го он еще с Принсе, которого покидает, наслушавшись обещаний Спадина. Ночь он проводит у родителей, которые дают согласие на его уход из дома; затем поселяется в гостинице Ла-Сюз, где и живет до тех пор, пока, спустя восемь дней, бракмар Жилия не отправит его безжалостно на тот свет.

Впрочем, в течение семи последних дней родители встречаются с ним... Это как раз то время, когда Жиль «выбрался из города и не появлялся четыре или пять дней», оставив некоторых своих людей и ребенка в гостинице Ла-Сюз. По возвращении грансензор допускает пажа в свои покои, чтобы тот их убрал, демонстрирует ему свою дружбу, угощает белым вином; более того, Спадин получает указание подарить мальчику каравай хлеба, испеченный специально для него. И на этот раз ребенок отдает хлеб матери, сказав ей, что Спадин хочет «жить с ним, чтобы ездить с ним и с сиром де Рэ верхом», и мать говорит, что все в порядке, она согласна. В тот день ребенок простился с матерью несколько раз и в самом деле «тотчас же ушел»; с тех пор она не видела его и не знала, что с ним случилось. Это последнее расставание, по-видимому, было 26 июня, в четверг после дня св. Иоанна 1438 года.

Если полагаться на свидетельства родителей о том, что происходило после 26 июня, то сир де Рэ две недели жил в Нанте в своей гостинице. Спадин в это время посылает за отцом, чтобы спросить, куда делся его сын. Ошарашенный отец требует у «истинного дворянина» вернуть ребенка. Ведь именно Спадину он доверил маленького Жана. Тут отца, которого держат за дурака, обвиняют в том, что он сам потерял мальчика. Родители несколько раз обращаются к людям сира де Рэ. Им отвечают, что шотландский рыцарь, который очень любил их Жана, увел его. Поскольку Спадин уехал, они утверждают, что он якобы и увез ребенка! В отчаянии отец вновь бросается к Принсе, ведь именно Принсе виновен в том, что «не оберегал, не опекал его сына». Тот отвечает, что это не его проблемы, а «паж случайно оказался в руках истинного дворянина, который не причинит ему никакого зла, скорее наоборот».

Люди из Нанта, хорошо знавшие Юбера и его жену, свидетельствуют, что перед днем св. Иоанна 1438 года они видели ребенка

дома, но что с тех пор родственники горюют о его исчезновении и что никто его больше не видел.

В своих показаниях Жиль де Рэ сознался, что убил, сам или руками слуг, двух пажей, причем один из них принадлежал Пьеру Жаке, прозванному Принсе, и случилось это где-то за полтора года до допроса (то есть предположительно весной 1440 года¹).

Свидетельства двух камердинеров присоединяются к показаниям их господина. Пуату заявляет, что доставил ребенка в резиденцию Рэ, «чтобы тот стал камердинером» вместо него. Анри уточняет, что Жиль изнасиловал ребенка, «с постыдным вожделением предавшись противоестественной своей склонности», а затем убил его собственными руками (с. 159, 165, 211, 240, 249–250, 278, 283).

Август Двенадцатилетний сын Жана Фужера, из прихода св. Донациана, близ Нанта, очень красив. В августе 1438 года он исчез, и о том, что с ним произошло в дальнейшем, ничего неизвестно. Но на самом деле никаких доказательств причастности Жилия де Рэ к его исчезновению нет. Мы даже не знаем, находился ли Рэ тогда в Нанте (с. 280).

Сентябрь Возвращаясь из Ванна и направляясь, по-видимому, в Машкуль, сир де Рэ останавливается в Рош-Бернаре, где живет у некоего Жана Колена. Пуату добивается от Перонн Лессар, чтобы она доверила сына Перонн Лессар ему своего десятилетнего сына. Этот школьник – один из самых красивых в округе. Пуату обещает Перонн, что ребенок будет продолжать ходить в школу, где он так хорошо учится. Дескать, он, Пуату, «облагодетельствует» несчастного. Он добавляет, что мальчик «окажет необходимую помощь» и самому Пуату. Более того, Пуату обещает Перонн сто су на платье. Несколько позже он дает ей четыре ливра; Перонн отвечает, что одного недостает, ведь сто су – это пять ливров, на что Пуату возражает: он никогда не обещал ей пяти ливров. Вслед за тем слуга препровождает юного Лессара в дом Жана Колена. Он должен доставить ребенка в Машкуль, где, согласно свидетельствам самого Пуату, мальчика зарежут.

На следующий день после того, как ребенок был доставлен, Перонн видит, как ее сын и сир де Рэ вместе выходят из дома Жана Колена. Мать обращается к грансьенору, пытаясь вернуть сына. Однако Жиль не удовлетворяет ее ответом. Он поворачивается к Пуату, который тоже здесь; «Ребенок, – говорит Рэ, – выбран правильно», ибо он «прекрасен, словно ангел». «В скором вре-

1 Скорее всего, Батай здесь допускает неточность (*прим. пер.*).

мени» этот ангел уезжает вместе с убийцей «на лошадке, которую помянутый Пуату купил у названного Жана Колена».

Этот последний и его жена Оливия дают показания на процессе; они подтверждают, что в сентябре 1438 года Жиль де Рэ, возвращаясь из Ванна, гостил у них, и Пуату добился от Перонн Лессар, чтобы она доверила ему своего сына. Колен продал Пуату за шестьдесят девять су лошадку, на которой и уехал ребенок. Через два или три месяца Колен увидел, как на его лошади ездит кто-то другой. К людям сира де Рэ приходят женщины и жалуется на то, что от ребенка нет никаких известий. Одни отвечают им, что он в Тиффже, другие – что он мертв. Он погиб, – говорят они, переезжая через мосты Нанта: «Ветер сдул его в реку». Кроме того, они уверяют, что Пуату покинул этот край и уехал в сторону Редона (с. 264, 266).

Сыну покойного Жана Бернара, из Пор-Лоне, на правом берегу эстуария¹, рядом с Куероном, около двенадцати лет; он уезжает в Машкуль приблизительно в сентябре 1438 года, чтобы просить милостыню. Четверо свидетелей из Пор-Лоне, которые рассказывают об этом, вспоминают, что «тогда все там было дорого». Пор-Лоне находится в пятнадцати километрах от Нанта, где нужно пересекать Луару; оттуда до Машкуля еще около сорока километров. Похоже, всем было известно о милостыне, которую раздавал щедрый феодал из Машкуля. Больше сына Жана Бернара никто не видел; другой мальчик, с которым он ушел побираться, напрасно ждет его более трех часов в Машкуле, там, где они условились встретиться. От него больше не было известий, а свидетели слышали, как его мать, которая не смогла сама предстать перед трибуналом в сезон сбора винограда, «весьма горько сетовала» (с. 267).

Прибл.
в сентябре

Перро Даге, которому около 10 лет, сын Эонне Даге, племянник Эонне Лешарпантье, мясника из прихода «св. Климента, что за стенами» в Нанте, исчезает в октябре 1438 года. Двое свидетелей из прихода св. Климента подтверждают, что мать жаловалась на пропажу сына и что с тех пор ребенка больше не видели. Тифен, жена Эонне Лешарпантье, утверждает, что ее племянник Перро «потерялся около двух лет назад и что с тех пор от него не было известий, пока не арестовали Перрин Мартен по прозвищу Пеллиссона» (с. 281).

Октябрь
Убийство
Перро Даге

¹ Однорукавное воронкообразное устье реки, впадающей в океан или море (прим. пер.).

1437-1438 Жанна, вдова Эмери Эделена из Машкуля, которая до того потеряла собственного сына (с. 271), сообщает, что «около двух или трех лет назад видела она в Машкуле некоего Орана, жившего где-то в Сен-Меме, который мучился и стонал, ибо пропал сын его, он же спрашивал о нем в помянутом Машкуле, но что с ним случилось, о том помянутая Жанна ничего не знает» (с. 271).

Бланже к концу года Нарушая обещание, данное своему брату Рене, когда тот позволил ему вновь обрести Шантосе, Жиль отказался отдать Рене Мот-Ашар. Более того, он отвоевывает у него замок Сен-Этьен-де-Мерморт, отданный в 1434 году.

1439

15. 01 Два брата, которые после этой истории с Сен-Этьен-де-Мерморт (в 1438 году) судились, заключают в Нанте мировое соглашение. Жиль окончательно уступает брату Мот-Ашар, но сохраняет за собой Сен-Этьен.

12. 04 Восьмилетний сын Мишо и Гийометты Буэ, из Сен-Сир-ан-Рэ, деревни, соседствующей с Бургнеф-ан-Рэ, ушел в Машкуль просить подаяние в Фомино воскресенье¹ 1439 года (12 апреля). Он не возвращается, и с того дня у матери нет о нем никаких известий, хотя отец мальчика «многократно справлялся в различных местах». У нас нет оснований полагать, что это происшествие было связано с событием, о котором Гийометта Буэ сообщает впоследствии: «На следующий день, когда в Машкуле раздавали милостыню во имя покойной Маэ Лебретон, она присматривала за скотом. К ней вошел высокий человек, одетый в черное, которого она не знала, и, помимо прочего, спросил у нее, где ее дети, если они не присматривают за скотом? На что она ему сказала, что дети ушли просить подаяние в Машкуль. Засим он исчез». В этой истории явно различима та полуреальная атмосфера вымысла, в которой происходили все эти похищения и исчезновения. Поэтому мы не всегда можем быть в точности уверены, что за ними стоял сир де Рэ.

Изабо, жена Гийома Амелена из Фресие, которая сама в конце года потеряет двоих детей (с. 273), узнает об этом исчезновении 16 декабря 1439 года. Речь идет, скорее всего, о Фомином воскресенье 1439, а не 1440 года (сс. 273-274).

В тот момент Жиль де Рэ живет в Тиффоже, и его причастность к этому исчезновению по меньшей мере сомнительна.

1 Первое воскресенье после Пасхи (прим. пер.).

Прелати и Бланше вместе приезжают в Сен-Флоран-ле-Вьей, на левом берегу Луары. Там они проводят несколько дней. Жиль, которому Бланше сообщил об их приезде, высылает впереди себя двух дворян в сопровождении Анри и Пуату, чтобы те привезли их в Тиффож (с. 222 и 229).

Конец апреля
Приезд
Франческо
Прелати
во Францию

Самое позднее в день Вознесения (14 мая 1439 года) Франческо Прелати прибывает в Тиффож вместе с Бланше и всеми остальными. Жиль де Рэ невероятно рад новостям, которые привозит Бланше.

14.05
Прелати
в Тиффож

Прелати и Бланше располагаются в замке, где живут в одной комнате с алхимиком, золотых дел мастером из Парижа по имени Жан Пти и старухой, которую зовут Перрот. Должно быть, в замке они живут вместе: вскоре оказывается, что в «помянутом замке» гуляет холодный ветер (с. 230), проникая из соседней (нижней) залы крепости.

Гийом Сержан и его жена Алиетта, из Ла-Букардьера (деревушки по соседству с Машкулем, относящейся к машкульскому приходу св. Креста), которые в Троицын день 1439 года (24 мая) или около того ушли вскапывать поле, чтобы сажать там коноплю, вернувшись, хватились своего восьмилетнего сына, оставленного дома присматривать за маленькой полуторагодовой сестрой. Они ничего больше не слышали о нем, несмотря на то, что справлялись и в приходе Машкуля, и в других приходах (с. 268–269). Но поскольку Жиль де Рэ обитает в то время в Тиффож, эти показания не очень интересны.

Ближе к маю

Оливье Дарель, семилетний сын Жана и Жанны Дарель, из прихода св. Сатурнина в Нанте, исчезает в день св. Петра. Он исчезает в толпе, на Рыночной улице или перед храмом св. Сатурнина, когда гуляет там с бабкой по материнской линии. Отец, который в тот день был болен, утверждает, что обошел все окрестности, дабы получить хоть какие-то известия от сына, жена его со своей матерью выступают свидетелями вместе с ним. Эоннетта, жена Жана Бремана, живущая около рынка в Нанте, хорошо знала мальчика и говорит, что с того момента, как родители хватились его, он больше не появлялся (с. 282).

29.06

Так как Жиль де Рэ, по-видимому, в Тиффож, как и прежде, это свидетельство ничуть не значительнее предыдущего.

Где-то в июне
Самозван-
ка «Жанна
д'Арк» на
службе
у Жюль де Рэ

Сложно установить точную дату, но, скорее всего, после весны 1439 года Жиль принимает у себя «Жанну д'Арк», самозванку, которая с 1436 года пытается убедить всех, что она избегла пламени палача в Руане и действительно является «Орлеанской Девой»¹. Эта «Жанна д'Арк», как и истинная Дева, ездит верхом и способна командовать войсками; Жиль доверил ей часть своих солдат, чтобы направить их с одним поручением в сторону Ле Мана. Однако в течение 1439 года эта подложная Дева была, похоже, разоблачена Карлом VII, который захотел с нею встретиться. Король спрашивает ее о тайне, которая известна только ему и Жанне. Тогда мошенница, которая тем временем вышла замуж и носит имя мадам Дезармуаз, кидается на колени перед Карлом VII и признается в обмане.² Жиль, видимо, узнав об этом, посылает взамен одного из своих людей, гасконского капитана Жака де Сиканвиля, наделяет его полномочиями, приказав действовать в ожидании его приезда и, если получится, овладеть Ле Маном. Вероятно, сам маршал даже и не попытался присоединиться к нему. Ле Ман останется под властью англичан до 1448 года.

Июнь-июль
Большое
тиффожское
заклинание
в нижней зале
замка

Жиль де Рэ и Франческо Прелати при помощи Жюль де Сийе, Эсташа Бланше, Анри и Пуату готовят залу замка Тиффож для заклинания демона. После ужина, перед наступлением полуночи, они проводят мечом по земле несколько кругов, внутри которых рисуют кресты, буквы и знаки, «похожие на гербы». Потом Эсташ Бланше и Анри вносят ладан, мирру и алоэ, магнит, горшки с углем, который они поджигают, фонари, факелы и подсвечники. Кроме того, они приносят книгу, где записаны имена демонов, правила заговоров и заклинаний. Жиль и Франческо расставляют все эти вещи, Франческо делает еще какие-то знаки, а затем приказывает открыть все четыре окна в зале.

Вслед за тем Эсташа Бланше, Анри и Пуату просят удалиться в покои сира де Рэ. С этого момента Жиль и Франческо, оставшись одни, то стоят, то сидят, то преклоняют колени, возносят молитвы демону и читают принесенную ими книгу. Однако демон не показывается; через два часа бдений Жиль и Франческо возвращаются к остальным и ждут там. Это происходит около часа ночи (сс. 179–180, 229–231, 243, 252–253, 288 и 290).

Вероятно, именно в тот раз Жиль сжимал в руках подписанное им долговое обязательство, в полной готовности отдать его

1 Quicherat J., Procès de... Jeanne d'Arc, t. V, p. 319 и далее.

2 Op. cit., t. V, p. 281.

дьяволу, если тот явится. Но поскольку дьявол не появился, расписка передана не была (с. 209). Текста этой расписки у нас нет, но он очевидно тот же, что и в документе, который на следующий день Прелати готовился вручить Баррону в случае его прихода. (Нам известен этот текст, приведем его чуть ниже.) Расписка не передана и на следующий день, но поскольку в своих показаниях Жиль признает, что одну распisku он дьяволу все-таки отдал (с. 204), надо полагать, что Прелати разыграл ее передачу во время одной из десяти или двенадцати церемоний, которые он проводил для Жилья и когда Баррон, по его словам, все-таки появился (с. 225–226).

На следующий вечер, в поздний час, по указанию Жилья Франческо Прелати и Пуату отправляются в поле к заброшенному старому дому, находящемуся примерно в километре от Тиффожа, в направлении Монтегю. Они несут ладан, магнитный камень и книгу. Следуя книге, они ножом вычерчивают круг и знаки. Затем входят в проведенный по земле круг. Несмотря на запреты Франческо, Пуату тайком крестится. Когда начинаются устные заклинания, камердинер несколько раз слышит имя «Баррон», которое Прелати произносит вслух. Они проводят там около получаса, но никто не появляется.

Ночное заклинание в поле под дождем

С самого начала, в тот момент, когда они вступили в круг, хлынул проливной дождь; затем поднялся сильный ветер и воцарилась такая кромешная тьма, что, закончив, они с трудом вернулись обратно (с. 209, 223–224 и 244).

Кроме того, из показаний Прелати (с. 226) нам известно, что перед этим заклинанием Жиль передал ему предназначенное для дьявола письмо (или распisku), написанное по-французски его рукой, текст которого гласил: «Приди по моей воле, и я дам тебе все, что ты пожелаешь, за исключением души моей и укорочения жизни». Дьявол не пришел, и Франческо в тот же день вернул бумагу Жилью.

Жиль и Франческо хотят провести еще одну церемонию, прибегнув к иным средствам, но отказываются из-за отсутствия особого камня (с. 223). Они ограничиваются повторением прежних пробных заклинаний, в которых Жиль больше не участвует. Заметим, что в отсутствие Жилья дьявол, согласно показаниям Прелати, не преминал явиться. Когда эти заклинания, организованные, как и первые, в нижних покоях Тиффожа, возобновились, «дьявол по имени Баррон» якобы появился «десять или двенадцать раз в обличье красивого молодого человека лет двадцати пяти от роду» (с. 225).

Май–ноябрь Помимо этого, приблизительно тем же временем мы датировем Прелати другую церемонию заклинания, проведенную Прелати и ясно нещадно из-бит дьяволом разоблачающую его шарлатанство, которого Жиль, похоже, никогда не замечал. Так или иначе, заклинание происходит, когда в 1439 году Бланше живет в замке Тиффож: между Вознесением (14 мая) и Днем всех святых. Священник уезжает, но в тот же день его вызывают к господину. Он спешит к нему и находит Жилля в плачевном состоянии. Сир де Рэ убежден, что Прелати мертв! На самом деле, из его покоев доносились сильный шум, стоны и удары, «будто кто-то выбивал перину». Страх перед дьяволом столь велик, что Жиль трепещет. Он не осмеливается войти в комнату и слабым голосом просит Бланше сделать это вместо него. Тот испуган не меньше своего господина. Наконец Бланше, набравшись храбрости, заглядывает в высоко расположенное внутреннее окно, через которое видно комнату. Прелати не отвечает на зов, стена еще отчаяннее. Когда же он наконец выходит, то жалостливо рассказывает, как «нешадно избил» его дьявол. Он раен и неделю лежит больной. Жиль сам заботится о нем, не допуская никого в покои. Прелати раскрывает Жиллю свои тайны. Он считает, что полученная им взбучка вызвана гневом возмущенных духов, которых он в своих разговорах принимал за второстепенных демонов, не обладавших особым могуществом. Видимо, именно поэтому он пытается каким-то образом исправить положение; Прелати слышал, – по крайней мере, так он утверждает, – что помянутые духи были «сотворены из материи, порожденной Всемилоливой Девой Марией» (с. 235–236).

Эта комедия прекрасно демонстрирует доверчивость Жилля. Необходимо сказать и о том, что доверчивость эта вызвана симпатией и влюбленностью. Прелати двадцать два года, он на одиннадцать лет моложе своего господина, который, похоже, соблазнен великолепием Италии и ее культуры; он зачарован дьяволом и тем, кто способен его заклясть. Юный Прелати, скорее всего, обаятелен, как бывают обаятельны плуты. В своих показаниях Жиль заявит, что итальянец был способным, по-латыни изъяснялся с изяществом, был элегантен и рьяно исполнял задания, которые давал ему господин (с. 210).

К тому же они превосходно сошлись друг с другом, ибо были одинаково безудержны и безжалостны. В частности, жестоко обобедившись с Перри Рондо (с. 123), Прелати предстает перед нами настоящим хулиганом; обходительным, быть может, миловидным, но хулиганом. Во время процесса над Жилем ему удалось избежать

смерти; он был приговорен лишь к пожизненному заключению, а Рене Анжуйский добился его освобождения; но и это не спасло его от виселицы (с. 148–149). И лишь те необычные прощальные слова, с которыми в присутствии судей обратился к нему Жиль, несмотря на свою странность, кажутся человечными, трогательными, или, по меньшей мере, необычными.

В показаниях Франческо Прелати говорится о том, что в течение года Жиль отсутствовал, он был в Бурже. Июль–август Путешествие в Бурж

Очевидно, Жиль не смог провести там целый год, начиная с приезда Прелати в Тиффожд, в мае 1439 года, и вплоть до ареста 13 сентября 1440 года. Но он был там в период между этими двумя событиями. Во-первых, следует, по-видимому, упомянуть о важном факте: 15 февраля 1440 года в этом городе собрались Генеральные Штаты, и это единственное из известных нам событий, которое могло подвигнуть Жилия на такое путешествие. Генеральные Штаты собрались, но заседать не смогли, поскольку Карл VII не прибыл из-за переворота, в котором главную роль играли его сын (дофин, будущий Людовик XI) и герцог Бурбонский, и который известен нам как «Прагери»¹. Некоторые нотабли все же откликаются на созыв Штатов. Но, с одной стороны, нет оснований полагать, что Жиль, находящийся в опале, туда приглашен. С другой стороны, в Бурж он уехал из Тиффожжа и именно в Тиффожж отправился на обратном пути. В 1439 году он и в самом деле находится в этом замке с Вознесения до конца года, но собирается обосноваться в Машкуле. Действительно, 25 декабря 1439 года Прелати в Машкуле и, по всей видимости, обитает рядом со своим господином, который с тех пор и вплоть до ареста не меняет основной резиденции; поэтому в феврале 1440 года он находится в Машкуле, а не в Тиффожже. Таким образом, в 1439 году Жиль был в Бурже. Однако между отъездом Жилия в Бурж и приездом Прелати в Машкуль безусловно проходит слишком мало времени. Вероятно, остановка в Бурже предшествовала относительно короткому пребыванию в Бургнефе, в июле или в начале августа. Можно отнести ее и к октябрю или к ноябрю, но в это время Жиль и Прелати должны были приносить в жертву члены ребенка. Нельзя исключать, что события разворачивались с такой невиданной скоростью, но все же это маловероятно (с. 226).

¹ Восстание феодалов против военных реформ Карла VII, названное так в честь пражского восстания гуситов в начале XV в. (*прим. пер.*).

Август Как бы то ни было, во время своего пребывания в Бурже Жиль
 Появление де Рэ оставил Прелати в Тиффоже, поручив ему продолжать за-
 змея клинания в его отсутствие. Прелати держит Жилья в курсе дела
 и пишет ему в загадочных выражениях, намеками. Пока Рэ был
 в Бурже, Баррон явился Прелати и вручил ему «черный порошок
 на куске сланца», чтобы тот передал его своему господину. Этот
 inferнальный подарок, скорее всего, действительно переправи-
 ли в Бурж, Жиль несколько дней носил его на шее в серебряном
 медальоне; но затем выкинул, «обнаружив, что дар сей не при-
 носит никакой пользы» (сс. 210 и 226). По возвращении Жилья из
 Буржа в Тиффож Прелати сотворил заклинание, при котором
 демон Баррон явился ему в человеческом облике. Прелати от
 имени Жилья просит у него богатства. После чего он якобы видел
 в комнате «великое множество золотых слитков». Сначала ему
 запрещается прикасаться к ним, но Жиль хочет увидеть эти груды
 золота. Оба они приближаются к комнате. И только Франческо
 вiovь входит туда, как ему является «огромный зеленый змей ве-
 личиною с собаку». Прелати кричит, чтобы Жиль не входил: он
 только что видел змея! Рэ спасается бегством. Затем возвращается
 под защитой распятия, держа в руках щепку от Креста Господня.
 Вооруженный, он появляется на пороге комнаты. Франческо го-
 ворит ему, что нехорошо замешивать в такие дела «животворя-
 щий крест». Прелати пытается помешать Жилью войти с крестом
 в комнату; так продолжается до тех пор, пока Жиль наконец не
 подходит к поддельному слитку, однако, как он говорит, это была
 всего лишь «какая-то мишура», кусок латуни, не стоивший ни
 гроша, до которого он не дотронулся (сс. 209 и 227).

Церемония, закончившаяся таким образом, была одним из
 тех трех заклинаний Прелати, в которых маршал принял учас-
 тие лично. Первое – торжественное заклинание, состоявшееся
 в июне или июле в большой нижней зале в Тиффоже. Это великое
 тиффожское заклинание. Второе – это заклинание змея, о кото-
 ром мы только что сообщили. Жиль забыл, где оно происходило.
 Третье заклинание – заклинание в Бургнефе, которое, вероятно,
 произошло в конце августа (сс. 209 и 226).

Где-то
 в августе
 Убийство
 сына Гийома
 Авреля

Сын Гийома Авреля, племянник Дени де Лемьона, ткача из прихо-
 да Нантской Богоматери, исчезает «в августе 1439 года или около
 того времени». Он «небольшого роста и худощав», а на ухе у него
 знак, «подобный маленькому уху». Один из подчиненных сира
 де Рэ попросил тетку Колена, Агату, жену Дени де Лемьона, отдать

ему ребенка, чтобы показать мальчику «резиденцию архидиакона Мерля»; они договорились, что мальчик получит каравай хлеба. В первый день Агата сопровождает ребенка, но на следующий день Колен уходит в гостиницу Ла-Сюз, куда его часто зазывали и кормили хлебом. Больше он не возвращается, и с тех пор известий о нем ни у кого не было. Агата утверждает, что сир де Рэ жил в это время в гостинице Ла-Сюз. Анриэ в своих показаниях сознается, что доставил своему господину в гостиницу Ла-Сюз ребенка по имени Лемьон, с которым Жиль «имел сношение» и который был «умерщвлен и сожжен» (сс. 159, 165, 277, 279).

Жиль прибыл в Бургнеф-ан-Рэ, чтобы встретиться с герцогом, который проезжает через город и в помощи которого Жиль явно нуждается. Он хочет заручиться покровительством Иоанна v. Скорее всего, Рэ понял, что надоел герцогу и что герцог больше не нуждается в нем. Жиль не мог не заметить природную двуличность и равнодушие своего собеседника. Жилю известны слухи, распространяющиеся о нем, он понимает, что оказался без гроша, что уязвим. Рэ ожидал от демона горы золота, а вынужден унижаться и просить о милости сюзерена. Именно так, чувствуя себя униженным, он обращается к Прелати, чтобы тот призвал Баррона в его присутствии, хотя до сих пор дьявол не удаивал Жилья своим появлением. Так Рэ вторично пытается встретиться с существом, заставляющим его трепетать. И вновь он будет предоставлен своим страхам; злой дух презрит его и на этот раз (сс. 227, 289).

Август
Встреча
Иоанна v и
Жилья де Рэ
в Бургнефе

Обманутый дьяволом, Жиль возвращается к своим преступным похождениям. Вероятно, встреча с Иоанном v была безрезультатной... Его люди приводят к нему в Бургнефскую обитель, где он расположился, отрока пятнадцати лет, «весьма сметливого и милovidного». Ребенок родом из Бреста живет у Гийома Родиге из Геранды. Бретонец Бернар Лекамю изучает в Бургнефе французский язык. В показаниях всех свидетелей упоминается Пуату, а в показаниях Родиге обвиняется и Бланше. Ребенок говорит с Пуату и уходит. Из дома Родиге он попадает в покои Жилья де Рэ. Это происходит вечером 25 августа (накануне дня св. Варфоломея), около десяти часов вечера; Бернар предупредил служанку, Маргариту Сорей. На глазах у служанки Пуату что-то тихо говорит ребенку. Служанка захотела узнать у Бернара, что сказал ему Пуату. Мальчик ответил, что Пуату ему ничего не сказал. Бернар уходит, так и не сказав куда, оставив свое платье, обувь и капюшон.

Прибл. 25.08
Убийство Бернара Лекамю

Показания Жилия, Анрие и Пуату не оставляют сомнений в том, что ребенок погиб. Жиль говорит, что убил его сам вместе с Анрие. Анрие утверждает, что не принимал участия в убийстве. Однако все трое сходятся на том, что тело было сожжено в Машкуле (сс. 182–183, 210, 240, 249, 287, 291–292).

В любом случае, жизнь Рэ рушится, его наслаждения пагубны. Теперь он чаще, чем прежде, терзается угрызениями совести и высказывает намерение изменить свой образ жизни. Эсташ Бланше свидетельствует, что «некоторое время назад» он слышал, как Жиль говорил и в Машкуле, и в Бургнефе-ан-Рэ, «о том, что нужно исправить свою проклятую жизнь и совершить паломничество ко Гробу Господню, в Иерусалим, чтобы замолить грехи свои».

Он не исправляется, но порой делает уступки одолевающим его угрызениям совести (сс. 126, 184–185, 213–214, 228, 234).

- 28.08 Жан Тублан, из Сен-Этьен-де-Монлюка, оставив в своем доме 28 августа 1439 года тринадцатилетнего мальчика, своего воспитанника, по возвращении не обнаруживает его. С тех пор, «с прошлогоднего дня св. Юлиана», известий о нем не было (с. 280).

Из всех свидетельских показаний относительно убийств это – одно из наименее значимых, поскольку Сен-Этьен-де-Монлюк слишком далеко от Тиффожа.

- Осень Двое сыновей Робена Паво, из Шайтлу, близ Ренна, оба около девяти лет от роду, часто бывали на ярмарках в землях Рэ, где торговали галантерейными товарами. Галантерейщик Пьер Бадью, живущий в той же деревне, не видел их с октября 1439 года – или около того – там, где он обычно с ними встречался. Об этом он говорит перед судом в Нанте. Отец и мать, не дождавшись возвращения сыновей, тщетно пытаются узнать что-то сами. Один из их братьев даже ездит «по разным краям, дабы получить какие-то известия», но ничего узнать ему не удастся (с. 282).

Причастность Жилия де Рэ к этому двойному исчезновению тоже вызывает сомнения.

- 01.11 Прелати утверждал, что во время одного из своих явлений дьявол Баррон предписал Жилю, «дабы тот кормил трех бедняков во время трех великих праздников в году». Жиль сделал это лишь однажды, в День всех святых 1439 года. Если верить Прелати, «такова причина того, что помянутый Баррон отказался являться в присутствии Жилия» (сс. 183 и 228).

В День всех святых 1439 года Эсташ Бланше уезжает из Тиффожя после ссоры с Робеном Ромуляром, приятелем и сообщником Жилья; по-видимому, распре положили и начало заклинания дьявола. Бланше уезжает в Мортань, чтобы жить там у хозяина постоянного двора по имени Бушар-Менар. В Мортани он проведет семь недель (с. 230).

Король Карл VII издает великий указ от 1439 года, вслед за соборанием Генеральных Штатов в Орлеане, состоявшимся в октябре. Этот фундаментальный текст указывает на то, что, вопреки вопиющим беспорядкам, произволу и насилию, развитие государственного управления и законодательства продолжается. Цель указа – прекратить «всяческие злоупотребления и грабежи», разоряющие королевство. Прежде всего, осуществляется попытка замены разбойничьих банд под командованием сеньоров или военачальников (которые сами, по сути, – лишь разбойничьи главари) регулярной армией, основанной на дисциплине и военной иерархии. Этот указ, смысл которого продиктован разумными соображениями, – знак рождения нового, буржуазного мира, где нет больше места необузданной жестокости Жилья де Рэ.¹

Кем же был Жиль де Рэ в то время?

Его маршальский титул в 1439 году не связан ни с никакой реальной деятельностью. Никто от него ничего не требует, никто не думает о нем. Он бесполезен; постоянная армия, созданная указом 1439 года, представляет собою антипод миру этого наивного разбойника-бунтаря, которого пьянят кровь и вино и который всегда ставил себя выше закона. Мы обладаем очень скудными сведениями о его военной активности в тот период, ее почти не было; он возглавляет военные дружины, похожие на прочие шайки наемников и вымогателей, наводнивших страну. Некоторые из них воюют за короля, другие – против него. В 1439 году он всего лишь главарь одной из таких шаек, известных своей беспощадностью. Но его беспощадность иного рода; в отличие от известных разбойников, у него нет их многоопытного реализма, им же неведома его стыдливость. И, тем не менее, он принадлежит к тому же гнусному миру, что и они.

Мы знаем, в частности, что одним из его людей был Жан де Сиканвиль. Именно он сменил в июне подложную Орлеанскую Деву,

¹ Beaucourt G. du Fresne de, Histoire de Charles VII, t. III, p. 402.

которой Жиль поручил воевать от своего имени. Нет никаких сомнений в том, что Жан де Сиканвиль – главарь разбойников; в ту пору не было различий между восначальником, который руководит военными действиями на службе у того, кто нуждается в его услугах, и разбойничьим атаманом. Этот Жан де Сиканвиль и его люди жили на награбленное: они опустошали деревни, насилая, поджигая и, если была необходимость, сопровождали все это убийствами и пытками. В конце года дофин находит его в Тиффоже. Арестовав Сиканвиля, он приказывает заточить его в замке Монтегю. Сиканвиль под угрозой виселицы совершает побег.¹

Жизнь таких людей, как Сиканвиль воскрешает в памяти тот мир, в котором Рэ провел последние годы своей жизни, когда он вел войну против своего соседа, владельца Монтегю Жана де Арпедена², или против начальника гарнизона Паллуо (сс. 211, 227–228). Однако нам почти ничего не известно об обстоятельствах или эпизодах этих феодальных войн, которые велись в ту эпоху, когда их анахронизм мало-помалу становился очевидным.

Начало декабря Всеобщий ропот Жан Мерсье, кастелян замка Ла-Рош-сюр-Йон, остановился по пути в Мортань на постоялом дворе, где жил Бланше. Хозяин постоялого двора спрашивает у Мерсье о последних новостях из земель Нанта и Клиссона. Вот что сообщает Бланше: если верить Мерсье, по городам и весям ходят слухи, Жиль обвиняется в том, что убил сам или руками своих слуг великое множество детей... собственноручно писал книгу их кровью. Написав эту книгу, он, дескать, рассчитывает завладеть любыми крепостями и замками, какими только пожелает... И тогда он станет совершенно неуязвимым (с. 230).

На следующий день эмиссар сира де Рэ, золотых дел мастер Жан Пти, который в то время работает вместе с Прелати в Тиффоже, прибывает в Мортань. Ему поручено привезти обратно Бланше, но тот отказывается. По-видимому, он сказал Пти, что Жиль и итальянец зашли слишком далеко: этих преступлений не следовало совершать, и общественное мнение настроено против Рэ и его сообщника. Как говорит Бланше, когда золотых дел мастер вернулся, Жиль приказал бросить его в темницу в замке Сен-Этьеи-де-Мерморт. Видимо, он пробыл там долго... (сс. 230–231).

1 Quicherat J., Procès de... Jeanne d'Arc, t. v, p. 334.

2 Bourdeaut A., Chantocé, Gilles de Rays et les ducs de Bretagne, p. 108.

Вероятно, именно в это время Жиль, подавленный из-за провала заклиний Прелати, замыслил самое страшное. Почему бы не принести в дар дьяволу, молчание и враждебность которого невыносимы для Рэ, члены маленького ребенка и тем самым не умиловить нечистую силу? Запутавшись в своих мыслях, ненадежный, непостоянный и боязливый Эсташ Бланше сказал Анриэ и Пуату, что их господин не сумеет довершить начатое, не преподнеся дьяволу ступни, кисти рук и другие члены убиенных детей (с. 241 и 251).

Со дня на день Жиль все с большим нетерпением ожидает появления дьявола, а Прелати, как он сам позже сознается, говорит ему, что если он желает увидеть демона, ему нужно отдать петуха, курицу, лебедя или голубя..., а если ему и в самом деле сильно этого хочется, то нужно будет пожертвовать какой-нибудь член ребенка (с. 224).

Возможно, Бланше повторял слова Прелати. В показаниях Жюля значится, что Прелати сам говорил о требовании дьявола принести ему в жертву несколько детей.

Прелати сообщает, что в большой зале Тиффожа, где проходили заклинания, (но не в покоях сира де Рэ) он видел распростертое тело убитого ребенка. Прелати видел его в присутствии Жюля де Сийе, который, как он считает, и совершил убийство незадолго до того (с. 224).

Этого мертвого ребенка он видел, скорее всего, за год до того, как давал показания на процессе, то есть где-то около 16 октября 1439 года. Но Прелати не говорит, что ребенок был принесен в жертву дьяволу. Жиль не поддался бы на уговоры так быстро. Видимо, даже при всей его развращенности, он не способен был без дрожи приносить в жертву демону детей. Можно предположить, что, говоря об органах, в особенности о кистях рук, сердце и глазах, Прелати просто хочет его напугать. Он замечает страх Жюля. При помощи таких уловок итальянец выигрывает время.

В конце концов, этот убийца, охваченный ужасом, дрожащий перед дьяволом, дает обет!

В один из дней в своих покоях в присутствии Пуату он кладет кисть руки (Пуату не знает, правой или левой) и сердце ребенка в стакан, который накрывает тонкой тканью. Затем он помещает этот стакан к себе в рукав (в то время рукава были длинными и широкими), сделав нечто вроде довольно большого кармана. В таком виде он направляется в комнату Прелати. Возможно, в стакане были еще глаза и кровь ребенка. Видимо, состоялось только

Приношение демону детской руки и сердца

одно жертвоприношение: есть различные версии, но между ними нет существенных противоречий. Франческо Прелати преподносит эти жуткие дары демону, но демон не появляется; несколько позднее Прелати погребает останки в святой земле, недалеко от часовни замка (с. 183, 208–209, 225, 253, 290).

Декабрь Дофин Вьеннский, сын Карла VII, будущий Людовик XI, послан в Пуату «дабы положить конец грабегам и изгнать вооруженных людей из этой земли». Выполняя свою миссию, он посещает две крепости, в которых Жиль де Рэ держит свои гарнизоны, Пузож и Тиффош. Главной его целью явно был разбойничий главарь – маршал де Рэ, и, как мы уже сказали (с. 119–120), один из капитанов, подчиненных кастеляну Тиффожа, Жан де Сиканвиль, арестован; его бросили в тюрьму в замке Монтегю, где расположился дофин. Почувствовав угрозу того, что его могут повесить, капитан Жилия совершает побег; впоследствии ему постоянно приходится добывать себе указы о помиловании. До нас дошли эти документы: из них мы и узнаем об этих событиях.¹

Проезд дофина через Тиффош был чреват и другими последствиями. Прежде всего Жиль второпях разрушает алхимические печи, установленные в крепости (с. 191). Однако и после отбытия дофина Жиль все еще охвачен страхом и решает покинуть королевство, обосновавшись в Бретани: предательское, лицемерное дружелюбие герцога Иоанна внушает ему уверенность. Он в Машкуле по крайней мере до конца декабря. Рэ не в состоянии обходиться без Прелати, и если заклинателя видят в окрестностях замка (с. 123), это означает, что там находится его господин.

Прибл. 10. 12 Где-то за две недели до Рождества Жанетта, жена Эсташа Друэ из Сен-Леже посылает двоих сыновей семи и десяти лет за подаянием в Машкуль, «ибо прослышала она, что сир де Рэ повелел там его раздавать, а еще потому, что люди в том селении давали милостыню с охотою». Несколько человек сказали ей, что видели ее детей в последующие дни, но когда она пошла туда сама, то не смогла ни разыскать их там, ни разузнать, что с ними стало, даже после того, как они с мужем пустились на их поиски. Быть может, на самом деле Жиль вернулся в Машкуль. Но с уверенностью говорить об этом нельзя (с. 276–277).

1 Quicherat J., Procès de... Jeanne d'Arc, t. v, pp. 332–334.

Обеспокоенный непокорностью Эсташа Бланше, которого он теперь считает своим врагом, да к тому же и невоздержанным на язык, Жиль посылает в Мортань своих слуг, в том числе Жиля де Сийе, Пуату и Анрие, с указанием доставить к нему Бланше, добровольно или силой. Они приводят его в Рошсервьер, находящийся на пути из Мортаня в Машкуль; прежде всего им приказано заточить его в замке Сен-Этьен-де-Мерморт, где он в ужасе ожидает смерти от рук подчиненных Жиля. Речь, видимо, идет лишь о том, чтобы запугать Бланше; в любом случае, он так неистово клянется и божится, что они отвозят его в Машкуль, где он с этого времени и живет на свободе, вплоть до своего ареста 13 сентября 1440 года (сс. 230–231).

Прибл. 20. 12

Как бы то ни было, выбор в пользу Машкуля был продиктован тем, что тогда сир де Рэ вновь там обосновался.

Изабо, жена Гийома Амелена, живущего во Фресне, посылает в Машкуль за хлебом двоих сыновей, одного пятнадцати, а другого семи лет. Они не возвращаются; Изабо так и не смогла узнать, что с ними приключилось. Между тем на следующий день ее посещают Франческо Прелати и маркиз де Сева, которых она, по ее словам, хорошо знала и которые, как ей известно, живут у Жиля де Рэ. Маркиз задает ей странные вопросы, интересуясь ее сыном и дочерью, которые в это время дома; он спрашивает, есть ли у нее другие дети; она отвечает, что другие дети у нее есть, но не осмеливается сказать, что они исчезли. Когда гости уходят, Изабо слышит, как маркиз говорит Франческо, что из этого дома ушли двое.

Прибл. 25. 12
Убийство двух
детей

Восемь свидетелей из Фресне подтверждают исчезновение двоих детей.

Через восемь дней после этого исчезновения Изабо услышала о пропаже сына Мишо Буэ (сс. 274–275), который тоже ушел в Машкуль, но восемью месяцами ранее; только ушел он из Сен-Сир-ан-Рэ, просить милостыню (с. 274).

Клеман Рондо из Машкуля умирает и уже соборует. Жену его Перрин, всю в слезах, стенающую, к вечеру помещают в верхние покои замка, где ночуют Прелати и маркиз де Сева. Вернувшись к ужину и застав ее там, они в бешенстве хватают Перрин и спускают ее с лестницы. Прелати довершает расправу, пнув ее ногой в зад, но в последний момент кормилица Перрин хватается за платье и тем самым спасает (с. 272).

Конец
декабря
Жестокость
Прелати

1440 Пока Эсташ Бланше обитает в Машкуле, маркиз де Сева добывает
 Январь- для Прелати «юного, очень красивого мальчика, утверждавше-
 февраль го, что он из окрестностей Дьепа, из хорошей семьи», чтобы тот
 служил ему пажом. Тогда этому пажу, вероятно, было пятнадцать
 или шестнадцать лет. Он остается у Прелати где-то на две недели,
 а потом исчезает. Хозяйка, у которой живет Прелати, спрашивает,
 что стало с мальчиком. Итальянец отвечает, что ребенок его обма-
 нул: украл у него два экю и уехал.

Анри сообщает, что ребенку перерезали горло; если верить
 первым его показаниям, он «умертвил его в Машкуле»; соглас-
 но же второму признанию, ему неизвестно, кто зарезал мальчика,
 его там не было, однако он знает, что Жиль изнасиловал его, как и
 всех остальных (с. 231, 240, 249, 269, 287 и 292).

Паж некого Досси приблизительно одного возраста с пажом
 Прелати. Как и последний, он убит в Машкуле, по-видимому,
 в начале 1440 года, а возможно и несколько позднее (с. 211 и 231).
 В это время там живет Бланше, сообщивший об убийстве суду.
 Жиль де Рэ, называвший мальчика «маленьким» пажом, упоми-
 нает и о паже Прелати, и о юном Жане Юбере (с. 105–108), однако
 тот был убит приблизительно 26 июня 1438 года.

У Жана де Ланте, настоятеля аббатства Шемере, принаде-
 жавшего к Ордену св. Бенедикта, есть племянник, которого он
 доверил некому Табару, дабы тот научил ребенка читать и писать.
 Как и пажам Прелати и Досси, ему четырнадцать или пятнадцать
 лет, и он также умерщвлен в Машкуле в то время, когда там живет
 Бланше (с. 231 и 291).

Февраль Жана де Ланте пригласили выступить свидетелем на церковном
 процессе одновременно с маркизом де Сева, Бертраном Пуле-
 ном, Жаном Руссо и мэтром Жилем Эомом (с. 194–195). Андре
 Барб, сапожник из Машкуля, говорит, что «в церкви Св. Троицы
 в Машкуле он слышал жалобы какого-то человека, вопрошавшего,
 не видел ли кто-нибудь его семилетнего ребенка; было это около
 восьми месяцев назад»: в принципе, речь идет о феврале 1440 го-
 да (с. 268). Но это свидетельство в общем сомнительно.

Март Бедняк из Тувуа по имени Матлен Туар в марте 1440 года сетует
 на исчезновение ребенка двенадцати лет. Он не знает, что с ним
 стряслось. Четверо свидетелей из Тувуа говорят, что слышали его
 жалобы. Подобные свидетельства, по-видимому, ничего не добав-
 ляют к важным для нас фактам (с. 270).

Дофин, граф Алансон и Дюнуа встречаются в Ниоре; герцог де Бурбои, граф Вандомский и Латремуй собираются в Блуа; и те, и другие взбунтовались против короля. Герцог Бретонский, Иоанн V, поддерживает бунтовщиков, но коннетабль де Ришмон подавляет восстание; к 17 июля эта история окончательно завершена.

Никто не попросил содействия Жюль де Рэ. Никто отныне не уделяет маршалу ни малейшего внимания.

Как-то утром в Машкуле перед Пасхой (27 марта) Бланше увидел, как Пуату въезжает в замок в сопровождении сына кондитера Жорже Лебарбье. Этому ребенку, по имени Гийом, тогда, должно быть, около шестнадцати лет. Жорже Лебарбье живет у ворот замка. Его сына помещают к некому Жану Пелетье, портному госпожи де Рэ и свиты Жюль. Портной и мальчик-подмастерье постоянно приходят в замок поесть. Если верить Бланше, которому были известны все обстоятельства, после того, как мальчик въехал в замок, он был убит.

Согласно показаниям отца, ребенок исчез не раньше дня св. Варнавы (11 июня). Однако нам известно, что отец был не в себе. Кроме того, в двух свидетельствах говорится о времени, близком к Пасхе (с. 231, 268–269, 272, 292).

В день Пасхи (27 марта) Эташ Бланше видит, как в церкви Святой Троицы в Машкуле священник, м-р Оливье де Феррьер, выслушивает исповедь Жюль де Рэ. Сразу после этого маршал причащается вместе с бедняками. Они хотят расступиться и дать ему пройти, но Жюль приказывает им оставаться на месте и продолжать обычный обряд (с. 232).

Между Пасхой и Вознесением 1440 года вдова Ивона Кергена, каменщика из прихода св. Креста, что в Нанте, отдает в распоряжение одного из людей сира де Рэ, Пуату, по его просьбе, своего сына, лет пятнадцати, которого она больше не увидит (с. 159 и 166). Тома Эзе и его жена, бедняки, жившие в середине мая 1440 года в Пор-Сен-Пере, посылают одного из своих сыновей, которому около десяти лет, просить милостыню в замок Машкуль, когда там был сир де Рэ. Маленькая девочка сказала маме, что сначала милостыню давали девочкам, а потом она услышала, как кто-то из замка сказал юному Эзе, что если ему не досталось мяса, он его получит. Затем ребенка пустили внутрь. С того дня у матери не было никаких известий о сыне (с. 271 и 276).

Февраль

До 27.03
Убийство
Гийома
Лебарбье27.03
Исповедь и
скромное при-
частие Жюль
де Рэ27.03–15.05
(между Пасхой
и Троицей)

15.05 Около шестидесяти вооруженных людей находятся в засаде в лесу, вблизи храма св. Стефана в Мерморте¹. Они вооружены, а возглавляет их Жиль де Рэ. В тот момент, когда подходила к концу большая месса, он поднимает обоюдоострую секиру с неким подобием пики на конце, которую называют «гизарм», и устремляется к церкви. Там он осыпает бранью Жана Леферрона, брата Жоффруа Леферрона, казначея Бретани, которому он продал Сен-Этьен-де-Мерморт. «А, бесстыдник, – взревел он, – ты поколотил моих людей, вымогал у них деньги! Выходи из церкви, не то я прибью тебя до смерти!» От несчастного Жана Леферрона, клирика с тонзурой, которого брат назначил присматривать за замком, требуют вернуть этот замок Жилю; его заточают в темницу в той же крепости, куда вторгаются люди Рэ (с. 254–258). Жиль пренебрег церковными привилегиями и покусился на права герцога Бретонского, своего сюзерена.

Немногим позже разгневанный герцог и его канцлер, Жан де Мальтруа (обладавший, как епископ Нантский, церковной властью над той епархией, к которой принадлежал храм св. Стефана), повесят Жиля. Покушение на Жана Леферрона демонстрирует всю ту ребяческую безудержность Рэ, которая ведет его к гибели. Отныне Жиль – иступленный затравленный зверь, он потерял рассудок, а поддержать его некому. Угрызения совести терзают Рэ. Ему грезится Святая Земля; его не покидает желание исправить свою дурную жизнь и испросить отпущения грехов.

Он уже высказывал это намерение год назад (с. 118). Повторяется оно по крайней мере еще раз, очевидно, перед нападением в Сен-Этьене (более чем за четыре месяца до допроса 16 октября).

Надежда на дальнейшее путешествие и на то, что он сумеет сделать свою жизнь благочестивой, приободряет его (с. 184–185, 213–214, 228, 234). Однако все свидетельствует о том, что слишком поздно. Он возвращается, аки пес на свою блевотину. Борьба Жиля с самим собою заведомо обречена на поражение.

Июнь Жиль пытается ускользнуть от герцога Бретонского, который наложил на него штраф в 5000 золотых экю (значительная сумма, составляющая половину стоимости Ингранда и Шантосе). Своего пленника Жана Леферрона он переводит в Тиффож, в Пуату, на территории королевского домена.

1 В соответствии с общим правилом, название церкви переводится на русский язык, тогда как название одноименного замка (Сен-Этьен-де-Мерморт) транскрибируется (*прим. пер.*).

Семеро свидетелей из местечка Сен-Этьен-де-Монлюк, один из которых был клириком, уже около трех лет знакомы с сыном некоего Гийома Бриса, бедняка из их прихода, умершего в феврале 1439 года. Со дня св. Иоанна 1440 года (24 июня) свидетели не видели этого мальчика восьми или девяти лет, очень красивого, откликавшегося на имя Жаме (с. 266–267). Трудно сказать, почему в исчезновении ребенка из Сен-Этьен-де-Монлюка, к северу от эстуария Луары, следует обвинять именно Жилия де Рэ. Во всяком случае, после июля он вновь продолжит свои скитания.

Остается один очевидный выход: почему бы Жилию не обратиться за помощью к Иоанну V? Преследуя свои интересы, герцог продемонстрировал дружелюбие по отношению к Рэ. Поскольку Жиль еще не был полностью разорен, Иоанн V, возможно, надеялся поживиться за его счет.

Июль

В сущности, Жиль совершенно слеп и не видит, что в обмен на благоволение, в котором он отчаянно нуждается, ему нечего предложить Иоанну V.

Жилию следовало бы знать: все кончено. Ему нечего ожидать от короля. Побег? Он на это не готов. Весь его нрав противится такой идее; да и как скрыться человеку, столь известному, который всегда на виду?

Рэ встречает грозящую ему опасность лицом к лицу, со всей решительностью. Он увидится с герцогом в Жослене и объяснится с ним. Но Жиль осознает всю рискованность предприятия. Он не знает, вернется ли из этого путешествия. Вот почему перед отъездом из Машкуля Жиль приказывает Прелати расспросить дьявола Баррона; Жиль хочет узнать, будет ли он в безопасности при встрече со своим сюзереном; Жиль хочет узнать, сможет ли он вернуться...

Дьявол отвечает: да!

Они выезжают из Машкуля, и по пути Жиль просит у заклинателя повторить вопрос, не дающий ему покоя. Этот вопрос был задан в Нанте, и по приезде в Жослен Рэ требует от Прелати провести заклинание. Делается это в поле, Жиль не присутствует. Теперь Баррон появляется, как утверждает Франческо, в одеянии из фиолетового шелка. И в этот раз он уверяет, что все сложится благополучно: Жиль де Рэ вновь попадет в Машкуль (с. 227).

Нам ничего неизвестно о встрече Жилия и Иоанна V. У нас даже нет никаких сведений о том радушном приеме, который герцог, должно быть, оказал маршалу. Прелати, скорее всего, ищет дьявола

Бессмысленное и кровавое путешествие в Жослен

в поле. Кроме того, Арире говорит, что именно в поле он привел троих детей, которых и убил. Больного Пуату там нет. Это все, что нам известно.

Жиль говорит своим слугам, что едет на встречу с герцогом, дабы получить деньги, которые тот ему задолжал. Но они знают: их господину теперь только и осталось, что прикидываться и ломать комедию.

Убийство в Ванне Наверное, пребывание в Жослене было болезненным для Жилья, и именно по этой причине он тотчас же захотел отправиться в Ванн, чтобы встретиться с Андре Бюше, юным певчим, которого он пригласил в свою капеллу самое позднее в 1434 году. Его намерения и ожидания были понятны. Жиль обосновался за стенами Ванна, около усадьбы епископа, в местечке под названием Ла-Мот, в доме некоего Лемуана. В то время Андре Бюше, очевидно, был в капелле герцога, которая часто останавливается в Ванне (так или иначе, несколькими неделями позже, во время процесса, он там состоял). Бюше приводит к Жилью мальчика лет десяти, сына местного жителя Жана Лавари. Но потайного места, где можно было бы убить ребенка, у Лемуана нет. Его ведут в дом, расположенный поблизости и принадлежащий некому Бетдену. В комнате Жилья ребенку отрубают голову – затем она будет сожжена. Тело, связанное ремнями, относят в отхожее место в доме этого Бетдена, и Пуату, видимо, оправившийся от своей болезни, вынужден спуститься в яму: необходимо поглубже закопать там труп, чтобы его не нашли. Затем Арире и Бюше помогают Пуату вылезти оттуда.

Пуату настаивает на том, что Бюше, ко времени процесса состоявший в герцогской капелле, все знал. Сам Жиль уточняет, что Бюше было известно обо всех убийствах детей (с. 245).

29.07 **Итоги тайного расследования епископа Нантского** Жан де Мальтруа, епископ Нантский и канцлер Бретани, обнаруживает в форме декрета результаты тайного расследования, которое, скорее всего, было проведено сразу же после инцидента в Сен-Этьен-де-Мерморте. Там установлено, что Жиль де Рэ, подданный епископа и подсудный ему, изнасиловал и убил множество детей; более того, он заклинал демонов и заключил с ними договор; общественное мнение обвиняет его во всех этих преступлениях.

Прибл. 15.08 **Последнее убийство** Рауле де Лоне, портной из Нанта, шьет камзол для ребенка Эонне де Вильбланша. Ребенок живет в это время не с родителями, а с Пуату. И именно Пуату платит Рауле двадцать су за камзол. В своих

показаниях Пуату признает, что мать ребенка, откликавшаяся на имя Массе, отдала ему мальчика, чтобы тот стал его пажом и чтобы Пуату купил ему одежду. Как утверждает Пуату, ребенок был убит и сожжен, а Рауле де Лоне в своих показаниях подтверждает, что с тех пор он мальчика не видел. Это последнее из указанных в документах убийств; оно произошло после декрета, выпущенного 29 июля (с. 281).

Несмотря на то, что обыкновенно Иоанн V лицемерит, встречаясь с Жилем де Рэ, теперь он решает с этим покончить. Должно быть, канцлер Жан де Мальтруа без труда уговорил его: всеобщий ропот слишком силен, а в Сен-Этьене Жиль перешел все границы; отныне все объединяются против него.

Но когда настает время действовать, герцог стремится, пусть и тайно, согласовать все с королем. Иоанн V знает, что Карла VII маршал больше не интересует, но не хочет давать ему повод для вторжения, достаточным основанием для которого могла бы послужить враждебность герцога во время Прагери. Вот почему он добивается поддержки одного из главных военачальников короля, своего брата Артура де Ришмона, коннетабля Франции.

Артур склонен оказать брату содействие. Он страшится колдунов и, очевидно, никогда не любил маршала, ставленника своего злейшего врага, Латремуя. Взамен Артур получит два поместья, дополнивших земельный надел, за который герцог, его брат, еще не расплатился. В частности, он получит Бургнеф-ан-Рэ, феодал Бретани, который пока принадлежит Жилю. Жиль еще не умер, но все уже решено, и герцог делит добычу.¹

24 августа в Ванне герцог совещается со своим братом. Только де Ришмон, королевский военачальник, может овладеть Тиффожем, в Пуату, где Жиль хотел утаить от герцога своего пленника из Сен-Этьен-де-Мерморта, Жана Леферрона. Когда Артур согласился захватить Тиффожа, ход событий ускорился; Жана Леферрона освободили. У Жили больше не было заложника. Тогда Рэ, видимо, осознал, что его ждет. Отныне никто уже не может заступиться за него. Услыхав о том, что коннетабль занял Тиффожа, Жиль де Сийе и Роже де Бриквиль решают сбежать. Предвидя это событие, они, должно быть, накопили значительную сумму... Остаются лишь те, кто никак не сможет ускользнуть: чужестранец Прелати, священник Бланше и двое ближних слуг, Анрие и Пуату.

24.08

Конец:

Коннетабль
де Ришмон
захватывает
Тиффожа

¹ Cosneau E., Arthur de Richemont, p. 309.

Вероятно, Жиль мог бы сбежать и сам, но его не оставляла абсурдная надежда. С неколебимой наивностью он отказывается верить, что за ним придут.

До 15.09 Представители светского правосудия, со своей стороны, также развернули деятельность в этой местности и вели свое расследование. Они выслушали почти тех же самых пострадавших, что предстали и перед церковным судом (с. 261). Именно они решили арестовать сира де Рэ и приняли все необходимые для этого меры.

13.09

Жиль обвинен в убийствах детей и заклинаниях демонов Жиль вызван в суд, он должен предстать перед церковным трибуналом в Нанте; его обвиняют в убийствах детей, содомии, заклинаниях демонов, оскорблении божественного Величия и ереси.

15.09 Люди герцога Бретонского во главе с капитаном Жаном Лаббе, сопровождаемые нотариусом Робеном Гийоме, выступающие от имени канцлера и епископа Жана Мальтруа, появляются у ворот Машкуля.

Маршал де Рэ арестован.

Вместе с ним арестованы Франческо Прелати, Эташ Бланше, Анрие и Пуату.

По пути в Нантскую тюрьму Анрие, охваченный ужасом, думает о том, как бы перерезать себе горло (сс. 285–286).

После 15.09 Появившись перед светским судом в Нанте, Жиль де Рэ должен будет ответить по двум основным статьям: убийства детей и эпизод в Сен-Этьен-де-Мерморте (нападение на Жана Леферрона и его заточение, захват замка Сен-Этьен, который он уступил Жоффруа Леферрону, главному казначею Бретани). От этого слушания у нас осталось лишь одно официальное донесение, в котором имеется ответ Жилия, но только на второе обвинение. По поводу убийств ничего не сказано. Если бы прокурор сосредоточился на обвинении в убийствах, то, учитывая поведение Жилия перед церковными судьями 8 октября, он, вероятно, не занимал бы столь примирительную позицию по делу Сен-Этьена. Очевидно, светские судьи были столь же осторожны, как и церковные, и вначале не говорили о самой тяжелой стороне дела. Автор донесения, скорее всего, считал это упущением, но не потрудился привести ответ Жилия, касающийся детей.

Пьер де Л'Опиталь, президент Бретани¹, руководит расследованием дела, возбужденного против Жилия де Рэ. Церковному служителю Жану де Тушронду поручено расследование, и он начинает его, выслушивая показания, которые касаются убийства сына Перонн Лессар из Ла-Рош-Бернара и Жаме Брис из Пор-Лоне (сс. 264–267). 18.09 Жалобы родственников жертв

Слушания по делу Жилия де Рэ открываются в Нанте в большой верхней зале замка Тур-Нев (с. 163). Жиль де Рэ, обвиняемый, предстает перед Жаном де Мальтруа, епископом Нантским. Он выслушивает обвинения «прокурора» Гийома Шапейона (который должен выступать в суде против него). Прокурор обвиняет Жилия в «доктринальной ереси». Именно поэтому его должен судить не только епископ, но и наместник инквизитора, Жан Блуин, которому поручено руководить инквизицией в самом Нанте и во всей епархии. 28 сентября он предстанет перед этими двумя судьями, полномочия которых вначале признает. Тогда ему, видимо, казалось, что отвечать только по обвинению в ереси нетрудно. 19.09

Жан де Тушроид проводит расследование в рамках гражданского судопроизводства: он выслушивает свидетелей по эпизоду с исчезновением Жана Бернара из Пор-Лоне (с. 267). 27.09

Епископ Жан де Мальтруа и наместник инквизитора Жан Блуин, доминиканец, принимают в часовне усадьбы епископа десятых пострадавших, обвиняющих сира де Рэ в том, что он бесстыдно изнасиловал и умертвил у кого сына, у кого племянника (сс. 164–167). Они «в слезах и охвачены горем». Между тем Жиль де Рэ, присутствие которого ожидалось, в тот день не появился. 28.09

Жан де Тушронд проводит свое расследование: он выслушивает свидетелей исчезновения детей Жорже Лебарбье, Жана (или Гийома) 28–30.09

¹ «Президент Бретани», или «главный судья Бретани», возглавляет светский суд Нанта и, помимо этого, ведет законодательные и судебные заседания верховного парламента герцогства. Вместе с канцлером Бретани, Жаном Мальтруа, и главным казначеем, Годфруа Леферроном ((в оригинале так – *И. Б.*) братом Жана Леферрона, жертвы Жилия де Рэ) он – один из самых высокопоставленных приближенных герцога Бретани. «В бретонской судебной системе он играет ключевую роль», – утверждает Дюртель де Сен-Савер (*Durtelle de Saint-Saveur*) в своей *Histoire de Bretagne des origines à nos jours* (История Бретани от истоков до наших дней), 4e edit., т. 1, р. 331.

Жсдона, Жанно Руссен, Александра Шателье, Гийома Сержана, Матлена Туара, Жанны Эделен, Массе Сорена, некого Орана, Тома Эзе, Гийома Амелена и Мишо Буэ; а также показания по поводу исчезновения Бериара Лекамя и сына Жанетты Друэ. Кроме того, он выслушивает персональную жалобу Перрин, жены Клемана Рондо, направленную против Прелати (сс. 268–273).

02. 10 Расследование Жана де Тушронда продолжается: рассматриваются исчезновения ребенка Реньо Донета, Жана Юбера, сына Жана Жанвре, Колена Авриля, ребенка Гибеле Дели, ученика Жана Тублана, сына Жана Фужера, сына Эонне де Вильбланша (с. 280).
06. 10 Продолжение того же расследования, касающееся исчезновения Перро Даге (с. 281).
08. 10 Продолжение того же расследования, теперь по поводу исчезновения двоих сыновей Робена Паво, Оливье Дареля, Жана Юбера, сына Реньо, Л. Донета (с. 281–284).

В нижней зале замка Тур-Нев уже упомянутые десять пострадавших вновь выступают «с воплями скорби и со слезами» перед епископом и наместником инквизитора (с. 167). Помимо убийств и содомии Жиль обвиняется в «заклинании злых духов» и «во многих других преступлениях, находящихся в ведении церковного суда».

В тот же день, но на этот раз «в большой верхней зале» замка Тур-Нев Жиль де Рэ и «прокурор» предстают перед епископом и наместником инквизитора; теперь в обвинении прокурора, произнесенном устно, указываются все преступления и проступки, вменявшиеся обвиняемому в том же виде, в каком они будут изложены ниже в сорока девяти статьях «обвинительного акта». Жиль немедленно реагирует на это и обращается к судьям, но его апелляция тут же отклоняется как несерьезная. Тогда он противится судьям в резкой форме. Несмотря на четырехкратную просьбу и угрозу отлучения от Церкви он отказывается присягать и произносить клятву.

В этот день начинается настоящий суд; обвинение оглашается целиком. Пьер де Л'Опиталь, ответственный за деятельность светского суда, впервые присутствует на слушаниях в суде церковном (с. 167–169). С этого дня он (как и епископ Сен-Брекский, Жан Прежан, который будет вместе с ним участвовать в допросе при «внесудебной» даче показаний 21 октября) присутствует

на всех заседаниях, кроме 20 октября, когда должен был обсуждаться вопрос применения пыток, и утра 21 октября, когда пытки должны были быть применены. Любопытно, что 15 октября Жиль де Рэ обращается к нему так, словно тот разделяет его негодование, а 20 октября просит, чтобы он (вместе с Жаном Прежаном) выслушал его в отсутствие церковных судей.

Епископ и наместник инквизитора откладывают намеченное заседание на следующий день. Они ограничиваются тем, что в третий раз выслушивают в нижней зале жалобы несчастных родственников, которые умоляют их прибегнуть «к должному отправлению правосудия» (с. 170). 11. 10

В девять часов утра в большой верхней зале замка Тур-Нев, перед епископом, помощником инквизитора и многочисленными знатными горожанами Нанта прокурор произносит обвинение, записанное в сорока девяти статьях обвинительного акта, которые затем зачитываются судьям. 13. 10
49 статей обвинительного акта

Первые четырнадцать статей (обвинительный акт приведен полностью, с. 174–188) представляют собой лишь введение: они призваны показать компетентность церковного суда Нанта, епископа и помощника инквизитора. А вот в статьях с 15-й по 49-ю детально рассмотрены все те преступления, в которых обвиняется Жиль де Рэ. Это изложение беспорядочно и запутанно, однако весьма полно. На самом деле оно согласуется, – по крайней мере, в целом, – с фактами, изложенными в других документах. (Тем не менее, там сказано, что убийства детей начались в 1426 году, что противоречит показаниям обвиняемого; следует также добавить, что в принципе датам, приводимым в этом обвинительном акте, следует доверять лишь отчасти: так, эпизод в Сен-Этьен-де-Мермorte, датировка которого, 15 мая 1440 года, известна и приводится со всей возможной точностью, отнесен там к 1438 году.) Этот обвинительный акт касается трех основных тем: во-первых, преступлений против детей; во-вторых, ереси или, по сути дела, заклинаний демонов, связанных с практикой магического искусства, и с более или менее касающимися догматики высказываниями заклинателей и всех остальных, в этом участвовавших; в-третьих, нарушения церковной неприкосновенности.

За четырнадцать лет (то есть приблизительно с 1426 года), как говорится в обвинительном акте, жертвами Жилиа де Рэ и его сообщников стали сто сорок детей обоего пола. Их приводили к нему

либо его главные сообщники, пособники в убийствах, либо те, кто поставлял ему детей (это могли быть мужчины или женщины). Дети оказывались у Жилья де Рэ под предлогом того, что они поступали к нему в услужение, а выгоды от этой службы, которые должны были получить сами дети или их родители, выдвигались на первый план и всячески подчеркивались. На деле же детям резали глотки, их убивали и «бесстыдно мучили». Более того, обвиняемый предавался с ними содомскому греху, и пока они были живы, и когда были мертвы, и в то время как умирали. Жиль де Рэ гнушался «естественного отверствия» у девочек. В конце жертвы расчленялись и сжигались.

Обвинение указывает в точности лишь на две жертвы: на ребенка, который жил в Бургнефе-ан-Рэ у человека по имени Родиго, и на сына некого Жана Лавари из Ванна.

Принимается во внимание и то, что из Шантосе в Машкуль были перевезены сорок пять скелетов, и в Машкуле их сожгли.

Тонкие вина, гипокрас и кларет, а также тревоугодие обвинение связывает с содомским грехом, поскольку они служили обвиняемому возбуждающими средствами, дабы совершать этот грех «с большею силой, неприужденностью и удовольствием».

В обвинении отмечаются и мимолетные периоды угрызений совести, моменты просветления, когда преступник хотел совершить паломничество к Гробу Господню, но не знал, как осуществить свои намерения и «аки пес возвращался на свою блевотиину», вновь вставая на путь злодеяний.

Приводятся и точные названия мест, где были совершены убийства: замок Шантосе, дом Ла-Сюз в Нанте, замки Машкуль и Тиффож, дом братьев-миноров в Бургнефе-ан-Рэ, дом некого Лемуана в Ванне.

Кроме того, обвинение считает, что Жиль впал в греховную ересь, за которую он несет ответственность перед инквизицией, в 1426 году. Рэ обвиняется в сношениях с еретиками, чьи догмы он воспринял; кроме того, он читал и изучал еретические книги. В частности, Жиль обвиняется в том, что возвел в догму ошибочные утверждения колдунов и заклинателей. Равным образом он практиковал и считал догмой запрещенные магические искусства геомантии и некромантии. Наконец, вкпе с этим он публично оглашал свои преступные идеи, также принятые им в качестве догматических.

Но не столько мысли и слова перечисляются в обвинительном акте, сколько предосудительные поступки. Речь, по сути дела, идет о дьявольских заклинаниях. Немало было мест, где Жиль

де Рэ заклинал всевозможных демонов, или же это совершалось по его указанию: в Орлеане (под вывеской «Золотого Креста»), в замках Машкуль и Тиффо, в Бургнефе-ан-Рэ, у братьев-миноров, и в Жослене, недалеко от замка герцога Бретонского. Вменяются в вину Жилю и жертвоприношения. В Тиффоже он принес в жертву кисти рук, сердце и глаза ребенка, положив их в стакан. Обвиняемый хотел связать себя соглашением с дьяволом, для чего приготовил расписку, то есть письменное кабальное обязательство, исключив из него лишь продажу души своей и сокращение жизни. Кроме того, в обвинительном акте упомянуты некоторые торжества, которые проводились в течение пяти лет, в особенности по случаю Дня всех святых; во время этих торжеств беднякам раздавалась милостыня.

Третьим из проступков, из-за которых обвиняемый предстал перед церковным судом, явилось нарушение церковной неприкосновенности. Речь идет об эпизоде в Сен-Этьен-де-Мерморте. В обвинении уточняется, что Жиль де Рэ вошел в храм, потрясая оружием, «дерзко и яростно», грозил смертью Жану Леферрону, духовному лицу, которого приказал сковать в кандалы по рукам и ногам и держать сначала в замке Сен-Этьен-де-Мерморт, а затем в Тиффоже. Таким образом обвиняемый «грубо и бесстыдно нарушил предписания епископа».

В конце текста этих сорока девяти статей прокурор требует, чтобы епископ и наместник инквизитора признали Жиля де Рэ виновным в различных преступлениях, указанных в обвинительном акте. Таким образом, его следует подвергнуть «отлучению от Церкви и иной законной каре», он должен быть «наказан и сплотившему подвергнут исправлению, как того требуют закон и церковные предписания».

По просьбе прокурора епископ и наместник инквизитора допрашивают Жиля по статьям обвинительного акта (с. 170); теперь Жиль отрицает правомочность судей и отказывается признавать их в качестве таковых, затем называет их «симонитами» и «развратниками»; он говорит, что «лучше ему быть подвешенным с веревкой на шее, чем отвечать на вопросы таких церковников и таких судей». После нескольких предупреждений его отлучают от Церкви. Жиль протестует, но его протест немедленно отклоняется как ничтожный «вследствие особенностей дела и преступлений, неслыханных и богомерзких», в которых его обвиняют.

При допросе Жиль отказывается отвечать и оскорбляет суд

Затем зачитываются документы, уполномочивающие Жана Блуина, помощника инквизитора, с 1426 года осуществлять свою деятельность от имени Гийома Мериси, инквизитора и гонителя ересей во французском королевстве.

15. 10 Те же лица собираются в той же зале, и ход событий резко меняется
Начало (с. 189): Жиль де Рэ признает епископа и наместника инквизитора
признаний своими судьями, обладающими должной компетенцией, он со-
знается, что «злонамеренно совершил» указанные преступления
и «смирно, благочестиво, в слезах» просит прощения у судей
за «брань» и «оскорбления» в их адрес. Из любви Божией судьи
тотчас же прощают его. Обвиняемый признает верными статьи
с 1-й по 4-ю и с 8-й по 14-ю (статьи с 5-й по 7-ю, исключенные из
этого списка, касаются Жана Блуина, но в 8-й статье, с которой
обвиняемый согласился, признаются его полномочия).

Жиль де Рэ в тот день по-прежнему возражает против одного
из самых главных пунктов обвинения – заклинаний демонов; по
этому эпизоду он признает лишь незначительные факты, причем
в доказательство истинности своих слов даже предлагает, чтобы
его подвергли «испытанию огнем».

Прокурор и обвиняемый приносят клятву на Евангелии, после
чего прокурор приглашает в качестве свидетелей слуг Анрие и Пуа-
ту, алхимика Прелати, священника Бланше, некую Тифен, вдову
Робена Браншю, и поставщицу детей Перрин Мартен; они также
приносят клятву. (Показания Анрие, Пуату, Прелати, заслушан-
ные в последующие дни, до нас дошли, в отличие от показаний
Тифен и Перрин Мартен, которые отсутствуют в сохранившихся
документах (с. 192).)

16. 10 Слушаются показания Франческо Прелати, итальянского алхи-
Показания мика и заклинателя, который находился на службе у Жилиа де Рэ
Прелати с мая 1439 по 15 сентября 1440 года (с. 221). Место, где это проис-
ходило, не указано.

17. 10 Слушаются показания священника Эсташа Бланше и двоих слуг
Показания Анрие Грияра и Этьена Коррийо, прозванного Пуату, все трое на-
Бланше, ходились на службе у Жилиа де Рэ в течение многих лет вплоть до
Анрие его ареста (сс. 228, 236 и 245).
и Пуату

Вероятно, выслушивались эти три свидетеля утром, поскольку
прокурор, Жиль де Рэ и судьи (заседающие после полудня, во вре-
мя вечера) были в большой верхней зале, где происходило пресе-

ставление пятидесяти свидетелей, которых вскоре должны были допросить, и где они давали клятву. Допрос велся прежде всего по эпизоду о иарушении церковной неприкосновенности. Свидетелями были: Ленано (маркиз де Сева), Бернар Пулен, Жан Руссо, Жиль Эом и брат Жан де Ланте (сс. 194–195 и 254).

В девять часов утра, в присутствии Жилия де Рэ и прокурора, в большой верхней зале замка начинается заседание суда, на котором представляются и приносят клятву еще пятнадцать свидетелей (сс. 196 и 258). 19. 10

В той же большой верхней зале в девять часов утра прокурор и Жиль де Рэ предстают перед епископом и заместником инквизитора (с. 198); те желают знать, согласно просьбе прокурора, может ли Жиль что-то сказать по поводу обвинений, есть ли у него какие-то возражения, но обвиняемый отвечает, что сказать ему нечего и соглашается, когда его об этом спрашивают, на немедленное обнародование только что собранных показаний. Между тем прокурор, «способствовать более полному освещению и разысканию истины», все же просит у судей разрешить применение пыток. Затем судьи советуются со своими помощниками, «людьми сведущими», и решают, что Жиль должен быть подвергнут «допросу и пыткам». 20. 10 Судьи рассматривают возможность пыток

Заседая в девять часов утра в нижней зале замка Тур-Нев, судьи посылают за обвиняемым, чтобы пытать его (с. 200). Когда Жилия выводят вперед, он смиренно молит перенести пытки на следующий день – он постарается говорить без пыток, так, что судьи сочтут излишними какие-то дополнительные «допросы». Он предлагает допросить его в каком-нибудь другом помещении, а не там, где готовятся его пытать, и чтобы допрос провели епископ Сен-Брекский, Жан Прежан, представитель церковного суда, и президент Бретани, Пьер де Л'Опиталь, представитель светского суда. Судьи соглашаются на это предложение и предоставляют необходимую отсрочку. 21. 10

Во втором часу пополудни в той же нижней зале появляются епископ и заместитель инквизитора (с. 201); они посылают епископа Жана Прежана и Пьера де Л'Опиталья за Жилем де Рэ. Судьи отправляют их в «верхние покои» замка, где находится обвиняемый маршал, за которым сохранили привилегии, оставив ему достойное жилище.

Первое «вне-судебное» признание Состоялся допрос с участием Жана Пти, нотариуса церковного суда, Жана Лаббе, капитана на службе у герцога Бретонского, который производил аресты в Машкуле, его оруженосца Ивона де Росерфа, который также был в Машкуле, и наконец с участием клирика Жана де Тушронда, который ведет светское расследование.

Именно при таких обстоятельствах и состоялось первое, так называемое «внесудебное» (то есть состоявшееся независимо как от церковных, так и от светских судебных процедур) признание Жилья де Рэ (с. 202–204). Отмечено, что состоялось оно «свободно, по доброй воле и со скорбью».

Именно в этот момент обвиняемый сознается, что первые свои преступления совершил, когда «скончался дед его, сеньор де Ласюз», то есть в 1432 году. Он утверждает, вопреки настойчивым расспросам Пьера де Л'Опиталя, что совершил преступления, «следуя своему воображению и мысли своей, а не чьим-либо советам, согласно собственному рассудку, стремясь лишь к наслаждению и плотским утехам, а не с какою-то иною целью либо намерением».

Тогда двое уполномоченных посылают за Франческо Прелати. Он вместе с Жилем дает детальный отчет обо всем, что касается заклинаний, который происходили по приезду итальянского алхимика, в особенности о приношении детской руки, глаз и сердца, которое было подготовлено, но не осуществлено. Затем Жиль прощается со своим сообщником.

После этого допроса двое уполномоченных возвращаются в нижнюю залу замка, где сообщают о признании, которого они добились (с. 201) и которое, должно быть, удовлетворило, ибо в дальнейшем речь о пытках уже не идет.

22. 10 Во время вечера Жиль де Рэ и прокурор вновь предстают перед Большим при- знанием или «признание в суде» епископом и иместником инквизитора (с. 205) (скорее всего, в верхней зале замка).

Судьи спрашивают у обвиняемого, желает ли он еще что-то возразить против сказанного прежде. Жиль отвечает, что нет, но затем внезапно сознается перед судьями во всем том, в чем сознался «вне суда». В протоколах значится, что говорил он «с сердечным раскаянием и с превеликою горечью – по крайней мере, на первый взгляд, – и со слезами». Не отклоняясь от первого признания, он пытается дополнить его, устранить ошибки и неточности. Рэ с са-

мого начала решительно настаивает на том, что это были грехи юности, и просит опубликовать его показания на народном языке, чтобы их могли прочесть присутствующие, «большая часть коих латыни не знала». Он призывает матерей, отцов и друзей всех детей к строгости... Он уточняет набор пыток, который применялся им и его сообщниками по отношению к жертвам. Он повествует о том, как выбирал самые красивые головы мертвых детей и доходит до того, что рассказывает, как смеялся со своими слугами, наблюдая, как эти дети умирают.

По поводу своих убийств он уточняет еще кое-что, относящееся к заклинаниям и его отношениям с Прелати. В частности, вспоминает несколько убийств: в Бургнефе, убийство Жана Юбера и другого паж, наконец, убийство в Ванне, где обезглавленное детское тело было сброшено в выгребную яму.

Кроме того, он повествует о некоторых деталях, касающихся попыток заклинаний, которые состоялись до приезда Прелати в 1438 году, и говорит об овладевавшем им порой намерении отказаться от дурной жизни и отправиться паломником в Иерусалим.

Наконец он призывает «народ» и в особенности многочисленных «духовных лиц», присутствующих на суде, чтить Мать и Заступницу нашу, Святую Церковь. Да следят отцы семейств за чадами своими, не «одевают их с чрезмерной пышностью» и не дают им жить «в праздности». Он открыто нападает на чревоугодие, объявляя, что «праздность, ненасытная жажда изысканных яств и частые возлияния более чем что бы то ни было приводили его в возбужденное состояние, в коем он и совершил столько грехов и столько преступлений».

Он молит прощения у Бога, а потом у родителей и друзей тех детей, которых он «столь жестоко истребил...», попросив у всех преданных рабов Божиих молиться за него.

После этого долгого признания, текст которого только и является для нас решающим, прокурор просит, чтобы объявили день для «окончательного приговора». Жан Прежан и Пьер де Л'Опиталь, наряду с остальными, принимают участие в этом слушании.

Светский суд, выслушав признания Анрие и Пуату, двух слуг Жила де Рэ, порой почти буквально повторявшие, а порой дополнявшие их свидетельские показания перед церковным судом (с. 285–292), приговаривает их к смерти. Они были казнены в тот же день, что и Жиль, сразу же после него. 23. 10

25. 10 Прокурор просит у епископа Жана де Мальтруа и брата Жана
Приговор Блуииа, заместника инквизитора, которые ведут заседание три-
церковного бунала в девять часов утра, в большой верхней зале замка Тур-Нев,
суда вынести решение и произнести окончательный приговор, причем
Жиль де Рэ «слушал, постигал и не противоречил» (с. 215). Двой-
ным вердиктом церковного суда обвиняемый признан, во-первых,
«виновным в коварном вероотступничестве и ереси, равно как и
в заклинаниях демонов»; во-вторых, «виновным в том, что злона-
меренно совершил преступления и противоестественный грех со-
домский с детьми обоего пола» (сс. 219–220). Он отлучен от Цер-
кви и подлежит иным законодательным взысканиям. Этот приго-
вор церковного суда предполагает соответствующее решение суда
светского, которое последует без промедления, в тот же день.

Как только приговор был оглашен, судьи предложили Жилью де Рэ вновь войти в лоно Церкви; Жиль просит их об этом «сми-
ренно преклонив колени», «со вздохами и стенаниями». Будучи
вновь принят Церковью, он просит дать ему исповедоваться, и су-
дья немедленно поручают духовному лицу из Ордена кармелитов,
Жану Жувнелю, выслушать его исповедь.

Религиозный процесс завершен.

Светский Вслед за тем Жилья де Рэ переводят в замок Буффе, находящийся
приговор поблизости, дабы предать его светскому суду, собравшемуся под
председательством Пьера де Л'Опиталья, президента Бретани.
Он признается в преступлениях по эпизоду в Сен-Этьен-де-Мер-
морте. Посоветовавшись с несколькими помощниками, Пьер де
Л'Опиталь объявляет, что за эти преступления обвиняемый дол-
жен быть подвергнут штрафу в уже установленном размере (50000
золотых экю), в форме конфискации имущества, который затем
следует выплатить герцогу Бретонскому; а также что за осталь-
ные совершенные им преступления он будет повешен и сожжен,
а приговор должен быть приведен в исполнение на следующий
день в одиннадцать часов (сс. 292–294).

Затем Жиль де Рэ просит, чтобы его слуги Анрие и Пуату, при-
говоренные, как и он, к смерти, были казнены после него, ведь
именно он ответствен за их преступления; в противном случае
они могут подумать, что он, главный виновник, остался безнака-
занным. Пьер де Л'Опиталь оказывает ему такую милость, более
того, решает, что тело приговоренного, в нужное время извлечен-
ное из пламени, будет погребено в церкви, которую Рэ выберет

сам. Наконец Жиль просит судью, чтобы тот уговорил епископа назначить на следующий день «большое шествие, дабы вселить в него и в названных слуг его твердую надежду на спасение». Пьер де Л'Опиталь соглашается.

После того как шествие, за которым следовала огромная толпа, 26. 10
 прошло к месту казни, Жилья де Рэ повесили, а затем предали ог- Смерть
 ню, но вскоре оттуда вытащили. После этого он был похоронен
 «рядом с четырьмя или пятью женщинами или девами благород-
 ного происхождения».¹

Анри и Пуату также, в свою очередь, казнены и обращены во прах, а останки Жилья перенесены в кармелитскую церковь Богоматери в Нанте. Его отпевают и кладут в могилу. Он покоится там вместе с другими знатными людьми. Кладбище при этой церкви, которой больше нет, было разграблено во время Революции.

¹ Chartier Jean, *Chronique de Charles VII...*, nlle éd... par Vollet de Viriville..., t. II, pp. 5-6.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Количество, возраст и пол жертв

На вопрос о том, сколько человек умертвил Жиль де Рэ, ответить невозможно. 143

На светском суде прозвучали следующие, видимо, обоснованные, слова (с. 262): «...помянутый сир похитил сам или силою слуг своих множество маленьких детей, не десять и не двадцать, а тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, сотню, две и более, так что в точности их не счесть».

Сведения, приведенные в 27 статье обвинительного акта церковного процесса, несколько точнее: Жиль убил или повелел убить «сто сорок детей, а то и более, девочек и мальчиков» (с. 181).

Прочие цифры, имеющиеся в документах процесса, не вносят большей ясности: утверждается, что Пуату и Анрие вдвоем убили шестьдесят и более человек. В другом месте это число уменьшено до сорока. Такие сведения сбивают с толку... Кроме того, говорится, что Анрие в доме Ла-Сюз свонми руками убил одиннадцать или двенадцать детей...

В его показаниях, данных на церковном суде (с. 250), по-видимому, больше смысла. Если верить Анрие, Жиль «наслаждался, глядя на отрезанные головы, показывал их ему, свидетелю, и Этьену Коррийо..., вопрошая, какая из указанных голов является красивейшей – отрубленная¹ в тот самый момент или накануне, или та, что отрублена была позавчера...». Этот жуткий текст, возможно, содержит преувеличения, но, вообще говоря, перед нашим взором трое детей в течение дня одии за другим сложили головы. Вот почему мы склонны считать число жертв, даже по приблизительным оценкам, весьма значительным.

Невозможно выяснить число жертв и по свидетельским показаниям, которые на первый взгляд кажутся точными и серьезными. Указанное в них число, при логичной интерпретации, подходит лишь в качестве минимальной оценки. Таким образом, можно сказать, что тридцать пять жертв и составляют этот минимум, хотя в качестве итоговой суммы подобная цифра выглядит неправдоподобно...

¹ Курсив наш.

Что касается возраста, то я уже привел точные данные о двоих детях семи лет, четырех восьмилетних, трех убитых девяти лет, двоих десяти, двоих двенадцати, одном четырнадцати, двоих пятнадцати, одном подростке восемнадцати и еще одном двадцати лет.

Известно, что дети были обоюбого пола. Жиль, вне всякого сомнения, предпочитал мальчиков, но если их не было, мог воспользоваться и девочками. Скажем лишь, что среди жертв, упомянутых в свидетельских показаниях, не фигурирует ни одной девочки. Под словом «ребенок», конечно, может пониматься и девочка, и мальчик. Тем не менее, можно считать, что если сир де Рэ и убивал девочек, то в исключительных случаях, когда его поставщикам или поставщицам не удавалось отыскать ребенка другого пола.

В признании Анриэ, сделанном на светском суде, отношения его господина с девочками описаны с известной точностью (сс. 288–289): «...иногда помянутый сир выбирал маленьких девочек, с которыми имел сношения на животе, таким же образом, как и с детьми мужского пола, говоря, что так он больше получает удовольствия и ему не так больно, как бывало, когда он развлекался с ними естественным путем; затем этих девочек умерщвляли так же, как и помянутых детей мужского пола».

НАСЛЕДНИКИ И НАСЛЕДСТВО ЖИЛЯ ДЕ РЭ

1 Катрин де Туар, жена Жюль де Рэ

Аббат Бурдо недвусмысленно заявляет, что нам ничего, абсолютно ничего не известно о жене Жюль де Рэ. Вот что он говорит об этой женщине, Катрин де Туар, и о Марии де Рэ, дочери, которую она родила – или по документам считается, что родила – от Жюль де Рэ: «Они вновь и вновь проходят мимо нас, как смутные тени, и ни один их поступок, ни один намек не позволяют нам выявить их моральный облик»¹. Мы знаем, что Катрин де Туар скорее всего не сопротивлялась намерениям Жюль жениться на ней и завладеть ее наследством. Но ясно, что муж быстро потерял к ней интерес; всю жизнь ею пренебрегали. Как бы то ни было, сложно представить, что она ничего не знала о преступлениях, сведения о которых были обнародованы на судебном процессе 1440 года.²

Когда Жюль де Рэ не стало, она очень быстро вышла замуж за Жана Вандомского, видама³ из Шартра, для которого этот брак тоже был вторым. В 1441 году он стал камергером герцога Бретонского.

Катрин де Туар получила Пузож, Тиффож и вообще все имущество, которым она обладала до первого замужества. Кроме того, она получила

1 Bourdeaut A., Chantocé, Gilles de Rays et les Ducs de Bretagne, p. 148.

2 Таково мнение аббата Бурдо (op. cit., p. 148).

3 Видам – наместник епископа (прим. пер.).

опекунские полномочия в отношении Марии. Однако имущественные права Марии были слишком важны, чтобы долго задерживаться у такого второстепенного персонажа, как Катрин, муж которой лично позаботился об интересах Иоанна V Бретонского.

2 *Мария де Рэ, дочь Жилья де Рэ, невеста, затем супруга адмирала Прежана де Коэтиви (1442–1450)*

Когда Жиль де Рэ умер, его дочери было около десяти лет. Она наследовала все то имущество, которое не было получено Жилем от его жены. С ней вступил в конфликт алчный герцог Иоанн V, срочно объявивший о конфискации. Однако такая конфискация в принципе не могла ущемить в правах ни в чем не повинных наследников. Семья Жилья и суд, всегда готовый пойти наперекор интересам бретонского герцога, решили передать эти права и владения человеку высокого звания, одному из самых блистательных и талантливых людей среди тогдашних приближенных Карла VII, адмиралу Прежану де Коэтиви. Позже король объявит, что он сам выдал Марию де Рэ замуж за адмирала¹. Всего лишь брак по расчету. Прежан де Коэтиви, бретонец, был хватким и амбициозным человеком. Враг Лагремюа (принимавший участие в заговоре 1434 года), он, видимо, точно так же относился и к Жилию де Рэ. Брак был заключен весной 1442 года, но свадьбу играть не стали.

С тех пор адмирал вел себя весьма деловито и был готов извлечь наибольшую выгоду из своего положения. Он ничего не стеснялся и не слишком пекся о своей чести (скорее всего, именно поэтому он и был выбран: речь шла о женитьбе на дочери приговоренного к смертной казни).

С 1443 года адмирал отказывается от попытки реабилитировать своего тестя в суде. В подготовленном адмиралом документе, который он так и не подал в суд, говорилось, что Рэ был осужден несправедливо. После того, как адмирал пошел на попятный, он избавляется от взятой на себя изначально обязанности носить герб Жилья. Вероятно, на первых порах он верил в возможность реабилитации и даже полного оправдания сира де Рэ, суд Франции, видимо, был в этом заинтересован: любая возможность дискредитировать герцога Бретонского воспринималась положительно. Однако ясно, что с 1443 года никто об оправдании Жилья и не помышлял. Его виновность в то время была очевидна уже для всех.

Важными ставками в игре были замки Шантосе и Ингранд. 25 марта 1443 года Коэтиви приобретает у Рене Анжуйского права на эти два имения, за которые шла борьба. Затем он устраивает так, что Карл VII объявляет об их конфискации. Оба имения принадлежали сыну Иоанна V,

¹ Bourdeaut A., op. cit., p. 114, n. 2.

Жилю, известному под именем Жилия Бретонского, который состоял в сговоре с англичанами. После доказательства этой предательской связи был составлен акт, в котором объявлялось о конфискации, а все права владения передавались адмиралу де Коэтиви.¹

Через год он женился на юной Марии; в то время ей было четырнадцать лет.

Так ставленник Карла VII и победил в игре, которую вел в интересах Франции, но, прежде всего, конечно, в собственных интересах. Помогла ему дочь детоубийцы, которую он держал в своих алчных руках, как козырную карту. Видимо, события, последовавшие за смертью Жилия де Рэ, хоть и не столь трагичны, однако отличаются гнусностью.

Но наследство преступного маршала не принесло счастья адмиралу. В тот самый день, когда он уже мог хвалиться перед своими друзьями тем, что стал хозяином Шантосе, при осаде Шербура (который все еще оставался за англичанами, 20 июля 1450 года) он был смертельно ранен в голову выстрелом из аркебузы.

3 *Мария де Рэ, вышедшая замуж вторично за своего кузена Андре де Лаваль-Лозака (1451–1457)*

Вдовствующая Мария де Рэ все еще оставалась привлекательной для каждого, кто, подобно Коэтиви, был способен жениться на ней. Таким человеком стал Андре де Лаваль-Лозак, который, выступая на стороне Рене де Рэ или Ласюза, защищал права семьи Лавалей от безумной расточительности Жилия де Рэ (см., например, с. 99–100). Свадьбу сыграли в Витре в феврале 1451 года. Аббат Бурдо подчеркивает, что свадьба эта состоялась в тот же день, когда брат Андре, Ги XIV де Лаваль, женился на Франсуазе де Динан, вдове Жилия Бретонского, которого ее брат, герцог Франциск II, оставил умирать на дне выгребной ямы, наполовину залитой водой. «Две эти женщины, – читаем мы² – торжественно вошли в град Лавалей».

Все время своего второго замужества Мария де Рэ провела в тягбе с семьей Коэтиви за замок Шантосе, который родственники Коэтиви продолжали считать своим в силу заключенного Марией с адмиралом брачного договора.

Мария де Рэ умерла бездетной 1 ноября 1457 года, в возрасте тридцати семи лет. «Она была погребена в хоре собора Пресвятой Богоматери в Витре, и матери по-прежнему указывают детям своим на это место, говоря, что здесь похоронена дочь Синей Бороды».³

1 Bourdeaut A., op. cit., p. 121.

2 Op. cit., p. 135.

3 Op. cit., p. 137.

4 *Рене, брат Жилья де Рэ (1457–1473)*

После смерти Марии ее наследство перешло к брату Жилья, Рене де Ласюзу, ставшему бароном де Рэ.

Дабы оправдать свои притязания на замок Шантосе, которым он тотчас же завладел, Рене де Рэ вынужден был доказать, что его брат был расточителен; именно благодаря его усилиям и появилось «Сочинение наследников...».

Рене пытался маневрировать между различными партиями, но у него ничего не получилось; он умер в 1473 году, оставив дочь, Жанну, которая вышла замуж за Франсуа де Шовиньи. У этой Жанны, скончавшейся в 1481 году, были сын и дочь, оставшиеся бездетными.

Шантосе не переставал быть объектом судебных тяжб при жизни Рене; семья Коэтиви пыталась возместить свои убытки. Участь крепости была решена во время правления Людовика XI. Он приказал частично разрушить ее во время войны с Бретанью, а затем, после распри с Рене Анжуйским, захватил Шантосе.

Однако в 1483 году Шантосе был освобожден, после чего герцог Бретонский отдал одному из своих бастардов замок, из которого Жиль де Рэ в 1429 году отбыл в Шинон, а оттуда – к осажденному Орлеану и где в 1432 году он перерезал горло своей первой жертве.

РОЖЕ ДЕ БРИКВИЛЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЖИЛЬЯ ДЕ РЭ

Когда стало очевидно, что арест Жилья де Рэ неотвратим и случится совсем скоро, Жиль де Сийе и Роже де Бриквиль, его доверенные лица (а порой и сообщники), сбежали. Нам неизвестно, какова судьба Сийе, но Бриквиль поступил на службу к Прежану де Коэтиви, которому, по-видимому, помог в деталях познакомиться с делами тестя.

Бриквиль, отец которого, благородный и состоятельный человек, покинул Нормандию, преследуемый англичанами, был родственником Жилья, а следовательно, и Марии де Рэ. Именно в этом качестве адмирал и взял его под свою опеку. Мария де Рэ даже воспитывала его детей. Однако Бриквиль боялся, что его будут преследовать за участие в преступлениях родственника. Коэтиви, должно быть, нуждался в услугах, – по-видимому, низких и подлых услугах – этого жалкого человека; он выхлопотал для Бриквиля письма о помиловании, которые представляют для нас определенный интерес. Только эти официальные документы, составленные независимо от правосудия Жана де Мальтруа и Иоанна V, касаются детоубийств (сообщником при совершении которых был Бриквиль). Это письма о помиловании, однако в них сообщается о преступлениях, в которых оказался повинен родовитый слуга Жилья; он был «вскормлен» своим господином и «был тогда молодым безрассудным дворянином»; при

этом господин его повелевал «убивать и предавать смерти» детей, и Бриквиль говорит, что его вынуждали доставлять их Жилию. Из документов процесса видно, что он участвовал и в самих убийствах, однако в письмах о помиловании Бриквиль скуп на признания. Во-первых, он ничего не знал о душегубствах, а позже, когда засомневался и начал подозревать о них, «оставил службу у сира де Рэ и общество его покинул, а сир этот пять лет спустя был схвачен и наказан вместе с сообщниками своими». Мы уже знаем (с. 90–91), что этот Бриквиль был слугой «на все руки», в самом дурном смысле. Здесь не место останавливаться на его попытках оправдаться; скорее, следует обратить внимание на то, в чем он сознался. Его показания обосновывают вину Жилия де Рэ с такой неопровержимостью, какой и не ожидал адмирал де Коэтиви, желавший, как мы уже говорнили, доказать невиновность, реабилитировать своего тестя. Разве не согласился он носить его семейный герб? Однако довольно быстро он признал за собою право не соблюдать это обязательство. Его окончательная позиция отражена и сформулирована в письмах, которые он получает от короля, датированных маем 1446 года и написанных в Сазийи, близ Шинона.

Франческо Прелати после смерти Жилия де Рэ (1440–1445)

Соломон Рейнах, утверждая, что Жиль де Рэ невиновен, обосновывал такой вывод (с. 149) тем, что чародей Прелати не был осужден. Однако его доводы основаны на ошибке. Инквизитор приговорил Прелати к пожизненному заключению.¹ Это было, как полагает аббат Бурдо, «единственным наказанием, к которому его могли приговорить, ибо он не был замешан в душегубствах, содеянных бароном де Рэ». Из тюрьмы он сбежал, очевидно, воспользовавшись своими навыками ловкого фокусника и краснобая. Эти способности даже позволили Прелати обрести покровительство Рене Анжуйского, который, как и Жиль де Рэ, верил в то, что итальянец умеет создавать золото. Более того, «добрый король Рене» сделал его наместником в Ла-Рош-сюр-Йоне. Там же рядом с ним оказался и его друг, священник Этьен Бланше² и, если верить Бурдо, «несметное множество бывших слуг барона де Рэ». Но Прелати, не забыв своего ареста 15 сентября 1440 года, сам, в свою очередь, арестовал Жоффруа Леферрона, который проезжал через Ла-Рош. Однако вскоре Леферрона отпустили; он оказался могущественнее итальянца и добился его повешения.

До самого конца Прелати оставался обманщиком и авантюристом; он был совершенно недостоин тех слов, что были произнесены в его адрес 21 ок-

1 Именно благодаря аббату Бурдо, а также архивным документам, нам стало известно все то, что приключилось с Прелати после смерти его господина (op. cit., pp. 128–130).

2 Так в оригинале (*прим. пер.*).

тября (с. 204). Известно, что он пользовался незаполненными бланками с подписью (такой же бланк составил на него самого Жоффрау Леферрон), чтобы компрометировать влиятельных людей.¹ Это и погубило его.

«Жиль де Рэ невиновен» – Соломон Рейнах

Время от времени виновность Жилия де Рэ вызывала сомнения. Одна из фраз у Вольтера² свидетельствует об определенном направлении мысли: «В Бретани приговорили к смерти маршала де Рэ, обвиненного в колдовстве и в том, что он, дескать, резал глотки детям, дабы их кровью творить заклинания». Другие авторы той эпохи высказывают такие же сомнения, однако до XX века утверждение о невиновности Жилия де Рэ не базировалось на исследовании документов, – хотя бы поверхностном. В 1902 году за дело Жилия де Рэ взялся Соломон Рейнах...

Честно говоря, его работа³, – по крайней мере, в целом⁴, – отошла на периферию. Никто или почти никто на нее не ссылается. Точно так же никто сегодня не ссылается на исследования Соломона Рейнаха по тотемизму... Я не говорю ни о (слишком) знаменитой тиаре Сайтафарна, ни о раскопках Глозеля⁵, которые, разумеется, не располагают к тому, чтобы доверять Рейнаху...

Во всяком случае нетрудно проследить за тем, как этот самоуверенный и в то же время наивный ученый пришел к выводу, что процесс маршала де Рэ был сфабрикован.

В 1902 году, в свете дела Дрейфуса, усомниться в оправданности судебного процесса было вполне естественным шагом. Более того, этот суд

1 Op. cit., p. 130.

2 В «Опыте о нравах», гл. LXXX.

3 Salomon Reinach, Gilles de Rais, в: «Cultes, Mythes et Religions», Paris, 1912, in-8°, t. IV, pp. 267–299.

4 В качестве исключения процитируем работу д-ра Лодовико Фернандеса (под этим псевдонимом выступал Фернан Флере) «Le Procès inquisitorial de Gilles de Rais», Paris, 1922, in-8°. В предисловии, которое представляет собой попытку оправдания Рэ и за которым следует весьма корявый перевод с латыни, автор ограничивается пересказом аргументов Соломона Рейнаха. Напротив, эрудиты, такие, как Эмиль Габори («La Vie et la Mort de Gilles de Rais...» Paris, 1930) и аббат Бурдо («Chantrocé, Gilles de Rays et les Ducs de Bretagne», Rennes, 1924) не сомневаются в его виновности, обоснованной всеми документами в целом. Особенно осведомлен аббат Бурдо: ему знакомы все детали произошедших событий. В частности, именно он отметил, что сумма, причитавшаяся Жану Лаббе за арест маршала, была уплачена лишь в 1467 году, что непостижимо, будь он участником заговора.

5 Они были фальшивыми. Он считал возможным заверить их подлинность своим авторитетом. Это было опрометчиво с его стороны. Так же опрометчиво он считал возможным доказать, что процесс Жилия де Рэ был сфабрикован.

вела инквизиция, он состоялся спустя почти десять лет после процесса над Жанной д'Арк, которая, как и ее соратник Жиль, была приговорена к смерти.

К сожалению, теоретик тотемизма формулировал свои тезисы, не ознакомившись предварительно с деталями процесса, против которого ополчился. Рейнах предъявил свои доказательства, не прочитав документы светского суда, ограничившись церковным, материалы которого только и были опубликованы в 1902 году. Так что ему пришлось оспаривать доводы Ноэля Валуа, основанные на точных свидетельских показаниях, собранных светским судом. Рейнах должен был заметить, что основная его аргументация распадается на глазах, но честность нередко затруднительна, и он, скорее всего, без задней мысли попался на крючок собственной логики. Кроме того, надо признать, что его могли вдохновить колебания одного авторитетного историка¹. Однако Рейнах и понятия не имел о тех сведениях, которые содержались в документах. Мне кажется, здесь бесполезно вдаваться в подробности. Ниже приведены свидетельские показания, которые трудно читать бесстрастно, а никакой подлог подобные эмоции вызвать не способен. Они вызваны множеством поразительных, живых деталей, ошеломляющих своим правдоподобием... Разумеется, это не решающий аргумент, и всегда можно представить себе сфабрикованное дело. Но судьей будет читатель, который теперь сможет обратиться к документам; если свидетельства, приведенные здесь, сфабрикованы, то автор или авторы этой подделки заслуживают восхищения. Короче говоря, аргументация Соломона Рейнаха ясности не прибавляет. Она основана на поверхностных сведениях, их отсутствии либо неполноте. Тексты и детальный анализ, представленные в настоящем издании, были задуманы таким образом, чтобы заведомо – и окончательно – отвергнуть гипотезы поручителя за тиару Сайтафарна, предав их забвению.

Я останавлиюсь лишь на одном из его доводов, дабы прояснить одно удивительное свойство приведенных здесь документов. В исследовании Соломона Рейнаха на сс. 277–278 мы читаем: «Два наиболее существенных свидетельства обвинения, которые дали Анриэ и Пуату, слуги Жилия, содержат данные о чрезвычайно изощренных преступлениях, совершенных за несколько лет до суда; однако они согласуются вплоть до малейших подробностей; между ними нет ни одного хоть сколько-нибудь значимого противоречия; ни в том, ни в другом нет ни одной погрешности, которые естественно было бы ожидать».

Добавим, что Рейнах, когда писал эти строки, не мог и представить себе (в тот момент, как мы уже говорили, ему не были известны документы

1 Шарля-Виктора Ланглуа, бывшего директора Архива Франции.

гражданского процесса), что по крайней мере одно свидетельство тех же самых Анри и Пуату, данное перед светским судом, а именно показания Пуату, сблизается, почти буквально, с его показаниями на церковном суде. Само собой разумеется, это обстоятельство странно, оно даже шокирует. Но разумно ли, не вдаваясь в дальнейшие подробности, заключать на основании этих фактов, что дело было сфабриковано? Нельзя ли предположить, что судьи вели допрос не лучшим образом; зная, что эти люди участвовали вместе в одних и тех же злодеяниях, они, возможно, задавали вопросы одному, исходя из показаний другого, просто чтобы их подтвердить? Равным образом, не могло ли случиться так, что, дабы ускорить процедуру, допрос Пуату на светском суде проводили, исходя из его показаний на суде церковном? Соломон Рейнах особенно настаивает на следующем пункте. Не только из показаний Пуату и Анри, данных перед церковным судом (от 17 октября: сс. 246 и 248), но и из показаний самого Жилья от 22 октября (с. 207) явствует, что Жиль, сидя на животе у жертв, когда они умирали, получал удовольствие, наблюдая за этим. Затруднение, которое испытывал один и тот же судья, пытаясь повторить подобный вопрос после уже состоявшихся слушаний на эту тему, не кажется мне таким уж странным. И то, что он повторял слова, которые были у него перед глазами, тоже объяснимо: как же он мог не воспользоваться уже составленными фразами, удовлетворяясь согласием допрашиваемого и не утруждая себя поиском какого-то другого, нового выражения? Того факта, что латинские фразы в документе являются [косвенным] переводом ответов, которые были даны прямо и по-французски, достаточно, чтобы понять, чему так удивлялся Соломон Рейнах, когда писал: «...подозрение (в этих условиях) перерастает в убежденность: процесс был сфабрикован...!»

Удивительно прежде всего само это легкомыслие. Добавим, что первому из утверждений, на которых основана его аргументация, не следует придавать большого значения. По словам Соломона Рейнаха, эти показания «содержат данные о ... преступлениях, совершенных за несколько лет до суда». Достаточно проанализировать документы: преступления, в которых, как сказано там, участвовали и Анри, и Пуату, с 1435 по 1440 годы совершались все чаще и чаще, вплоть до ареста!

Нетрудно было бы показать, что и в других пунктах тезисы Соломона Рейнаха ошибочны и сопровождаются спорными суждениями.

Мне кажется, что настаивать на них бессмысленно.

Я полагаю, что под конец следует лишь указать на решающий довод в пользу того, что сведения, изложенные в документах, правдивы.

Я уже говорил, что фальсификация этих документов на самом деле немислима. Она немислима в силу их непротиворечивости. Документы составлены почти безупречно, за исключением некоторых второстепенных

деталей. Кто мог бы придумать подобный объемистый текст, в котором не было бы ни одного логического изъяна? Здесь же изъянов очень мало, а в целом составлены документы с поразительной строгостью. Кто бы сумел в XV веке, до Сада, до Фрейда, столь верно, без малейшей оплошности, изобразить эти ужасающие зверства, *в которые мы не смогли бы поверить, не зная того, о чем знаем сегодня?*

У Соломона Рейнаха не было соответствующих знаний и, столкнувшись с описанием этих безумных убийств, он подумал, что речь просто идет о классических обвинительных актах Средневековья, искусственно направленных против тех, кого нужно было очернить: тамплиеров, евреев, еретиков. Он и понятия не имел о той клоаке, над которой взвизгивались чудовищные желания. Жестокость Жилья де Рэ он считал выдуманной. Рейнах полагал, что судебный процесс был состряпан искусственно; схожим образом судил он и о гипотезах психоанализа, видя в них лишь постыдные домыслы. Рейнах составляет полную противоположность тому поколению [ученых], которые смотрят на мир открытыми глазами и которые не удивляются более, узнав сегодня, что существовал и Жиль де Рэ в женском обличи...¹, которые хорошо знают, что детоубийства, подстрегаемые сексуальным вожделением, к сожалению, нередки.

ДВЕ БРЕТОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О ЖИЛЕ ДЕ РЭ – СИНЕЙ БОРОДЕ

Я постарался привести довольно пространную цитату (сс. 14–16) из первоначального расследования аббата Боссара, где речь шла о местных традициях соотнесения легенды о Синей Бороде с историей Жилья де Рэ. Ниже автор поместил два текста², заимствованные им из «Большого Энциклопедического словаря XIX века» Пьера Лярусса³. Я в свою очередь счел необходимым поместить их здесь. Первый из них в особенности показателен, поскольку довольно бессвязно и все же очень трогательно повествует о происхождении легенды, родившейся из воспоминаний о кошмарных преступлениях. Нижеследующий текст – это бретонское народное сказа-

1 И следовательно, эти преступления не столь уж необъяснимы, как это ему казалось. Речь идет о знатной венгерской даме, Эржебет Батори, происходившей из королевского рода. Ее жизнь стала предметом изучения Валентин Пенроуз (издание «Mercure de France»). В действительности Эржебет Батори не убивала [мальчиков]; она подвергала пыткам и умерщвляла маленьких девочек, а в замке ее, как и у маршала, жертв было несметное число. За высокими стенами феодальных замков были возможны любые ужасы; мысль о том, чтобы арестовать человека королевской крови, не сразу приходила в голову. По крайней мере, в столь дремучие времена, как во Франции в первой половине XV и в Венгрии в конце XVI века.

2 Bossard E., Gilles de Rais... 1-е изд., 1885, pp. 393–397.

3 Том II, Paris, 1867, in-4°, pp. 214–215.

нис, плач, записанный, скорее всего, довольно давно на старобретонском наречии и опубликованный в собрании графа д'Амезея в переводе¹.

Старик. Девы юные из Плеюра, отчего молчите вы? Отчего не ходите на празднества и не водите хороводы?

Юные девы. Спросите у нас, отчего умолк соловей в дубраве и почему иволги со снегирями не поют более сладостных своих песен.

Старик. Простите меня, девы, но я чужестранец; я приехал издалека, из стран, что за Трегье и Леоиом, а потому и неизвестно мне, какая печаль омрачила ваши лики.

Юные девы. Мы оплакиваем Гвеннолу, прекраснейшую и любимейшую из нас.

Старик. А что случилось с Гвеннолою?.. Вы умолкли, девы юные!.. Так что же случилось с нею?

Юные девы. Увы, увы! Злодей Синяя Борода сгубил милую Гвеннолу, как умертил он и всех остальных жен своих!

Старик (в ужасе). Синяя Борода обитает поблизости? Ах! Бегите, бегите отсюда, дети мои! Волк рыкающий не опасен так, как опасен свирепый барон; и медведь добрее проклятого барона де Рэ.

Юные девы. Сбежать нам не дозволено: мы сервы барона де Рэ, и тела наши вместе с душами принадлежат сиру с Синей Бородою.

Старик. Я освобожу вас, именно я, ибо я есмь Жан де Мальтруа, епископ Нантский, и поклялся защищать паству свою.

Юные девы. Жиль де Лаваль не верит в Бога!

Старик. Он умрет ужасною смертью! Клянусь Вам именем Бога живого!..

Вот окончание этого сказания:

«Ныне девы из Плеюра поют от всего сердца и танцуют на празднествах и на прощениях¹. Нежные звуки соловьиных песен вновь раздаются в дубраве; иволги и снегиря заливаются в сладостной своей музыке; вся природа обрядилась в праздничные одеяния, ведь Жилия де Лаваль больше нет! Синяя Борода мертв!».

Мы видим, что в этой версии легенды предпринята попытка связать историю семи жен с реальной историей Жилия де Рэ, который убивал не жен своих и не девушек, а детей мужского пола. Однако он убивал и девочек, а приговорил его к смерти именно Жан де Мальтруа, епископ Нантский.

¹ *Légendes bretonnes*, Paris, 1863, in-18.

² Бретонский религиозный праздник (*прим. пер.*).

В большом словаре Лярусса, который также цитируется Боссаром, не указан источник второй из известных ему легенд; я привожу ее ниже:

«Утомленный войною с англичанами, мессир Жиль де Лаваль вернулся в свой замок в Рэ, между Эльвеном и Кестамбером. Все время проводил он „в празднествах, возлияниях и развлечениях“. Как-то вечером проезжал мимо его замка рыцарь, граф Одон де Тремеак, сеньор Кревентский и проч., направлявшийся в Морле; рядом с ним ехала прекрасная юная девушка, Бланш де Л'Эрминьер, его невеста. Жиль де Рэ пригласил их обоих передохнуть у него и опрокинул с ними стаканчик гипокраса. И был Жиль де Рэ столь настойчив и, главное, столь любезен, что вечер прошел, а никто и не думал уезжать. Внезапно, по знаку сеньора, лучники схватили графа Одона де Тремеака и бросили его в глухую темницу; затем Жиль заговорил с юной девушкой о замужестве. Бланш заплакала горючими слезами, а капелла в это время озарилась светом тысячи свечей, часы радостно звонили, и все готовились к свадебному пиру. Бланш привели к подножию алтаря; она была бледна, как прекрасная лилия, и дрожала всем телом. Монсеньор де Лаваль, в роскошном одеянии, с бородою ослепительно рыжего цвета, подошел и встал рядом с девушкой. „Скорее, мессир капеллан, венчайте нас!“ – „Я не хочу выходить замуж за этого монсеньора!“ – вскричала Бланш де Л'Эрминьер. – „А я хочу, чтобы мы поженились“. – „Не делайте этого, святой отец“, – молвила юная дева, рыдая. – „Подчиняйтесь, я приказываю вам“. Бланш попыталась убеждать, но Жиль де Рэ схватил ее. „Я подарю тебе, – сказал он, – самые чудесные украшения“. – „Оставьте меня!“ – „Тебе отдам я мои замки, мои леса, поля, дуга!“ – „Оставьте меня!“ – „Тебе отдам тело свое и душу!..“ – „Я согласна! Согласна! Слышишь, Жиль де Рэ? Я согласна; и отныне ты принадлежишь мне“. И Бланш преобразилась в дьявола светло-лилового цвета, который и стоял теперь пред бароном. „Проклятие!“ – возопил тот. – „Жиль де Лаваль, – изрек демон с внезапной зловещей ухмылкой, – за преступления твои Господь оставил тебя; теперь ты достояние ада, и с этого дня на тебе будет личина преисподней“. Тут же он делает знак, и борода Жили де Лавала из рыжей становится темнее темного. И это еще не все; демон добавляет: „Теперь ты больше не будешь Жилем де Лавалем; ты будешь Синей Бородою, самым отвратительным из людей, пугалом для маленьких детей. Имя твое будет предано анафеме в веках, а после смерти прах твой будет развеян по ветру, в то время как злодейская душа твоя будет спускаться в глубины преисподней“. Жиль возопил, что раскаивается. Дьявол сказал ему о бесчисленных жертвах, о семи женах его, чьи трупы хранятся в погребах замка. Он добавил: „Сир Одон де Тремеак, которого я сопровождал в образе Бланш де Л'Эрминьер, скачет сейчас по дороге из Эльмена в сопровождении всех дворян Редона“. „А что им нужно?“ – „Отомстить за

смерть всех тех, кого ты лишил жизни“. – „Что же, мне конец?“ – „Еще нет, ибо час твой не пробил“. – „Кто же остановит их?“ – „Я, которому нужны твоя помощь и поддержка, мой добрый рыцарь“. – „Ты сделаешь это?“ – „Да, я это сделаю, ибо живым ты послужишь мне в тысячу раз больше, чем мертвым. А теперь до свидания, Жиль де Рэ, и помни, что ты принадлежишь мне телом и душой“. Он сдержал слово и предотвратил вторжение дворян из Редона; однако с того дня Жилия знали лишь под именем человека с синей бородою».

Хотя составитель этой версии легенды не знал, что после казни тело сира де Рэ не было обращено во прах, ему был почти в точности известен реальный ход событий. Видимо, он знал, что в какой-то момент демонический маршал, предложивший бесу заключить с ним договор, постарался изъять из своих обязательств тело и душу (а точнее, «жизнь свою и душу»), которыми дьявол все же овладел, прибегнув к хитроумной уловке.

ДОКУМЕНТЫ ПРОЦЕССА НАД ЖИЛЕМ ДЕ РЭ

I ЦЕРКОВНЫЙ СУД

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

159

29 июля 1440 года. Послания епископа Нантского. Сведения по поводу тайного церковного расследования и обнародования злодеяний Жиль де Рэ

Всех тех, кто сии послания увидит, мы, Жан, с Божиего соизволения и по милости Святого Апостольского Престола, епископ Нантский, благословляем именем Господа нашего и просим доверять посланиям сиим.

Настоящими посланиями да уведомим, что, посещая приход св. Марии в Нанте, где Жиль де Рэ нижеупомянутый часто бывает в доме, обыкновенно называемомся Ла-Сюз, ибо он прихожанин помянутой церкви, и посещая иные приходские церкви, ниже указанные, столкнулись мы вначале со многими слухами, а вслед за тем с жалобами и заявлениями немалого числа людей добрых и благоразумных: Агаты, жены Дени де Лемьона; вдовы усопшего Реньо Донета, из помянутого прихода Богоматери; Жанны, вдовы Гибеле Дели, из св. Дионисия¹; Жана Юбера и жены его, из св. Винсента; Марты, вдовы усопшего Эонне Кергена, из св. Креста в Нанте; Жанны, жены Жана Дареля из св. Симильена, что близ Нанта, и Тифен, жены Эонне Лешарпантье, из св. Климеита-что-за-стенами в Нанте, да и всех прихожан помянутых церквей, показания коих подтверждены были синодальными свидетелями названных церквей и иными осмотрительными, благоразумными людьми, не вызывающими подозрения.

Посещая по долгу нашему эти самые церкви, мы кропотливо их обследовали, и из показаний, между прочим, с достоверностью убедились, что дворянин, мессир Жиль де Рэ, рыцарь, сеньор помянутой местности и барон, наш подданный и нам подсудный,

¹ Здесь и далее имеются в виду названия приходов и церквей (прим. пер.).

вместе с некоторыми из своих сообщников, зарезал, лишил жизни и истребил бесстыднейшим образом множество невинных отроков, что он предавался с этими детьми противоестественному сладострастию и греху содомскому, часто совершал ужасные заклинания демонов, приносил им жертвы, заключал с ними договоры и совершил иные тяжкие преступления, что нам подсудны; и мы узнали из расследования посланников наших и доверенных лиц, что помянутый Жиль содеял и совершил вышеуказанные преступления и иные учинил оргии как в нашей епархии, так и во многих иных областях, к ней относящихся.

По поводу какихых проступков помянутый Жиль де Рэ был обвинен и поныне обвиняется людьми серьезными и благонадежными. Дабы предотвратить всяческие сомнения по этому поводу, составили мы настоящие послания и скрепили их своею печатью.

Составлено в Нанте, 29 июля 1440 года.

Согласно предписанию помянутого сеньора епископа Нантского
[Подпись:] Ж. Пти

13 сентября 1440 года. Послания епископа Нантского. Вызов Жюля де Рэ в церковный суд

Мы, Жан, милостью Божией и Святого Апостольского Престола, епископ Нантский, всем и каждому из священников и викариев приходских церквей, капелланам, кюре и не сущим таковыми, писарям, нотариусам и письмоводителям, живущим в городе нашем и в Нантской епархии, и каждому из них в особенности, шлем наше благословение во имя Господа нашего и требуем твердо придерживаться предписаний наших.

Да будет вам известно, что с недавних пор в городе нашем и в Нантской епархии, а особливо в приходских церквях Богоматери, св. Дионисия, св. Николая, св. Винсента и св. Креста, в Нанте, во храме св. Симильена, близ Нанта, и св. Климента-что-за-стенами, в Нанте, и в Сен-Сире-ан-Рэ, в помянутой нашей епархии, во время визита, проводимого нами в согласии с пастырским нашим служением, услышали мы многожды отчаянные жалобы как со стороны добрых и благочестивых свидетелей синодальных из помянутых церквей, так и от многих иных людей, безукоризненно честных и достойных доверия, равно как и от многих прихожан названных церквей, и что указали мы писцам нашим и нотариусам составить показания и внести их в ведомость помянутого визита пастырского, и что, услышав всеобщий ропот, отовсюду постоянно раздающийся, а также ознакомившись с предшеству-

ющими доносами, обнаружили мы, что дворянин мессир Жиль де Рэ, барон в помянутых землях епархии нашей, лишил жизни, зарезал и бесчеловечно истребил множество невинных детей и совершил с ними противоестественным образом скверный и мерзостный грех содомский, разными способами и с неслыханными извращениями, о коих ныне сказать нельзя, ибо они ужасны весьма, о коих, однако, будет объявлено на латыни в надлежащее время и в надлежащем месте; и что многажды и часто совершал он ужасные заклинания демонов и пекся о том, чтобы заклинания сии производились; что он приносил жертвы этим самым демонам, заключал с ними договоры и совершал во злобе своей иные преступления и злодеяния, исповедуя доктринальную ересь и оскорбляя величие Божие, подрывая и искажая веру нашу и подавая многим пагубный пример.

Мы, не желая, дабы подобные преступления и подобная ересь, «распространяющаяся, точно язва», если ее немедля не искоренить, — дабы они прошли незамеченными по причине ли утайвания, а то и по иерадивости; более того, желая скорейшим образом должные меры принять, дабы поправить сие положение, в посланиях и наших повелеваем вам и предписываем, вам всем до единого, притом, что никто не должен полагаться на другого либо извинять себя, ссылаясь на другого, чтобы вы безо всяких обиняков, в категорической фигуре эдикта, потребовали, чтобы пред Нами или пред наместником Нашим в Нанте в понедельник, следующий за праздником Воздвижения Креста Господня, а именно сентября 19 числа, явился помянутый дворянин, сеньор Жиль де Рэ, рыцарь, наш подданный и нам в деле сием подсудный, коего Мы вызываем посредством оных посланий пред Наши очи, равно как пред очи прокурора Нантского суда, ответственного за расследование указанного дела, дабы блюлись вера и закон; и по сему желаем Мы, дабы указания, в сиих посланиях содержащиеся, должным образом были исполнены всеми вами или кем-то из вас.

Составлено в прошедший вторник¹, 13 сентября, в год от Р.Х. 1440.

Подпись: согласно предписанию помянутого сеньора епископа,

Жан Гиоле,

который сие переписал

¹ Речь, по-видимому, идет о копии, сделанной на следующий день, как это явствует из помещенного ниже уведомления.

Уведомление о посланиях 13 сентября 1440 года

Я, Робен Гийоме, писец и нотариус Нантской епархии, весьма усердствовал, дабы исполнить как должно все, что в указанных посланиях сказано касательно помянутого Жилия, рыцаря, барона де Рэ, о коем в посланиях оных большею частью и говорится, и сам, в указанный год, 14 сентября, сие осуществил, сообразуясь с тем, как сие делать следовало согласно этим самым посланиям.

Понедельник сентября 19 дня 1440 года

В понедельник вслед за праздником Воздвижения Креста Господня пред очи преподобного отца, сеньора епископа Нантского, заседающего в большой зале Тур-Нев в Нанте, дабы отправлять правосудие, явились в личиом порядке достославный мэтр Гийом Шапейон, прокурор оногo суда, зачитавший помянутые письма, кои помещены выше, вместе с указанным в них требованием к исполнению предписаний, с одной стороны, и помянутым мессиром Жилем, рыцарем и бароном, обвиняемым, – с другой.

Первая явка
Жилья де Рэ

Каковой мессир Жиль, рыцарь и барон, после множества обвинений со стороны помянутого прокурора против названного мессира Жилья, призванных установить, придерживается ли он доктринальной ереси, как утверждал помянутый прокурор, объявил, что желает лично предстать пред названным преподобным отцом, сеньором епископом Нантским и пред любыми иными церковными судьями, равно как и пред любым инквизитором, дабы очиститься от подобных обвинений. После чего помянутый преподобный отец епископ распорядился и предписал мессире Жилью, рыцарю оному и барону, на то согласному, явиться указанного месяца 28 дня пред духовным лицом, братом Жаном Блауином, заместником инквизитора в королевстве оном, и понести ответ за проступки и злодеяния, ему названным прокурором вмененные, дабы помянутые преподобный отец епископ, помощник инквизитора и прокурор вели судебное разбирательство, как того требуют вера, а равным образом и закон, как должно и как назначено сие помянутому прокурору.

Присутствовали в помянутом месте люди почтенные – м-р Оливье Солиде из Буврона, мессир Жан Дюран из Блена, настоятели приходских церквей Нантской епархии, свидетели, намеренно сюда приглашенные и призванные.

[Подпись на полях:] Ж. Делоне, нотариус, Ж. Пти и Г. Лене

Среда сентября 28 дня 1440 года

Во имя Господа нашего, аминь.

Слушание жалоб в отсутствие Жилея де Рэ, явка которого отсрочена до 8 октября

В среду сентября 28 дня 1440 года, десятого года понтификата Святейшего Отца, монсеньора Евгения, по воле Провидения Папы, четвертого по имени сему, во время Вселенского Собора в Базеле, пред сеньором Жаном де Мальтруа, преподобным отцом, епископом Нантским, по милости Божией и Святого Апостольского Престола, и пред братом Жаном Блуином из Ордена доминиканского, бакалавром, знатоком Святого Писания, заместником брата Гийома Мериси, из помянутого Ордена братьев доминиканцев, сведущего в теологии, инквизитора, гонителя ересей в королевстве Французском, присланным по поручению Святого Апостольского Престола и с ведома оного брата Гийома, каковому брату Жану намереино предписали быть инквизитором в городе Нанте и в окрестной епархии, – прибывшими по такому случаю в часовню усадьбы епископской в Нанте, и в присутствии нас, Жана Делоне¹, Жана Пти, Николя Жеро и Гийома Лене, нотариусов и писцов, пред теми же представшими в этом и подобного рода делах, дабы записывать со всем тщанием по повелению оных сеньоров епископа и иаместника инквизитора, прежде помянутых, всякое, что дел оных касается, которым затем всем до единого доверено и повелено было составить все в положенном порядке; в присутствии же свидетелей, ниже упомянутых, явились те, чьи имена указаны будут далее, и предстали пред очами помянутых сеньоров епископа и помощника инквизитора, жалуясь со слезами и с горестью на утрату сыновей своих и племянников и иных родственников и уверяя, что помянутые сыновья, племянники и иные родственники коварно были похищены, а затем с жестокостью зарезаны и истреблены помянутым Жилем де Рэ и некоторыми его сообщниками, приспешниками, приближенными и родственниками; что указанные лица постыдное и противоестественное над ними насилие учинили и во злобе своей совершили с ними грех содомский; что многократно заклинали они злых духов и не раз оказывали им почести; что совершили они еще немало иных проступков и злодеяний, невероятных и неслыханных, относящихся к ведению Церкви; каковые истцы смиренно молили названных преподобных сеньора епископа Нантского и брата Жана Блуина, заместника помянутого инквизитора, чтобы они соблаговолили быстро и надлежащим образом распорядиться и учинить возмездие.

¹ По-латыни: «de Alnetis».

Агата, жена Дени де Лемьона из прихода Нантской Богоматери, заявила, что Колен, племянник ее, сын Гийома Авриля, около двадцати лет от роду, бывший небольшого роста и, как она утверждает, худощав, имевший на одном из ушей своих некий знак, подобный маленькому уху, как-то утром в августе месяце года 1439-го или около того, пошел в дом, называемый Ла-Сюз и расположенный в Нанте, недалеко от собора Нантской Богоматери. Каковой дом принадлежал тогда сиру де Рэ. А с тех пор она помянутого Колена не видела и известий о нем не имела вплоть до того дня, пока не была некая Перрин Мартен, прозванная Ля Меффрэйе¹, арестована и заключена в темницу судом Нанта. После ареста каковой она слышала, как многие говорили, и было сие всеобщим мнением, что некоторое количество детей и юношей молодых было помянутым сиром де Рэ схвачено и лишено жизни. С какою целью — она не знает.

Далее, вдова покойного Реньо Донета, из прихода Нантской Богоматери, равным образом показала, что Жан, сын ее, часто бывал в помянутом доме Ла-Сюз, и со дня рождения св. Иоанна Крестителя года 1438-го не имела она от него никаких известий, пока Перрин Мартен, прозванная Ля Меффрэйе, арестованная и заключенная в темницу, как сказано выше, не созналась, что он был отдан помянутому сиру де Рэ и его людям.

Жанна, жена Гибеле Дели, прихожанина храма св. Дионисия в Нанте, подобно прочим, пожаловалась, что Гийом, сын ее, часто бывал в помянутом доме Ла-Сюз и что он ушел туда на первой неделе недавнего поста. И она слышала, как м-р Жан Бриан говорил, будто он его видел в названном доме семь или восемь дней подряд и что впоследствии он его более не видел; кроме того, он подозревал, что Гийом пропал в том самом доме.

Жан Юбер и жена его, прихожане церкви св. Винсента в Нанте, заявили, что один из сыновей их, по имени Жан, около четырнадцати лет от роду, два года назад в день Рождества св. Иоанна Крестителя, пошел в дом Ла-Сюз и вернулся в дом родительский; и он сказал своей матери, что убрал комнату названного сира в доме Ла-Сюз, за что в доме помянутом дан ему был хлеб, который он принес и отдал матери; а кроме того он сказал ей, что приобрел расположение названного сира, который повелел ему выпить белого вина; он сразу же вернулся в дом Ла-Сюз, и с тех пор родители его не видели.

¹ Это и некоторые другие женские прозвища мы транскрибируем без изменений (*прим. пер.*).

Жанна, жена Жана Дареля, прихожанина церкви св. Симильена, что близ Нанта, сообщила, что в последний из праздновавшихся дней св. Петра и Павла, когда возвращалась она из собора Нантской Богоматери, во время вечерни, к себе домой, а с нею сын ее, семи или восьми лет от роду, и когда подходила она к церкви св. Сатурнина в Нанте, то обернулась, думая, что сын здесь, но его более не было, и с тех пор она его не видела.

Вдова Ивона Кергена, каменотеса из прихода св. Креста в Нанте, заявила, что отдала сына своего некому Пуату, слуге помянутого сира де Рэ, который попросил его у нее, дабы мальчик пошел на службу к названному Рэ, как подтвердил помянутый Пуату, а случилось это между Пасхою последней и Вознесением; каковому сыну было около пятнадцати лет; и тех пор она его никогда не видела.

Тифен, жена Эонне Лешарпантье, мясника, прихожанина церкви св. Климента, близ Нанта, сообщила, что Пьер, сын Эонне Даге, племянник ее, коему от роду было около десяти лет, потерялся года два назад и что с тех пор не было о нем никаких известий, пока Перрин Мартен, прозванная Пеллиссоною, не призналась, что отдала мальчика людям сира де Рэ.

Жена Пьера Купри равным образом показала, что лишилась двух сыновей своих, одного восьми лет от роду, другого – девяти.

Жан Манье пожаловался на то, что потерял одного из своих сыновей. Каковые истцы подозревали и выразили то изустно, что помянутый сир де Рэ и приспешники его заведомо были и суть виновны в пропаже и в убийствах детей оных.

О каковых жалобах было сообщено названным сеньорам Жаиу, преподобному отцу, епископу Нантскому, и брату Жану Блуину, заместнику помянутого инквизитора, а будучи уведомлены, сеньоры оные епископ и заместитель, желая, чтобы проступки сии не пребывали безнаказанными, решительно предписали и потребовали у всех духовных лиц вызвать в суд помянутого сеньора Жия де Рэ в субботу 8 октября, дабы он ответил по закону пред названными сеньором епископом Нантским и братом Жаном Блуином, заместником помянутого инквизитора, а также и о том, что он может сказать в свое оправдание во имя веры Христовой, равно как и пред прокурором, ими назначенным в деле сием и делах сего порядка.

Выполнено сентября 28 дня в год помянутых понтификата и Собора.

В присутствии весьма почтенных и благочестивых лиц, Жака де Панкоетдика, доктора как светского, так и церковного права,

из управы Нанта, и Жана Бланше, бакалавра юриспруденции, духовного лица из Нантского прихода, равно как и иных многочисленных свидетелей, коим сюда было указано явиться.

[Подпись:] *Жан Делоне, Жан Пти, Г. Лене*

Суббота октября 8 дня 1440 года

Вслед за этим, 8 октября года помянутых понтификата и вселенского собора, названные истцы явились пред очи помянутых сеньора епископа и наместника инквизитора в нижней зале Тур-Нев в Нанте и вновь сообщили названным сеньорам епископу Нантскому и наместнику помянутого инквизитора с воплями скорби и со слезами об утрате сыновей своих, уверяя, как было сказано и выше, что те похищены были помянутым сиром де Рэ, его сообщниками и приближенными, каковые во злобе сотворяли над ними насилие и совершали с ними грех содомский; а кроме того они заклинали злых духов, воздавали им почести и во многих других преступлениях, относящихся к ведению церковного суда, повинны; каковые истцы смиренно молили названного преподобного отца, епископа Нантского и брата Жана Блуина, наместника помянутого инквизитора, дабы они властью своею распорядились о законном и своевременном возмездии.

В указанный год понтификата и помянутого вселенского собора в Базеле, в субботу, октября 8 дня, предстали в личном порядке пред очи преподобного отца, сеньора Жана Мальтруа, епископа Нантского, и брата Жана Блуина, бакалавра, знатока Святого Писания, наместника помянутого инквизитора, заседающих в суде, дабы отправлять правосудие, во время девятичасовой молитвы утренней, в большой верхней зале Тур-Нев в Нанте, предназначенной для рассмотрения и разрешения подобных дел, и в присутствии нас, Жана Делоне, Жана Пти, Николя Жеро и Гийома Лене, нотариусов и писцов пред теми же представших в деле сием и в делах оного порядка, и в присутствии помянутых писцов и свидетелей, благочестивый муж, м-р Гийом Шапейон, прокурор по делам церковным в краю оном, призванный означенными сеньором епископом и наместником инквизитора, дабы разрешать дела религиозные, истец, с одной стороны; и мессир Жиль де Рэ, рыцарь, барон и сеньор в помянутой местности, обвиняемый, или ответчик, с другой стороны, по распоряжению помянутых преподобного отца и наместника инквизитора, в эту субботу, октября 8 дня, вызванный немедля пред их очи чрез посредство Робена Гийома, человека благопристойного, письмоводителя, каковой

Вторая явка
Жиля де Рэ.
Протоколы
«litis contesta-
tio»

Робен названным сеньору епископу и наместнику инквизитора и нам, помянутым нотариусам, доложил изустно, что вызвал немедля сеньора онго Жилья, обвиняемого, задержанного, пред очи тех самых сеньоров епископа и наместника инквизитора и помянутого прокурора по делам религиозным, по форме и чину, указанным выше; а помянутый прокурор все же повторил указанный вызов от имени названных преподобного отца, епископа, и наместника инквизитора, исполнив все надлежащим образом.

Против какового Жилья помянутый прокурор огласил пункты обвинения изустно, воздержавшись от письменного их изложения, для коего подходящие время и место потребуются. И так, помянутый прокурор изложил, огласил и сообщил изустно против Жилья, обвиняемого, все до единого обстоятельства, кои в представленных ниже статьях излагаются и содержатся. Каковой Жиль, обвиняемый, сказал тогда, изустно, а не в письменной форме, что апеллирует к сеньорам епископу и наместнику инквизитора, равно как и к прокурору. Ему названные сеньоры епископ и наместник инквизитора немедля ответствовали, что апелляция такого рода, будучи легковесною и в письменной форме не представленной, в соответствии с особенностями онго дела и дел такого порядка, не может быть сочтена законною; вот почему сеньоры епископ и наместник инквизитора таковою ее не признали, утверждая, что они помянутого Жилья в вине не уличают и уличать с дурным умыслом не желают; они тем не менее объявили, что последующие заседания суда, посвященные разбирательству церковному против помянутого Жилья, вестись будут ими и помянутым прокурором.

Тотчас же помянутый Жиль, обвиняемый, истинность указанных статей обвинения отверг, оспаривая наличие у судебного дела подлинного основания, ибо он сознался в принятии таинства крещения, отрекся от дьявола и от обрядов дьявольских, утверждая, что он был и есть истинный христианин; по поводу каковых обстоятельств и статей, подобным образом оспоренных, и в соответствии с делом оным и делами порядка сего, прокурор поклялся, что не клеветает, а говорит правду; и по настоянию прокурора помянутого Жилья, обвиняемого, попросили принести такую же клятву; что помянутый Жиль, обвиняемый, получив указания от всех, выслушав единожды, дважды, трижды и четырежды предостережения и призывы помянутых сеньоров епископа и наместника, под угрозой отлучения от Церкви, сделать отказался и от чего уклонился.

Невзирая на это, по настоянию и просьбе помянутого прокурора, названные сеньоры епископ и наместник инквизитора назначили и предписали помянутому прокурору и помянутому Жилию де Рэ, присутствующему, им внимающему и слова их постигающему, в следующий вторник заявить и огласить, а также присутствовать при заявлении и оглашении [обвинения] в соответствии с делом оным и делами порядка сего, и призвать помянутого Жиля, обвиняемого, к ответу и действовать затем, как велит того правосудие.

На основании чего названный прокурор от нас, нотариусов помянутых и писцов, потребовал составить один и более официальных документов.

Присутствовали в помянутом месте преподобный отец, мессир Жан Прежан, епископ Сен-Брекский, люди почтенные и уважаемые, М-р Пьер де Л'Опиталь, президент Бретани, лицензиат права, Робер де Ларивьер, лицензиат права светского и церковного, Эрве Леви, из Леонской епархии, сенешаль' из Кемпе, Жан Шовен, горожанин Нанта, Жоффрау Пиперье, казначей и смотритель собора Нантской Богоматери, Гатьян Рюйц, Гийом Груайнье, лиценциаты права, Оливье Солиде, Жан де Шатожирон, каноники церкви в Нанте, Робер Пиперье, сенешаль, Жан Гиоле, назначенный городом Нантом, и Жан де Лагранжьер, назначенный судом Нанта, и многие иные свидетели, в великом собравшиеся миожестве, намереино сюда приглашенные и призванные.

[Подпись:] *Жан Делоне, Ж. Пти, Г. Лене*

Вторник октября 11 дня 1440 года

Во вторник 11 октября, в день, назначенный для помянутых прокурора и Жиля де Рэ, обвиняемого, названными епископом Нантским и братом Жаном Блуином, наместником инквизитора, помянутые сеньоры епископ и наместник инквизитора, будучи в делах оных уверены и осведомлены, в трибунале не заседали; заседание, намеченное на этот вторник, они отложили на ближайший четверг, предписав на день тот прокурору и Жилию, обвиняемому, дабы те явились для производства по делу, как и по всем делам порядка сего, законным образом.

Какового дня 11 октября мужи помянутые и жены вновь пожаловались названным епископу Нантскому и наместнику инквизитора,

Явка Жнля де Рэ отложена на ближайший четверг

¹ Представитель местной финансовой или судебной власти в феодалной Франции (прим. пер.).

горестно и со слезами, на утрату детей своих, как было выше странно изложено, в нижней зале помянутой Тур-Нев, умоляя их в скором порядке прибегнуть к должному отправлению правосудия.

Четверг октября 13 дня 1440 года

Выносятся обвинение, в суде зачитывается обвинительный акт, обвиняемый отказывается отвечать и оскорбляет судей, его лншают права голоса и отлучают от церкви; его апелляция отклоняется

В поименованный четверг, 13 октября, пред названными сеньорами епископом Нантским и братом Жаном Блуином, наместником помянутого инквизитора, заседающими в трибунале, дабы судить по праву, в большой верхней зале в назначенный час, а именно во время девятичасовой утренней молитвы, предстали в личном порядке помянутый м-р Гийом Шапейон, прокурор, истец, с одной стороны, и помянутый Жиль, обвиняемый, — с другой, дабы исполнить предписание ордера сего, каковых помянутый брат Жан Блуин уведомил о власти своей и полномочиях, ему принадлежащих, о чем ниже будет сказано.

Помянутый прокурор указал, выдвинул и изложил против помянутого обвиняемого некоторые статьи и обстоятельства, в письменном виде представленные и содержащиеся ниже; по поводу каковых названный прокурор попросил для помянутого Жилия, обвиняемого, чтобы каждая из статей оных была названному Жилию, обвиняемому, в судебном порядке зачитана лицом уважаемым и благонадежным, мессиром Жаком де Панкоетдиком, представителем властей Нанта, доктором светского и церковного права, согласно повелению названных сеньоров епископа и наместника помянутого инквизитора, дабы Жиль ясно, по-французски, под присягою, отвечивал по каждой из статей, что может он сказать относительно данных обстоятельств, в той мере, в какой это обстоятельств сих касалось, а ежели ему, буде он возжелает, понадобится возразить и оспорить их, было помянутыми сеньорами епископом и наместником инквизитора особое дано оному Жилию, обвиняемому, право, дабы удобно ему было против указанных статей возражать и дабы сеньоры оные епископ и наместник помянутого инквизитора могли Жилия, обвиняемого, допросить о том, истинно ли содержание названных статей.

Затем сеньоры оные епископ и наместник инквизитора, по настоянию названного прокурора, допросили помянутого Жилия, обвиняемого, дабы узнать, желает ли он сам отвечать по обстоятельствам сиим и статьям, а то и противоречить оным, либо спорить по поводу указанных статей. Каковой произнес и отвечивал, высокомерно и с надменностью, что отвечать по обстоятельствам сиим и статьям он не намерен, утверждая, что помяну-

тые сеньоры епископ и наместник инквизитора никогда судьями его не были и не суть таковые и поныне, и что он намерен действия их обжаловать. Вдобавок помянутый Жиль, обвиняемый, дерзко и непочтительно объявил, что названные сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник инквизитора, и все остальные духовные лица суть симониты и развратники; и что лучше ему быть подвешенным с веревкой на шее, чем отвечать на вопросы таких церковников и таких судей, а отвечать им для него несносно. А когда помянутый официальный представитель города Нанта, человек осмотрительный и почтенный, м-р Жоффрау Пиперье, казначей и смотритель собора Нантской Богоматери, уполномоченный помянутыми сеньором епископом Нантским и наместником помянутого инквизитора, от имени и вместо названного прокурора разъяснил по-французски помянутому Жилю, обвиняемому, некоторые фрагменты содержания означенных статей и показаний, то помянутый Жиль, обвиняемый, непочтительно помянутому официалу, казначею и смотрителю возразил, а, поворотившись к помянутому сеньору епископу, произнес он по-французски такие слова: «Я для Вас как для епископа Нантского ничего делать не буду».¹

Затем, по настоянию названного прокурора, означенные сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора, допросили помянутого Жилья де Рэ, обвиняемого, дабы узнать, не желает ли он, будь то письменно либо изустно, что-то против помянутых статей и обстоятельств сказать и возразить, добавив, что ему особое дано право, дабы он мог помянутые статьи оспорить. Тогда он Жиль де Рэ, обвиняемый, сказал и отвечал, что возражать против помянутых статей и обстоятельств он не желает.

Затем, по настоянию и требованию прокурора, названные сеньоры епископ и наместник инквизитора вызвали, истребовали и пригласили помянутого Жилья и его увещевали единожды, дважды, трижды и четырежды, под угрозой отлучения от Церкви, отвечать по помянутым статьям и обстоятельствам, ему предъявленным, прочитанным и изложенным, как сообщается, на французском языке. Каковой Жиль, обвиняемый, отвечать по ним отказался, утверждая, что с католическою верой знаком не хуже тех, кто против него помянутые статьи выдвинул, и что он такой же

¹ На старофранцузском языке в оригинальном латинском тексте стоит: «Je ne feroye rien pour vous comme évesque de Nantes».

добрый христианин и истинный католик, как и они, признаваясь и говоря, что если бы он совершил те деяния, о коих в помянутых статьях объявлено и изложено было, то прямо погрешил бы пред верою католической и от нее бы отклонился, а в этом-то деле он разбирается. И сказал он, что не желает пользоваться никакими церковными привилегиями и удивлен, что помянутый м-р Пьер де Л'Опиталь, президент Бретани, позволяет названным сеньорам духовным лицам о подобных заявленных против него преступлениях узнавать и в прескверных сиих деяниях его обвинять.

И по настоянию названного прокурора означенный преподобный отец, сеньор епископ Нантский, и наместник помянутого инквизитора объявили, что помянутый Жиль, обвиняемый, из лона Церкви отторгнутый и отказавшийся держать ответ по указанным статьям и обвинениям, отныне от суда отстраняется; затем они отлучили его в письменной форме, о чем публично было ими объявлено, однако по настоянию названного прокурора постановили, что дальнейшее производство по делу помянутого Жили, обвиняемого, будет надлежащим образом продолжено, как положено в деле оном и в делах сего порядка.

Каковой декрет, а также [полномочия] названных сеньоров епископа Нантского и брата Жана Блуина, наместника помянутого инквизитора, помянутый Жиль, обвиняемый, опротестовал простым порядком, изустно, без письменного документа. Каковой протест, поскольку ценности он не имел, учитывая природу дела сего и дел оногo порядка, равно как и неслыханные богомерзкие преступления, в коих помянутый Жиль, обвиняемый, подозревался и кои, как они говорили, обжаловать было нельзя, сеньоры епископ и наместник помянутого инквизитора принимать во внимание не пожелали, утверждая, что они не должны и не обязаны по закону так делать; а помянутого Жили названные сеньоры епископ и наместник распорядились допустить до ознакомления с помянутыми статьями и обстоятельствами; названный же прокурор чтобы представил свидетелей своих, если он того желает, сообразно делу сему и делам оногo порядка; и чтобы помянутый Жиль, обвиняемый, был допущен к представлению их, приему и принятию присяги, а взамен чтобы получил он возможность против помянутых статей и обстоятельств высказаться либо изустно, либо в письменной форме; и наконец чтобы затем слушания законным порядком продолжались, назначили они и предписали помянутому Жилю и прокурору явиться в суд в следующую субботу.

Затем помянутый брат Жан Блуин, наместник названного инквизитора, показал и провозгласил в суде особые послания помянутого духовного лица, брата Гийома Мериси, из Ордена братьев доминиканцев, сведущего в теологии, инквизитора, гонителя ересей в королевстве Фрацузском, присланного по поручению Святого Апостольского Престола; каковые послания были его собственною печатью из красного воска, к пергаменту приложенной, скреплены; каковые послания в присутствии помянутого Жия де Рэ, дабы узнать, есть ли ему что сказать либо возразить против оных посланий, будь то изустно или письменно; каковой отвечивал и изрек с гордыней, что ничего против них говорить не желает. После того как запись, росписи, печать и подпись были свидетелями, заслуживающими доверия, в присутствии помянутого Жия, обвиняемого, заверены, они объявлены были помянутыми епископом и наместником инквизитора достаточными.

На основании чего помянутый прокурор от нас, иотариусов и писцов, потребовал составить один и более официальных документов.

Присутствовали преподобный отец, сеньор Жан Прежан, епископ Сен-Брекский, М-р Пьер де Л'Опиталь, президент Бретани, Робер де Ларивьер, равно как и назваинный благородный сеньор Гийом де Гранбуа, дворянин, Жан Шовей, помянутый горожанин Нанта, м-р Рено Годлен, лицензиат права, духовное лицо из Реннской епархии, Гийом де Монтинье, адвокат светского суда в Нанте, многие иные свидетели, намеренно сюда истребованные и призванные.

[Подпись:] *Жан Делоне, Жан Пти, Гийом Лене*

Документы, оглашенные октября 13 дня 1440 года

В рукописи перед статьями помещен следующий текст: «Содержание статей оных и посланий помянутого брата Жана Блуина, наместника названного инквизитора в деле сем и в делах оного порядка, провозглашенных и обнародованных, о чем ниже упоминается, таково»:

Статьи сии, пред вами находящиеся, преподобный отец сеньор Жан де Мальтруа, епископ Нантский, и духовное лицо, брат Жан Блуин, бакалавр, знаток Святого Писания, из Ордена и монастыря братьев доминиканцев, наместник духовного лица, именитого и досточтимого брата Гийома Мериси, из того же Ордена,

Обвинительный акт

сведущего в теологии, инквизитора, гонителя ересей в Королевстве Французском, присланный по поручению Святого Апостольского Престола и с ведома одного брата Гийома, каковому брату Жану назначено и предписано было быть инквизитором в городе Нанте и в окрестной епархии, достославный и благочестивый муж, м-р Гийом Шапейон, священник и настоятель церковного прихода св. Николая в Нанте, прокурор в деле оном и в делах сего порядка, намеренно вами назначенный, выдвигает, провозглашает и выносит на суд как обвинитель против сеньора Жилья де Рэ, рыцаря, сеньора и барона помянутой местности Рэ, вам в деле оном подсудного, правонарушителя и обвиняемого. Прокурор сей требует, чтобы по содержанию статей оных и показаний, изложенных также и в манере повествовательной, по порядку, в целом или по очереди, или так, как угодно будет суду, помянутый Жилья, обвиняемый, отвечал, статья за статьею, в удовлетворительной форме и под присягою; а ежели статьи оные отвергнуты будут, он у вас соизволения просит их доказать; каковое дело он обязуется произвести законным порядком, к избыточным доказательствам, против коих он открыто выступает, не прибегая.

I Во-первых, помянутый прокурор утверждает и, буде то необходимо, готов доказать, что вот уже десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто, сто лет и больше, столько, что уж и не припомнить обратного, был и есть в провинции Турской в городе Нанте величественный и примечательный кафедральный собор, называемый обыкновенно кафедральным собором Нанта, главою коего состоит епископ, а членами – декан, многие каноники, пребеиду получающие и составляющие капитул, и многие его черты на него указуют как на весьма именитый и великий собор кафедральный; и что сие так быть должно и есть воистину.

II Далее, с тех пор и все это время помянутое епископство Нантское имело и имеет, как и прежде, точно установленные границы с иными епископствами помянутой провинции Турской, отделяющие его от иных епископств провинции сей, равно как и от епископств иных провинций; и имелось по всему протяжению помянутой епархии великое множество приходских церквей и людей, духовно к ним льнущих, к ним приписанных и в их ведении находящихся; а то, что сие именно так, всем и каждому доподлинно известно.

III Далее, последние двадцать лет, если не более, помянутый преподобный отец был и остается епископом Нантским, излечи-

вая души, управляя названным епископством, поскольку сие титулу его соответствует, и со всею очевидностью он известен как епископ Нантский, и с этим все воистину согласны; сие верно и правда есть.

IV Далее, с тех пор и в течение помянутого времени исправление, наказание и искупление проступков равно как и грехов всех до единого преступников в помянутом городе и епархии Нантской, а также расследование и вынесение решения по делам преступным и греховным, относилось и относится к ведению действующего епископа Нантского, подобно тому, как относится ныне право сие к ведению преподобного отца, нынешнего епископа Нантского; а названный сеньор действующий епископ Нантский, как и помянутый преподобный отец, нынешний епископ Нантский, обладал и обладает бесспорными полномочиями в наказании и исправлении всех тех, кто в злодейских и постыдных делах уличен, равно как и всех преступников, из каких бы краев они ни появились и откуда бы ни были они родом, в случае, если они нарушили закон в помянутом городе или в помянутой епархии Нантской; в делах оных закрепляется за ним право выносить им приговор, осуждение и отлучать их от Церкви, налагать иные на них взыскания, обвинять их и им предписывать епитимью и предавать их в руки светских властей в соответствии с тем, как того требуют обстоятельства и чудовищность бесчинств, проступков и злодеяний; и сие верно, и всем о том доподлинно известно.

V Далее, с недавних пор помянутый брат Гийом Мериси, инквизитор, радатель за истинную веру и гонитель всякой ереси в королевстве Французском и в провинции Турской, был с ведома Святого Апостольского Престола назначен, утвержден и облечен властью заменять на посту своем одного или нескольких братьев оного Ордена, на то полномочиого либо полномочных; и сие верно и правда есть.

VI Далее, помянутому брату Гийому Мериси до названных посланий апостольских было и есть еще от роду сорок лет, он сведущ в Святом Писании, принадлежит к помянутому Ордену, и всем известно, что он весьма способен службу такую отправлять; и сие воистину так.

VII Далее, как по закону, так и согласно нравам, обычаям, традициям и уставу города и епархии Нантской, всеми с давних пор принятым и строго соблюдаемым вплоть до наших дней, — согласно названным обычаям, преподобному отцу сеньору епископу Нантскому и инквизитору, гонителю ересей, в город сей и

в помянутую епархию Нантскую назначенному, совместно, равно как и по отдельности принадлежало и по-прежнему принадлежит право расследовать ересь, решать, наличествует ли она, и карать за ересь, колдовство, вероотступничество, идолопоклонство, гадание и ведовство, а главным образом за ересь, вероотступничество и идолопоклонство людей ученых, сие совершивших в городе и в епархии Нантской, каждый раз, как случай подобный произойдет; и сие верно и правда есть.

VIII Далее, как по закону, так и согласно традициям, нравам, опыту и обычаям помянутого королевства Французского, а особливо помянутых города и епархии Нантской, каковые обычаи с давних пор в обиходе состоят и всеми вплоть до наших дней соблюдаются, на основании привилегии, предоставленной по означенному поручению Святого Апостольского Престола названному Ордену братьев доминиканцев, помянутый брат Гийом Мериси, инквизитор, гонитель ересей, мог предоставить полномочия свои одному или нескольким братьям из онога Ордена, назначив их на пост свой и повелев им исполнять службу свою; и сие верно и правда есть.

IX Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, был и есть прихожанин из прихода Св. Троицы, что в Машкуле, помянутой епархии Нантской, и таков он согласно всеобщему мнению, и всем об этом известно.

X Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, со времени детства своего и юности был и есть подсуден помянутым сеньору епископу Нантскому и инквизитору, причем прежде всего сеньору епископу, касательно помянутых преступлений; и сие верю и правда есть.

XI Далее, с давних пор и по сей день в пределах названной епархии Нантской имелись обыкновенно и по-прежнему имеются замок, или крепость, к помянутой местности относящаяся, равно как и приходские церкви Св. Троицы в Машкуле и св. Стефана в Мерморте; а прихожане означенных церквей приходских, подсудимые и находящиеся в ведении сеньора епископа Нантского в отношении дел духовных, равным образом помянутому сеньору епископу, как и инквизитору подсудны за преступления, ниже и выше упомянутые; и сие верю, и правда есть; и всем о том дополнительно известно.

XII Далее, помянутый брат Гийом Мериси, будучи уже инквизитором, в Нанте, июля 26 дня 1426 года, назначил вместо себя, уполномочил и сделал своим заместником, способным службу

его в названных городе и епархии Нантской отправлять, брата Жана Блуина, из обители помянутой и Ордеиа, написав для того послания, на каковые указанный прокурор ссылается и каковые произносит и ниже, где они, следуя распорядку статей и показаний, полнее представлены будут; и сие верно и правда есть.

xiii Далее, помянутый брат Жан Блуин, перед тем, как сии послания, его на службу оную назначающие, ему предоставлены были, принадлежал и принадлежит к помянутым Ордену и обители братьев доминиканцев в Нанте, сорока лет от роду, священник, участник содружества людей верующих и способен службу сию, с оным наместничеством сопряженную, исполнить, и всем доподлинно известно, что он именно таков; и сие верно и правда есть.

xiv Далее, все, о чем выше было упомянуто, давно известно и ни для кого не секрет.

xv Далее, приняв во внимание то, о чем слухи распространялись и чему затем посвящено было тайное расследование, проведенное помянутым преподобным отцом сеньором епископом Нантским в городе его и в епархии, равно как и его посланниками, назначенными по поручению Святого Апостольского Престола, во время их визита пастырского, а также и то, каковое вел помянутый прокурор церковного суда в Нанте, с соизволения помянутого преподобного отца, по делам, ниже изложенным, а также по злодеяниям и проступкам, в ведении церковном находящимся; принимая во внимание также и предшествующие доносы, вместе с жалобами повторенные, со скорбью и слезами, многими лицами обоего пола, как из города, так и из помянутой епархии Нантской, вопиющими о потере и убиении чад своих, сыновей и дочерей, и утверждающими, что сыновья оные и дочери были похищены помянутым Жилем де Рэ, обвиняемым, Жилем де Сийе, Роже де Бриквилем, Анри Грияром, Этьеном Коррийо, прозванным Пуату, Андре Бюше, Жаном Россиньодем, Робеном Ромуляром, неким Спадином и Ике де Бремоном, приближенными и сотрапезниками помянутого Жилья де Рэ, обвиняемого, и что они безжалостно детей оных зарезали, умертвили, а затем расчленили и сожгли, а кроме того нещадно пытали; и что помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, принес тела детей оных в жертву демонам способом, порицания и проклятия заслуживающим; что согласно многим иным свидетельствам помянутый Жиль де Рэ заклинал демонов и злых духов, принося им жертвы, и что с помянутыми детьми, как мужского, так и женского пола, иногда пока они еще были живы, иногда же после их смерти, а порой и когда они умирали,

предавался он отвратительнейшим и гнуснейшим образом греху содомскому и любострастию, пренебрегая в совокуплении с девочками естественным отверствием; помянутый прокурор во всеулышание заявляет и готов доказать, если необходимо, что со всею очевидностью, в течение последних четырнадцати лет, каждый год, каждый месяц, каждый день, каждую ночь и каждый час этих четырнадцати лет, при правлении блаженной памяти Мартина, Папы, именующегося Пятым, Евгения, по милости Божественного Провидения Папы, именующегося Четвертым, преподобнейшего отца, сеньора Филиппа, архиепископа Турского, и преподобного отца, сеньора Жана, помянутого епископа Нантского, равно как и прославленного государя и сеньора Иоанна, герцога Бретонского, и всех остальных, согласно порядку последовательно правивших, каковы бы ни были должности их и титулы, помянутый Жиль де Рэ, одержимый злым духом и забывший о спасении своем, похитил, зарезал и убил множество детей обоего пола; что они были похищены, зарезаны и убиты как им, так и помянутыми Жилем де Сийе, Анри Грияром и Этьеном Коррийо, прозванным Пуату, и что он велел сжигать и обращать в пепел трупы детей сих, бросая помянутые останки в местах удаленных и потайных; и что с детьми оными он совершал названный противоестественный грех содомский и бесстыдно их насилывал; и что совершил он все, о чем выше и ниже сказано, во многих различных местах и в обителях, кои ниже указаны будут.

xvi Далее, дабы заявленное в предыдущей статье прояснить, помянутый прокурор объявляет и намеревается доказать, что возлюбившим Господа нашего Иисуса Христа, жаждущим в единении с ангелами слиться, не дозволяется ни находить удовольствие в роскоши, ибо они посвятили себя Богу раз и навсегда чрез таинство крещения и исповедание веры католической, ни обращать взоры свои и души к тщете и безумствам мира сего, а более подобает им возложить надежду на Господа нашего, созерцая образ Божий, всем сердцем своим и всей душою своею, и проникнуться их взором, как о том свидетельствует пророк Давид, говоря: «Блажен человек, который на Господа возлагает надежду свою, и не обращается к гордым и к уклоняющимся ко лжи» и вновь сей же Давид, восклицающий и увещающий: «Сыны мужей! доколе будете любить суету и искать лжи?»¹; а однако помянутый Жиль де Рэ, каковой, подобно истинному христианину, к таинств

1 См.: Пс. xxxix: 5; Пс. iv: 3 (прим. пер.).

вам крещения и конфирмации приобщен был, и, к ним приобщаясь, отрекся от дьявола, обрядов его и творений, но вновь впал в то, от чего отрекся. И около пяти лет тому назад, в нижней зале замка Тиффож, принадлежавшего супруге его, в епархии Мэйезе, он повелел неким мастерам начертать многообразные знаки, рисунки и буквы, среди каковых мастеров был Франческо Прелати, по происхождению итальянец, именующий себя знатоком запретного искусства геомантии; а в лесу, недалеко отстоявшем от замка Тиффож, повелел он те же знаки начертать на земле Жану де Ларивьеру, Аигуану де Палериу, ломбардцу, равно как и человеку по имени Луи и другим колдунам и заклинателям демонов, и им же повелел он творить заговоры и гадания, заклиная и повелевая заклинять злых духов, отзывавшихся на имена Баррон, Орьян, Вельзевул и Белиал, используя огонь, ладан, мирру, алоэ и иные благовония, притом что окна помянутой нижней залы, большие и малые, распахнуты были настежь, в то время как они преклоняли колена, желая от оных злых духов ответ получить, готовые принести им подношения и жертвы и восхвалять их; и помянутый Жиль, обвиняемый, возжелал с ними в соглашение войти, дабы при содействии оных духов злых получить и обрести вновь знание, богатство и могущество; и сие верно и правда есть.

XVII Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, заключил с помянутыми злыми духами соглашение, согласно коему он выполнял их волю; и по соглашению сему помянутый обвиняемый добивался и добился того, чтобы названные злые духи даровали ему знание, богатство и могущество; и сие верно и правда есть.

XVIII Далее, в другой раз, приблизительно в то же время, помянутый Франческо¹, – коего некий мессир Эсташ Бланше, священник из прихода Сен-Мало, истребовал из Италии и прислал к Жилю, обвиняемому, дабы тот посвятил последнего в искусство заклинания злых духов, – в поле, расположенном в четверти лье от замка Тиффож, используя огонь и начертив в том месте круг, заклинал неких злых духов в присутствии помянутого Этьена Коррийо, прозванного Пуату, коему было сие помянутым Жилем де Рэ поручено вместе с названным Франческо сотворить; а прежде помянутый обвиняемый передал указанным Франческо и Этьену долговое обязательство, им собственноручно написанное и предназначенное для злого духа по имени Баррон в случае, если тот на помянутое заклинание и заговор ответствует, и дабы оно

¹ Франческо Прелати.

показано было и поднесено от имени помянутого Жилия, каковое долговое обязательство гласило, что названный Жиль, обвиняемый, отдаст помянутому Баррону все, что тот пожелает, за исключением души его и укорочения жизни, лишь бы оный Баррон ему даровал звание, богатство и могущество; и сие верно и правда есть.

ХІХ Далее, в другой раз, приблизительно в то же время, помянутые Жиль де Рэ и Франческо Прелати в поле, расположенном близ замка и города Жослена, со стороны предместий, к помянутым замку и городу примыкающих, заклинали злых духов и иные творили там суеверные деяния; и сие верно и правда есть.

ХХ Далее, в другой раз, приблизительно в то же время, а именно около года назад, когда в последний раз ездил он на встречу с названным герцогом Бретонским, помянутый Жиль, обвиняемый, находясь в Бургнефе, в епархии Нантской, в доме братьев миноров, сопровождаемый помянутым Франческо, повелел этому последнему сотворить многие заклинания и заговоры злых духов, и заклинал их самолично, надеясь и намереваясь (дабы они способствовали тому), что названный сеньор герцог над помянутым Жилем смилостивился; и сие верно и правда есть.

ХХІ Далее, почти в то же время помянутый Андре Бюше из Ванна привел к названному Жилию де Рэ, в дом некоего Жана Лемуана, каковой дом близ епископского дворца в Ванне расположен, за пределами города, у стен, мальчика, коему от роду было около одиннадцати лет, сына Жана Лавари, с городского рынка; с каковым мальчиком помянутый обвиняемый совершил грех содомский, а затем его умертвил, и глядя, как помянутый ребенок умирает, он его бесстыдно и вероломно насилдовал, после чего со всею жестокостью убил в соседнем доме, принадлежащем некому Бетдену и, отрубив голову, забрал ее себе, а тело названного мальчика, таким образом убиенного, повелел снести в отхожее место в доме помянутого Бетдена; и сие верно и правда есть.

ХХІІ Далее, помянутый Жиль, обвиняемый, собственноручно написал долговые обязательства, дабы с вышепоименованным злым духом Барроном полновесный договор заключить, в коем ему предложить то, о чем выше сказано было; и сие верно и правда есть.

ХХІІІ Далее, все до единого обстоятельства сии всем известны и ни для кого не секрет.

ХХІV Далее, в течение помянутых четырнадцати лет или около того названный Жиль де Рэ, обвиняемый, посылал помянутого Жилия де Сийе, в то время бывшего управляющим его, сообщником, пособником, соратником и сподвижником, во многие час-

ти света, в разные края и страны, дабы розыск учинить и узнать, может ли он обнаружить и привести к Жилю прорицателей, заклинателей и колдунов обоего пола, кои сумели бы наделить его деньгами, отыскать и открыть ему спрятанные сокровища, посвятить его в иные магические искусства, помочь ему снискать великие почести, захватить замки и города и владеть ими; и сие верно и правда есть.

ххv Далее, в то время помянутый Жиль, обвиняемый, послал равным образом вышепоименованного Эсташа Бланше в Италию, во Флоренцию, дабы разыскать заклинателей, колдунов и прорицателей, каковой Эсташ, отыскав во Флоренции вышеназванного Франческо Прелати, привел этого последнего к помянутому Жилю; и сие верно и правда есть.

ххvi Далее, помянутый Жиль, обвиняемый, приблизительно в то же время, как в Нанте, в доме Ла-Сюз, так и в Орлеане, в доме под знаком Золотого Креста, в коем он расположился, а также в помянутых замках Машкуль и Тиффож, многообразные сотворял заклинания и заговоры злых духов; и сие верно и правда есть.

ххvii Далее, в течение помянутых четырнадцати лет или около того Жиль де Рэ, обвиняемый, как в замке Шантосе, что в епархии Анже, в Машкуле и в Тиффоже, так и в Ванне, в доме помянутого Лемуана, в верхних покоях дома оногo, где в то время он располагался, и в Нанте, в помянутом доме под названием Ла-Сюз, расположенном в приходе Богоматери, а именно в верхних покоях, куда время от времени и нередко имел обыкновение удаляться и проводить ночь, вероломно, жестоко и бесчеловечно убил сто сорок или более детей обоего пола; или же он повелел их убить помянутым Жилю де Сийе, Роже де Бриквилю, Анрие, Этьену¹, Андре², и иным в соответственном порядке вышеназванным лицам, бесчеловечность и жестокость свою обнаружив, ибо, согласно Гермогену, «всякий раз, как человек присваивает себе предназначение Создателя, уничтожая создания Его, силы небесные не преминут возопить пред ликом божественного Судии, пока не воздастся убийце по заслугам и не сгорит он в вечном пламени геенны огненной», тем паче, что помянутый Жиль де Рэ члены невинных детей оных приносил в жертву злым духам; с каковыми Астьми и до, и после их смерти, и когда они умирали, он предавался прмерзкому греху содомскому, оскверняя небесную гармонию,

¹ Этьену Коррийо, прозванному Пуату.

² Андре Бюше.

и противоестественным путем их насилывал, дабы удовлетворить плотское свое вожделение, незаконное и предосудительное; а затем в том же месте он сжигал сам или руками слуг своих – Жилья де Сийе, Анрие Грияра и Этьена Коррийо, прозванного Пуату, тела невинных оных детей, мальчиков и девочек, а останки их повелевал сбрасывать как в выгребные ямы, так и в крепостные рвы в помянутых замках, равно как и в клоаки дома Ла-Сюз, названного некогда по имени сеньора Жана де Краона, деда, то есть отца матери помянутого Жилья де Рэ, который был сеньором домена Ла-Сюз и означениого дома, где обитал и скончался. В потайные места онгого дома Ла-Сюз из вышеназванных детей невинных числом около ста сорока, убиенных по указанию помянутого Жилья, обвиняемого, пятнадцать были им либо помянутыми Жилем де Сийе, Анрие и Этьеном один за другим выброшены, равно как и в иные отдаленные и потайные места в городах помянутых и замках; и сие верно и правда есть.

XXVIII Далее, во время указанных четырнадцати или около лет помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, и, от имени его и по указанию его, помянутые Жиль де Сийе, Роже де Бриквиль, Анрие, Этьен и Андре Бюше требовали от поставщиков и поставщиц и от старух-сводниц, имевших от них поручение, чтобы под предлогом неких услуг, кои названные дети помянутому Жилью оказать могли бы, – что для детей оных, и сродников и друзей было бы дескать выгодно, – они поставляли ему детей обоего пола, брали их и приводили к нему, дабы Жиль де Рэ, обвиняемый, мог с ними совершить грех содомский, зарезать их и убить, или повелеть сие совершить; каковые злодеи – поставщики и сводни – названных детей невинных помянутым Жилью де Рэ и сообщникам его поставляли; и сие верно и правда есть.

XXIX Далее, менее года назад, по указанию помянутого Жилья де Рэ, обвиняемого, пребывавшего тогда в означенном месте, в Бургисфе, в доме братьев миноров, помянутые Анрие и Этьен добыли и привели к нему мальчика, коему от роду было лет около пятнадцати, чтобы обвиняемый с ним уже многожды помянутый грех содомский совершил; каковые Анрие и Пуату подростка онгого, родом из Нижней Бретани, обитавшего в доме некого Родиго, жителя Бургисфа, забрали и привели к помянутому Жилью де Рэ, обвиняемому, в покои в помянутой обители, где указанный Жиль, обвиняемый, расположился и где он имел обыкновение останавливаться, и он совершил с ним прескверным образом омерзительный грех сей содомский, о коем нередко уже вспоминают

было, как он и с другими сие совершал, а затем там же его убил и повелел тело его отнести в замок Машкуль, дабы там оно тело сжечь; сделано сие было названным Жилем де Рэ, обвиняемым, и помянутыми Анрие и Этьеном; и сие верно и правда есть, и всем о том доподлинно известно.

XXX Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, отведывал изысканные яства и пил тонкие вина, гипокрас и кларет, и иные напитки, дабы себя на помянутый грех содомский настраивать, дабы грех сей против естества с помянутыми мальчиками и девочками с большею силой, непринужденностью и удовольствием совершать, часто, и весьма необычными способами; каждодневно предавался он также чревоугодию; и сие верно и правда есть.

XXXI Далее, помянутый Жиль, обвиняемый, в покоях своих в замке Тифож, поместил руку, глаза и сердце одного из названных детей вместе с кровью его в сосуд, дабы совершить ими в знак почитания приношение, отдать дань вышешпоименованному демону Баррону, и повелел он совершить приношение сие помянутому Франческо Прелати от своего имени; каковой Франческо был к тому предназначен и, как говорилося, умел заклинать злых духов; и сие верно и правда есть.

XXXII Далее, уже около пяти лет помянутый Жиль де Рэ повелевал во время многих торжественных празднеств, а особливо в последний День всех святых, с особою пышностью совершать торжества в честь злых духов, следуя соглашению, между ним и помянутыми духами заключенному, как о том выше сказаю; во время каковых празднеств, в силу помянутого соглашения, во имя указанных злых духов и ради возвеличивания их раздавал он сам и руками слуг своих милостыню беднякам; и сие верно и правда есть.

XXXIII Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, целью своею, надеждой и верою устремлен был к заклинанию злых духов, ведовству, убиению помянутых невинных детей, ко греху содомскому и противоестественному сладострастию; и сие верно и правда есть.

XXXIV Далее, в течение означенных четырнадцати лет помянутый Жиль, обвиняемый, вел беседы с прорицателями и еретиками; он прибегал не раз к их помощи в том, что желал совершить; он общался и сотрудничал с ними, принял их догматику, читал и изучал книги, запрещенных искусств касавшиеся; все внимание, всю надежду и весь разум свой направил он на богомерзкие сии догмы, дабы выявить способы и пути, коими злых духов заклясть

можно; и он возвел себе в догму выводы и ошибки колдунов и заклинателей; и сие верно и правда есть.

xxxv Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, в течение означенных четырнадцати лет встречался с прорицателями и заклинателями злых духов, с колдунами и чародеями, принимал, защищал их, и им благоприятствовал; он им верил; он изучал, практиковал и считал догмой магические искусства геомантии и некромантии, запрещенные законом божественным, каноническим и светским; и сие верно и правда есть.

xxxvi Далее, около пяти лет назад названный сеньор герцог Бретонский осаждал замок Шантосе, коим тогда владел помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, и пред осадой означенного замка помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, повелел помянутым Жилию де Сийе, Анри и Этьену Коррийо, прозванному Пуату, взять и положить в сундуки, перевезти в замок Машкуль и там сжечь – из страха, как бы сеньор герцог, слуги его и иные лица их не обнаружили, – сорок пять черепов вместе с костями невинных, безжалостно убиенных помянутым Жилем, обвиняемым¹, детей, с каковыми детьми он омерзительный совершил грех содомский и иные противоестественные преступления; а в помянутом замке Машкуль черепа сии и кости были сожжены названными Анри Грияром, Жилем де Сийе и Этьеном Коррийо, прозванным Пуату, по указанию помянутого Жилия, обвиняемого; и сие верно и правда есть.

xxxvii Далее, Жиль де Рэ, обвиняемый, Анри Грияр, Этьен Коррийо, Жиль де Сийе, Жан Россиньоль, Спадин, Роже де Бриквиль, Андре Бюше и иные помянутые лица во всех до единого означенных злодеяниях, проступках и прегрешениях взаимно друг другу помогали, давали советы, поддерживали и действовали по согласию, как сообщники, каждый из них соответственно; и сие верно и правда есть и любому о том доподлинно известно.

xxxviii Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, около двух лет тому назад, обнаружив, что совершил великое множество злодеяний, предательское вероотступничество, жестокие преступления и прегрешения, о коих выше сказано было, и иные, содеянные им с богомерзкою бесчеловечностью, о коих напоминала ему совесть, пообещал, обязался и принес клятву Господу и святым Его, что отныне никогда не совершит он и не сотворит ничего подобного, ужасающего и отвратительного, что тотчас же и целиком

1 Эти факты освещены неточно: см. сс. 104–105.

грехи свои отвергнет, а для того отправится в паломничество в Иерусалим, где посетит Гроб Господень; и сие верно и правда есть.

XXXIX Далее, невзирая на означенные клятвы, обещания и обязательства, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, с тех пор, подобно псу, который возвращается на блевотины своя, убил, зарезал и повелел убить безжалостно и зарезать в названных местах великое множество детей обоего пола, и совершил помянутый грех содомский, в который он себя вверг, и продолжил, как выше сказано было, в своем противоестественном и проклятом погрязать сладострастии; а ведь именно из-за означенного греха противоестественного сладострастия, как о том свидетельствуют предписания правосудия, и происходят на этом свете землетрясения, голод и чума; он сотворял сам и руками слуг своих заклинания и заговоры злых духов и по причинам оным помянутый Жиль, обвиняемый, вновь впал во грех и продолжал совершать означенные преступления; и сие верно и правда есть и каждому о том доподлинно известно.

XL Далее, все до единого события сии вызвали и вызывают слухи и всеобщее возмущение.

XLI Далее, по вышеизванным причинам вышепоименованному Жилю де Рэ, обвиняемому, надлежит вменить в вину подлости его; он совершил грех содомский, дважды впал в ересь, идолопоклонство и вероотступничество; и сие верно и правда есть.

XLII Далее, два года тому назад помянутый Жиль де Рэ, кощунственно и позабыв о страхе Господнем, со многими соратниками своими, осмелился войти, потрясая оружием, дерзко и яростно, в помянутую приходскую церковь св. Стефана в Мермorte, что в епархии Нантской; и безумствуя, учинил насилие над Жаном Леферроном, духовным лицом родом из Нанта, схватив его самостоятельно и вместе со слугами своими; и повелел изгнать его силою, со всюю жестокостью, из помянутой церкви некому Ленано, маркизу де Сева (Seva)¹, ломбардцу, и иным приспешникам своим; затем он повелел заточить его в темницу на многие дни и месяцы, как в названном замке Сен-Этьен-де-Мерморт, так и в помянутом замке Тиффож, где он и содержался, закованный в кандалы по рукам и ногам; и помянутый Жиль, обвиняемый, нарушивший церковную неприкосновенность, как сам, так и слуги его по повелению его, приговорен к отлучению от Церкви, согласно закону и указаниям Турского собора, равно как и синодальному уставу церкви Нантской; и сие верно и правда есть и каждому о том доподлинно известно.

¹ В латинском тексте это имя написано как «Seva» или «Seva».

XLIII Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, во много различных местах и в присутствии почтенных лиц, заслуживающих доверия, не скрывая обсуждал и оглашал означенные преступления, им содеянные и совершенные; и принимал их за догмы; и занимался помянутыми магическими искусстваами, заклинаниями и гаданиями и иными суевериями, дабы обрести больше почестей, знания и власти; и сие верно и правда есть, и каждому доподлинно о том известно.

XLIV Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, пошел против естества, совершил и содеял грех содомский и иные означенные злодеяния, прегрешения и проступки в каждом из названных мест и окрестностей их, как о том выше сказано было; и сие верно и правда есть.

XLV Далее, согласно всеобщему мнению, уверенности и убеждениям народа, памяти людской, тому, кем воистину [Жиль] прослыл, гласу общественному как в помянутых приходах Св. Троицы, Машкуля, Сен-Этьен-де-Мерморта, Сен-Сира-ан-Рэ, в епархии Нантской, так и в иных приходах, к ним прилегающих и с ними соседствующих, и в приходе Нантской Богоматери, и в большей части герцогства Бретонского и смежных областей, в коих помянутого Жилия де Рэ, обвиняемого, знали и знают, был он и есть еретик, инакомыслящий, чародей, содомит, заклинатель злых духов, прорицатель, смертоубийца, резавший невинных, вероотступник, идолопоклонник, уклонившийся от Церкви, ей враждебный, вещун и колдун. И сие верю, правда есть, все сие обсуждают, признают, в том уверены, убеждены, согласны, и каждому доподлинно о том известно.

XLVI Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, имел и имеет обыкновение творить и совершать означенные преступления и злодеяния, за коковые он был публично заклеямен лицами, заслуживающими доверия и почтенными, и в коих он пылко обвинен был во всех до единой из названных местностей; и сие верно и правда есть.

XLVII Далее, все до единого помянутые деяния очевидно предосудительны для веры нашей католической и Святой нашей Девы Марии, равно как и для всеобщего благоденствия в целом, а также суть пагубный пример для многих и чреваты опасностью для души помянутого Жилия; и сие верно и правда есть.

XLVIII Далее, все до единого деяния сии были и суть всем известны в названных местностях, ибо отрицать их и от признания их уклоняться невозможно; по поводу коковых распространяется

всобщее возмущение и вопиет глас народный. И все, о чем выше сказано было, помянутый Жиль, обвиняемый, признал и признает истинным.¹

XLIX Далее, ввиду названных преступлений, злодеяний и проступков, кои он совершил и содеял во злобе своей, помянутый Жиль де Рэ приговорен был названными властями к отлучению от Церкви и подвергся иным наказаниям, каковые должно против подобных самонадеянных людей, — таких, как прорицатели, колдуны, знахари и заклинатели злых духов, подстрекатели, приверженцы ереси, адепты и верующие в злых духов, чародеи и все, кто прибегает к недозволенным и запрещенным искусствам, — примесить; более того, он впал в ересь, в коей и поные погряз, оскорбил божественное величие, совершив преступление против него, наперекор Десяти заповедям, обрядам и ритуалам Пресвятой Матери нашей Церкви, он проклятою рукою заронил семена заблуждения, опасные для истинного христианина, а также грубо и бесстыдно нарушил предписания помянутого преподобного отца, сеньора епископа Нантского; и сие верно и правда есть и каждому доподлинно о том известно.

Заключение. Вот по какой причине названный прокурор просит Вас, преподобный отец, сеньор епископ Нантский, и Вас, брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора и гонителя ересей — или одного из Вас, кому сие будет угодно, — дабы решительным приговором Вашим помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, объявлен был и означен еретиком и злостным вероотступником; дабы объявлено было, что он совершил и содеял во злобе своей ужасающие заклинания демонов; приговорен был за то к отлучению от Церкви и к иной законной каре; и как еретик, вероотступник и заклинатель демонов должен быть подвергнут наказанию и исправлению, как того требует закон и предусматривают церковные предписания. Более того, дабы Вы, преподобный отец, сеньор епископ Нантский, окончательным приговором Вашим объявили и означили, что помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, совершил преступный и противоестественный грех содомский с вышеназванными мальчиками и детьми; а также содеял во злобе своей святотатство, а именно нарушил церковную неприкосновенность и приговорен за то к отлучению от Церкви и к иной законной каре, и должен быть наказан и спасительному подвергнут

¹ Очевидно, последнее предложение было добавлено после того, как 13 октября 1440 года был формально зачитан обвинительный акт. Первые показания Жиль де Рэ начал давать 15 октября.

исправлению, как того требуют закон и церковные предписания; каковой прокурор взывает со смирением к Вашей милости, дабы Вы проследили, чтобы по всем до единого означенным делам скорейшим и должным образом отправлялось правосудие.

Каковой прокурор по всем до единого из означенных дел приводит, произносит и предоставляет доказательства при помощи наилучших из возможных и надлежащих способов и просит Вашего соизволения, доказательства сии предоставить, что он и предлагает сделать, исключив, как он открыто о том заявляет, любые излишние доводы; и кроме того за исключением права исправлять, добавлять, изменять, сокращать, истолковывать, улучшать, повторять и доказывать, если в том возникнет надобность, во время должное и в должном месте.

[Подпись:] *Ж. Делоне, Ж. Пти, Г. Лене*

Послание
инквизитора
французского
королевства
от 26 июля;
брату Жану
Блуину поручается занять
должность
наместника
инквизитора

Брат Гийом Мериси из Ордена братьев доминиканцев, сведущий в теологии, инквизитор и гонитель ересей в королевстве Французском, присланный по поручению Святого Апостольского Престола, брата нашего, возлюбленного во Христе, Жана Блуина, из обители Нантской того же Ордена, приветствует во имя сотворившего веру нашу, Господа нашего Иисуса Христа.

Поскольку, согласно Апостолу, ересь распространяется, подобно язве, и тайно разъедает бесхитростные души, ежели неустанным трудом инквизиции не будет искоренена, надлежит спасительною силою, со всею возможной заботливостью и осмотрительностью приступить к гонениям против еретиков и защитников их, а также и против тех, кои в ереси обвинены или подозреваются и против врагов и смутителей веры. Кроме того, по милости Божией полностью доверяя сметливости Вашей и способности службу Господню в области сей нести, на основании советов, данных нам многими достойными братьями из оного Ордена, мы Вас назначили, приутоновили и Вам предначертали в послании сием и назначаем, приутоновляем, Вам предначертываем и предписываем, что есть наилучшее из возможного согласно любому закону и праву, быть наместником нашим в городе и в епархии Нантской, Вам предоставляя и уступая власть вести расследование, вызывать в суд, обвинять, преследовать, арестовывать, заточать и иные законные действия производить, вплоть до вынесения окончательного приговора, а также иные помянутой службе сей инквизиторской полагающиеся дела вершить по отношению ко всем еретикам, кем бы они ни были, и иным вышепоименованным лицам, как того

требует закон и обычай; на каковые обязанности наши мы Вас сии посланиями уполномочиваем, сообразуясь как со всеобщим правом, так и с особыми преимуществами означенной инквизиции. Во свидетельство чего повелели мы скрепить послания сии нашею печатью.

Составлено в Нанте, 26 июля 1426 года.

Подпись: *Г. Мериси*

Суббота октября 15 дня 1440 года

В субботу 15 октября пред помянутыми преподобным отцом, сеньором епископом Нантским, и братом Жаном Блуином, наместником означенного инквизитора, заседающими в трибунале, дабы судить по праву, предстали в названной большой верхней зале Тур-Нев, утром, в час молитвы, помянутый м-р Гийом Шпейон, прокурор, истец, с одной стороны, и помянутый Жиль де Рэ, рыцарь и барон, обвиняемый, — с другой.

И по просьбе помянутого прокурора названные сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник инквизитора, сказали помянутому Жилю де Рэ, обвиняемому, что хотя он и изрек прежде, что ничего по поводу означенных статей и обстоятельств говорить и возражать не хочет, они ему тем не менее дозволяют, как и прежде они сие делали, нечто сказать или возразить. Каковой Жиль отвечивал, что ничего против означенных статей говорить либо возражать не желает, и по просьбе помянутого прокурора названные сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник инквизитора, спросили у помянутого Жилия, обвиняемого, не желает ли он сказать что-то, предложить либо возразить по поводу того, что сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник, суть судьи его в деле сием и в делах того порядка. Каковой обвиняемый изрек, что не желает; более того, он намеревался и намеревается согласиться с тем, что названные преподобный отец, сеньор епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник, были и суть правомочные судьи в деле сием и иных делах, более того, он желал и желает признать, что названные преподобный отец, сеньор епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник Гийома Мериси, помянутого инквизитора, были и суть в деле сием и в делах порядка сего правомочными его судьями, подтвердив и закрепили полномочия их, таковыми, каковыми они подтверждены были, и согласился признать таковыми их обоих и любого из них, как они того пожелают, и тут же по собственной воле признался, что злонамеренно совершил поименованные преступления и

Жиль де Рэ уступает и начинает давать показания. Принесение присяги обвиняемым и представленные первых свидетелей

проступки, за что им подсуден, и смиренно, благочестиво, в слезах молил и ходатайствовал у названных сеньора епископа Нантского и брата Жана Блуина, наместника, и у всех остальных духовных лиц, коим говорил он слова непристойные и нечестивые, дабы они ему даровали прощение за те оскорбления и брань, что в их отношении были высказаны, и признался, что ему совестно за то, что он их изрек. Каковые сеньоры епископ Нантский и наместник инквизитора за помянутую хулу простили вышепоименованного Жилья, обвиняемого, и сей грех ему, возлюбивши Господа, отпустили.

Затем, в присутствии помянутого Жилья де Рэ, обвиняемого, который сие слышал, понимал и открыто со всем соглашался, названный прокурор, истец, с настойчивостью у помянутых сеньоров епископа Нантского и наместника инквизитора соизволения попросил предъявить доказательства по означенным обвинительным статьям; каковые сеньоры епископ и наместник, по просьбе помянутого прокурора, названные статьи на сей предмет объявили допустимыми. Затем помянутый прокурор потребовал, чтобы по всем обстоятельствам оным и статьям помянутый Жиль, обвиняемый, ответ держал. Каковой, отвечая под присягой по вышепоименованным статьям, тут же по собственной воле признался и объявил, что статьи первая, вторая, третья, четвертая, восьмая, девятая, десятая, одиннадцатая и четырнадцатая, изложенные по порядку и по-французски преподобным отцом сеньором Жаном Прежаном, епископом Сен-Брексским, по указанию помянутых сеньоров епископа Нантского и наместника означенного инквизитора, истинны, и в особенности, что существовал и существует в Нанте кафедральный собор и что, согласно содержанию статьи третьей, помянутый преподобный отец, сеньор Жан де Мальтруа воистину епископ сей церкви; что в делах духовных он сеньора одного подданный и ему подсуден; сказал он и о том, что крепости Машкуль и Сен-Этьен-де-Мерморт расположены в пределах помянутой епархии Нантской. Далее, он по собственной воле своей признался в том, что принял таинство крещения и отрекся от дьявола и от поклонения ему, а злых духов он никогда не призывал и призывать не приказывал, равно как никаких жертвоприношений им не совершал и совершать не велел; и что от одного анжуйского рыцаря, ныне заточенного в темницу за ересь, получил он некую книгу об алхимическом искусстве и заклинании демонов, каковую читал многократно, а также велел читать публично в Анже, в зале, пред лицом многих; что с помянутым рыцарем,

ныне пребывающим в заточении, он обсуждал практику алхимического сего искусства и заклинания демонов; каковую книгу он, по словам его, вскоре отдал названному рыцарю, долго же ее у себя не держал. Более того, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, признался, что занимался искусством оным алхимическим в течение некоторого времени и повелевал им заниматься неким ломбардцем, по имени Антуан¹ и Франческо² и одному золотых дел мастеру из Парижа,³ и что занимаясь и производя опыты в подобно-го рода искусстве он замораживал сам и силою слуг своих ртуть (mercure), утверждая, что из нее получается серебро (vif argent),⁴ и многие иные опыты при помощи искусства сего произвел бы, кои, как он считал, привели бы в искусстве сием к результатам, не наведаясь сеньор дофин Вьеннский в названную местность, в Тиффож, где Жиль повелевал построить и подготовить печи, дабы искусством помянутым заниматься, кои по приезде дофина были разобраны. Что же до иных дел, в статьях оных содержащихся и излагаемых, то вышепоименованный Жиль де Рэ, обвиняемый, истинность их отверг; равным образом отрицал он и то, что заклянул злых духов, о чем в названных статьях упомянуто было, говоря и уверяя, что буде свидетели, коих помянутый прокурор в деле сием против него представит и в чьи показания он пожелает поверить и далее их придерживаться, докажут, что обвиняемый заклянул или повелевал заклинать демонов, либо заключал с ними соглашение, либо приносил им жертвы, либо велел сотворять жертвоприношения, то тогда он по собственной воле своей готов пройти испытание огнем. Вдобавок, названный Жиль де Рэ, обвиняемый, самолично пожелал, дабы помянутый прокурор представил против него свидетелей в деле сием и в делах порядка сего по тем поступкам, кои в статьях изложены помянутым прокурором были, дабы все, что в статьях оных содержалось, и иные обстоятельства, кои в статьях оных не излагались, широкую получили известность, и дабы показания их по достоинству оценили; каковым показаниям и сам Жиль равным образом готов поверить. После чего помянутый прокурор попросил у преподобного

¹ Антуан де Палери.

² Франческо Прелати.

³ Речь идет о некоем Жане Пти, алхимике, которого не следует путать с Жаном Пти, государственным нотариусом из Нанта.

⁴ В современном французском языке оба этих слова (букв. «меркурий» и «быстрое серебро») означают «ртуть» (прим. пер.).

отца, сеньора епископа Нантского и у наместника помянутого инквизитора соизволения, в присутствии названного Жилия де Рэ, обвиняемого, который слышал сие и постигал, поклясться в том, что клеветы он не допустит. Тогда названные сеньоры епископ и наместник, рассудив, что помянутые прокурор и Жиль, обвиняемый, оба о клятве сей просившие, должны к принесению помянутой клятвы допущены быть, их к сему допустили. И тотчас же, по указанию названных сеньоров епископа и наместника, руками касаясь Святого Писания, на Евангелии, бывшем в руках оных сеньоров, принесли они согласно обычаю, один за другим, клятву избегать клеветы и говорить правду, сообразуясь со всеми до единой частями клятвы сей, как в том, что статей изложенных касается, так и в деле сием и в делах оного порядка. По приношении каковой клятвы, названный прокурор, следуя букве закона, в присутствии помянутого Жилия, на то согласного, представил в качестве свидетелей Анрие Грияра¹, Этьена Коррийо², прозванного Пуату, Франческо Прелати³ из Монте-Катини, мессира Эсташа Бланше⁴, священника, Тифен, вдову покойного Робена Браншю, и Перрин Мартен⁵, немедленно вызванных помянутым Робеном Гийоме, письмоводителем, по указанию названных сеньоров епископа и наместника помянутого инквизитора, а оный Робен соответственно изустно доложил, что он их призвал как свидетелей в суд сей, пред очи помянутых сеньоров епископа Нантского и наместника и пред наши очи, нотариусов названных и писцов, дабы тотчас же дать истинные показания в деле сием и в делах оного порядка.

После того как свидетели оные таким образом представлены были, названные сеньоры епископ Нантский и наместник помянутого инквизитора, в присутствии названного Жилия, обвиняемого, рассудили, что им должно быть дозволено и дозволили им принести клятву, и отпустили им грехи их, ибо они должны были давать показания в деле сием и в делах оного порядка. Затем сви-

1 Его показания от 17 октября 1440 года даны ниже, см. с. 245.

2 Его показания того же дня даны ниже, см. с. 236.

3 Его показания от 16 октября 1440 года даны ниже, см. с. 221.

4 Его показания от 17 октября 1440 года даны ниже, см. с. 228.

5 Показаний этих двух свидетелей в дошедших до нас документах нет. Мы знаем о Перрин Мартен, что она скончалась в тюрьме, очевидно, после 15 октября. А некая Стефани, или Тифен, появляется ниже, одновременно с Ля Меффрэйе, как заключенная (с. 281 и прим.)

дстели оные, коим дозволено было сие совершить, в присутствии названного Жилья, обвиняемого, все до единого поклялись на Святом Евангелии, что будут говорить чистую правду, истинные давать показания и удостоверять правдиво все, о чем им известно, ничего не добавляя, по поводу статей, объявленных и изложенных помянутым прокурором в деле сием и в делах оного порядка, а также и по поводу всех прочих обстоятельств, ни в одной из статей не поименованных, по каковым статьям их вскоре допросить должны будут и испытанию подвергнуть; то, на что помянутый Жиль, обвиняемый, вслед за тем согласился, а все обязательства, любовь, страх, благосклонность, злопамятство, ненависть, снисхождение, дружба или неприязнь между сторонами были отброшены и позабыты. В показания каковых свидетелей а также и в показания любых свидетелей, коих помянутый прокурор представит, названный Жиль, обвиняемый, обязался верить, а равным образом и соглашаться с фактами, в статьях оных не изложенными, и объявил, что ничего говорить, возражать либо использовать против свидетелей сих и свидетельств их не желает. Каковых свидетелей и всех остальных до единого, коих названный прокурор со своей стороны в деле сием и в делах порядка сего представить должен был, поручил помянутые сеньоры епископ Нантский и наместник инквизитора нам, вышепоименованным нотариусам и писцам, тщательно подвергнуть допросу.

Когда сие сделано было, по просьбе названного прокурора спросили помянутые сеньоры епископ Нантский и наместник помянутого инквизитора у названного Жилья де Рэ, обвиняемого, не желает ли он самолично свидетелей допросить относительно того, что из свидетелями оными указанного заслуживает расследования и допроса, а по сему случаю оии помянутому Жилью день сей и весь следующий день на то выделили и предоставили. Каковой Жиль тогда отвечал сеньору епископу и брату Жану Блуину, наместнику помянутого инквизитора, что никого он допрашивать не желает в деле сием, полагаясь притом на совесть названных свидетелей. И когда было все таким образом улажено, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, пав на колени, сокрушаясь и испуская глубокие вздохи, скорбно и в слезах смиренно ходатайствовал, дабы названные сеньоры епископ Нантский и наместник помянутого инквизитора письменно отпустили ему грехи и вернули его в лоно Церкви, откуда он, как выше сказано, был исторгнут, вследствие того, что Жиль оный, обвиняемый, когда у него в установленном порядке сие потребовали и его увещевали, отказался

по означенным статьям и показаниям отвечать. Каковому обвиняемому помянутый сеньор епископ Нантский, от имени своего, и иаместник ииквизитора, против того не возражающий, отпустили письменно грехи и вновь ввели его в лоно Матери нашей Церкви и разрешили принимать участие в таинствах, как брату во Христе, согласно закону и обычаям церковным, а соответствующая прегрешению епитимья была названным сеньором епископом Нантским на Жилия оного, обвиняемого, наложена; затем он повелел везде об отпущении грехов публично объявить.

Затем, по просьбе помянутого прокурора, названные сеньоры епископ Нантский и наместник помянутого инквизитора выдвали и предоставили прокурору и помянутому Жилю де Рэ, обвиняемому, следующий понедельник, дабы законным порядком слушания продолжить, чтобы названный Жиль увидел иных свидетелей, в деле сием и в делах оного порядка, прокурором к тому представленных.

Затем оный прокурор нам, нотариусам помянутым и писцам, поручил составить по делу сему несколько документов,

В присутствии преподобного отца, мессира Жана Прежана, епископа Сен-Брекского, благочестивого и почтенного человека м-ра Пьера де Л'Опиталья, президента Бретани, Реньо Годлена, лиценциата права, названных Гийома де Гранбуа, Жана Шовена, Гийома де Монтинье, Робера де Ларивьера, кои оба суть лиценциаты права, и многих иных свидетелей, великим числом собравшихся и намеренно для того призванных и приглашенных.

[Подпись:] *Делоне, Ж. Пти, Г. Лене*

Понедельник октября 17 дня 1440 года

Представление
свидетелей

В понедельник 17 октября пред названными епископом Нантским и братом Жаном Блуином, наместником помянутого инквизитора, заседающими в трибунале, дабы судить по праву, представали в вышеназванной большой верхней зале Тур-Нев, во время вечерни, помянутый прокурор, истец, с одной стороны, и Жиль де Рэ, обвиняемый, — с другой.

Каковой прокурор, сообразуясь с установлениями, представл в качестве свидетелей Ленано, маркиза де Сева¹, Бертрана Пулена², Жаиа Руссо³, м-ра Жилия Эома, лиценциата права, и брата Жана

1 Его показания даны ниже, см. с. 255.

2 Его показания даны ниже, см. с. 256.

3 Его показания даны ниже, см. с. 254.

де Ланте, настоятеля бенедиктинской обители Шемере, в помянутой епархии Нантской, кои без промедления вызваны были названным Робеном Гийоме, письмоводителем, по указанию оных сеньоров епископа Нантского и брата Жана Блуина, наместника помянутого инквизитора, и Робен оный доложил, что означенных свидетелей пред очи сеньоров епископа Нантского и брата Жана Блуина, наместника, и пред очи наши, нотариусов помянутых и писцов, на судебное сие заседание вызвал, дабы они тотчас же дали показания истинные в деле сием и в делах оного порядка; названные сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора, в присутствии помянутого Жилия, обвиняемого, рассудили, что свидетелей оных следует допустить к принесению присяги, и они к тому допущены были, и повелели им грехи отпустить, ибо они должны были давать показания в деле сием и в делах оного порядка. Каковые свидетели, к сему допущенные, в присутствии помянутого Жилия, обвиняемого, все до единого поклялись говорить чистую правду, истинные давать показания и удостоверять правдиво все, о чем им известно, ничего не добавляя, по поводу статей, изложенных помянутым прокурором в деле оном и в делах оного порядка, а также и по поводу всех до единого прочих обстоятельств, по каковым их допросят, а все обязательства, благосклонность, любовь, страх, злопамятство, снисхождение, дружба или неприязнь между сторонами отброшены будут и полностью забыты. Сделав сие, по ходатайству названного прокурора, помянутые сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник означенного инквизитора, спросили у помянутого Жилия, обвиняемого, не желает ли он самолично свидетелей допросить относительно того, что расследования и допроса заслуживает, а по сему случаю названные сеньоры епископ и наместник помянутому Жилию день тот и весь следующий день выделили и предоставили. Каковой Жиль, обвиняемый, тогда отвечивал помянутым сеньорам епископу Нантскому и брату Жану Блуину, наместнику инквизитора, что никого из свидетелей он допрашивать не желает. Каковых свидетелей помянутые сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора, поручили нам, нотариусам означенным и писцам, тщательному подвергнуть допросу. Вдобавок, по ходатайству помянутого прокурора, названные епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник инквизитора, выделили и предоставили прокурору и Жилию, обвиняемому, день следующей среды, дабы оный Жиль, обвиняемый, мог некоторых других свидетелей увидеть,

представленных стороною помянутого прокурора в деле сием и в делах оного порядка, кои приняты и допущены были к принесению присяги.

После каковых обсуждений помянутый прокурор нас, нотариусов означенных и писцов, попросил составить по ним несколько документов.

В присутствии преподобного отца, сеньора Жана Прежана, епископа Сен-Брекского, м-ров Пьера де Л'Опиталя, президента Бретани, Робера де Ларивьера, Реньо Годлена, Жана Шовена, Эрве Леви, Гийома де Монтинье и помянутых мессира Гийома Депре, настоятеля приходской церкви в Бург-Барре, в епархии Реннской, и м-ра Оливье Солиде, каноника из Нанта, и многих иных свидетелей, там же великим числом собравшихся, и иамерно для того призванных и приглашенных.

[Подпись:] *Делоне, Ж. Пти, Г. Лене*

Среда октября 19 дня 1440 года

Представленные свидетелей продол-
жается
В среду 19 октября вышеназванный м-р Гийом Шапейон, прокурор, ответчик¹, с одной стороны, и Жиль де Рэ, обвиняемый, — с другой, утром, в час молитвы, предстали в названном месте пред помянутыми преподобным отцом, сеньором Жаном де Мальтруа, епископом Нантским, и братом Жаном Блуином, наместником помянутого инквизитора, заседающими в трибунале, дабы судить по праву.

Каковой прокурор, сообразуясь с предписаниями и установлениями, представил в качестве свидетелей в деле оном и в делах оного порядка почтенного мессира Жака де Панкоетдика, свещующего в светском и церковном праве, Жана Одилореша, Андре Сегена, Пьера Вильмена, м-ра Жана Лориана, Жана Бриана, Жана Левейя, Жана Пикара, Гийома Мишеля, Пьера Друэ, Ютропа Шардавуана, Робена Гюеме, хирурга, Робена Риу, Жака Гиннеси и Жана Летурнура, коих помянутый Робен Гийоме, письмоводитель, по указанию сеньоров оных епископа Нантского и брата Жана Блуина, наместника помянутого инквизитора, без промешания вызвал, и Робен сей доложил изустно помянутым сеньорам епископу Нантскому и брату Жану Блуину, наместнику оному, и нам, вышеназванным нотариусам и писцам, что свидетелей сих он вызвал пред очи их в суд сей, дабы они тотчас же истинные дали показания, в присутствии помянутого Жила, обвиняемого.

¹ Так в оригинале, *défendeur* (*прим. пер.*).

Каковых людей помянутые сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, названный наместник, в качестве свидетелей приняла и пожелала отпустить им грехи их, ибо они должны были в деле сием и делах оных показания давать. Каковые лица, принятые в качестве свидетелей, в присутствии помянутого Жилия, обвиняемого, все до единого поклялись на Святом Еваигелии, что будут говорить чистую правду, истинные давать показания и удостоверять правдиво все, о чем им известно, ничего не добавляя, по поводу чего их вскоре допросить должны будут и испытанию подвергнуть; а все обязательства, почтение, любовь, страх, благосклонность, ненависть, злопамятство, снисхождение, дружба или неприязнь между сторонами чтобы были при этом отстранены и полностью забыты. После чего названные сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора, спросили у помянутого Жилия, обвиняемого, не желает ли он свидетелей допросить, а по сему случаю они помянутому Жилию день тот и весь следующий день на то выделили и предоставили; каковой Жиль отвечивал, что никого он допрашивать не желает. Каковых свидетелей названные сеньоры епископ Нантский и наместник инквизитора поручили нам, нотариусам помянутым и писцам, тщательно подвергнуть допросу. Когда сие сделано было, по ходатайству помянутого прокурора, названные епископ и наместник инквизитора выделили и предоставили прокурору оному и Жилию, обвиняемому, следующий день, дабы сторона защиты сумела все представленные документы увидеть, коими дело сие, как и дела порядка сего, они подкреплять намеревались и дабы тотчас же дело продолжить. Затем помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, по просьбе названного прокурора, был помянутыми сеньорами епископом Нантским и братом Жаном Блуином, наместником помянутого инквизитора, допрошен, дабы узнать, желает ли он сообщить, сказать, предложить, выдвинуть либо представить от лица своего и в оправдание свое некое важное объяснение по поводу преступлений, прегрешений или поступков, в коих против него в изложенных статьях выдвинуто было обвинение. Каковой обвиняемый незамедлительно отвечивал, что ничего, кроме того, что он уже сообщил, сказать он не может.

После каковых обсуждений помянутый прокурор нас, нотариусов означенных и писцов, попросил составить по ним несколько документов.

В присутствии преподобного отца во Христе, Жана Прежана, епископа Сен-Брекского, м-ра Пьера де Л'Опиталья, президента

Бретани, благородного мессира Робера д'Эпине, рыцаря, м-ра Жилья Лебеля, Робера де Ларивьера, Рауля де Ламуссе, прево¹ в церкви Герандской, в епархии Нантской, Реньо Годлена, лиценциата права, и Жана Гиоле, прево, назначенный городом Нантом, и многих иных свидетелей, великим числом собравшихся, и с намерением для того вызванных и приглашенных.

[Подпись:] *Делоне, Ж. Пти, Г. Лене*

Четверг октября 20 дня 1440 года

Судьи решают
подвергнуть
Жилья пыткам

В четверг 20 октября пред названными преподобным отцом, сеньором епископом Нантским, и братом Жаном Блуином, наместником помянутого инквизитора, заседающими в трибунале, дабы судить по праву, предстали в помянутой большой верхней зале Тур-Нев, утром, в час молитвы, помянутый м-р Гийом Шапейон, прокурор, ответчик, с одной стороны, и Жиль де Рэ, обвиняемый, – с другой.

Согласуясь с должными предписаниями, после того как названный прокурор прошение подал и ходатайствовал, дабы названные сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора, установили и выделили помянутому Жилью де Рэ время на то, чтобы он все, что пожелает сказать либо возразить изустно или письменно против представленных обвинений, сказал бы, – сеньоры оные епископ и наместник помянутого инквизитора выделили и предоставили оному Жилью, обвиняемому, а также и прокурору, дабы дело вел по закону, день следующей субботы.

Затем, однако, по ходатайству означенного прокурора, названные сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора, вновь помянутого Жилья, обвиняемого, допросу подвергли, дабы узнать, не желает ли он высказать либо представить нечто важное во спасение свое и в оправдание по поводу проступков и злодеяний, ему приписываемых в обвинениях, против него выдвинутых, обозначенных и изложенных в помянутых статьях и что бы то ни было возразить против вещей, подобным образом представленных. Каковой обвиняемый ответил отрицательно, добавив, что придерживается уже сказанного им в иное время.

1 Прево – королевские чиновники, обладавшие судебной, фискальной и военной властью в пределах административно-судебных округов, на которые делался королевский домен; в XV в. у них сохранились функции королевского судьи первой инстанции (*прим. пер.*).

После чего названный прокурор, в присутствии помянутого Жилья, обвиняемого, который сие слышал и понимал, попросил у помянутых сеньоров епископа и брата Жана Блуина, наместника инквизитора, выделить равным образом и предоставить оному Жилью, обвиняемому, возможность ознакомиться с высказываниями и показаниями вышепоименованных свидетелей, когда они обнародованы будут. Каковой Жиль, обвиняемый, сказал, что необходимости в этом не видит, исходя из того, в чем он уже сознался и в дальнейшем намеревается сознаться. Невзирая на это, по настоянию помянутого прокурора, названные сеньоры спросили у обвиняемого, следует ли им обнародовать высказывания и показания свидетелей. Каковой обвиняемый ответил положительно. Каковые высказывания и показания помянутые преподобный отец сеньор епископ Нантский и наместник инквизитора с согласия помянутого Жилья, обвиняемого, обнародовали; и вновь, по настоянию названного прокурора, преподобный отец сеньор епископ Нантский и наместник помянутого инквизитора спросили помянутого Жилья, обвиняемого, не желает ли он сказать нечто либо сослаться на что-то, изустно или в письменной форме, касательно личностей помянутых свидетелей либо против их показаний. Каковой обвиняемый сразу же отвечивал, что нет.

После чего помянутый прокурор объявил, что, сообразуясь с признаниями помянутого Жилья, обвиняемого, а также с представлением свидетелей, высказываниями их и показаниями, кои в достаточной степени намерения обвиняемого в деле оном установили, он обращается с ходатайством к сеньорам оным епископу Нантскому и брату Жану Блуину, судьям, — каковое ходатайство призвано лишь способствовать более полному освещению и разысканию истины, — помянутого Жилья, обвиняемого, подвергнуть пыткам.

Каковые сеньоры епископ и наместник помянутого инквизитора, обо всем с людьми сведущими посоветовавшись и внимательно все происшедшее исследовав, повелели помянутого Жилья де Рэ допросу подвергнуть и пыткам и порешили, что Жиль оный претерпеть должен пытку и допросу подвергнуться с пыткой.

После сказанного означенный прокурор нам, нотариусам помянутым и писцам, повелел составить для него несколько документов.

В присутствии преподобного отца, мессира Жана Прержана, епископа Сен-Брекского, благородного мессира Робера д'Эпине, Рыцаря, помянутых господ Эрве Леви и Робера де Ларивьера, мессира Дюрана, настоятеля приходской церкви в Блене, в помянутой

епархии Нантской, и мессира Мишеля Молеона, настоятеля приходской церкви в Ансени, в помянутой епархии Нантской, а также многих иных присутствующих, а также свидетелей, великим числом в том же месте собравшихся и намеренно для того вызванных и приглашенных.

[Подпись:] *Делоне, Ж. Пти, Г. Лене*

Пятница октября 21 дня 1440 года

1 Жиль сми-
ренно молит
своих судей
отложить
пытку на сле-
дующий день;
они посылают
епископа Сен-
Брекского и
«президента
Бретани»
выслушать
показания
обвиняемого

В пятницу 21 октября помянутые сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник инквизитора, утром, в час молитвы, или около того, явились в помянутую нижнюю залу Тур-Нев, говоря и утверждая, что накануне, то есть в четверг, 20 октября, они решили подвергнуть помянутого Жилия должному допросу либо пыткам, согласно тому, что в акте судебном в оный четверг сказано было и произнесено пред ними в присутствии названного прокурора и Жилия де Рэ, обвиняемого, и что, хотя они сами выделили и предоставили помянутому Жилию, обвиняемому, субботу, дабы он высказаться мог и возразить, изустно либо в письменной форме, относительно всего, что он имел против производства по делу сему или делам порядка оногo, равно как и сеньору прокурору, дабы продолжать должным образом, по закону, дело сие и дела оногo порядка, однако они хотели бы прибегнуть к пыткам, в организации коих они уже распорядились, как было сказано, и убедиться в том, что пытки сии приведены будут в исполнение, а по просьбе названного прокурора, самолично в том же месте присутствовавшего, они истребовали помянутого Жилия, обвиняемого, дабы его пыткам означенным подвергнуть.

Каковой по указанию помянутых сеньоров епископа Нантского и наместника инквизитора пришел и явился самолично пред очи их в названной нижней зале, дабы пытки означенные претерпеть. И когда помянутые сеньоры епископ Нантский и наместник инквизитора пожелали в самом деле к исполнению пытки оной приступить или означенный допрос помянутого Жилия учинить, Жиль оный смиренно взмолился, дабы они соизволили пытки помянутые на следующий день перенести, который, как уже было сказано, ему был выделен, говоря, что он пока все обдумает касательно злодеяний и проступков, в коих он обвинен был, и должным образом их изложит, так, что надобности допрашивать его не возникнет; вдобавок, помянутый Жиль, обвиняемый, просил и умолял, чтобы названный сеньор епископ Сен-Брекский, к пользе церковного суда, то есть помянутых сеньоров епископа Нантско-

го и наместника инквизитора, и помянутый сеньор президент – к пользе светского суда, за пределами залы, где означенная пытка ему предписана была, выслушали то, что обвиняемый самолично желает сообщить по поводу обвинений, против него выдвинутых, и чтобы сеньоры епископ Нантский и наместник инквизитора место свое помянутому епископу Сен-Брекскому уступили; названные сеньоры епископ Нантский и наместник инквизитора на мольбу сию помянутого обвиняемого согласились, уступили место свое названному сеньору епископу Сен-Брекскому, при сем присутствовавшему и милостиво долг сей на себя взявшему; и из благосклонности к обвиняемому они помянутую пытку отложили до второго часа пополудни текущего дня следующим образом: если вдруг помянутый Жиль, обвиняемый, в злодеяниях, ему приписанных, или в ином так или иначе сознается, то они сей же час или позже пытку означенную отложат на следующий день.

По поводу какихов вопросов всех до единого помянутый прокурор нас, нотариусов означенных и писцов, попросил составить один или несколько документов.

В присутствии благородных мессира Робера д'Эпине, рыцаря, Ивона де Росерфа, м-ра Робера де Ларивьера, Пьера Жюэта, Жана де Венна и великого множества прочих свидетелей, для того намеренно вызванных и приглашенных.

В названный второй час пополудни помянутой пятницы означенные сеньоры епископ и наместник инквизитора явились самолично в помянутую нижнюю залу и, по ходатайству означенного прокурора, в месте сием самолично присутствовавшего, помянутые сеньоры епископ и наместник инквизитора, в соответствии с требованиями оными, послали к помянутому Жилю, обвиняемому, в покои, в верхнюю часть помянутой башни Тур-Нев замка Нантского, каковые ему для пребывания отданы были и в коих помянутый обвиняемый должен был обретаться, означенных сеньоров епископа Сен-Брекского и президента Бретани вместе с Жаном Пти, одним из четырех иотариусов означенных и писцов, дабы выслушать и сообщить обо всем, что Жиль мог бы сказать по поводу обвинений, о коих выше сказано было. Каковые сеньоры посланники пришли к помянутому Жилю, а затем, в тот же день, вернувшись в названную нижнюю залу, сообщили названным сеньорам епископу Нантскому и наместнику, что они с помянутым обвиняемым говорили и что он в их присутствии длинное признание сделал, содержание коего, ими тотчас же изложенное, дано ниже.

[Подпись:] Ж. Делоне, Г. Лене

2 «Виесудеб-
ное призна-
ние» Жилья
де Рэ

Далее следует виесудебное признание Жилья де Рэ, обвиняемого, кое часто упоминаемо было, сделанное в присутствии помянутых сеньоров епископа Сен-Брекского, уполномоченного названными сеньорами епископом и наместником, в том, что к ведению церковному относится, и м-ра Пьера де Л'Опиталья, президента, Жана Лаббе, Ивона де Росерфа, дворянина, Жана де Тушронда, письмоводителя, и меня, Жана Пти, писца помянутого и нотариуса, намеренно направленных в положенные покои, кои помянутому Жилью в башне Тур-Нев в замке Нантском даны были, дабы он там обретался, отдыхал и спал во время процесса, против него начатого. Как сказано выше, помянутое признание было сделано по доброй воле, свободно и без принуждения в пятницу, 21 октября в день оный после полудня в помянутом году.

Вначале сказал он о похищении и убиении многих детей, о грехе похоти, содомском и против естества направленном, о способах, коими с жестокостью невероятной дети умерщвлялись, и в то же время о заклинаниях демонов, о жертвоприношениях и подношениях, обетованиях, кои он им давал, либо обязательствах, кои по отношению к ним заключал, либо об ином, о чем в первой статье или в последующих упомянуто, – во всем этом оный Жиль де Рэ, коего помянутый сеньор епископ Сен-Брекский и помянутый президент допрашивали, признался свободно, по доброй воле и раскаявшись, в их присутствии и в присутствии некоторых других лиц, сказав, что злонамеренно совершил со многими детьми преступления, грехи и злодеяния смертоубийства и содомии; равным образом признался он и в том, что заклинал демонов, коим приношения, жертвы, обетования приносил и с коими в обязательства вступал, а также в ином, в чем уже сознался в присутствии помянутого сеньора президента и некоторых других лиц.

Когда его помянутые преподобный отец и президент спросили о месте и времени, в каковые он начал грех содомский совершать, он отвечал: в замке Шантосе; он заявил, что время точное не помнит, но начал он в том году, когда скончался дед его сеньор де Ласюз.

Далее, когда помянутый сеньор президент спросил, кто его подговорил на злодеяния оные и подучил, как их совершать, он отвечал, что совершил он их и содеял, следуя своему воображению и мысли своей, а не чьим-либо советам, согласно своему собственному рассудку, стремясь лишь к наслаждению и плотским утехам, а не с какою-то иною целью либо намерением.

Помянутый же сеньор президент, удивившись, как он сказал, тому, что названный обвиняемый, по собственному своему желанию и не подстрекаемый никем, злодейства оные и преступления содеял, призвал вновь помянутого обвиняемого сказать, по каким мотивам, с какими намерениями и с какою целью повелел он помянутых детей умертвить, совершал с ними помянутые преступления, велел сжигать их трупы, и почему предавался он иным означенным преступлениям и грехам, настойчиво помянутого обвиняемого упрасивая, дабы тот самолично ему сие изложить возжелал с тем, чтобы совесть свою облегчить, каковая, по всей видимости, нечиста была, и благорасположение всемилоственного Господа Спасителя с большею легкостью обрести; тогда помянутый обвиняемый, негодуя на то, что его таким образом допрашивают и сие вызнать у него желают, изрек по-французски в адрес означенного президента: «Увы, монсеньор! Вы терзаетесь, и я вместе с Вами».¹ Каковой сеньор президент по-французски ему отвечивал: «Я не терзаюсь, но весьма удивлен тем, что Вы мне говорите, и не могу просто этим довольствоваться. Мне хотелось бы услышать от Вас только чистую правду по причинам, о коих я многократно Вам уже сообщал».² Каковому сеньору президенту помянутый обвиняемый отвечивал: «На самом деле никаких других причин, никаких других целей или намерений не было, кроме тех, о которых я Вам сказал; я рассказал Вам о предметах более значительных, чем эти, достаточных для того, чтобы умертвить десять тысяч человек».³ После чего помянутый президент обвиняемого оного допрашивать прекратил, приказав ввести помянутого Франческо Прелати в сии покои. В присутствии помянутого Жилья, обвиняемого, и иных при сем бывших, Франческо, самолично явившийся, и помянутый Жиль, обвиняемый, были совместно помянутым сеньором епископом Сен-Брексским допрошены

1 На старофранцузском языке в оригинальном латинском тексте стоит: «Hélas! monseigneur, vous vous tourmentez et moy avecques».

2 На старофранцузском языке: «Je ne me tourmente point, mais je suis moult émerveillé de ce que vous me dictez et ne m'en puis bonnement contenter. Ainçois, je desire et vouldroye par vous en savoir la pure vérité pour les causes que je vous ay ja souvent dictez».

3 На старофранцузском языке в оригинальном латинском тексте стоит: «Vrayment il n'y avoit autre cause, fin ne intencion que ce que je vous ay dit: je vous ay dit de plus grans choses que n'est cest cy et assez pour faire mourir dix mille hommes».

касательно заклинания демонов и жертвоприношений в виде крови и членов помянутых малых детей – в чем, как сообщил помянутый епископ, названные Жиль и Франческо уже сознались, – и касательно мест, в коих они означенные заклинания и жертвоприношения производили и о коих ими уже сообщено было.

Каковы Жиль, обвиняемый, и Франческо, ответствовали, что помянутый Франческо совершил несколько заклинаний демонов, и в особенности одного из них по имени Баррон, по повелению названного обвиняемого, как в отсутствии его, так и в присутствии; более того, помянутый обвиняемый сказал, что он присутствовал на двух или трех заклинаниях, в частности, в названных Тиффоже и Бургнефе-ан-Рэ, однако что никаких демонов он там никогда не видел и не слышал, хотя и передал при помощи названного Франческо, как о том оба они говорили, помянутому Баррону долговую расписку, его собственною рукою составленную и подписанную, в коей помянутый Жиль названному Баррону и воле его покорялся, обещавшись подчиняться его повелениям, но притом, однако, сохраняя душу свою и жизнь; и что помянутый обвиняемый названному Баррону обязался руку, глаза и сердце детское преподнести, что он помянутому Франческо сделать и повелел, как он сказал, однако Франческо оный их не преподнес, согласно тому, что, как помянутый обвиняемый и Франческо говорят, они целиком в последних своих показаниях изложили, а в том, что сего касалось, Франческо помянутый с означенными показаниями согласился.

Тогда помянутый сеньор президент распорядился, чтобы названный Франческо вернулся в свои покои, или туда, где он находился под стражей. А обвиняемый помянутый, повернувшись к названному Франческо, вздыхая и со слезами, молвил по-французски: «Прощайте, Франческо, друг мой! Мы больше не увидимся в этом мире; я молю Всевышнего, чтобы Он даровал Вам терпение и разум, и будьте уверены: если возымеете Вы долготерпение и надежду на Бога, мы свидимся вновь в райских кущах. Молитесь Богу за меня, а я буду молиться за Вас!»¹ и, сказав сие, он помянутого Франческо обнял, а тот немедля удалился.

[Подпись:] *Жан Пти*

¹ На старофранцузском языке в оригинальном латинском тексте стоит: «Adieu Francoys, mon amy! jamais plus ne nous entreverrons en cest monde; je pri Dieu qu'il vous doint bonne pacience et esperance en Dieu que nous nous entreverrons en la grant joye de paradis! Priez Dieu pour moy et je prieray pour vous».

Суббота октября 22 дня 1440 года

В субботу 22 октября пред помянутыми преподобным отцом, сеньором епископом Нантским, и братом Жаном Блуином, наместником инквизитора, заседающими в трибунале, дабы судить по праву, предстали самолично в означенном выше месте, во время вечерни, помянутый м-р Гийом Шапейон, прокурор, истец, с одной стороны, и помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, – с другой.

Дабы все предписания и установления соблюсти, прокурор попросил помянутых сеньоров епископа Нантского и брата Жана Блуина, наместника инквизитора, дабы они названного обвиняемого допросили, не желает ли он что-либо сказать или возразить против того, что по делу оному сказано было, а обвиняемый молвил в ответ, что ничего говорить не желает, однако свободно и по доброй воле, с сердечным раскаянием и с превеликою горечью, по крайней мере на первый взгляд, и со слезами, он сознался в том, в чем уже сознался прежде вне суда в покоях, в присутствии преподобного отца, сеньора епископа Сен-Брекского, м-ра Пьера де Л'Опиталя, президента Бретани, Жана де Тушронда и Жана Пти. Также признал он истинным все, что в помянутых статьях всех до единой содержалось и излагалось. Обвиняемый самолично, дополняя свое внесудебное признание, но от него не отклоняясь, пожелал его повторить и произнести здесь, а дабы ошибки устранить, в том случае, если он что-то упустил, и дабы наиболее пространно по поводу обстоятельств, кои кратко в статьях означенных изложены были, высказаться, он признался внезапно, объявив, что совершил и содеял иные неслыханные и ужасные преступления, вершил беззакония, противные Господу и заповедям Его, со времени юности своей, и что творил святотатства, причиною коих было дурное воспитание, полученное им в детстве, приведшее к разнузданности, стремлению делать все, что ирравится, и страсти к любым беззакониям, посему он призвал всех, кто при том присутствовал и у кого были дети, воспитывать их в благопристойности и прививать им всяческую добродетель во время детства их и юности.

После признания сего, свершенного помянутым Жилем де Рэ, обвиняемым, в суде, как о том сообщено было, по поводу содержания означенных статей, а также после того, как вновь внесудебное его признание повторено было и зачитано, – ввиду того, что он уверял, что среди проступков его и прегрешений великие были злодейства, к примеру, извращения против естества, кои в статьях оных не полно отражены были, – в статьях, уже внезапно приизанных

«Признание
в суде»

Жиля де Рэ

им истинными, в чем он втайне сознался пред преподобным отцом, сеньором Жаном Прежаном, епископом Сен-Брексским, и благородными Пьером де Л'Опиталем, президентом Бретани, Жаном Лаббе, оруженосцем, и миою, Жаном Пти, государственным нотариусом, главным следователем по допросу свидетелей в церковном суде Нантском, и Жаном де Тушрондом, который также писцом состоит в светском суде в той же местности, — дабы помянутое признание тайное наилучшим образом в памяти людской запечатлено было, Жиль оный пожелал не преуменьшить его, но, напротив, усилить и упрочить; и он попросил, чтобы помянутое признание для всех до единого из присутствующих, большая часть коих латыни не знала, было на народном языке оглашено, и чтобы обнародование и публичное признание совершенных им злодеяний были к стыду его на всеобщее выставлены обозренье, дабы легче ему было отпущение грехов своих и снисхождение Божие соискать, дабы совершенные им грехи ему простились; и он сказал, что во времена юности своей натуру он всегда имел впечатлительную, а для удовольствия своего и по прихоти своей совершал всевозможные злодеяния, упования и намерения свои прилагая к действиям незаконным и бесчестным; и с великою страстью просил он и увещевал отцов, матерей всех мужей юных и детей, друзей детей оных и ближних их, дабы они их воспитывали в добронравии, следуя лучшим образцам и благопристойности; иставляли их подобным образом, а дабы они не попали в ту западню, в коей он сам ныне оказался, то и карать их соответственно. В каковом признании тайном, кое в присутствии помянутого Жилия зачитано было в суде и обнародовано и им одобрено, названный Жиль де Рэ, обвиняемый, добровольно и у всех на виду сознался, что ради удовлетворения пыла и похоти плотской он похищал сам или силою слуг своих великое множество детей, число коих он в точности указать не мог; каковых детей он убивал сам или силою слуг, совершал над ними злодейства и грех содомский; и он сказал, сознавшись, что извергал семя самым бесстыдным образом на животы помянутых детей, и после смерти их, и во время того, как они умирали; каковых детей порою он сам, а иногда иные его сообщники, в особенности вышепоименованные Жиль де Сийе, мессир Роже де Бриквиль, рыцарь, Анрие и Пуату, Россиньоль и Малыш Робен подвергали многими способами различным видам пыток: иногда они отделяли голову от тела ножами, резаками и кинжалами, а порой нещадно били их по голове палками или другими тупыми предметами, иногда их подвешивали в комнате

веревками на жердь или на крюк и душили; и когда дети слабели, изнемогая, они совершали с ними грех содомский помянутым способом. Когда же дети оные умирали, он обнимал их и целовал, а у кого были самые красивые головы и члены, тех он отдавал на всеобщее обозрение, а затем приказывал безжалостно вскрыть тела их и наслаждался, глядя на их внутренние органы; и очень часто, когда помянутые дети умирали, он садился им на живот и наслаждался, глядя на то, как это происходит, и смеялся над этим вместе с помянутыми Коррийю и Анрие, после чего он повелевал помянутым Коррийю и Анрие сжечь их трупы и стереть их во прах.

Когда же спросили его о месте, в коем он совершил указанные преступления, и о том, когда он сие начал творить, а также о числе убиенных, он отвечал: вначале в замке Шантосе, в год, когда скончался сеньор де Ласюз, дед его, в каковом месте он убил сам и силою слуг своих множество детей, и число их велико – каковое число он в точности припомнить не может; и совершил с ними помянутый грех содомский и противоестественный; а знал тогда об этом лишь Жиль де Сийе, затем Роже де Бриквиль, затем Анрие, Этьен Коррийю, прозванный Пуату, Россиньоль, Робен стали постепенно его сообщниками; и он сказал, что повелел извлечь останки детей, в Шантосе убиенных, как головы их, так и тела, кои в нижние помещения башни были сброшены; и повелел их поместить в сундук и перевезти в замок Машкуль, где они сожжены были и обращены в пепел; и что в помянутом Машкуле он похитил, убил сам и силою слуг своих многих иных детей, а число их весьма велико, каковое число ему неизвестно; а в доме, звавшемся Ла-Сюз, в Нанте, коим он в то время владел, он убил, сам и силою слуг своих, сжег и в пепел обратил многих детей, каковых число он вспомнить не может, коих он изнасиловал и осквернил, совершив с ними грех содомский и противоестественный, как выше сказано было. Каковыя преступления и злодеяния он совершил только лишь к дурному удовольствию своему и из плотского вожделения, и ни с какою иною целью либо намерением, ни с кем не советуясь и повинуюсь лишь воображению своему.

Более того, помянутый Жиль сознался в том, что полтора года назад помянутый мессир Эсташ Бланше пригласил к Жиле, обвиняемому, из Флоренции¹, что в Ломбардии, помянутого м-ра Франческо Прелати, с намерением заклинать демонов: и что

¹ Речь идет о Флоренции, находящейся в Тоскане. Таким образом, под Ломбардией понимается Италия.

названный Франческо ему сказал, что в стране, откуда он родом, он отыскал средство, дабы заговором вызвать некоего духа, каковой дух оному Франческо обещал, что он сам сумеет вызывать демона, коего именуют Баррон, причем столько раз, сколько Франческо оный пожелает.

Далее, помянутый Жиль сознался и в том, что названный Франческо не раз по его указанию заклинания творил, как в отсутствие его так и в присутствии, и что он, обвиняемый, самолично присутствовал с помянутым Франческо при трех заклинаниях, кои сей последний совершал; в первый раз в замке Тиффож, в другой раз – в Бургнефе-ан-Рэ; где происходило третье – он запомнил; кроме того, он добавил, что помянутый Эсташ Бланше хорошо знал о том, что Франческо оный заклинания помянутые совершал, но сам он в них не участвовал, ибо ни он, обвиняемый, ни Франческо его к ним не допускали, ведь помянутый Эсташ сплетник был окаянный и неводержан на язык.

Далее, помянутый Жиль, обвиняемый, сознался, что дабы означенные заклинания совершать, они чертили на земле знаки в форме круга либо креста и символы; и что у помянутого Франческо была книга, кою, по его словам, он привез из Италии и в коей содержались имена многих демонов и тайные слова для заговоров и заклинаний, каковы имена и слова тайные он запомнил; и книгу сию помянутый Франческо держал и читал около двух часов во время означенных заговоров и заклинаний; и что он, обвиняемый, ни разу никакого дьявола не узрел, дабы с ним поговорить, что его весьма огорчило и разочаровало.

Далее, помянутый обвиняемый сознался в том, что на одном из заклинаний, творимых названным Франческо в отсутствие его, согласно тому, что тот обвиняемому сказал по возвращении его, Франческо видел некоего Баррона и разговаривал с ним, и тот ему сказал, что к помянутому обвиняемому он не придет, ибо Рэ не исполнил того, что обязался сделать; а он, обвиняемый, узнав об этом, поручил помянутому Франческо спросить у дьявола оного, что тот от него получить желает, и заверить его в том, что все, что бы тот от него ни пожелал, будет ему доставлено, за исключением души его и жизни, дабы таким образом дьявол ему предоставил и дал то, что он у него попросит; каковой обвиняемый добавил, что намеревался попросить у него знания, могущества и богатства, дабы вновь сеньорию свою и могущество восстановить; и что некоторое время спустя помянутый Франческо ему сказал, что он с дьяволом оным поговорил и тот, помимо прочего, потребовал

чтобы помянутый Жиль де Рэ преподнес ему различные члены ребенка; Жиль затем дал оному Франческо руку, сердце и глаза мальчика, дабы он их принес в жертву дьяволу от имени помянутого Жилия, обвиняемого.

Далее, помянутый Жиль, обвиняемый, сознался в том, что прежде чем пойти на одно из тех трех заклинаний, на коем он самолично присутствовал, он собственною рукою написал долговую расписку, каковая его именем по-французски подписана была: «Жиль»; однако он запомнил, что значилось в помянутой расписке, кою он написал с намерением передать ее дьяволу, буде тот при заклинании, помянутым Франческо творимом, явится; сделал он сие по совету помянутого Франческо, каковой ему сказал, что важно означенную расписку дьяволу, как только тот покажется, передать; а во время заклинания он означенную расписку постоянно держал в руках, ожидая, что помянутый Франческо и дьявол договор заключат и к соглашению придут о том, что оный Жиль, обвиняемый, пообещать должен дьяволу и выполнить; однако дьявол не появился и с ними не говорил.

Далее, обвиняемый сознался в том, что как-то ночью он послал помянутого Этьена Коррийо, прозванного Пуату, с названным Франческо, дабы они заклинание сотворили; каковые вернулись промокшие весьма и продрогшие и сказали ему, что на заклинании означенном ничего у них не вышло.

Далее, помянутый обвиняемый сознался в том, что он хотел присутствовать при заклинании, кое Франческо оный сотворить намеревался, но этот последний не пожелал, чтобы тот при сем присутствовал; и что вернувшись с заклинания означенного, он уверял помянутого Жилия, что будь он при том заклинании, подвергся бы великой опасности, ибо ему, Франческо, явился змей, коего он весьма испугался; что услышав сие, помянутый Жиль повелел взять щепку от Креста Господня, у него имевшуюся, и вздумал пойти на место помянутого заклинания, где названный Франческо, как он говорил, узрел змея; и что он сие не совершил, ибо помянутый Франческо ему воспрепятствовал.

Далее, оный Жиль де Рэ, обвиняемый, сознался, что на одном из трех заклинаний, где он присутствовал, помянутый Франческо сообщил названному обвиняемому, что он самолично видел того, имя кому – Баррон, и тот показал ему великую грудку золота, в том числе и золотой слиток; однако помянутый обвиняемый заявил, что не видел ни дьявола, ни слитка, а всего лишь какую-то мишуру в форме листа золотого или листов, до коих он не дотрагивался.

Далее, обвиняемый сознался в том, что в последний раз как он был в Жослене, в епархии Сен-Мало, у прославленного принца и сеньора герцога Бретонского, обвиняемый оный повелел многих детей умертвить, кои ему названным Анриэ доставлены были; и что он совершил с ними грех содомский помянутым способом.

Далее, обвиняемый оный сознался в том, что названный Франческо, по указанию его и в его отсутствие, сотворял заклинания дьявольские в Жослене, при коих ничего не произошло и никто не явился.

Далее, он сказал, что прежде чем уезжать из Буржа он послал помянутого Франческо в Тиффож, попросив его, чтобы тот во время его отсутствия сотворял заклинания и сообщал ему, что он делать будет и о чем узнает, и писал ему *намеками*¹ о том, как работы его проходят; каковой Франческо ему написал и послал нечто вроде мази в серебряном сосуде, помещенном в мошну и в ларец, сделанный равным образом из серебра, а писал он ему, что сие есть драгоценный дар, и чтобы он его хранил; а Рэ, доверившись тому, что писал ему помянутый Франческо, повесил мошну означенную на шею и носил ее несколько дней; однако вскоре он ее выбросил, обнаружив, что дар сей не приносит ему никакой пользы.

Далее, обвиняемый оный сознался, что помянутый Франческо сказал ему как-то, что названный Баррон потребовал от него дать от его имени еды трем беднякам во время трех великих праздников в году; обвиняемый же сие сотворил лишь однажды, в День всех святых.

Когда же его спросили, что заставляло его держать при себе в доме своем помянутого Франческо, он отвечал, что Франческо оный был талантлив, обходителен, говорил на латыни с изяществом и утонченностью и прилежно в делах помянутого Жиля, обвиняемого, участвовал.

Далее, обвиняемый оный сознался, что в этом году, после дня св. Иоанна Крестителя, помянутые Анриэ и Пуату как-то вечером привели к нему красивого молодого человека, который жил с неким Родиго в Бурнефе-ан-Рэ, где помянутый обвиняемый тогда находился, и ночью он совершил с ним означенный грех содомский и противоестественный вышеупомянутым способом, а затем убил его и повелел отвезти тело в Машкуль, дабы там его сожгли.

¹ В оригинале по-латыни написано «per verba seu vocabula cooptata», а к этому выражению добавлен комментарий на старофранцузском языке: «par paroles couvertes».

Далее, он сознался, что когда его предупредили о том, что люди из замка Паллуо собираются захватить коменданта крепости Сен-Этьен-де-Мерморт, он вознегодовал и как-то утром (в какой день – он запамятовал) выехал со своей дружиною верхом с намерением захватить людей из Паллуо врасплох, заключить их в темницу и наказать их, ежели ему удастся их окружить; а в начале похода сего помянутый Франческо, бывший в его окружении наряду с другими, ему сказал, что он их не найдет; и в самом деле обвиняемый помянутый их не нашел, и планы его провалились.

Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, сознался в том, что убил двух юных пажей, одного, принадлежавшего Гийому Досси и другого – принадлежавшего Пьеру Жаке, прозванному Принсе, и совершил с оными пажами блуд, предавшись противостественной своей склонности.

Далее, обвиняемый оный сознался, что в последний раз, как он ездил в Вани, в июле сего года, Андре Бюше привел к нему, в дом некоего Лемуана, где помянутый обвиняемый остановился, маленького мальчика, с коим он грех противоестественный совершил, как – о том выше сказано. И убив его, он повелел помянутому Пуату бросить мальчика сего в выгребную яму на постоялом дворе некоего Бетдена, каковой вблизи от дома помянутого Лемуана располагался, на постоялом дворе или в доме какового Бетдена, близ Ваннского рынка, дружина помянутого обвиняемого остановилась; каковой Пуату спустился в помянутую выгребную яму, дабы сбросить туда и закопать труп, да так, чтобы никто не смог его обнаружить.

Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, подобным же образом сознался, что перед приездом названного Франческо были у него и иные заклинатели, а именно некий трубач по имени Дюмениль, м-р Жан де Ларивьер, некий Луи, м-р Антуан де Палерн и еще один человек, чье имя он запамятовал. Каковые по повелению его множество сотворили заклинаний, на некоторых из них он присутствовал, как в Машкуле, так и в иных местах; делал он это прежде всего для того, чтобы увидеть, как по земле прочерчивается круг или фигура округлой формы, каковая необходима при подобного рода заклинаниях, кои с намерением узреть дьявола, побеседовать с ним и заключить договор творятся. Но обвиняемый помянутый сказал, что дьявола он увидеть так и не смог, да и побеседовать с ним тоже, хотя прилагал к тому все возможные усилия, в такой степени, что от него теперь уже не зависело, смог бы он узреть дьявола либо побеседовать с ним.

Далее, Жиль де Рэ оный, многожды поименованный, сознался, что названный Дюмениль, заклинатель, сказал ему как-то, что дьяволу, для того, чтобы сотворить и исполнить самолично то, о чем обвиняемый помянутый ходатайствовать намеревался и от дьявола оного получить, надобно увидеть и получить долговое обязательство, собственною рукою обвиняемого подписанное, кровью из перста его, в каковом тот обещался бы помянутому дьяволу по его приходе предоставить нечто, о чем Жиль запомывал; и по причине сей и с этою целью он помянутое обязательство подписал кровью из собственного мизинца именем своим: «Жиль». Что же до того, о чем еще в помянутой расписке сказано было, то он сие запомывал, разве что он обещал дьяволу то, о чем в означенной расписке упомянуто было при условии, что дьявол даст ему и его снабдит знанием, могуществом и богатством. Однако, как он заверил, нет сомнений в том, что чего бы он ни пообещал дьяволу, душа его и жизнь всегда оставались при нем, и сказал, что помянутая расписка передана не была, ибо дьявол не явился ему и на заклинание сие не откликнулся.

Далее, помянутый обвиняемый сознался в том, что при заклинании, творимом означенным м-ром де Ларивьером в лесу близ местности или деревни Пузож, помянутый Ларивьер, прежде чем заклинание оное сотворить, облачился в доспехи и латы и, вооруженный, отправился в лес означенный, дабы сотворить там названное заклинание; и что он, обвиняемый, со слугами своими, а именно с Эсташем Бланше, Анри и Этьеном Коррийо, прозванным Пуату, пойдя в лес, встретились с помянутым Ларивьером, который оттуда возвращался и сказал им, что узрел дьявола, явившегося ему в обличии леопарда, каковой прошел мимо, ничего ему не сказав; и что обвиняемый весьма напуган был и утрачен тем, о чем Ларивьер говорил. А к рассказу своему обвиняемый добавил, что помянутый Ларивьер, коему он заплатил двадцать золотых реалов, после означенного заклинания сбежал, пообещав вернуться к помянутому обвиняемому, чего он не сделал.

Далее, обвиняемый оный сознался в том, что во время другого заклинания демонов, которое он вместе с неким заклинателем творил, имя коего запомывал, а также с Жилем де Сийе, в покоях помянутого замка Тиффож, названный Сийе не осмелился войти в круг, когда в покоях тех был, дабы заклинание сотворить, а удалился к окну с намерением выпрыгнуть наружу, буде он почувет, что приближается какая-то опасность, а в руки он взял образ Всемиловливой Девы Марии; помянутый обвиняемый самолично

вошел в круг с опаскою, ибо заклинатель запретил ему креститься, ведь если бы он сие совершил, все бы они подверглись серьезной опасности; однако он вспомнил молитву Пресвятой Деве, начинающуюся с «Алма», и тотчас же заклинатель приказал ему выйти из круга, что он немедля и сделал, крестясь; быстро покинул он комнату, оставив там заклинателя и заперев за собою дверь; затем он Жилья де Сийе помянутого обнаружил, и тот ему сказал, что заклинатель, коего в покоях оставили, был побит и поколочен весьма сильно, и что слышию было, как будто выбивают перину; он, обвиняемый, этого не слышавший, повелел открыть комнату и на пороге узрел заклинателя с израненным лицом и иными частями тела, а лоб у него был так ушиблен, что он едва мог стоять; испугавшись, что он не переживет помянутых ранений, Жиль пожелал, чтобы тот исповедовался и принял причастие; однако заклинатель не умер и от ранений своих излечился.

Далее, помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, сознался, что послал названного Жилья де Сийе на север, дабы тот ему отыскал заклинателей демонов или злых духов. Каковой Жиль де Сийе, вернувшись к нему, сообщил, что нашел женщину, подобными заклинаниями занимавшуюся; каковая сказала Сийе, что если Жиль де Рэ не отвратит душу свою от Церкви и от капеллы своей, то никогда не исполнятся его желания; и что Сийе встретил в краю том другую женщину, ему сказавшую, что если обвиняемый помянутый не оставит или не прекратит дело, им начатое и которое он продолжать намеревается, то добром это для него не кончится.

Далее, помянутый Жиль де Сийе нашел в краю оном заклинателя, коего он предложил к помянутому обвиняемому послать, каковой заклинатель, собираясь отправиться к названному обвиняемому, утонул в реке или в водном потоке.

Далее, помянутый Жиль, обвиняемый, сознался, что названный Сийе привел к нему другого заклинателя, почти тотчас же скончавшегося. И вследствие внезапных сих смертей и препятствий, возникших против его преступных устремлений, сотворяя заклинания помянутые и иное тому подобное, он, по словам его, поверил в то, что милосердие Божие и заступничество Церкви, от каковых сердце его и надежда никогда не отворачивались, пришли с благостию и состраданием ему на помощь, позволив выдержать испытания и опасности, кои на пути его встречались; и по этой причине он намеревался отказаться от порочной своей жизни и отправиться в паломничество в Иерусалим ко Гробу Господню и к иным местам Страстей Господних и сделать все возможное,

дабы снискать от благости Спасителя нашего отпущения своих грехов.

Затем, сделав признание сие в суде добровольно и без принуждения, он призвал народ, там находившийся, и в особенности более многочисленных духовных лиц, непрестанно чтить Мать и Заступницу нашу, Святую Церковь, великие ей оказывать почести и никогда от нее не отступать, добавив недвусмысленно, что не направь он сам, обвиняемый, сердце свое к Церкви оной и не возлюбил бы ее, никогда бы не удалось ему избежать злых козней дьявольских; более того, он уверял, что по причине чудовищности злодейств его и преступлений дьявол давно бы уничтожил тело его и забрал к себе душу; вдобавок, он призывал всех отцов семейств следить за чадами своими, не одевать их с чрезмерной пышностью и не давать им жить в праздности, отмечая и уверяя, что многие пороки порождаются праздностью и чревоугодием, а еще настойчивее заявил он, что праздность, ненасытная жажда изысканных яств и частые возлияния более, чем что бы то ни было, приводили его в возбужденное состояние, в коем он и совершил столько грехов и столько преступлений.

По поводу каковых преступлений и злодеяний, им совершенных, Жиль де Рэ, обвиняемый, в слезах, смиренно молил снисхождения и прощения у Создателя и Пресвятого Спасителя нашего, равно как и сострадания и прощения у родителей и друзей тех детей, коих он столь жестоко истребил, а также у всех тех, кому он мог повредить и в отношении коих он признал себя виновным, неважно, находятся ли они здесь или в ином месте, а у всех преданных рабов Божиих попросил он молиться за него.

И по этой-то причине названный м-р Гийом Шапейон, прокурор, в присутствии помянутого Жилия де Рэ, обвиняемого, приняв во внимание добровольное признание обвиняемого оного и иные доказательства, законным порядком против него приведенные, тотчас же потребовал, чтобы назначены были помянутому обвиняемому должным образом день и срок, дабы сказать, а также и услышать, заключительное слово по окончательному приговору как названного преподобного отца епископа Нантского, так и брата Жана Блуина, наместника помянутого инквизитора, или тех, кого они назначат приговор сей вынести, каковой приговор записан будет и обнародован в деле сием и в делах оного порядка, если только помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, не приведет никаких весомых доводов в пользу противного. После чего названные сеньоры епископ Нантский и наместник помянутого инквизитора

выделили названному прокурору и Жилью де Рэ, обвиняемому, следующую вторник, дабы законным порядком сие осуществить, как то вершить должно в деле сием и в делах оногo порядка, против чего Жиль де Рэ, обвиняемый, не возражал.

По поводу сказанного помянутый прокурор нас, нотариусов нижеподписавшихся и писцов, попросил составить один и несколько документов.

Присутствовали при том в указанном месте преподобный отец, мессир Жан Прежан, епископ Сеи-Брекский, мэтры Пьер де Л'Опиталь, президент Бретани, Робер де Ларивьер и мессир Робер д'Эпине, рыцарь помянутый, а также благородный Ивон де Росерф, равно как и высокочтимые мэтры Ивон Куайе, настоятель, Жан Морелли, певчий, Гатьян Рюйц, Гийом Груаге, лицензиат светского и церковного права, Жан де Шатожирон, Пьер Авриль, Робер Виже, Жоффрау де Шевиньи, лицензиат права, мэры Нанта, Жоффрау Пиперье, казначей и смотритель церкви, Пьер Амон, Жан Герей, Жан Веди и Жан Симон, каноники церкви Богоматери Нантской и Сен-Брекской, Эрве Леви, сенешаль в Кемпе, и м-р Гийом де Лалозри, лицензиат права, адвокат светского суда Нантского, а также многие иные свидетели, в великом собравшиеся множестве там же, намеренно туда приглашенные и призванные.

[Подпись:] *Делоне, Ж. Пти, Г. Лене*

Вторник октября 25 дня 1440 года

Во вторник, после дня апостола св. Луки, 25 октября 1440 года пред названными преподобным отцом, сеньором Жаном де Мальтруа, епископом Нантским, и преподобным братом Жаном Блуином, заместником помянутого инквизитора, заседающими в трибунале, дабы судить по праву, предстали в помянутой большой верхней зале Тур-Нев, утром, в час молитвы, помянутый м-р Гийом Шапейон, прокурор, от своего имени, с одной стороны, и Жиль де Рэ, обвиняемый, равным образом от своего имени, с другой.

Помянутый прокурор, в согласии со всеми предписаниями и требованиями в деле сием и в делах оногo порядка, настойчиво попросил, в присутствии Жилья де Рэ, обвиняемого, который сие слушал, постигал и не противоречил, дабы расследование сие и дела оные названными сеньорами епископом и братом Жаном Блуином, заместником помянутого инквизитора, завершены были, а поелику это от него зависело, он дела указанные завершил.

1 Официальный протокол при вынесении приговора

И тогда названные сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора, отвечая названному прокурору, каковой дело завершил и попросил, дабы дело вместе с ним ими завершено было, в присутствии помянутого Жия де Рэ, обвиняемого, который тому не противоречил, а со всем согласен был, завершили и признали завершенным и пожелали, чтобы считалось завершенным дело сие.

После того как заключение оное было таким образом сделано, помянутый прокурор настойчиво попросил, чтобы окончательный приговор в деле сием, как и в делах порядка сего названными сеньорами епископом Нантским и братом Жаном Блуином, наместником помянутого инквизитора, тотчас же принят и провозглашен был в присутствии помянутого Жия де Рэ, который сие слушать и постигать должен, от имени оного прокурора и против помянутого Жия де Рэ, обвиняемого, в соответствии с заключением провозглашенных статей обвинительного акта, и чтобы вынесли его и обнародовали сеньоры оные епископ и брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора, оба или один из них, как им угодно будет, или кто-то, на сие уполномоченный.

Тогда тот самый сеньор епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник инквизитора оного, заседающие в трибунале, как выше сказано было, дабы судить по праву, в присутствии помянутого Жия де Рэ, обвиняемого, который слушал, постигал и ничему не противоречил, – приняв во внимание, в первую очередь, все акты, оправдательные речи, все письма и документы, все дальнейшие пояснения и показания помянутого Жия, обвиняемого, кои были ими с превеликим усердием изучены; приняв во внимание все свидетельские показания, а также иные бумаги и поручительства, в деле сием и в делах оного порядка возникшие, учтенные и представленные, каждое из коих должным образом отмечено было, с тщанием и великою осмотрительностью; приняв во внимание обстоятельное обсуждение всех этих предметов с преподобными отцами, сеньорами епископами, докторами права, юристами, сведущими в теологии, именитыми знатоками и иными достойными людьми, коим сеньор епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора, полное и достоверное изложение мотивов дела сего и дел оного порядка предоставили; приняв во внимание советы и одобрение сеньоров оных епископов, докторов, юристов, теологов, знатоков и иных достойных людей; сеньор епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник названного инквизитора, сочли возможным приступить и приступили

к вынесению полного и окончательного приговора, каковой представлен должен быть и обнародован по делу сему и делам оного порядка, затрагивая и и первое, и вторые, в согласии с теми фактами, кои в документах, актах, оправдательных речах, признаниях, показаниях свидетелей, дальнейших пояснениях и иных бумагах и поручительствах ими исследованы и учтены были и кои им ныне знакомы и понятны; приговор, каковой они через посредство глукочтимого и осмотрительного человека, мессира Жака де Панкоетдика, сведущего в светском и церковном праве, чииовника Нантского, представили и огласили должным порядком и с надлежащею последовательностью, содержание же оного приговора в целокупности приведено ниже, в соответствии с тем, что в оных бумагах значится, кои помянутый Панкоетдик в руки взял, каковые бумаги там же сеньоры епископ Нантский и наместник инквизитора повелели названному мессире Жаку, ученому и чииовнику помянутому, прочесть вслух и весьма разборчиво. Когда же сие произнесение приговора окончено было, сеньор епископ Нантский, от своего лица и от лица помянутого наместника инквизитора, названного Жия, обвиняемого, спросил, не желает ли он вновь войти в лоно Матери нашей Церкви и воссоединиться с Нею ввиду свершенных им прегрешений, заклинаний злых духов и иных уклонений от католической веры. Каковой обвиняемый отвечал, что никогда не знал дотоле о сущности ереси, и о том, что он в нее впал и прегрешения совершал, ему было неведомо; однако с тех пор, как вследствие призианий его и иных свидетельств Церковь рассудила, что свершенное им отдает ересью, вследствие суждения сего он просит, набожно встав на колени, — скорбя и стеля, — дабы названные сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник помянутого инквизитора, вновь его воцерковили. Каковое воцерковление помянутые сеньоры епископ Нантский и брат Жан Блуин, наместник инквизитора помянутого, приняли и до него названного Жия, обвиняемого, каковой о нем смиренно ходатайствовал, допустили, и его воцерковили. Каковой, будучи таким образом воцерковлен, смиреино, на коленях, продолжая скорбеть и стелать, взмолился, чтобы его не отлучали от Церкви, каковое наказание при помянутом обнародовании окончательного приговора прозвучало, равно как и во всех иных наказаниях, коим он подвергся, значилось; было же сие сделано и вследствие означенных прегрешений, им несправедно свершенных, и ввиду нарушения им неприкосновенности помянутой церкви приходской св. Стефана в Мерморте, а равным

образом и иных церквей, а также ввиду задержания и заточения помянутого Жана Леферрона, духовного лица, либо по причине оскорблений, им высказанных в отношении сеньоров оных епископа Нантского и заместника инквизитора и иных служителей Церкви, и за богохульства, противные Господу и Церкви Его; он же молил, чтобы они его пощадили и даровали ему прощение свое. Каковые ему прощение сие из любви к Господу предоставили; и с тех пор Жиль де Рэ помянутый, обвиняемый, был от помянутого наказания названным сеньором епископом Нантским освобожден, о чем в письменной форме, согласно церковному уставу, заявлено было, и ему вновь даровано было право участвовать в таинствах церковных и вступить в братство верных Христу и Церкви Его. Кроме того, по настоятельной просьбе помянутого Жилья, обвиняемого, сеньоры названные епископ Нантский и брат Жан Буин, заместитель помянутого инквизитора, поручили священнику, брату Жану Жювнелю, из Ордена кармелитов в Плермеле, что в епархии Сен-Мало, выслушать тайную исповедь обвиняемого, отпустить грехи его, в коих он уже сознался или должен был сознаться, а также предписать ему во всех грехах во спасение свое соразмерно проступкам оным покаяться, как в тех, кои он за собою в суде признал, так и в тех, что затаились в глубине души его, и отменить все прежние приговоры, его от Церкви отлучавшие, кои законною силой помянутыми судьями изложены были как совместно, так и раздельно.

По поводу сказанного помянутый м-р Гийом Шапейон, прокурор, нас, нотариусов вышеназванных и писцов, попросил составить один и несколько документов.

Присутствовали в месте оном преподобные отцы мессеры Жан Прежан, епископ Сен-Брекский, Дени де Лалоэри, епископ Лаодисейский, и Гийом де Мальтруа, избранный церковью Мантской, равно как достопочтенные и благородные особы вышеозначенные м-р Пьер де Л'Опиталь, президент Бретани, Робер де Ларивьер и мессир Робер д'Эпине, рыцарь, Ивон де Росерф, а также мэтры Жан де Шатожирон, Оливье Солиде, каноник из Нанта, и мессир Робер Мерсье, каноник церкви Сен-Брекской, Гийом Оскье, настоятель приходской церкви св. Креста в Машкуле в помянутой епархии Нантской, Жан Гиоле, Гийом де Лалоэри, лицензиат права, Оливье и Гийом де Гримо, адвокаты светского суда Нантского, и многие иные свидетели, великим числом там же собравшиеся, намеренно приглашенные и призванные.

[Подпись:] *Делоне, Ж. Пти, Г. Лене*

2 *Приговор, вынесенный Жилью де Рэ, виновному в ереси*

Во имя Господа Иисуса Христа,¹

Мы, Жан, епископ Нантский, и брат Жан Блуин, бакалавр Святого Писания, из Ордена братьев доминиканцев в Нанте, наместник помянутого инквизитора и гонителя ересей в городе и в епархии Нантской, заседаая в трибунале и устремив души свои к одному лишь Господу, выслушав рекомендации преподобных отцов, сеньоров епископов, юристов, докторов и магистров теологии, сие одобривших, в сием подлинном и окончательном приговоре, каковой в документах оных излагается, приняв во внимание показания свидетелей, нами и прокурором нашим на суд вызванных, с этой стороны, нами представленной в делах веры против тебя, Жиль де Рэ, нам подсудный и подвластный, с этой-то стороны изложенные и превеликим усердием изученные, а также показания свидетелей оных, с точностью составленные, приняв во внимание твое признание, по воле твоей пред нами сделанное, и иные вопросы и обстоятельства, с этой стороны учтенные, коими души наши праведно возмущены были, мы объявляем и постановляем, что ты, помянутый Жиль де Рэ, пред нами в суде представший, признан виновным в коварном вероотступничестве и ереси, равно как и в заклинаниях демонов, кои ты сотворял во злобе своей, и что за то был ты отлучен от Церкви и подвергся иным взысканиям, кои призваны были тебя наказать и наставить на путь истинный и дабы ты наказан и наставлен был, как того требуют закон и церковные предписания.

[Подпись:] *Делоне, Ж. Пти, Г. Лене*

3 *Приговор, вынесенный Жилью де Рэ, «виновному в преступлениях и противостественных грехах, с детьми совершенных»*

Во имя Господа Иисуса Христа,

Мы, Жан, епископ Нантский, заседаая в трибунале и устремив душу свою к одному лишь Господу, изучив и исследовав все побуждения и обстоятельства дела, вопросов веры касающегося, каковые обстоятельства на суде представил прокурор наш, коего мы к делу оному приписали, истец против тебя, Жиль де Рэ, нам подсудный и подвластный, обвиняемый; приняв во внимание показания свидетелей с их стороны и со стороны прокурора нашего, каковые показания в деле сием представлены, под присягой

¹ Нижеследующему тексту в списке предшествуют слова: «Содержание помянутых документов оглашенных, о коих выше говорилось и кои ниже следуют и таковы суть».

изложены и усердно изучены были; приняв во внимание верную их запись, приняв во внимание твои показания, кои ты по воле своей пред нами в суде дал и кои обнародованы были, и приняв во внимание все остальное, что нами рассмотрено было и в отношении религиозном умы наши занимало; посоветовавшись с преподабными отцами, магистрами теологии и юристами, окончательным приговором сим, каковой мы в бумагах оных преподносим, ты, помянутый Жиль де Рэ, самолично пред нами в суде представший, объявляешься и считаешься отныне виновным в том, что злонамеренно совершил преступления и противоестественный грех содомский с детьми обоого пола, и за это актом сим мы тебя отлучаем от Церкви и распоряжаем тебя подвергнуть иным взысканиям по закону, кои призваны тебя наказать и на путь истинный наставить и дабы ты наказан и наставлен был, как того требуют закон и церковные предписания.

[Подпись:] *Делоне, Ж. Пти, Г. Лене*

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ¹

1 Показания, относящиеся к убийствам детей и заклинаниям

1 *Франческо Прелати, клирик. 16 октября 1440 года*

Первое:

Франческо Прелати, допрошенный 16 октября 1440 года, во время помянутых понтификата и вселенского собора, по всему, что в изложенных актах содержалось, должным порядком и соответственно, показал, что родом он из Монте-Катини, что в Валь ди Ниеволе, близ Пистойи, в епархии Луккской, в Италии, и, как он уверяет, получил пострижение от епископа Ареццо; изучал поэзию, геомантию и другие науки и искусства, в особенности же алхимию; а лет ему, по его собственному разумению, двадцать три или около того.

Далее, он сказал, что около двух лет назад, когда он жил во Флоренции у епископа Мондови, к нему пришел некий мессир Эсташ Бланше, священник, каковой чрез посредство некоего магистра из Монте-Пульчиано с ним, Франческо, познакомился, и что затем помянутый Эсташ и он сам некоторое время часто встречались, ели вместе и пили и иными вещами занимались; наконец Эсташ помянутый спросил у него между прочим, не владеет ли он искусством алхимии и заклинания демонов; на что помянутый Франческо ответил, что да. Тогда Эсташ оный его спросил, не хотел бы он приехать во Францию. На что помянутый Франческо ответил, что

¹ «Показания свидетелей под присягою, со стороны помянутого м-ра Гийома Шапейона, прокурора, представленных пред названными преподобным отцом, мессиром Жаном, епископом Нантским, и братом Жаном Блуином, инквизитором и гонителем ересей, по указанию и по требованию означенных сеньоров судей, с превеликим усердием и тщанием изучены были, поелику сие возможно было, согласно вышеизложенным статьям помянутого прокурора, нами, Жаном Делоне, Жаном Птн, Николя Жеро и Гийомом Лене, нотариусами помянутыми и уполномоченными, писцами, коим названные сеньоры судьи дело сие и дела порядка оного вести поручили».

есть у него знакомый родственник, по имени Мартеллис, живущий в Бретани, в Нанте, коего он охотно навестил бы. Тогда помянутый Эсташ сказал оному Франческо, что во Франции живет великий человек, а именно сир де Рэ, который весьма желает, чтобы при нем был некто, в названных искусствах сведущий, и что если оный Франческо в них сведущ и желает к сеньору помянутому на службу поступить, он от него получит великие привилегии. После чего, в силу сказанного, помянутый Франческо согласился с Эсташем оным отправиться к названному сиру де Рэ; и с тем отправились они во Францию, а свидетель сей взял с собою из Флоренции книгу, в коей трактовалось о заклинаниях и об алхимическом искусстве. И они прибыли в Сен-Флоран-ле-Вьей, город, ни к какой епархии не принадлежащий, расположенный в церковной провинции Тура, и остановились там на несколько дней. И оттуда-то помянутый Эсташ и написал названному сиру Рэ, извещая об их прибытии; узнав об этом, помянутый сир тотчас же послал неких Анрие и Пуату, то есть Этьена Коррийо, приближенных своих, вместе с двумя другими слугами, дабы они направились навстречу помянутому свидетелю и помянутому Эсташу, каковые прибыли в Тиффоже, в епархии Мэйезе. По приезде их, приняв помянутых Франческо и Эсташа и узнав от последнего, что Франческо сей обучен и сведущ в означенных искусствах, сир де Рэ весьма этому обрадовался; у какового сира с тех пор названный свидетель остался на срок около шестнадцати месяцев.

Далее, он сказал, что, пробыв некоторое время в Тиффоже, познакомился с неким бретонцем из Бретани, каковой бретонец жил там же, в Тиффоже, в епархии Мэйезе, в доме Жоффруа Леконта, коменданта крепости в помянутой местности, и заботился о супруге коменданта, страдавшей болезнью глаз; у этого бретонца свидетель обнаружил книгу, обернутую в черную кожу, частью на бумаге, а частью – на пергаменте, в коей буквы, заглавия и подзаголовки были красного цвета. Книга же сия содержала заклинания демонов и многие иные сведения, к медицине, астрологии и другим наукам относившиеся; каковые книги¹ свидетель вскоре показал помянутому Жилью. Просмотрев их внимательно и изучив, Жиль оный решил, что они вместе испытают и испробуют методы, в книгах сих изложенные, в особенности же те из них, кои помянутых заклинаний касались. Для этого однажды ночью помянутый Жиль и свидетель, после ужина, взяв свечи и иные предметы, с книгою, о коей шла речь, принесенной свидетелем, по его словам, с собою, начертали на полу в большой нижней зале замка Тиффоже острием меча несколько кругов, окаймлявших буквы и знаки, кои походили на гербы, в составлении и начертании

1 Книга бретонца и книга, которую Прелат привез с собой из Италии.

каковых кругов участвовали помянутый Жиль де Сийе, Анрие и Пуату, прозванный Этьеном Коррийо, равно как и мессир Эсташ Бланше. После того, как круги означенные и буквы начертаны были и разожгли огонь, все помянутые лица, кроме мессира названного Жилия де Рэ и свидетеля, по указанию помянутого мессира Жилия залу означенную покинули, в то время как Жиль оный и свидетель встали внутрь помянутых кругов, в углу, бывшем ближе к стене, в коем свидетель начертал другую букву раскаленным углем, извлеченным из глиняного горшка; на каковые угли они насыпали магнетический порошок, в народе зовущийся «магнит»¹, ладан, мирру, алоэ, и поднялись оттуда благоухания и дым пахучий. И там-то они и оставались около двух часов, то стоя, то сидя, то на коленях, чтобы поклоняться демонам и приносить им жертвы, призывая их и усердно пытаясь их заклясть; помянутый Жиль и свидетель по очереди читали книгу означенную, ожидая появления помянутого демона, но, как утверждает свидетель, в тот раз никто не явился.

Далее, свидетель говорит, что в книге сей он читал, что демоны обладают силою, способной отыскивать спрятанные сокровища, обучать философии и направлять на верный путь всех, кто действует. Слова, кои они при заклинании произносили, задумывались вот какие: «Я вас молю, Баррон, Сатаиа, Велиал², Вельзевул, во имя Отца, Сына и Духа Святого, во имя Девы Марии и всех святых явиться здесь в обличии своем, дабы говорить с нами и выполнить волю нашу». Когда же его спросили, сотворили бы они какой-либо дар или приношение демону, буде тот явился бы в месте том, свидетель ответил утвердительно: живого петуха, голубя или горлицу преподнесли бы они демону, дабы он их во время заклинания не тронул и охотнее бы согласился на то, что они у него просили.

Далее, он сказал, что в другой раз Жиль помянутый и он сам решили в месте оном иными средствами заклинание осуществить, а именно при помощи камня, называемого диадохитом, и хохлатой птицы; но они этого не сделали, ибо камня сего у них не было.

Кроме того, он сказал, что в том же месте он с помянутым Жилем много раз подобные заклинания сотворяли в той же форме и тем же способом.

Далее, он сказал, что как-то ночью из замка помянутого Тиффожа в означенной епархии Мэйезе они вышли вместе с Пуату, то есть с Этьеном Коррийо, слугой помянутым названного Жилия, — о чем последний знал, этому содействовал и с согласия его все это происходило — и несли они книгу помянутую со свечами, магнетическим порошком и иными благовоениями,

¹ В латинском оригинале это слово написано по-французски (d'aimant).

² Древнееврейское слово, одно из имен дьявола (см., например: Пс. XL: 9; Суд. XIX: 22) (прим. пер.).

с коими заклинания демонов производить надобно, и зашли за озеро в помянутой местности, близ Монтэгу, выйдя на поле, кое на расстоянии полета стрелы находилось от помянутого озера; и там они начертали круг и символы, кои подобны были вышеуказанным, и зажгли огонь, так же, как о том выше сказано было, и сотворили помянутые заклинания. И свидетель посоветовал названному Пуату, то есть Этьену Коррийю, не сотворять крестного знамения, входя в круг и там пребывая, из страха, как бы знамение оное не помешало явлению дьявола, каковой дьявол заклинаясь был; и они сотворили озиаченное заклинание, подобное тому, кое свидетель и помянутый Жиль совершали в названной зале, когда никто не явился; там прождали они около получаса; они сотворили заклинание сие близ старого заброшенного дома, находившегося от круга оного на расстоянии полета стрелы или около того. Когда же они оттуда возвращались, начался проливной дождь, и жестоко выл ветер, и была глубокая тьма.

Далее, он заявил, что слышал, как некий Гийом Досси, приближенный и слуга помянутого Жия, говорил, что Жиль оный убил сам и силою слуг своих множество маленьких мальчиков в покоях своих в Тиффоже, а равным образом и в Машкуле, и в портике в помянутом Машкуле, что он приносил кровь их и члены в жертву демонам, сотворяя означенные заклинания демонов оных.

Далее, он слышал, как вышепоименованный Гийом говорил, что помянутый Жиль совершал грех содомский с названными мальчиками.

Далее, он сказал, что видел около года назад в помянутой зале Тиффожа шестимесячного младенца, убитого и распростертого на полу, в присутствии Жия де Сийе; каковой ребенок, по его убеждению, убит был названным Сийе.

Далее, поскольку помянутый Жиль и свидетель провели множество заклинаний, при коих заклинаясь демон не являлся, помянутый Жиль спросил у свидетеля, почему так происходит и по какой причине заклинаясь демон не показался и не заговорил с ними, и приказал свидетелю, чтобы тот сам спросил об этом у демона; и чтобы сие узнать, свидетель совершил заклинание и получил от демона заклинаясь ответ на означенный вопрос, каковой ответ состоял в том, что помянутый Жиль обещался преподнести множество даров заклинаясь демонам, однако обещаний своих не сдержал, и что если мессир оный Жиль желает, чтобы демоны ему явились и с ним заговорили, он должен преподносить ему в жертву, каждый раз, как тот появится и им заговорит, петуха, либо курицу, либо голубя, при условии, что Жиль оный не будет просить у помянутого демона ничего значительного и что если невзначай он нечто подобное попросит, следует тогда ему преподнести какой-либо член маленького мальчика; и сие свидетель и сообщил помянутому Жию.

Далее, он сказал, что после того, как немного времени спустя сие доведено было до сведения помянутого Жилия, Жиль оный принес в покои помянутого Франческо руку, сердце, глаза и кровь мальчика, помещенные в стакан, и отдал их ему, дабы как только он к заклинаниям приступит, Франческо преподнесет в жертву демону руку, сердце, глаза и кровь, буде демон сам на заклинание озиаченное откликнется; что же до того, принадлежали ли названные члены тому ребенку, коего свидетель видел мертвым в помянутой зале замка Тиффож, или кому-то другому, о том ему, как он уверяет, неизвестно.

Далее, вскоре после того, о чем выше сказано было, свидетель и помянутый Жиль в месте означенном, то есть в зале замка Тиффож, совершили заклинание с названными ритуалами, намереваясь преподнести в жертву демону руку, сердце, глаза и кровь, буде он появится; на какое заклинание демон не явился, и посему некоторое время спустя свидетель завернул руку, сердце и глаза помянутые в полотно и захоронил их близ часовни св. Виисита, в пределах помянутого замка Тиффож, в святой земле, как он полагает.

Далее, он сказал, что совершил несколько заклинаний в зале означенной, поместив в огонь, зажженный в глиняном горшке, поставленном внутри круга, ладан, мирру и алоэ. При каковых заклинаниях часто, десять или двенадцать раз, являлся ему дьявол по имени Баррон в обличье красивого молодого человека лет двадцати пяти от роду.

Далее, он сказал, что в присутствии помянутого мессира Жилия совершил три заклинания, при коих дьявол не явился, как и не являлся он помянутому мессире Жилию в присутствии свидетеля никогда, и свидетелю неизвестно, являлся ли он ему вообще.

Когда же его спросили, с кем, у кого и где обучился он искусству означенных заклинаний, свидетель отвечал, что было то во Флоренции у некоего м-ра Жана де Фонтенеля, врача, три года иззад.

Когда же его спросили, каким образом он сие изучил, свидетель поведал, что помянутый м-р Жан отвел его в верхние покои своего дома, где однажды начертал круг, подобный тому, о коем выше упоминалось, и что он сотворил затем заклинание помянутым способом. Когда же сие сделано было, появилось около двадцати птиц, подобных воронам. Каковые птицы с ними не разговаривали. И более ничего не предпринималось.

Далее, в другой раз Фонтенель оный в означенном месте, в присутствии свидетеля, совершил помянутое заклинание, и явился дьявол по имени Баррон в обличье молодого человека, как о том выше сказано было, коего помянутый Жан де Фонтенель тотчас же со свидетелем познакомил; и свидетель, заключив соглашение с дьяволом, обещался ему преподнести курицу, голубя или горлицу всякий раз, как тот ему явится.

Далее, он сказал, что когда он, сопровождаемый Пуату, то есть Этьеном Коррийо, направился в поле близ Тиффожа, как выше указано было, помянутый мессир Жиль дал ему письмо, прежде сочиненное и написанное по-французски рукою самого Жилия, дабы он письмо сие передал дьяволу, буде тот явится при заклинании, кое свидетель и помянутый Пуату, то есть Этьен Коррийо, совершить собирались и кое они совершили, как выше о том сказано; в каком-то письме на деле содержалось следующее: «Приди по моей воле, и я дам тебе все, что ты пожелаешь, за исключением души моей и укорочения жизни». Какое письмо он позже передал Жилю, ибо дьявол при означенном заклинании не явился.

Когда же его спросили, кто подсказал Жилю магические слова, коими изложено было оное письмо, он отвечал, что о том ему неизвестно.

Далее, он считает, что слышал, как помянутый Жиль говорил, что занимался искусством означенных заклинаний около четырнадцати лет, но никогда не видел он дьявола и не говорил с ним.

Далее, он слышал, как некая Ля Пикард¹, ныне уже покойная, жившая тогда в поселке Сен-Мартен-де-Машкуль, говорила, что принимала в доме своем гостя, каковой гость утверждал, что занимался с помянутым Жилем заклинаниями, однако он не слышал, чтобы она называла гостя сего по имени.

Далее, он сказал, что совершил заклинание в Бургиефе, при каком-то заклинании присутствовал помянутый мессир Жиль, и еще одно в Жослене, в поле, в отсутствие названного сира, в одиночку; и дьявол Баррон вышепоименованный явился ему в помянутом обличье молодого человека в фиолетовом шелковом плаще.

Далее, он сказал, что менее года назад, в отсутствие помянутого мессира Жилия, пребывавшего в то время в Бурже, когда он совершал заклинание в зале означенной в Тиффоже, ему явился Баррон в помянутом обличье. Каковой Баррон принес и передал свидетелю черный порошок на куске сланца. И Баррон посоветовал тогда Франческо, свидетелю, передать оный порошок помянутому мессире Жилю в Бурже, дабы он его поместил в небольшой серебряный сосуд и носил на себе, ибо сделав так, он преуспеет в своих делах. Каковой порошок свидетель отдал Жилю де Сийе, передавшему его помянутому мессире Жилю в Бурж через некоего Гаскара из Пузожа.

Когда же его спросили, носил ли Жиль порошок сей на шее, он отвечал, что ему о том неизвестно; однако по возвращении оного сеньора Жилия в Тиффож помянутый Пуату, то есть Этьен Коррийо, отдал свидетелю означенный порошок в небольшом серебряном сосуде, завернутом

¹ Еще одно женское прозвище, явно означающее «пикардийка» (прим. пер.).

в кусок полотна, обычно зовущегося «сандал»¹, и что свидетель его получил в означенном сосуде; каковой сосуд свидетель носил некоторое время у себя на шее, а затем снял его и поместил в небольшой сундук, или ларец, стоявший в его комнате, в доме некоего м-ра Пьера Ронделя, в Машкуле, и что вплоть до ареста его сосуд сей небольшой был там, если он его не носил в своем кошельке.

Далее, по возвращении помянутого сеньора Жилья из Буржа свидетель совершил заклинание в зале означенной в Тиффоже, где явился Баррон в человеческом обличе; свидетель же, от имени помянутого мессира Жилья, попросил у него денег. И вскоре увидел он в самом деле, как появилось в комнате великое множество золотых слитков; каковое золото оставалось там в течение нескольких дней; как только свидетель его увидел, он захотел до него дотронуться, но злой дух приказал ему остановиться, ибо еще не настало время. Об этом свидетель сообщил помянутому мессире Жилью; и мессир Жиль оный его спросил, не мог бы он сие увидеть, дозволено ли это ему; на что свидетель ответствовал утвердительно; и оба направились к помянутой комнате, а когда свидетель отпер дверь, явился ему огромный крылатый змей величиною с собаку, ползущий по земле; тогда свидетель названному Жилью сказал, чтобы тот в покои не входил, ибо он видел там змея; в испуге Жиль помянутый побежал прочь, ища спасения, а свидетель последовал за ним. После чего помянутый мессир Жиль взял распятие с щепками от Креста Господня, дабы суметь войти в покои с большею безопасностью; однако свидетель ему сказал, что нехорошо пользоваться освященным крестом в таких делах. Вскоре свидетель в означенные покои вошел, и когда коснулся он помянутого золота, ему явленного, то понял, что оно есть лишь пыль рыжеватого цвета, и тем самым осознал двуличность злого духа.

Далее, он сказал, что в последний раз, когда помянутый мессир Жиль пожелал направиться к сеньору герцогу, в июле месяце, свидетель, по указанию названного Жилья, спросил у помянутого Баррона, сможет ли Жиль поехать к сеньору герцогу и вернуться оттуда целым и невредимым; каковой Баррон ответил утвердительно; свидетель несколько раз повторял вопрос сей и получал от помянутого Баррона ответ, как в Машкуле, так и в Нанте и немногим спустя в Жослене.

Далее, свидетель сказал, что на вопросы, кои он от лица помянутого Жилья де Рэ, обвиняемого, задавал, никогда он истинных ответов от дьявола по имени Баррон не получал, если не считать двух случаев, а именно, когда Жиль помянутый пожелал прийти на помощь коменданту Сеи-Этьенде-Мерморта, коего люди (гарнизон) Паллуо или Эссара хотели врасплох

¹ В латинском оригинале это слово написано по-французски.

застать, и когда, будучи в седле и намереваясь засаду устроить против гарнизона сего, мессир Жиль спросил, какую сторону занять; тогда помянутый Франческо заявил, что Баррон ему ответствовал, что частей гарнизона сего он нигде не встретит, так оно и было. Франческо же оный еще один ответ от помянутого Баррона получил, когда хотел совершить путешествие по морю; Баррон ему сие запретил, ибо сделай так Франческо, он бы погиб; а было это перед приездом в страну сию.

Далее, он сказал, что когда заключил по указанию Жили соглашение с помянутым Барроном, от имени Жили сего, в силу коего каждый год мессир оный Жиль должен был даровать пропитание трем лицам во время трех великих праздников, мессир оный Жиль пожертвовал на пропитание трех лиц в недавний День всех святых; а поскольку он этого более не делал, помянутые Франческо и Жиль сочли, что в том-то и была причина, отчего Баррон оный в присутствии помянутого Жили отказывался являться.

Вот каковы вопросы, по коим Франческо помянутый, тщательному подвергнутому доследованию и допрошенный, показания дал, и более ему ничего не было известно, за исключением того, о чем слухи ходили и что, по его словам, со сведениями из его показаний согласно было.

Далее, свидетель заявил, что в разных случаях помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, ему говорил, что желает исправить свою проклятую жизнь, кою вел он до сих пор, и предпринять паломничество в Святую Землю в Иерусалим, куда он и свидетелю предлагал с ним отправиться, дабы там молили они Искупителя нашего о прощении своих грехов, и было это четыре месяца назад, как в Машкуле, так и на острове Буэн, а также в Бурнефе, в приходе Сен-Сир-ан-Рэ.

И свидетель в порядке обычном обязался ничего из показаний своих никому не раскрывать и т. д.

2 Эташ Бланше, священник. 17 октября 1440 года

Мессир Эташ Бланше, священник, родом из Монтобана, в приходе св. Илии, что в епархии Сен-Мало, около сорока лет от роду по его собственному мнению, представленный свидетель, как выше указано было, допущенный к принесению клятвы о том, что свидетельствовать истину будет по делу оному, каковому свидетелю грехи были под поручительство отпущены, дабы он на суде показания давать мог, допрошенный сегодня, 17 октября, в год понтификата и Вселенского Собора помянутых, будучи допрошен по вышеизложенным статьям и по всему делу, сказал и подтвердил, что недавно, в день Вознесения, он приехал к помянутому Жилю де Рэ, обвиняемому, по просьбе его и по указанию; и что два года назад он, свидетель, будучи во Флоренции, увидел Франческо¹, предыдущего свиде-

¹ Франческо Прелати.

теля, каковой часто сопровождаем был Николя Медисисом, флорентийцем, и неким Франческо, из епархии Каstellан, каковые занимались, как он уверял, алхимическим искусством; и когда он с помянутым Франческо, предыдущим свидетелем, знакомство завязал, тот, зная, что родом он из Франции, ему сказал, что охотно отправился бы во Францию и в Бретань, а именно в Нант, где у него есть брат двоюродный по имени Мартеллис, и что он охотно отправился бы в Нант, дабы брата своего навестить; а он, свидетель допрашиваемый, ему предложил, ежели он того желает, к нему присоединиться; каковой свидетель предыдущий ему сказал, что буде во Франции есть люди, кои посвящены желают быть в искусство алхимии, он их за три месяца этому обучит. А свидетель сей ему ответствовал, что найдет во Франции людей, которые его с этим примут. Обсудив сие, Франческо помянутый и свидетель сей отправились в путь и проследовали из Флоренции в Сен-Флоран-ле-Вьей, город, не принадлежащий ни к какой епархии, расположенный в церковной провинции Тура. Оттуда, зная хорошо с той поры, как он помянутого Жилья, обвиняемого, узнал, сколь страстно тот алхимией увлекался, свидетель ему написал, что помянутый Франческо едет из Флоренции, что он владеет искусством алхимическим, коим, как он, свидетель, некогда из разговоров слышал, Жиль помянутый занимался.

Когда же Жилью оному о прибытии их стало известно, он послал к ним Этьена Коррийо, прозванного Пуату, Анрие Грияра и еще двоих людей, чтобы они обоих к помянутому Жилью привели в Тиффож, в епархии Мэйезе; и он, свидетель, пребывал там, а именно в замке в означенной местности, в прошлом году, начиная с Вознесения и заканчивая Днем всех святых. Помянутый Франческо, некий Жан¹, золотых дел мастер из Парижа, и старуха по имени Перрот, живущая ныне близ церкви св. Николая в Тиффоже, жили вместе в одних покоях. В то время Франческо помянутый и Жиль де Рэ, обвиняемый, работали ежедневно с названным золотых дел мастером, упражняясь в алхимическом искусстве. А свидетель видел, как он опыты проводил, лишь единожды.

Далее, он подтвердил, что в то время помянутый Жиль приходил в названные покои, порою ночью, порою и днем, а порою – с первыми петухами. После же того, как названный Жиль приходил, он, свидетель, и Перрот покои означенные покидали и оставляли помянутых Франческо и Жилья наедине; а в то, что они делали, обвиняемый свидетеля помянутого и помянутую Перрот вот как посвятил: он сказал, что в другой день, по приходе помянутого Жилья, он, свидетель, увидел, что помянутый Жиль и Франческо входят в нижнюю залу, расположенную за покоем, где он, свидетель, и иные помянутые лица ночь проводили; в каковой зале помянутый Жиль, обвиняемый, и Франческо пребывали некоторое

¹ Жан Пти.

время. И тогда свидетель услышал, как Франческо оный произнес помимо прочего, шепотом, следующие слова: «Приди, сатана», или: «Придите!» Свидетель полагает, что помянутый Фраическо добавлял: «К нам на помощь», а более ему ничего не известно. И названный Франческо множество иных слов произносил, кои свидетель ясно расслышать не сумел, а потому и сообщить о них не смог; помянутые Жиль и Франческо пробывали там около получаса при зажженных свечах. А вскоре после того, как означенные слова произнесены были, холодный ветер яростно ворвался в помянутый замок и засвистал, от чего свидетель ужаснулся и, как уверяет, ничего более не слышал. Поразмышляя над произошедшим, он посчитал, что помянутые Жиль и Франческо заклинают демонов. По поводу чего, как он утверждает, состоялся у него разговор с неким Робеном, еще одним приближенным названного Жилия. И он дом помянутого Жилия покинул и поехал жить к Бушар-Менару, хозяину постоялого двора в Мортани, что в Пуату, где пробыв семь недель или около того. В это время помянутый Жиль, обвиняемый, ему несколько раз написал, желая, чтобы он к нему приехал, и ежели он к нему приедет, то рядом с Жилем и Франческо будет ему хорошо. Каковой свидетель ехать к помянутому Жилию отказался. А между тем у Бушара одного остановился Жан Мерсье, кастелян замка Ла-Рош-сюр-Йон, из епархии Люсонской, коего свидетель о последних событиях в землях Нанта и Клиссона расспросил. Каковой Мерсье ответствовал, что согласно слухам, кои в местности означенной распространяются и в иных краях, помянутый Жиль де Рэ убивает сам и силою слуг своих великое множество детей и собственноручно пишет книгу их кровью. И что когда книга сия таким образом создана будет, помянутый Жиль, обвиняемый, захватит любую крепость, какую бы он ни пожелал; и что если он будет обладать вышеозначенной книгой, таким образом написанной, никто не сможет ему ничем угрожать. На следующий же день пришел золотых дел мастер, а именно Жан Пти, ему сказавший, что помянутый Жиль и Франческо желали бы его увидеть чрезвычайно и просят его приехать; каковому Жану он, свидетель, ответствовал, что к ним он не поедет ни в коем случае, особливо из-за означенных слухов. И он сказал помянутому золотых дел мастеру, чтобы тот передал названным Жилию и Франческо, что пора им заканчивать с оными деяниями, ежели все это действительно так, и что совершать подобные деяния дурно; и что всеобщий ропот, против них направленный, весьма силен. Золотых же дел мастер им сие доложил, как считает свидетель; от чего названный Жиль чрезвычайно на помянутого золотых дел мастера разгневался, ибо тот был заточен в замке Сен-Этьен-де-Мерморт, где пробыв долгое время. Затем помянутый Жиль отправил Этьена Коррийо, прозванного Пуату, Жилия де Сийе, Жана Лебретона и Анрие Грияра, слуг своих, в Мортань,

где свидетель тогда остановился, дабы его похитить; совершив сие, они довели его до Рош-Сервьера и намеревались его доставить в замок помянутый в Мерморт, чтобы там заточить; узнав об этом, свидетель туда ехать отказался; и так он с четырьмя слугами означенными говорил, что они отвезли его в Машкуль; каковому свидетелю помянутый Пуату, то бишь Этьен Коррийо, сообщил, что будь он препровожден в Мерморт, помянутый Жиль приказал бы его убить за то, что он золотых дел мастеру по поводу Жилья сообщил. В Машкуле же он остановился у Этьена Феррона, меховщика, и жил у него два месяца, а затем перебрался в дом покойного Гийома Ришара. Когда же он у помянутого Феррона жил, он увидел как-то утром, в какой день — точно не помнит, но было это перед последней Пасхой, как помянутый Пуату в замок в означенной местности приехал, сопровождаемый сыном Жорже Лебарбье, кондитера, каковой Жорже жил близ помянутого замка; а на следующий день он услышал, как говорили, что сын помянутого Жорже, пятнадцати или шестнадцати лет от роду, пропал и что после того, как он в означенный замок зашел, никто его в Машкуле более не видел.

Далее, он сказал, что во время своего пребывания в Машкуле слышал, как говорили, что пропали юные пажи некого Досси и Франческо, предыдущего свидетеля, а также племянник настоятеля Шемере, всем им было от пятнадцати до шестнадцати лет, и свидетель полагает, что они были убиты в помянутом замке Машкуль по легковерию своему, как и сын Жорже¹, который, поскольку отец его был едва вмняем, хотел получить свою долю наследства от матери, а именно марку серебра или ичто, по стоимости ей соответствующее и им отнесенное в шкатулке в помянутый замок, дабы шкатулку эту там для него сохранили; каковую шкатулку некий Жан, кондитер супруги Рэ, передал впоследствии отцу вкуче с остальным добром, как говорили, по словам свидетеля, каковой о том слышал; откуда свидетель заключает, что сын Жорже был убит там же.

Далее, он сказал, что по слухам множество старух, кои в тюрьмах сеньора герцога Бретонского в Нанте содержатся и имена коих ему неизвестны, приводили детей в Машкуль и отдавали их помянутому Этьену Коррийо, прозванному Пуату, и Анриэ Грияру, детей оных убивавшим.

Далее, он подтвердил, что неоднократно слышал, как помянутый Жиль, обвиняемый, выражал неверие свое в то, что человек способен призвать дьявола, и утверждал, что хорошо знает человека, сие сделать попытавшегося, у коего ничего не получилось. Свидетель же подумал, что помянутый Жиль, обвиняемый, говорит о себе самом, ввиду всего вышесказанного и изложенного.

¹ Жорже Лебарбье.

Когда его спросили, кто при том присутствовал, он ответил, что не помнит.

Когда же его спросили, где сие произошло и по какой причине или с каким намерением Жиль помянутый, обвиняемый, так сказал, свидетель ответствовал по поводу местности, что было это в замке Тиффож, поскольку он, свидетель, проезжая через Бургундию и Савойю, когда направлялся в Рим или возвращался оттуда, рассказывал помянутому Жилю, что в местности той множество было ересей, кои быстро распространялись. Он же, свидетель, видел и слышал, что множество старух были там за помянутые ереси повешены. А прежде всего за то, что заклинали демонов.

Далее, он подтвердил, что много раз слышал свидетельства Алена де Мазера, говорившего, что слышал, как помянутый Жиль нечто подобное высказывал.

Далее, он сказал, что недавно, на последнюю Пасху, когда названный Жиль повел свидетеля и мессира Жилия де Валуа, священника, в свой рабочий кабинет или в писчую комиату, в замке Машкуль, помянутый Жиль показал им книгу, им писавшуюся о церемониях его коллеги в Машкуле, и он, свидетель, увидел в архиве помянутого Жилия, обвиняемого, пять или шесть листов бумаги с широкими полями, на коих были надписи красного цвета, рукою Жилия помянутого сделанные, кресты и красные знаки; свидетель же предположил и заподозрил, что надписи оные сделаны были человеческою кровью, ежели учесть то, о чем он прежде слышал: что помянутый Жиль, обвиняемый, повелевал умерщвлять детей, дабы заполучить кровь их и ею писать в книгах.

Далее, он подтвердил, что в день недавней Пасхи увидел, как помянутый Жиль, обвиняемый, и некий мессир Оливье де Феррьер, священник, зашли вместе за алтарь Девы Марии в церкви Святой Троицы в Машкуле, и он полагает, что названный Оливье выслушал исповедь помянутого обвиняемого. Ибо тотчас же обвиняемый помянутый приобщился таинству евхаристии, одновременно с бедными прихожанами из означенной местности и вместе с ними; каковые миряне низкого происхождения, увидев, как приближается к ним столь знатный сеньор, хотели расступиться и выйти, но помянутый обвиняемый не позволил им этого сделать и, более того, приказал, чтобы они оставались с ним и приобщались таинству евхаристии как у них это обыкновенно принято. Некий же мессир Симон Луазель, бывший тогда священником в помянутой церкви, руководил таинством.

Далее, он подтвердил, что сыновья м-ра Жана Бриана, и особливо Перрине, самый младший, и другой, по имени Пьер, из школы названного Жилия, постоянно находились в покоях помянутого обвиняемого и что названный Перрине был его любимцем.

Далее, когда его спросили, извергал ли помянутый Жиль, обвиняемый, себя свое на детей, он отвечивал, что до тех пор пока он не услышал разговоры об этом, ему ничего известно не было.

Далее, свидетель сказал, что узнал о том от Матье Фуке, беседа с ним о смерти помянутых детей и поражаясь тому, что это не было новостью и что многие уже давно об этом говорили и что прошло уже некоторое время с тех пор, как обнаружены были останки детей в замке Шантозе.

Более того, касательно заклинаний демонов и детоубийств, на вопрос о том, участвовал ли он в них, он сказал, что полагался и полагается на сообщения, признания, показания и свидетельства обвиняемых, Франческо¹, маркиза², Пуату и Анрие, что он желал и желает им верить, надеясь на их совесть, как надеялся ранее и как надеется до сих пор.

Когда же его спросили, поехал ли он во Флоренцию по собственному желанию, чтобы своими делами заниматься, или же его помянутый Жиль, обвиняемый, попросил туда поехать, чтобы искать заклинателей демонов, он отвечивал, что поехал туда по своим делам, что и объяснил названному Жилю, каковой его попросил в краю помянутом сыскать человека, сведущего в алхимическом искусстве и умеющего заклинать демонов, и прислать его к нему, и что он ему сие возместит. Вот почему он, свидетель, по приезде вспомнил о том, что ему помянутый Жиль говорил, и с превеликим усердием разыскивал человека, искусствами оными занимающегося; наконец при посредничестве м-ра Гийома де Монтепульчиано он свел знакомство с Франческо, предыдущим свидетелем; он с ним сошелся и предложил ему вина и яства изобильные, чтобы поближе с ним спознаться, и многие вещи ему порассказал, не заботясь о том, какого они были рода, лишь бы привести оного Франческо к помянутому Жилю, обвиняемому; и так-то, чрез посредство его, как выше сказано было, Франческо оный приехал в сию страну к помянутому Жилю.

Далее, когда его спросили, знал ли он, прежде чем привозить помянутого Франческо, о том, что ему известно было запретное весьма искусство заклинания демонов или совершения заклинаний, он ответил утвердительно, говоря, что Франческо помянутый его в том уверил, отвечая на вопрос его.

Далее, когда его спросили, разыскивал ли он по указанию помянутого Жили иных заклинателей, посылал ли их к нему, он ответил утвердительно, указав на м-ра Жана де Ларивьера, лекаря, помянутые заклинания, по его уверениям, сотворять умевшего. Он названного Ларивьера по просьбе и указанию помянутого Жили послал из Пуатье в Пузож, где тот затем от имени помянутого Жили совершал заклинания. Однажды ночью, облачившись

¹ Франческо Прелати.

² Ленано, маркиз де Сева.

в белые доспехи, с мечом и иным оружием пришел он в лес, расположенный недалеко от означенного Пузожа; а обвиняемый помянутый, вместе с названными Этьеном Коррийо, Аирие и с ним, свидетелем, сопроводили его по пути в оный лес; и помянутый Ларивьер, оставив вышешоименованных лиц у входа в означенный лес, вошел туда один, дабы, как он уверял, совершить помянутые заклинания, а он, свидетель, и остальные ждали; и он, свидетель, услышал, как помянутый Ларивьер ударял мечом своим, как свидетель считает, по означенным доспехам, в кои облачен был, ударял или некоторым образом с превеликою силой творил мечом шум, будто происходила битва. Затем помянутый Ларивьер вышел из леса и вернулся туда, где оставил помянутого Жилья, обвиняемого, и остальных; а Жиль оный его тотчас же спросил о том, что он видел и увидел ли он нечто важное; а помянутый Ларивьер, как будто взволнованный и испуганный, сказал, что увидел демона в обличье леопарда, каковой прошел близ него, не удостоив его вниманием и отказавшись с ним говорить или что бы то ни было ему сказать; по какой причине – о том помянутый Ларивьер Жилью, обвиняемому, не сообщил.

Затем помянутые Жиль, Ларивьер и остальные пошли в Пузож, где предались веселью и заснули, а на следующий день названный Ларивьер заявил, что ему нужны некоторые вещи, необходимые для означенных заклинаний, и помянутый Жиль, обвиняемый, дал ему двадцать экю или реалов золотом, попросив его приобрести себе то, чего ему недостает для его предприятия и без промедления к нему вернуться, что тот и пообещал сделать. И он уехал и более никогда у помянутого Жилья не появлялся, насколько свидетелю известно было и как он о том слышал.

Когда же его спросили, присутствовал ли он, свидетель, на каких-то из заклинаний, помянутым Франческо или кем-то еще совершавшихся, он ответил отрицательно, но сказал, что участвовал в начертании круга и символов в помянутой зале замка Тиффож, а равным образом и в переносе угля, огня и иных предметов, необходимых для заклинаний, кои помянутый Франческо совершал. А перед тем как Франческо оный приступил к означенным заклинаниям, он, Жиль де Сийе, Этьен Коррийо и Аирие, приняв участие в приготовительных сих действиях, тотчас же направились по указанию Жилья, обвиняемого, в покои последнего, где спали остальные и где они также уснули; а помянутые обвиняемый и Франческо остались одни, совершая означенные заклинания, сообразно желанию своему; ему же, как он уверяет, неизвестно, было ли им явление или нет.

Далее, он сказал, что некоторое время назад часто слышал, как помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, говорил, и в Машкуле, и в Бурнефе-ан-Рэ, о том, что нужно изменить к лучшему проклятую свою жизнь и совершить паломничество ко Гробу Господню, в Иерусалим, чтобы замолить грехи свои.

Далее, он показал, что в другой раз, когда помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, был в Анже и остановился в «Серебряном льве», он, свидетель, по приказу помянутого Жилия, пошел за золотых дел мастером и направил его к Жилию, мастер же сей говорил, что владеет алхимическим искусством, применял его некогда и способен его применять поныне. Каковому золотых дел мастеру помянутый Жиль дал марку серебра за работу, кою помянутый мастер обещался сделать, но закрылся в комнате, напился пьян и уснул. Каковой Жиль нашел его спящим и в негодовании обращался с ним как с пьяницей, сказав ему, чтобы он не ждал от него более тех благ, что искал. Каковой мастер ушел с помянутой маркой серебра, кою обвиняемый утратил.

И таковы были его показания, и ничего более ему не известно было, кроме разве что слухов, кои, как он говорит, согласны с тем, что он показал.

Далее, он сказал, что однажды, в какой день – он в точности сказать не может, – когда он был в Тиффоже, за пределами замка, но не в то время, когда он там жил, – а, как он уверяет, он часто ходил в замок, дабы встретиться с духовными лицами и по другим делам, – помянутый Жиль повелевал ему немедленно явиться. И он, свидетель, последовал этому указанию и отыскал помянутого Жилия в галерее замка, сраженного горем и кручиною. И как только он там оказался, обвиняемый ему сказал, что считает, будто Франческо мертв, что он слышал, как тот издавал ужасные вопли в покоях замка, где он жил, и что он слышал шум ударов, будто бы выбивали перину, но не осмелился пойти туда и проникнуть в помянутые покои; и он попросил свидетеля зайти туда и посмотреть, что там происходит. Но свидетель ответил, что и он не осмелится туда войти. Однако, дабы помянутого Жилия ублажить, свидетель направился к означенным покоям, в кои он не зашел, а поскольку в покоях оных имелось некое отверстие сверху, чрез отверстие сие он позвал помянутого Франческо, на зов его не ответившего; тем не менее свидетель услышал, как тот стонет и охает, подобно человеку, которого сильно ранили; о чем он и сообщил помянутому Жилию, каковой от этого крайне удручен был. Затем помянутый Франческо вышел весьма бледен и направился в покои названного Жилия; и он рассказал, что дьявол его сильно избил в означенных покоях; после каковой взбучки впал оный Франческо в лихорадку и был болен семь или восемь дней. А помянутый Жиль, обвиняемый, хлопотал над ним все время его болезни, не позволяя никому другому за ним ухаживать; и он заставил его во всем сознаться, и помянутый Франческо от своей болезни оправился.

Далее, когда его спросили, знал ли он или слышал о причине взбучки сей, он сказал, что слышал от помянутого Франческо, будто случилось так потому, что, говоря с нынешним свидетелем ранее о заклинаниях злых духов, кои он сам совершал, он счел, что помянутые злые духи были низкого

достоинства и не обладали никаким могуществом; каковые, будучи разгневаны на помянутого Франческо, а также и на то, что Франческо оный тайны свои от нынешнего свидетеля утаил, его, если ему верить, избили. От какового Франческо нынешний свидетель услышал, что помянутые души были порождены из материи, более благородной, нежели Всемиловитая Дева Мария.

Вот каковы были его показания.

И было ему предписано в порядке обычном показаний своих никому не раскрывать.

3 *Этьен Коррийо, прозванный Пуату. 17 октября 1440 года*

Этьен Коррийо, прозванный Пуату, как он уверяет, родом из Пузожа, что в епархии Люсонской, около двадцати двух лет от роду, по его разумению, свидетель, в деле сием уже представленный, принятый к приесению клятвы – говорить правду, коему грехи были под поручительство отпущены, в день означенный и в год помянутых понтификата и вселенского собора, подвергнутой доследованию и допрошенный по поводу всего, что в вышеизложенных статьях содержалось, дал законным порядком показания и сказал, что после того, как Рене де Рэ, сир де Ласюз, родной брат помянутого Жилия де Рэ, обвиняемого, захватил замок Шантосе, в епархии Анже, каковой прежде принадлежал помянутому Жилию де Рэ, обвиняемому, Рене оный, сир де Ласюз, отправился в Машкуль, что в епархии Нантской, и захватил равным образом тамошний замок, и было это два года назад.

Тогда, после того, как замок помянутый Машкуль захвачен был, свидетель услышал, как мессир Шарль Леонский, рыцарь, находившийся вместе с названным сеньором де Ласюзом в замке оном Машкуль, сказал, что в башне помянутого замка, в нижней части ее обнаружены останки двоих детей. И помянутый мессир Шарль спросил у свидетеля, известно ли ему что-либо по этому поводу; каковой ему ответил отрицательно, и в самом деле, как он утверждает, в то время ему ничего известно не было, ибо помянутый Жиль де Рэ ничего из своих тайн относительно похищения помянутых детей, сластолюбивых прегрешений с ними и убийства их ему до той поры еще не поведал, а сделал это позже, как о том ниже сказано будет.

Далее, он показал, что когда помянутый Жиль де Рэ отвоевал у помянутого сира де Ласюза замок Шантосе и отправился туда, дабы передать владение им сеньору герцогу Бретонскому, коему он тогда уже передал сеньорию над местностью оной, тогда он вначале повелел свидетелю поклясться не раскрывать тайн, кои он ему поведавать вздумал, и приказал Жилию де Сийе, Анриэ Грияру, Ике де Бремону, Робену Ромуляру и ему, свидетелю, кои все тогда слугами помянутого Жилия, обвиняемого, были, пойти в башню замка Шантосе, где находились останки многих убиенных

детей, взять их и, поместив в сундук, отнести в Машкуль со всевозможными предосторожностями, чтобы никто этого не заметил; и в башне помянутой нашли они кости тридцати шести или сорока шести детей, каковые кости уже иссушены были, и он сказал, что в любом случае не вспомнил бы, сколько их было, сундук же, куда их сложили, был перевязан веревками, чтобы он чего доброго не открылся и не обнаружилось бы великое сие и возмутительное беззаконие.

Когда же его спросили, каким образом сосчитал он число тел, он отвечал, что они их тогда считали по головам; однако точного числа их он не вспомнил бы, не будь ему известно, что было их тридцать шесть или сорок шесть, иначе было бы о том забыто.

Далее, он показал, что кости были перенесены в Машкуль в покои помянутого Жилия, обвиняемого, и сожжены в присутствии одного Жилия, Жилия де Сийе, Жана Россиньоля, Андре Бюше, Анри Грияра и его, свидетеля.

Когда же его спросили, что было с прахом, от помянутых костей оставшимся, сделано, он ответил, что он был сброшен в выгребные ямы или рвы замка Машкуль.

Когда же его спросили, кто сие совершил, он ответил, что сделали это он сам, свидетель, и помянутые Грияр, Бюше и Россиньоля.

Когда же его спросили, по какой причине кости не были сожжены в Шантосе, он ответил, что это оказалось невозможно, ибо после того, как помянутый Жиль де Рэ вновь обрел владение над означенной местностью, он передал замок помянутому сеньору герцогу или же повелел сей замок передать от имени его либо по его указанию.

Когда же его спросили, по какой причине кости уже иссушены были, он ответил, что по причине долгого времени, прошедшего с тех пор, как они брошены были в помянутую башню, прежде чем замок взят был, каковой, после его взятия, сир де Ласюзу принадлежал три года¹ или около того.

Когда же его спросили, кто убил помянутых детей и поместил кости в башню, он ответил, что ему об этом неизвестно, но что пред взятием замка мессир Роже де Бриквиль, рыцарь, и Жиль де Сийе близко с Жилем помянутым общались и посвящены были в его тайны, как он о том слышал, и ему казалось, что они это знали, однако более ему ничего неизвестно.

Вдобавок, помянутый свидетель показал, что названный Сийе, Анри и он, свидетель, нашли и привели к помянутому Жилю де Рэ, обвиняемому, в покои его, множество мальчиков и девочек, дабы с ними похотливые оргии учинять, как о том ниже сказано более подробно, а сделали они это по указанию помянутого Жилия, обвиняемого.

¹ Этот срок неправдоподобно велик. Возможно, речь идет о трех месяцах. См. также ниже, с. 247.

Когда же его спросили о числе их, он ответил, что было их, скорее всего, числом до сорока.

Когда же его спросили о месте или местах, куда дети препровождаемы были, он отвечал: иногда в Нант, иногда в Машкуль, иногда в Тиффож и в иные места.

Когда же его спросили о числе детей, кои им, свидетелем и названными Сийе и Грияром переданы были помянутому Жилью, обвиняемому, в каждом из означенных мест, он отвечал, что в Наите он видел четырнадцать или пятнадцать, а в Машкуле большую часть из названных сорока, более же точное их число ему неизвестно.

Далее, он показал, что помянутый Жиль де Рэ, дабы с означенными детьми, мальчиками и девочками, противозаконные свои распутства и похотливый блуд учинять, брал вначале член свой, или мужской орган, в одну или в другую руку, тер его, возбуждал или вытягивал его, напрягал, а затем помещал между бедер и ног помянутых мальчиков и девочек, пренебрегая естественным отверстием названных девочек, терся о нутро их своим членом, или мужским органом, с великим сладострастием, блудливостью и похотливым вожделением, пока семя его не изливалось на их тела.

Далее, он показал, что прежде чем совершать распутства над помянутыми мальчиками и девочками, дабы заглушить их крики и дабы никто ничего не слышал, помянутый Жиль де Рэ порой подвешивал их своими собственными руками, порой заставлял других подвешивать их за шею на веревках в покоях своих, на жердь или на крюк; затем он снимал их с крюков сам или силою слуг своих, притворялся, что нежит их, уверяя, что не хотел ни причинить им зла, ни поранить, что, напротив, он хотел с ними развлечься и потому не давал им кричать.

Далее, после того как помянутый Жиль де Рэ ужасающие свои распутства и блудливые прегрешения с мальчиками помянутыми и девочками учинял, он их умерщвлял или повелевал умертвить.

Когда же его спросили, кто это делал, он отвечал, что иногда помянутый Жиль, обвиняемый, убивал их собственными руками, иногда он повелевал их умертвить названному Сийе, либо Анрие, либо ему, свидетелю, или любому из них вместе либо по отдельности. Когда же его спросили, каким способом, он отвечал: иногда отрубали или отрезали голову; иногда резали им горло или отрубали конечности, а иногда переламывали шею палками; и что был приготовленный для казни меч, который называют бракмаром¹.

Когда же его спросили, совершал ли помянутый Жиль де Рэ распутства свои с помянутыми детьми обоего пола лишь единожды или больше, он ответил, что с каждым из них лишь единожды, в крайнем случае дважды.

¹ В латинском оригинале это слово написано по-французски.

Далее, он сверх того показал, что помянутый Жиль де Рэ совершал распутства свои над помянутыми мальчиками и девочками прежде чем их поранить, но редко; в иных случаях, гораздо чаще, после того, как их подвешивали либо прежде, чем нанести им другие увечья, в иных же случаях надрезав либо повелев надрезать им вену на шее или на горле, когда струилась кровь, а в иных случаях когда они томились в ожидании смерти, порою и после смерти, когда шеи их были разрезаны, до тех пор пока тело еще оставалось теплым.

Далее, он показал, что помянутый Жиль де Рэ распутные свои оргии над девочками учинял тем же способом, каким он насильствовал мальчиков, пренебрегая их полом, и что много раз слышал он, как Рэ говорил, что ему доставляло бесконечно большее удовольствие развратничать таким образом с помянутыми девочками, как выше о том сказано, нежели использовать естественное отверстие обычным способом.

Когда же его спросили, что делали с помянутыми мальчиками и девочками после их смерти, с трупами их, он отвечал, что их сжигали вместе с одеждою.

Когда же его спросили, кто бросал их в огонь, он ответил, что сам он, свидетель, и помянутый Анри часто сие совершали.

Когда же его спросили, где их сжигали, он отвечал: в покоях помянутого Жилия, а часто в портике в Машкуле.

Когда же его спросили, каким способом, он ответил, что на таганах в покоях помянутого Жилия, разожженных крупными поленьями, разложив вязанки хвороста на мертвых телах, великий зажигали они огонь; одежда бросалась в печь вещь за вещь, чтобы занималась она постепенно, горела лучше, и чтобы не исходил от нее тошнотворный запах.

Когда же его спросили, в какое место сбрасывали прах или пыль, он отвечал: иногда в клоаки, иной раз в выгребные ямы или во рвы, или в другие потайные места, в зависимости от того, где сие происходило.

Когда же его спросили, где совершались убийства, он отвечал, как и выше: большею частью в Машкуле, а порою в Тиффоже и в иных местах.

Далее, он показал, что большая часть и большее число помянутых мальчиков и девочек, с коими названный Жиль де Рэ распутное насилие учинил и кои убиты были в то время, как он, свидетель, был у него на службе, взяты были из бедных, шедших просить подаяние, как помянутым Жилем, так и слугами его; что иногда Жиль оный выбирал их на свой вкус, а иногда повелевал выбирать названному Сийе, Анри и ему, свидетелю, каковые их тайно вели к помянутому Жилю, в покой его.

Далее, он показал, что Катрин, жена художника по имени Тьерри, жившего в то время в Нанте, передала помянутому Анри, как свидетель от него самого слышал, брата своего, дабы тот его отвел к названному Жилю

де Рэ, а тот повелел его принять в свою капеллу, или по крайней мере надеясь на это, каковой Анрие его отвел к помянутому Жилю и оставил в Машкуле. А Жиль оный вскоре со сладострастием и похотью помянутого ребенка осквернил и убил собственными руками.

Когда же его спросили, откуда ему об этом известно, он ответствовал, что он там присутствовал и видел, как сие совершалось.

Далее, свидетель сей показал, что по повелению названного Жилия и надеясь пред ним выслужиться, он привел юного и пригожего мальчика из Ла-Рош-Бернара, что в епархии Нантской, в Машкуль, и передал его в руки помянутого Жилия, каковой над ним омерзительные и преступные распутства учинил; пока наконец мальчик сей юный не был зарезан, как и иные вышеназванные.

Далее, он показал, что помянутый Жиль завладел юношей, бывшим пажом м-ра Франческо Прелати, каковой был весьма красив; и помянутый Жиль де Рэ, учинив над ним насилие и распутство, убил его сам или силою слуг своих, способом, о коем поведано было выше.

Далее, он показал, что он, свидетель, и помянутый Анрие, на Троицу в году 1439-м,¹ взяли с собою в Бургнефе, в приходе Сен-Сир, что в епархии Нантской, весьма пригожего подростка, возрастом около пятнадцати лет, состоявшего у некого Родиги; и они отвели его к помянутому Жилю, остановившемся тогда у местных францисканцев, где он учинил распутства свои над помянутым ребенком, означенным мерзостным способом, а свидетель оный и Анрие, по указанию названного Жилия, оного ребенка умертвили и отнесли его в замок Машкуль и там, в покоях помянутого Жилия, обвиняемого, его сожгли.

Далее, он показал, что два с половиною года назад, как ему кажется,² некий житель Нанта по имени Пьер Жаке, родом из Нанта, прозванный Принсе, у коего имелся весьма обходительный юный паж около четырнадцати лет от роду, с ним живший, отдал юного этого мальчика помянутому Жилю, обвиняемому, дабы тот был его камердинером и слугою вместо него, свидетеля, каковой желал тогда уволиться и не раз просил на то позволения у помянутого Жилия; последний, воспользовавшись помянутым подростком в сладострастных своих распутствах, подобно тому, как он с остальными поступал, убил и его собственными руками.

Далее, он показал, что некий Андре Бюше, бывший вначале в капелле помянутого Жилия де Рэ, а затем в капелле сеньора герцога, приказал одному из слуг своих по имени Рауле привести из окрестностей Ванна в Машкуль ребенка около девяти лет от роду к помянутому Жилю, ребенка оного принявшему; а ребенок помянутый одет был пажом, и дабы названному Бю-

1 На самом деле, в день Вознесения, 25 августа 1439 года.

2 На самом деле, около 26 июня 1439 года.

ше отплатить, Жиль помянутый отдал оному Бюше лошадь, каковую ему предоставил Пьер Эом и каковая оценена была в шестьдесят реалов золотом; и помянутый Жиль учинил над ребенком оным сладострастные свои распутства, ребенок же был затем убит, подобно иным вышеназванным.

Далее, он показал, что он, свидетель, видел и слышал, как помянутый Жиль де Рэ порою бахвалился тем, что получает значительно большее удовольствие, если убивает и режет либо повелевает убить помянутых мальчиков и девочек, если видит, как они томятся в ожидании смерти и умирают, отрезает им головы и члены, видит их кровь, нежели если над ними распутства учиняет.

Далее, он показал, что когда помянутый Жиль де Рэ находил либо видел двух мальчиков или девочек, братьев или сестер, или иным образом родственников, и если один из них не был ему по душе и он желал распутства свои учинять и развратничать лишь с другим, то дабы тот, кто ему не поиравился, не смог никому рассказать, что другой был схвачен, помянутый Жиль, обвиняемый, похищал, сам или силою слуг своих, их обоих и учинял омерзительные свои и развратные оргии с тем, кто ему нравился, способом, описанным выше, а затем резал горло или повелевал резать и одиого, и другого.

Далее, он показал, что помянутый Жиль, обвиняемый, однажды совершил указанный плотский акт с ним, свидетелем, способом, обозначенным выше, когда он, свидетель, переехал к помянутому Жилю, и он сказал, что боялся, как бы тот его не убил; и он полагает, что его бы убили кинжалом, если бы Сийе помянутый не помешал названному Жилю сие совершить, сказав, что он милый мальчик и что было бы лучше, если бы Жиль помянутый сделал его своим пажом; и помянутый обвиняемый им, свидетелем, прельстился и потребовал, чтобы он поклялся ииким образом не раскрывать ничего из им виденного, а равно и всех остальных тайн.

Далее, он показал, что слышал от мессира Эсташ Бланше, священника, приближенного помянутого Жилия де Рэ, что тому довершить сделанное и предпринятое не удастся, если он не отдаст или не пожертвует дьяволу ногу, руку или иной член ребенка.

Когда же его спросили, видел ли он, как какие-то из помянутых членов демонам дарованы либо пожертвованы были помянутым Жилем, или было ли ему о том известно, он ответил отрицательно. Но как-то раз он увидел, что помянутый Жиль, взяв руку (он не знал, правую или левую) и сердце ребенка, убитого по указанию названного Жилия в замке Тиффож, положил помянутые руку и сердце в стеклянном кубке на верхнюю часть карниза¹ над камином в своих покоях, иакрыл их льняным полотном и

¹ В латинском оригинале это слово написано по-французски. Речь, вероятно, идет о полке над камином.

сказал свидетелю и помянутому Анриэ, чтобы они закрыли и заперли помянутую комнату.

Когда же его спросили о том, что было с означенными членами сделано, он отвечал, что ему о том не известно, но он полагает, что помянутый Жиль, обвиняемый, отдал их затем помянутому м-ру Франческо Прелати, дабы тот их преподнес дьяволу.

Далее, он показал, что помянутый Жиль де Сийе сообщил ему, свидетелю, и названному Анриэ, что за две или три недели перед тем, как сирь де Ласюз и де Лозак прибыли в замок Машкуль, помянутый Сийе, как он сказал ему, свидетелю, и помянутому Анриэ, убрал и вынес из башни неподалеку от нижней залы одного замка останки сорока детей или около того и сжег их; и по этому поводу Сийе оный говорил, что подоспел он как раз вовремя для помянутого Жилия, обвиняемого, равно как и для него самого, Сийе, и для всех, кто любил одного Жилия и им любим был. Затем, в разговоре об этом со свидетелем и с помянутым Анриэ, вышепоименованный Сийе им сказал на французском вот что: «Не был ли мессир Роже де Бриквиль предателем, ведь он попросил меня с Робеном Ромуляром подглядывать за мадам де Жарвиль и Томеном д'Аррагеном через расщелину, когда мы убрали помянутые останки? А ведь о том, чем мы занимались, ему было хорошо известно».¹

Когда же его спросили, кто помянутых детей умертвил и когда, и кто их или останки их поместил в названную башню, он отвечал, что дети оные были убиты, как он полагает, помянутыми Жилем де Рэ, Жилем де Сийе и Роже де Бриквилем, до того как он, свидетель, стал жить у Жилия одного; а более ему ничего не известно.

Далее, он показал, что если помянутый Жиль, обвиняемый, не мог отыскать себе по вкусу иных детей, мальчиков и девочек, чтобы с ними омерзительные свои оргии учинять, он их учинял с детьми из своей капеллы, так, как о том выше сказано было; и в особенности, как он слышал, с младшим из двух сыновей м-ра Бриана, жившего в Нанте.

Когда же его спросили, убивал ли Жиль или повелевал убить кого-либо из числа помянутых детей в капелле его, учинив с ними оргию, он ответил отрицательно, ибо Жиль их весьма ценил и они сами события сии держали в тайне.

Далее, он показал, что мессир Эсташ Бланше, священник, поименованный выше, по указанию и по просьбе помянутого Жилия де Рэ, поехал в Италию, чтобы привезти оттуда м-ра Франческо Прелати и доставить

¹ На старофранцузском языке в латинском оригинале: «N'estoit pas messire Rogier de Briqueville bien traistre, qui nous faisoit regarder, Robin Romulart et moy, à la dame de Jarville et Thomin d'Araguin, par une fante, quant nous oustions lesdits ossements et savoit bien tout ce fait?»

его к помянутому Жилью, обвиняемому, в Тиффож, дабы там заниматься алхимическим искусством и заклинать демонов. И он сказал, что слышал, как сеиор Эташ, разговаривая с помянутым м-ром Франческо, произнес по-французски следующие слова: «Он призовет мэтра Алиборона¹», разумея под именем сим дьявола; и что помянутый м-р Франческо призовет дьявола явиться за кувшин вина.

Далее, он показал, что помянутый м-р Франческо Прелати в Тиффож в присутствии названного Жилья де Рэ, мессира Эташа Бланше, Анриэ и его, свидетеля, соорудил и начертил концом меча в большой зале замка Тиффож некий круг большого размера; он начертил также кресты, знаки и буквы, подобные гербам, в каждой из четвертей помянутого круга; туда же, где круг сей начертан был, он, свидетель, помянутый мессир Эташ и Анриэ принесли много угля, ладана и магнетического камня, по-французски зовущегося «магнит»², глиняный горшок, факелы или светильники, подсвечники, огонь и иные вещи, о коих он вспомнить не может и кои помянутый Жиль, обвиняемый, и Франческо разложили на определенных участках помянутого круга; и великий был зажжен огонь в означенном горшке, в коем немало было угля. Затем помянутый Франческо начертил иные знаки и буквы, также походившие на гербы, у стены или на стене помянутой залы, на углу двери; и он зажег другой огонь близ оных последних знаков. И тотчас же помянутый Франческо приказал открыть четыре окна помянутой залы в форме или по образу креста; а когда сие сделано было, названный Жиль де Рэ повелел ему, свидетелю, мессиру Эташу и Анриэ покинуть залу, зайти в покои помянутого Жилья, ждать его в помянутых покоях и их сторожить, запретив им подходить к помянутой зале, дабы увидеть или услышать то, что помянутые Жиль де Рэ и м-р Франческо там делать будут, и никому не сообщать, что произошло. И помянутый свидетель, мессир Эташ и Анриэ, по указанию помянутого Жилья, направились в означенные покои, а помянутые Жиль, обвиняемый, и м-р Франческо остались одни в оной зале. Что же до того, чем они там после этого занимались, ему о том, как он говорит, неизвестно, однако впоследствии помянутые мессир Эташ и Анриэ ему рассказывали, что они слышали, как м-р Франческо разговаривает с кем-то в голос, но что он сказал – им было непонятно; затем они услышали, по их словам, шум, будто некое четвероногое ходит по крыше и желает войти через слуховое окно помянутого замка, туда, где находились Жиль, обвиняемый, и Франческо; чего, свидетель, как он уверяет, не слышал совершенно, ибо, войдя в помянутые покои и будучи усталым, он заснул.

1 В латинском оригинале это написано по-французски.

2 В латинском оригинале это слово написано по-французски (d'aimant).

Когда же его спросили, в какой день и час это произошло, он ответил, что было это летом, в ночное время; ничего больше он не помнил, кроме того, что началось это до полуночи и что помянутые Жиль и Франческо вернулись в покои названного Жилиа около часа пополудни.

Далее, он показал, что следующим вечером, в весьма поздний час, он, свидетель, по указанию помянутого Жилиа и по его принуждению, не осмеливаясь ни перечить ему, ни отказываться исполнять указание его, и поскольку помянутый м-р Франческо ему пообещал и его заверил, что никакой опасности и никакому ущербу он не подвергнется и никаких увечий не понесет, вышел вместе с помянутым м-ром Франческо из означенного замка Тиффожа и пошли они оба к небольшому полю, что находится где-то в четверти лье от Тиффожа, в стороне Монтегю, в епархии Люсонской; на самом деле помянутый свидетель боялся идти с оным мессиром Франческо, зная, что он, скорее всего, будет заклинать демона, и сколько мог отказывался идти с ним, и он бы туда не пошел, не прикажи ему этого помянутый Жиль, обвиняемый, и не убеди его помянутый Франческо, как выше сказано. И Франческо оный вместе с ним, свидетелем, принесли огонь, уголь, ладан, факел, магнитный камень и книгу, содержащую заклинания демонов, кою принес с собой помянутый м-р Франческо. И придя в то поле, помянутый м-р Франческо там с помощью ножа начертал круг или фигуру округлой формы, с крестами и символами, так же, как делал он в помянутой зале. Зажегши же факел и уголья, Франческо оный запретил ему, свидетелю, креститься и приказал ему войти с ним вместе в означенный круг. И когда оба они оказались внутри круга, помянутый м-р Франческо сотворил свои заклинания, а он, свидетель, не знал, ни каковы они были, ни что он говорил тогда, их совершая, ибо он, если его показаниям верить, не понял ни слова, за исключением имени «Баррон», хотя м-р Франческо произносил все вслух; и он утверждает, что, несмотря на запрет помянутого Франческо, он втайне перекрестился, чего Франческо оный не видел.

Когда же его спросили, видел ли он что-то, когда заклинание сие совершалось, и получил ли помянутый Франческо ответ, он сказал, что нет, по крайней мере относительно того, что он видел и слышал.

Далее, он показал, что когда сие сделано было, он и Франческо помянутый вернулись в Тиффожа, но до утра не могли войти в замок, ибо он был закрыт; они же обрели пристанище у кого-то в деревне, где их ожидал помянутый Эсташ, и он зажег огонь и приготовил для них и для себя постели. Кроме того, он сказал, что когда помянутый Франческо и он, свидетель, оказались внутри круга, пошел великий дождь и поднялся весьма сильный ветер и наступила такая тьма, что они с превеликим трудом сумели вернуться.

Далее, помянутый свидетель показал, что в июле сего года помянутый Жиль, обвиняемый, иаправился в Ванн, дабы там увидеться с сеньором герцогом, и остановился у некоего Лемуана, за пределами городских стен, напротив и вблизи епископского дворца, в месте, кое в народе зовется Ла-Мот; каковому Жилю де Рэ Андре Бюше, о коем выше упомянуто было, передал ребенка около десяти лет от роду, над каковым помянутый Жиль де Рэ учинил и совершил мерзостные и греховные распутства способом, о коем выше сказано было; каковой ребенок был приведен к некому Бетдену, дом коего расположен близ рынка в Ванне, недалеко от дома помянутого Лемуана, у названного же Бетдена расположились оруженосцы помянутого Жилия, обвиняемого. Ребенка повели туда потому, что у Лемуана не было места столь потайного, чтобы убить его там; каковой ребенок был убит в комнате в доме помянутого Бетдена, голова его была отсечена и отделена от тела, а затем сожжена в означенной комнате; что же до тела, связанного собственным ремнем ребенка, оно было сброшено в отхожее место в доме помянутого Бетдена, куда ои, свидетель, с превеликим трудом спустился, дабы тело оное поглубже в яму ту закопать; и свидетель добавил, что помянутому Бюше обо всем этом было известно.

Далее, он показал, что помянутый Жиль, обвиняемый, надрезав веиу на шею и глотку означенным детям, или иные части тела, и когда струилась кровь, а также после обезглавливания, осуществлявшегося так, как о том выше сказано было, садился порою им на живот и наслаждался, глядя, как они умирают, и садился наискось, чтобы лучше видеть кончию их и смерть.

Далее, он показал, что временами, довольно часто, после обезглавливания, тем или иным способом произведенного, как сие выше изложено было, и после смерти помянутых детей, названный Жиль де Рэ наслаждался, разглядывая их и заставляя его, свидетеля, и остальных, кто был в тайны посвящен, их разглядывать, и показывая всем голову и члены помянутых убиенных детей, он спрашивал, у которого из детей оных были самые красивые члены, самое красивое лицо либо самая красивая голова; порой он испытывал блаженство, целуя кого-то из убиенных детей, коих члены он разглядывал, или одного из тех, коих уже рассмотрели, чьи лица показались ему самыми прекрасными.

Вот каковы были показания свидетеля сего. Он обаязлся ничего из показаний своих не раскрывать никому и т. д.

4 *Анриэ Грияр. 17 октября 1440 года*

Анриэ Грияр, родом из прихода св. Иакова в Бушри¹, что в Париже, около двадцати шести лет от роду, по его разумению, другой свидетель,

¹ Возможно, слово «Бушри» («Boucherie») означает «мясницкая слобода», квартал мясников (*прим. пер.*).

представленный в деле сием, принятый к принесению клятвы – говорить правду, коему грехи были под поручительство отпущены, в день означенный и в год помянутых понтификата и вселенского собора, допрошенный по поводу всего, что в каждой из вышеизложенных статей содержалось, и подвергнутый исследованию, дал в порядке иижеследующем следующие показания.

Прежде всего, уже пять или шесть лет он камердинер и слуга помянутого Жилия, обвиняемого, и три года истекло с тех пор, как Рене де Рэ, сир де Ласюз, родной брат помянутого Жилия де Рэ, обвиняемого, захватил замок Шантосе; Рене же оный, сир де Ласюз, отправился в Машкуль и овладел тамошним замком, и там свидетель слышал, как мессир Шарль Леонский, бывший с помянутым сиром де Ласюзом, говорил, что в башне тамошнего замка Машкуль, в нижней ее части обнаружены были тела и останки двоих детей; и помянутый мессир Шарль спросил у свидетеля, известно ли ему что-либо, он же, свидетель, ответил отрицательно и заверил суд в том, что тогда ему и в самом деле ничего не было известно. Однако он сказал, что после того, как помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, отвоевал означенный замок Шантосе и прибыл туда, дабы передать его сеньору герцогу Бретонскому, помянутый Жиль потребовал у него, свидетеля, поклясться, что он не раскроет те тайны, кои он ему поведать желает, и он им повелел, ему, свидетелю, Этьену Коррийо, прозванному Пуату, Жилию де Сийе, Ике де Бремону и Робену Ромуляру, слугам помянутого Жилия, пойти в башню означенного замка Шантосе, где находились тела или останки великого множества невинно убиенных, положить их в сундук и по возможности тайно перевезти их в Машкуль. И он, свидетель, вместе с остальными пошел в помянутую башню, где они обнаружили останки детей числом от тридцати шести до сорока шести, чего он в точности не помнит. Каковые останки иссохли, однако они посчитали их по головам и иным способом, чтобы в точности знать, сколько там лежало детей; каковые останки были помещены в сундук, плотно завязанный веревками, и перевезены в Машкуль, где были сожжены в покоях помянутого Жилия де Рэ в его присутствии, а также в присутствии Жилия де Сийе, Этьена Коррийо, прозванного Пуату, Жана Россиньоля, Андре Бюше и его, свидетеля; а пепел или прах помянутых детей был сброшен в выгребные ямы или во рвы в замке помянутом, в Машкуле. Он сказал, что они не были сожжены в Шантосе, поскольку помянутый Жиль, отвоевав замок оный у означенного сира де Ласюза, владел им всего два дня, после чего передал владение помянутой местностью Шантосе или повелел другим передать владение сие от своего имени и по своему распоряжению вышепоименованному сеньору герцогу, коему он уже сеньорию над помянутою местностью передал.

Когда же его спросили, по какой причине останки сии иссохли, он отвечал: поскольку дети помянутые были убиты и сброшены в оную башню перед тем, как помянутый сир де Ласюз овладел означенным замком Шангосе и владел им около трех лет¹.

Когда же его спросили, кто их убил, как и почему были они убиты, он отвечал, что ему о том неизвестно, ибо когда они были убиты, он у помянутого Жилия, обвиняемого, не жил, однако, как он говорит, названные мессир Роже де Бриквиль, рыцарь, и Жиль де Сийе у него жили, и свидетель полагает, что им о том хорошо известно было.

Кроме того, он показал, что он, свидетель, помянутый Сийе, Этьен Коррий, прозванный Пуату, привели в покои помянутого Жилия де Рэ и предали в руки его множество мальчиков и девочек из Нанта, Машкуля и в особенности из Тиффожа, числом, если ему верить, до сорока, с какими детьми помянутый Жиль, обвиняемый, совершал свои развратные оргии и блуд против естества, взяв вначале свой мужской орган в руку, тер его, возбуждал, вытягивал, а затем помещал между бедер помянутых детей, и таким образом тер оный член о нутро помянутых детей с таким сладострастием и похотливым вождением, что семя его, преступно и не так, как должно, изливалось на животы детей оных.

Далее, он показал, что помянутый Жиль, обвиняемый, учинял единожды и дважды блуд свой над каждым из помянутых детей, а сделав сие, либо убивал их собственными руками, либо же повелевал убить помянутым Сийе, Коррийю, прозванному Пуату, и ему, свидетелю, порою вместе, порою же раздельно.

Когда же его спросили, каким способом он названных детей убивал, он отвечал, что иногда обезглавливал их и расчленял тела, иногда перерезал им горло, голова же оставалась с телом, иногда он перебивал им шею палками, иногда надрезал им вену на шее или иную часть горла, так, чтобы кровь их струилась, тогда помянутый Жиль де Рэ усаживался на животы помянутых детей, томившихся в ожидании смерти, и наблюдал, как они умирают, наклонившись к ним ближе.

Далее, он показал, что иногда помянутый Жиль, обвиняемый, когда желал преступный свой блуд и разврат над помянутыми детьми учинить, дабы заглушить жалобы их и крики, подвешивал их или повелевал ему, свидетелю, а также Коррийю и Сийе, их подвешивать на жердь или на крюк в покоях своих, он повелевал подвешивать их на веревках за шею, угрожая им и пугая их, а затем, когда они, израиенные, приходили от подобного обращения в ужас, он их ласкал, просил ничего не бояться, уверяя, что хотел лишь развлечься с ними, а затем совершал с ними распутства свои, как о том выше сказано было.

¹ По всей вероятности, в течение трех месяцев. См. с. 237.

Кроме того, он показал, что порой названный Жиль, обвиняемый, совершал оргии свои с помянутыми детьми прежде чем их убить либо начать убивать, порой же – начав убийство, когда они томились в ожидании смерти, иной раз после того, как они убиты были и лежали еще теплыми.

Когда же его спросили, что делалось с кровью их, он отвечал, что она струилась и лилась на пол, который затем мыли.

Когда же его спросили, что делали с телами и с одеждой, он сказал, что их сжигали в покоех помянутого Жилия, обвиняемого.

Когда же его спросили, каким способом, он сказал, что одежду сжигали, вещь за вещь, в камине в помянутых покоех, дабы не чувствовался тошнотворный запах; и что дабы тела сии сжечь, на таганы клали большие поленья, на которые бросали тела, на них же клали множество вязанок хвороста, и таким-то способом их сжигали.

Когда же его спросили, что делали с прахом или пеплом, от помянутых сожженных тел оставшимся, он отвечал, что их бросали в потайные места в комнатах, где означенные деяния происходили, иногда в крепостные рвы, иногда же в выгребные ямы или в иные места, кои подходящими для того казались.

Когда же его спросили, где происходили события, в коих он, свидетель, участвовал, он ответил: в Нанте, в доме помянутого Жилия, каковой дом в народе известен под именем Ла-Сюз, а также в замках Машкуль и Тиффож.

Когда же его спросили, в каком именно месте все это происходило, он сказал, что в особой комнате в помянутом доме Ла-Сюз, на краю здания, со стороны приходской церкви св. Дионисия, в том же городе Нанте, в каковой комнате Жиль помянутый обыкновенно проводил ночь; часто же в портике помянутого замка Машкуль.

Далее, когда его спросили, где он, свидетель, брал оных детей, коих он и иные, им названные, передавали помянутому Жилию, он отвечал, что дети, переданные им, свидетелем, были большею частью из тех, что просили милостыню, как у помянутого Жилия, обвиняемого, так и в иных краях.

Когда же его спросили о числе помянутых детей, он отвечал, как выше о том сказано было, а именно что около сорока было передано им и остальными вышеназванными, из числа коих четырнадцать или пятнадцать было убито в Нанте, в доме означенном Ла-Сюз, остальные же большею частью в Машкуле, а также в Тиффоже и в иных местах.

Далее, он показал, что Катрин, жена некоего художника по имени Тьерри, жившего тогда в Нанте, послала и передала ему, свидетелю, брата своего, дабы тот препровожден был в дом помянутого Жилия, обвиняемого, в надежде, что он вступит в капеллу названного Жилия; какового брата он доставил в Машкуль и повел в покои помянутого Жилия, обвиняемого. И после того, как ребенок сей был доставлен, помянутый Жиль, обвиня-

смый, заставил свидетеля поклясться, что он никому не доверит тайны, в кои тот его посвятит.

Когда же его спросили, где была помянутая присяга принесена, он ответил: в церкви Св. Троицы в Машкуле.

Когда же его спросили, когда сие произошло, он ответил, что около трех лет тому назад. Кроме того, он сказал, что после того, как он, свидетель, ребенка одного таким образом доставил, поехал он затем в Нант, где оставался три дня, в Машкуль не возвращаясь; а когда, вернувшись в Машкуль после трех этих дней, он стал помянутого ребенка разыскивать и найти его не смог, ему было сказано, что ребенок покинул мир сей, тем же образом, что и остальные, а помянутый Коррийо, прозванный Пуату, дал ему понять, что помянутый Жиль, обвиняемый, убил названного ребенка собственными руками; и подобно другим, ребенок сей послужил предметом его развратных утех.

Далее, он показал, что помянутый Коррийо, прозванный Пуату, привел в Машкуль прелестного ребенка из Ла-Рош-Бернара и передал его помянутому Жилю, его осквернившему, как и всех остальных детей, указанных выше.

Далее, он показал, что в Машкуле он видел юного пригожего мальчика, бывшего пажом у м-ра Франческо Прелати, каковому пажу перерезали глотку, кто именно – это ему неизвестно, ибо он тогда отсутствовал; а Жиль помянутый его осквернил, как и остальных.

Далее, он показал, что он, свидетель, и помянутый Коррийо, прозванный Пуату, вместе на Троицын день 1439 года взяли с собою весьма красивого подростка, около пятнадцати лет от роду, жившего у некого Родиго, в Бургнефе, в приходе Сен-Сир-ан-Рэ, в епархии Нантской, и привели его к помянутому Жилю, обвиняемому, и оставили его у монахов-францисканцев в местности означенной, в Бургнефе, где он остановился; а после того как помянутый Жиль, обвиняемый, его предал осквернению развратным способом, о коем выше сказано было, он, Анрие, свидетель ныне выступающий, и Коррийо его по указанию помянутого Жилиа де Рэ умертвили, а впоследствии унесли труп юного этого мальчика в Машкуль и сожгли его в покоях помянутого Жилиа.

Далее, он показал, что около двух с половиною лет назад у человека, прозванного Принсе, жителя Нанта, состоял пажом один весьма красивый подросток, живший у него, коего он, свидетель знал, какового подростка помянутый Принсе передал названному Жилю, пообещавшему, что он сделает его своим камердинером вместо помянутого Коррийо, прозванного Пуату, каковой говорил, что желает от него уйти; и как только помянутый Жиль получил сего юного мальчика, он его сладострастно и постыдно осквернил, учинив над ним распутства свои противоестественные; затем

он его убил собственными руками, а было оному мальчику около сорока лет от роду.

Далее, он показал, что некий Андре Бюше, состоявший в капелле помянутого Жилия де Рэ, а ко времени дачи показаний состоящий в капелле сеньора герцога, направил из окрестностей Ванна в Машкуль некоего ребенка в облачении пажа, около девяти лет от роду, а один из его слуг по имени Рауле отвел его к помянутому Жилию, обвиняемому. Каковой ребенок, после того, как помянутый Жиль его сладострастно и постыдно осквернил, был убит и сожжен, как и остальные, о коих выше говорилось. Свидетель же добавил, что названный Бюше в награду получил от помянутого Жилия, обвиняемого, лошадь стоимостью шестьдесят золотых реалов, кою ему доставил Пьер Эом.

Далее, он показал, что слышал от помянутого Жилия, обвиняемого, что получает от убийства помянутых детей, от наблюдения за тем, как им отрубают головы и члены, как они слабеют, изнемогают и как льется их кровь, больше удовольствия, чем от плотской близости с ними.

Далее, он сказал, что у названного Жилия, обвиняемого, был меч, в народе зовущийся «бракмар»¹, которым он отрубал головы помянутым детям и перерезал им глотки, и часто наслаждался, глядя на отрезанные головы, показывал их ему, свидетелю, и Этьену Коррийю, прозванному Пуату, вопрошая их, какая из указанных голов является красивейшей — отрубленная в тот самый момент или накануне, или та, что отрублена была позавчера, и он нередко целовал голову, что доставляло ему еще большее удовольствие и наслаждение.

Далее, он показал, что когда помянутый Жиль, обвиняемый, встречал двух мальчиков либо девочек, братьев или сестер, или же иных детей, живших вместе, если один из них был ему по вкусу, а с другим он в плотскую связь вступать не желал, он повелевал брать обоих, сношение же развратное имел лишь с одним из двоих; а дабы другой не пожаловался на исчезновение первого, он повелевал резать и умертвить и того, и другого.

Далее, он показал, что помянутый Жиль, обвиняемый, учинял оргии свои с девочками и осквернял их тем же способом, что и мальчиков, пренебрегая их полом и не удаляя его вниманием.

Далее, он сказал, что слышал от помянутого Жилия, обвиняемого, что родился под таким созвездием, что, по его словам, никто не способен узнать или понять ни отклонений его, ни тех непозволительных поступков, в коих он виновен был.

Далее, он показал, что помянутый Жиль, обвиняемый, иногда резал глотки, сам или руками слуг своих, многим из помянутых детей, а также

¹ В латинском оригинале это слово написано по-французски.

отрубал им члены. И он сказал, что слышал, как мессир Эташ Бланше, священник, бывший приближенным помянутого Жияя, обвиняемого, говорил, что Жиль оный не сумеет завершить все то, что он замыслил предпринять, не передав или не пожертвовав дьяволу ног, рук или иных членов помянутых детей. И свидетель добавил, что он сам зарезал и расчленил многими и различными способами немало детей оных, число коих было, по его воспоминаниям, меньше, нежели число тех, о коих он выше уже упоминал.

Далее, он показал, что помянутый Жиль, обвиняемый, часто выбирал по своему вкусу мальчиков и девочек, коих он замечал, когда они просили милостыню, и приказывал, чтобы их привели к нему, дабы удовлетворил он грешную свою похоть.

Далее, он показал, что слышал, как помянутый Жиль де Сийе, обращаясь к нему, свидетелю, и к помянутому Коррийо, прозванному Пуату, сказал, что помянутому Жилю де Рэ и ему повезло, ибо он, Сийе, убрал и унес из некой башни близ замка Машкуль, как он сказал, останки около сорока детей, и было сие за две или три недели до того, как замок означенный Машкуль был захвачен помянутым сиром де Ласюзом и сиром де Лозаком, и свидетель говорит, что замок занят уже в течение двух лет; и что помянутый Сийе ему, свидетелю, сказал слова сии или же им подобные по-французски: «Не вел ли себя мессир Роже де Бриквиль предательски, ведь он позволил мадам де Жарвиль и Томену д'Арагону подглядывать за мною и за Робеном Ромуляром через бойницу, когда мы убирали помянутые останки? А ведь о том, чем мы занимались, ему было хорошо известно».¹

Далее, он сказал, что названный Сийе ему, свидетелю, и помянутому Коррийо, прозванному Пуату, сообщил, что он, Сийе, означенные останки сжег, каковые, как утверждает свидетель, находились там с того времени, как названные Сийе и Бриквиль посвящены оказались в тайны помянутого Жияя де Рэ, обвиняемого, и перед тем, как тайны оные были им обоим, то бишь Анрие, свидетелю, дающему показания, и Коррийо, прозванному Пуату, раскрыты.

Далее, он показал, что когда помянутый Жиль де Рэ не мог отыскать детей себе по вкусу, он совершал распутства свои способами, описанными выше, с детьми из своей капеллы; однако он их не умерщвлял и умерщвлять не повелевал, ибо они хранили им содеянное в тайне.

Когда же его спросили, с кем из детей помянутой капеллы он сие сотворял, он отвечал: с Перрине, сыном м-ра Жана Бриана, живущего

¹ На старофранцузском языке в латинском оригинале: «N'estoit pas messire Rogier de Briqueville bien traistre, qui nous faisoit regarder, Robin et moy, à la dame de Jarville et Thomin d'Araguin, par une fante, quand nous oustions lesdiz ossemens, et savoit bien tout ce fait.»

в Нанте, и с иными, чьи имена он запомнил; каковой Перрине был любимцем помянутого обвиняемого, коим он дорожил более, нежели остальными.

Далее, он показал, что названный мессир Эсташ Бланше, о коем выше упомянуто было, поехал в Италию за м-ром Франческо Прелати, коего он с собою привез к помянутому Жилью де Рэ по указанию последнего, дабы заниматься алхимическим искусством и заклинать демонов. И что он слышал, как говорили по-французски сии слова: «что он призовет мэтра Алиборона»¹. Кроме того, он сказал, что слышал, как мессир оный Эсташ говорил, что помянутый м-р Франческо призовет дьявола явиться за кувшин вина.

Далее, он показал, что в присутствии помянутых Жилья де Рэ, мессира Эсташа Бланше, Этьена Коррийо, прозванного Пуату, и его, свидетеля, помянутый м-р Франческо Прелати на полу в большой зале замка Тиффож начертил концом меча большой круг, в каждой четверти коего нарисовал кресты, знаки, или символы, наподобие гербов, по указанию помянутого Жилья, обвиняемого, и что он, свидетель, мессир помянутый Эсташ Бланше и Этьен Коррийо, прозванный Пуату, принесли туда великое множество угля, ладана, магнетический камень, или магнит, пучки соломы, или факелы, свечи, глиняный горшок и иные предметы, кои Жиль де Рэ помянутый и м-р Франческо поместили в особую часть означенного круга, и зажгли в горшке оном яркое пламя. Затем названный Франческо зажег другой огонь в углу дверном, у входа в помянутую залу, где он сходным образом начертил иные знаки, наподобие гербов, рядом со стенами и на стенах помянутой залы, близ второго из огней; и вскоре названный м-р Франческо Прелати повелел открыть четыре окна наподобие креста, то есть так, чтобы открытие окон сих или же действие сие напоминало некоторым образом знак креста. Когда же это делалось, свидетель, ныне дающий показания, равно как и Этьен Коррийо, прозванный Пуату, и мессир Эсташ Бланше, уже упоминавшиеся, по указанию помянутого Жилья, обвиняемого, удалились в его покои на верхнем этаже, таким способом спроваженные Жилем, обвиняемым, и помянутым м-ром Франческо, кои остались в означенной зале одни. Каковой Жиль, обвиняемый, заранее и в тот момент, как свидетель и помянутые мессир Эсташ и Коррийо, прозванный Пуату, уходили, им по всей форме запретил когда-либо кому-либо говорить о том, что уже сделано было, и ни один из них не должен был приближаться к зале оной, дабы увидеть либо услышать то, что он, Жиль, обвиняемый, и м-р Франческо делать могли.

Далее, он показал, что после того, как он удалился вместе с помянутыми мессиром Эсташем Бланше и Коррийо, прозванным Пуату, и когда они входили в помянутые покои оного Жилья, обвиняемого, после того, как

1 В латинском оригинале это написано по-французски.

прошло некоторое время, свидетель и помянутый мессир Эсташ услышали, как названный м-р Франческо говорит вслух в означенной зале; однако, как уверяет свидетель, он не мог понять ничего из того, что тот произносил. Вскоре же свидетель и мессир Эсташ услышали некий шум, будто какое-то четвероногое бродит по крыше. Каковое животное, показалось им, приблизилось к слуховому окну голубятни, что близ того места была, где находились тогда помянутые Жиль, обвиняемый, и м-р Франческо.

Когда же его спросили, слышал ли помянутый Коррийо, прозванный Пуату, что-то из воспринятого таким образом свидетелем и мессиром Эсташем, как о том доложено, ответ его был, что он в этом сомневается, более того, свидетель считал, что Коррийо оный, прозванный Пуату, к тому времени уже заснул.

Когда же его спросили, когда сие случилось и в какой день, он отвечал, что почти год истек с тех пор, как события оные произошли.

Когда же его спросили, в какое время сие случилось, он отвечал, что начались означенные дела ночью, в предполуночный час, а закончились часом позже.

Когда же его спросили, в каком месяце и какого дня, он отвечал, что в точности сказать не может, однако убежден, что дело было летом.

Далее, свидетель оный, показания дающий по делу сему, добавил, что помянутые Жиль де Рэ, обвиняемый, и м-р Франческо были в Машкуле вдвоем и пребывали там одни в течение пяти недель, в покоях замка оного, в покоях, ключ от коих помянутый Жиль, обвиняемый, неусыпно хранил у себя; и свидетель слышал, как кто-то, – кто именно, он запомнил – говорил, что в покоях помянутых найден был символ или изображение руки из особого кованого железа.

Далее, он добавил и показал, с другой стороны, что Жиль де Рэ помянутый, обвиняемый, принес в покои свои в замок Тиффож, покои, как-то свидетель оный и Коррийо, прозванный Пуату, тогда охраняли, сердце и руку юного мальчика, убитого в означенном Тиффоже по указанию помянутого Жилия, обвиняемого, а быть может, им самим, Жилем, и что он их положил в сосуд, накрытый тонкою тканью, близ камина в покоях помянутых, а именно на верхнюю часть камина, кою по-французски зовут *la cimaise*¹, и он посоветовал свидетелю и помянутому Коррийо, прозванному Пуату, запереть покои означенные на засов.

Когда же его спросили, что он сделал с сердцем оным и рукою, он отвечал, что в точности он этого не знает, но думает, что м-р Франческо должен был ими воспользоваться и что помянутый Жиль, обвиняемый, должно быть, передал их ему для сотворения заклинаний и для того, чтобы он сердце оное и руку преподнес демонам, коих заклинал.

¹ В латинском оригинале это написано по-французски. См. сноску на с. 241.

И свидетель обязался обычным порядком ничего из показаний своих не раскрывать никому и т. д.

II Показания, относящиеся к иаушению церковной неприкосновенности

Жан Руссо, латник герцога Бретонского. 19 октября 1440 года

Жан Руссо, латник сеньора герцога Бретонского, прихожанин церкви Св. Николая в Нанте, сорока или около лет от роду, по его собственному разумению, свидетель, представленный, принятый и поклявшийся показания давать в делах сего порядка истинные, допрошенный ныне, 19 октября 1440 года, в год помянутых понтификата и вселенского собора, подвергнутый доследованию и допрошенный по поводу того, что в статье 42 содержалось, начинавшейся словами: «Далее, два года тому назад и т. д.», в коей упоминается о нарушении церковной неприкосновенности, показал, что в понедельник на прошлую Троицу, когда свидетель сей, равно как и Жан Леферрон и некий Гийом Отре, и многие другие, находились в приходской церкви св. Стефана в Мерморте, что в епархии Нантской, каковая церковь приходская и поныне расположена близ местного замка, в каковую местность свидетель направился, дабы иаложить от имени сеньора герцога интердикт на должников государственной казны, кои Жилья, обвиняемого, от уплаты повинностей, ценза¹ и иных податей местных, освобождали, — а поскольку свидетель и прочие вышеназванные лица присутствовали при окончании большой мессы в помянутой церкви приходской, свидетель видел как вышепоименованный Жилья, обвиняемый, с особым мечом, по-французски зовущимся «жюзарм»², в сопровождении некоторых из его людей, вошел стремительно в помянутую церковь и, обращаясь с угрозою к названному Леферрону и к остальным, кои в помянутой церкви тогда находились, особливо же по отношению к оному Феррону, вскричал ужасным голосом, по-французски: «Прочь, прочь!»³. Затем свидетель узрел, как некий Ленано, маркиз де Сева, приближенный помянутого Жилья, обвиняемого, каковой там равным образом находился, повел прочь из помянутой церкви названного Леферрона вслед за помянутым Жилем, обвиняемым, и остальными его людьми; и он считает, что помянутый Леферрон покинул затем означенную церковь прежде всего потому, что угроза помянутого обвиняемого его утешала. Свидетель также вознамерился церковь помянутую покинуть, и покинул бы, не ука-

1 Денежная рента в Средние века (*прим. пер.*).

2 В латинском оригинале это слово (*iusarme*) написано по-французски. (Речь идет об обоюдоострой алебарде. — *Прим. пер.*)

3 В латинском оригинале это слово написано по-французски.

жи некто из свиты помянутого Жилия на свидетеля перстом (указуя так, он приблизил перст свой к носу и к очам своим, подобно тому, как обыкновенно крестятся), и поэтому он в означенной церкви остался.

Он сказал, что слышал тогда, как многие говорили, что в точности в это время в лесу неподалеку от места одного находилась дружина вооруженных людей, числом около шестидесяти, ожидавших помянутого Жилия, каковой их там в засаде и разместил. Кроме того, он сказал, что будучи внутри церкви, он увидел, как трое или четверо человек с капорами или саладами¹ на головах и с иным оружием прошли перед означенною церковью, и что он услышал позже, как говорили, что помянутого Леферрона Жиль оный, обвиняемый, и приближенные его отвезли в означенный замок, каковой замок помянутый Леферрон вернул или передал названному Жилию, обвиняемому, каковой там же помянутого Леферрона заключил под стражу.

Когда же его спросили, совершил ли Жиль оный, обвиняемый, и люди его какие-то еще иаушения закона, когда помянутый Леферрон выходил из оной церкви, он отвечал, что не видел и не знает ничего, кроме того, о чем выше сказано было. И свидетель добавил, что знал помянутого Жана Леферрона с юных лет и что за много лет до того, как его увели и заключили под стражу, он увидел его в церковном платье, постригшегося и получившего церковный сан, и что все его знали как духовное лицо.

И свидетель обязался обычным порядком ничего из показаний своих не раскрывать никому.

Ленано, маркиз де Сева, капитан на службе у Жилия де Рэ. 19 октября 1440 года

Ленано де Сева, маркиз, из епархии Альба², сорока или более лет от роду, по его собственному разумению, свидетель, представленный и допрошенный в день означенный и год, подвергнутый доследованию и расспрошенный по поводу того, что в статье означенной о нарушении церковной неприкосновенности содержалось, показал, что помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, в сопровождении Жилия де Сийе и Бертрана Пулена, прибыл в приходскую церковь св. Стефана в Мерморта во время большой мессы, после возношения даров и причастия; точного дня он не помнит, однако думает, что было это в празднование последней Троицы или же накануне праздника; что помянутый Жиль, обвиняемый, держал в руках нечто наподобие меча, по-французски зовущегося «жюзарм»³; и что он сказал вышепоименованному Жану Леферрону: «А, бесстыдник, ты поколотил моих людей, вымогал у них деньги! Выходи из церкви, не то я

1 Два вида средневековых шлемов (прим. пер.).

2 В Пьемонте.

3 В латинском оригинале это слово (juzarme) написано по-французски.

прибью тебя до смерти!»¹. Тогда Леферрон помянутый, стоя на коленях и умоляя о пощаде, показал ему, что сделает все, что тот от него потребует. И охваченный страхом пред помянутым Жилем, обвиняемым, он попросил свидетеля сопровождать его и вступить за него, боясь, как бы Жиль помянутый с ним дурно не обошелся. Каковому Жану Леферрону свидетель дал понять, что ежели случится с ним что-то дурное, он сам от этого пострадает не меньше; и после того, как они несколькими словами обмолвились, Леферрон помянутый по собственной воле покинул означенную церковь вместе со свидетелем, следуя за Жилем оным, обвиняемым, к замку Мерморт, некогда проданному помянутым Жилем Жоффруа Леферрону, каковой замок названный Жан Леферрон передал тогда помянутому обвиняемому; и Леферрон оный остался там в заточении пленником помянутого Жилия, обвиняемого.

Кроме того, он сказал, что пятьдесят или шестьдесят человек, коих помянутый Жиль, обвиняемый, собрал в соседнем лесу, в засаде, должны были атаковать означенный замок и овладеть им, если Леферрон помянутый его названному Жилю, обвиняемому, не передал бы. На них были мантии, кои по-французски зовутся «paletots»², капоры, шлемы с забралом, салады и другие доспехи. Однако на самом деле, как он сказал, из тех, кто в помянутую церковь вошел, никто ни капора, ни салада, ни шлема с забралом на себе не имел.

И он добавил, что видел помянутого Жана Леферрона в облачении духовного лица и с тонзурою, и что все знали его и почитали за духовное лицо.

Таковы были его показания, иного же ничего ему неизвестно, за исключением слухов, кои, как он утверждает, с его показаниями согласны.

И он обязался обычным порядком ничего из показаний своих не раскрывать никому.

Бертран Пулен, латник на службе у Жилия де Рэ. 19 октября 1440 года

Бертран Пулен, из епархии Бэе, родом из Кантлу, близ Каена, что в Нормандии, около сорока пяти лет от роду, по его собственному разумению, свидетель, представленный и приведенный к присяге, в день сей и в году означенном подвергнутый доследованию и допрошенный по поводу того, что в статье 42 содержалось, в коей упоминается о нарушении неприкосновенности церковной, показал, что он, свидетель, в сопровождении вышепоименованных Жилия де Рэ, обвиняемого, Жилия де Сийе, равно как и многих иных, в день празднования последней Троицы или на

¹ На старофранцузском языке в латинском оригинале: «На, ribault, tu as batu mes hommes, et leur as fait extorsion; viens dehors de l'église ou je te tueroy tout mort!»

² В латинском оригинале это слово написано по-французски.

следующий день после праздника оно́го, однако же он полагает, что было это все же в день помянутого празднования, вошел в приходскую церковь св. Стефана в Мерморте, в епархии Нантской, в каковой церкви они нашли вышепоименованного Жана Леферрона, слушавшего мессу; к каковому Жану Леферрону Жиль оный, обвиняемый, в руках держа особый меч, каковой по-французски именуется «жюзарм»¹, гневно обратился, ужасные в отношении помянутого Леферрона извергая угрозы и вскрикнув: «А, бесстыдиик, ты поколотил моих людей, вымогал у них деньги! Выходи прочь из церкви, не то я прибую тебя до смерти!»². Тогда помянутый Феррон, покорно преклонив колени, сказал Жилю, обвиняемому: «Делайте все, что Вам угодно»³. И охваченный страхом пред помянутым обвиняемым, Феррон оный попросил предыдущего свидетеля сопровождать его и вступить за него перед названным обвиняемым, боясь, как бы последний с ним дурно не поступил. Предыдущий же свидетель Феррону сказал, что ему нечего пугаться оно́го Жилия, обвиняемого, и что если ему и придется претерпеть какое-то зло, то он, то бишь сам свидетель предшествующий, претерпит его в той же мере, что и он. Затем, после того, как свидетель предыдущий и Жан Леферрон обменялись несколькими словами, последний вышел по доброй воле из церкви в сопровождении предыдущего свидетеля; каковые одновременно с ним, свидетелем, дающим ныне показания, направились вслед за помянутым обвиняемым к означенному замку Мерморт. Каковой замок в тот же день означенный Феррон передал или возвратил помянутому обвиняемому, как подтвердил предыдущий свидетель. И Жан Леферрон оный содержался помянутым Жилем де Рэ, обвиняемым, некоторое время в заточении, под стражей, там и в другом месте. И он сказал, что пятьдесят или шестьдесят вооруженных людей, в засаде сидевших, должны были по воле помянутого Жилия де Рэ, обвиняемого, атаковать означенный замок и овладеть им и что Жиль оный сие совершил бы, не отдай ему помянутый Леферрон замок сей. Однако же никто из тех, кто вместе с помянутым Жилем, обвиняемым, в помянутой церкви находился, когда Леферрон оный из нее вышел, не был облачен в салад, в шлем с забралом либо в иные доспехи военные, за исключением мечей и помянутого жюзарма, каковой был в руках у вышепоименованного Жилия, обвиняемого.

Кроме того, он сказал, что видел помянутого Жана Леферрона в облачении духовного лица и с тонзурою и знал, что все почитали его за духовное лицо.

1 В латинском оригинале это слово (*jusarme*) написано по-французски.

2 См. с. 256, сн. 1.

3 На старофранцузском языке в оригинале: «*Faictes ce que il vous plera*».

Таковы были его показания, иного же ничего ему неизвестно, помимо слухов, кои, как он утверждает, с его показаниями согласны.

И он обязался под присягою ничего из показаний своих не раскрывать никому.

III Показания пятнадцатн свидетелей касательно всеобщего возмущения против преступлений Жилья де Рэ. 21 октября 1440 года

Досточтимый и глубокоуважаемый мессир Жак де Панкоетдик, профессор светского и церковного права, сорока лет от роду; Андре Сеген, адвокат церковного суда в Нанте, сорока лет от роду, Жаи Лорьян, сорока лет от роду, адвокат светского суда; Робен Риу, адвокат светского суда; м-р Жан Бриан, пятидесяти лет от роду; Жак Томиси, купец из Лукании, гражданин Нанта, сорока пяти лет от роду; Жан Левей, купец, сорока лет; Пьер Пикар, купец, сорока лет; Гийом Мишель, аптекарь, сорока лет; Пьер Друэ, купец, сорока лет; Ютроп Шардавуан, аптекарь, сорока лет; Жан Латурнур, аптекарь, сорока лет; Пьер Вивиани младший, письмоводитель в церковном суде Нанта, тридцати пяти лет; Робен Гийеме, хирург и лекарь, шестидесяти лет, и Жан Одилореш, цирюльник, граждане Нанта, свидетели, представленные, как о том выше сказано было, принятые к присяге и поклявшиеся не говорить ничего, кроме правды, коим грехи их под залог были отпущены, дабы они в деле сием показания давали, либо в делах иного порядка, допрошенные ныне, 21 октября в году означенном, подвергнутые доследованию, вначале отдельно, а затем совместно, и с превеликим тщанием, спрашивали же их о том, что в сороковой и в сорок первой статьях содержалось, в коих о всеобщем возмущении упомянуто было; показали единодушно и без разногласий, что слухи и всеобщее возмущение распространились и по-прежнему распространяются в городе и в епархии Нантской, в местности Машкуль и прилегающих областях, а именно, что помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, вероломно и обманом приводил к себе сам и силою слуг своих множество детей, мальчиков и девочек, и обыкновенно совершал с ними богопротивный грех содомский, омерзительным, бесстыдным и бесчестным образом, предаваясь с ними противоестественному распутству; что он повелевал их резать или убивал их сам, а также повелевал вышепоименованным Роже де Бриквилю, рыцарю, Жилью де Сийе, Этьену Коррийо, прозванному Пуату, и Анрие Грияру, приближенным его, а также многим иным сообщникам его, пособникам и приспешникам в деле сием сжигать тела их и трупы; и что Рэ проводил ужасающие церемонии, заклинал злых духов и противно вере нашей воздавал демонам, принося им в жертву (сам либо чрез посредство

слуг своих) члены зарезанных детей; и что он имел обыкновение совершать и иные преступления и злодейства неправедным и извращенным способом; и что за это помянутый Жиль де Рэ, обвиняемый, был и есть публично опозорен в глазах всех честных людей.

Таковы были их показания, иного же ничего о том, что содержания статей оных касается, им, как они утверждают, неизвестно; и свидетели оные обязались обычным порядком показания свои не раскрывать никому.

II СВЕТСКИЙ СУД¹

ПОЛУОФИЦИАЛЬНОЕ ДОНЕСЕНИЕ О СУДЕБНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

261

От первоначальных исков до явки обвиняемого в суд

Ниже следуют документы процесса, каковой против Жилия де Рэ и нижепоименованных слуг и приближенных его велся, под началом благородного и высокоумного мужа Пьера де Л'Опиталя, президента Бретани, назначенного на должность сию властительным сеньором нашим, герцогом, и иными, кои в совете помянутого сеньора нашего состоят, и назначенного им, вследствие жалоб Жана Жанвре и жены его, Жанны Дегрепи, вдовы Реньо Донета, Жана Юбера и жены его, Жанны, жены Гибеле Дели, Агаты, жены Дени де Лемьона², Жанны, жены Жана Дареля, жены Перро Купри, Тифен, жены Эонне Лешарпантье, Жана Манье, Пьера Дегрепи, Жана Руйе, живущих в пригородах Нанта либо в соседних деревнях и во многих иных краях, в епархии оной и не только в ней, заявивших, что утратили детей своих, и считающих, что сир помянутый и его приближенные их похитили, сами или руками слуг своих, и умертвили; они говорят, что помянутый сир и приближенные его в преступлениях оных подозреваются.

По этому случаю, касательно означенных жалоб было проведено расследование и собраны сведения от имени помянутого сеньора нашего герцога и монсеньора президента вышеназванного, содержание коих дано ниже³. Каковые истцы в великом горе, в слезах возопили и стеная требовали, чтобы сотворено было правосудие согласно всем обстоятельствам, и поскольку расследования помянутые подтвердили виновность Жилия де Рэ, коего в убийстве маленьких сих детей и многих других обвинили, Жану Лаббе и прочим людям, властительному нашему сеньору подчиненным, приказано было, что ежели они помянутого Жилия де Рэ сумеют

¹ По старофранцузскому списку «гражданского процесса», датированному 1530 годом, из Архива Латремуя, хранящемуся в Национальном архиве под шифром 1 AR 585. Эта неаутентичная копия является наилучшей и самой ранней.

² В случае Агаты, жены Дени де Лемьона, речь идет о ее племяннике, Колене Авриле.

³ Во французском оригинале «*ci-dessus*» (выше) – явная опечатка (*прим. пер.*).

отыскать, то должны его схватить. По какому случаю Жан Лаббе и прочие люди, помянутому сеньору нашему подчиненные, арестовали Жилия де Рэ в Бретани, в сентябре, и накануне доставили его в темницу помянутого сеньора нашего в Нанте. И Жилию де Рэ, представшему в суде пред уполномоченными, кои назначены были прокурором Нантским и заместителем его, обязанности свои выполнявшим, было сказано и объявлено, что согласно заповедям Божиим и закону запрещено убивать ближних своих, напротив, следует любить их, как самого себя. Однако помянутый сир похитил сам или силою слуг своих множество маленьких детей не десять и не двадцать, а тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, сотню, две и более, так, что в точности их и не счесть; он имел с ними плотское соитие, получая противоестественное наслаждение и совершая мерзостный грех содомский, каковой у любого доброго католика ужас рождает и отвращение; не довольствовавшись этим, он убивал их сам или повелевал убивать, и, когда они умерщвлены были, он повелевал сжигать и обращать во прах тела их. Кроме того, названный сир упорствовал во зле сием, хотя вся власть от Бога и всякий должен подчиняться своему государю, каковой есть государь властью Божией, и хотя названный сир вассалом был и подвластным нашему властительному сеньору помянутому и поклялся ему в верности, как и остальные бароны; в силу этого у него не было права никаких действий по собственной воле свершать, самовластно и без дозволения помянутого нашего сеньора в землях его; невзирая на это, названный Жиль де Рэ, обманув помянутого нашего сеньора и пренебрегая волею его, собрал людей своих и напал с оружием в руках на некоего Жана Леферрона, подданного помянутого сеньора нашего, смотрителя в краю Сен-Этьен-де Мерморт и в замке местном, отправлявшего службу от имени Жоффруа Леферрона, брата своего, коему помянутый Жиль продал землю сию и передал ее на правах сеньории, дабы тот вступил во владение ею; и он повелел помянутого Жана Леферрона туда вывести, угрожая ему отсечением головы на месте, что заставило названного Жана Леферрона ему замок оный и земли уступить. Помянутый сир владел землями оными некоторое время, хотя ему устами помянутого нашего сеньора и правосудия его было велено покинуть те земли и отдать владение краем оным названному Леферрону вместе с теми богатствами, кои он у него отобрал, а в случае непокорности, отказа либо задержки помянутый сеньор наш определил взыскать с названного Жилия пятьдесят тысяч золотых экю.

Чему сир оный ни на йоту не подчинился, схватив названных Леферрона и Гийома Отри, сборщика винных пошлин помянутого сеньора нашего, бывшего с ним вместе, и повелел их заточить в темницу, затем отвести в Тиффож, за пределы герцогства, где их держали долгое время. И после заточения помянутого Леферрона сир оный схватил самолично и силою слуг своих Жана Руссо, главного судебного пристава помянутого нашего

сеньора, отобрав у него кинжал и иные бесчинства совершая. После чего в Машкуле он повелел избить и других приставов, презрев помянутого нашего сеньора и распоряжения его сие прекратить под угрозой взыскания пятидесяти тысяч золотых экю, коими бесчинства сии возместить следовало. Блага и владения, указанные выше, были под защитою помянутого сеньора нашего, а названный сир защиту оную и клятву верности свою нарушил, выказав себя строптивым бунтовщиком, помянутому сеньору нашему и правосудию его не подчиняющимся.

И помянутый прокурор представил против него свои заключения, согласно коим, ввиду означенных расследований и обвинений, ему предъявленных, его должно подвергнуть телесному наказанию в соответствии с законом. Кроме того, блага и земли, коими он по милости помянутого сеньора нашего герцога владел, должны быть у него изъяты; и взыскания помянутые должны быть осуществлены.

Помянутый сир де Рэ признал, что по собственному распоряжению собрал людей, дабы означенным Сен-Этьен-де-Мермортом овладеть, и, прибегнув к силе, схватил помянутого Леферрона, чтобы его владений оных лишить; он признал также, что тот ему уступил из страха, как бы он не повелел его обезглавить на месте; что земли сии принадлежали ему до тех пор, пока помянутый сеньор наш герцог не повелел отвоевать их; равным образом признал он, что повелел отвезти помянутого Жана Леферрона в Тиффож, где того содержали в заточении до тех пор, пока он не был благодаря вмешательству монсеньора коннетабля освобожден; кроме того, он признал, что ему помянутым нашим сеньором герцогом было дано предписание вернуть названные земли Жану Леферрону под угрозой взыскания пятидесяти тысяч золотых экю, коему он ни на йоту не подчинился. Ввиду сказанного, он готов подчиниться воле и указаниям помянутого сеньора нашего герцога, не признавшись, однако, ни в том, что собственноручно, ни в том, что с помощью слуг своих творил бесчинства по отношению к помянутым приставам. Более того, он отверг предложение помянутого прокурора, желавшего свидетельские показания, слова его подтверждающие, получить, каковые показания Жилю дозволено было давать. После чего сира помянутого надлежало спросить, верит ли он слугам своим, Анрие и Пуату и допускает ли он, чтобы они на суде свидетелями были. Помянутый сир отвечал, что среди приближенных своих он не терпит тех, в чьей честности он не уверен, и что если бы он о них узнал иное, то первым бы распорядился, чтобы они понесли наказание. И он не опростестовал свидетелей, но и не одобрил...¹

¹ Далее в манускрипте из Архива Латремуя следует сообщение о том, что произошло на церковном суде при обсуждении вопроса о пытке (см. с. 199), а затем то, что приводится здесь ниже. Подобные вставки характерны для того свободного стня, которым написана эта часть манускрипта.

РАССЛЕДОВАНИЕ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ГЕРЦОГА БРЕТОНСКОГО

С 18 сентября по 8 октября 1440 года

18 сентября 1440 года.

Сие дознание¹ и следствие осуществлены с целью доказать, поелику возможно, что сир де Рэ, а также соратники его и сообщники похищали сами либо руками слуг своих некое число маленьких детей или же иных лиц, что они их избивали и умерщвляли, дабы заполучить кровь их, сердце, печень или иные подобные части тела и чтобы преподнести их в жертву дьяволу или иное колдовство с ними творить, по поводу чего множество имеется жалоб. Расследование сие ведет Жан де Тушронд, назначенный на то герцогом, властительным сеньором нашим.

Жан Колен (sic) – первый из названных свидетелей, коего следователь принял, 18 сентября 1440 года.

Перонн Лессар, живущая в Ла-Рош-Бернаре, сообщает под присягою, что два года назад в сентябре помянутый сир де Рэ, возвращаясь из Ванна, остановился на ночлег в означенном селении Ла-Рош-Бернар, у помянутого Жана Колена, и провел там ночь. Свидетельница жила тогда напротив постоянного двора помянутого Жана Колена. Ее сына десяти лет от роду, ходившего в школу, приметил слуга сира де Рэ по имени Пуату. Пуату сей пришел поговорить с помянутой Перонн, требуя от нее согласия на то, чтобы ребенок остался с ним: говорил, что его будут хорошо одевать и великие выгоды ему сулил; при этом помянутый Пуату утверждал, что и для него ребенок будет прекрасным приобретением. На это помянутая Перонн ему ответила, что у нее есть еще время на то, чтобы дожидаться пользы от сына ее и что она его из школы забирать не будет. Тогда помянутый Пуату торжественно поклялся, что, забрав ребенка, отправит его в школу, а Перонн даст сто су на платье. Доверившись обещанию его, она позволила ему взять ребенка с собою.

¹ Заглавия и иные указатели, приведенные перед собственно материалами расследования, напечатаны мелким шрифтом.

Вскоре Пуату принес ей четыре ливра за платье. Она заметила, что недостает двадцати су, – он же возражения сии отверг, сказав, что обещал ей лишь четыре ливра. Она же ему сказала, что теперь-то поняла: он вряд ли исполнит остальные свои обещания, ибо уже должен ей двадцать су. На что он ей сказал, чтобы она сильно не волновалась и что он довольно им еще поднесет даров, ей и ребенку ее. После чего он помянутого ребенка забрал и повел его на постоялый двор Жана Колена, где остановился названный сир. На следующий день, когда Жиль де Рэ оттуда выходил, Перонн оная справилась о своем сыне помянутом, бывшем там же. Однако сир де Рэ ей ничего не ответил; помянутому Пуату, при нем находившемуся, он сказал, что ребенок выбран правильно и что он прекрасен, словно ангел. Названный Пуату ему ответил, что выбирал его не кто иной, как он сам, и помянутый сир ему сказал, что он не ударил в грязь лицом и сделал правильный выбор. И затем ребенок оный уехал с помянутым Пуату, вместе с названным сиром, на лошадке, купленной помянутым Пуату у названного Жана Колена. С тех пор женщина эта никаких известий не имела и не слыхала о том, где могло бы находиться помянутое чадо ее, и она не видела его более в окружении названного сира, каковой после этого проезжал через означенный Ла-Рош-Бернар. И с тех пор она названного Пуату в свите помянутого сира не видела. Те из приближенных сира оного, у коих она спрашивала, где ее дитя, говорили, что сын ее в Пузоже или в Тиффоже.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Жан Колен и жена его¹, Оливия, мать жены помянутого Колена, живущие в Ла-Рош-Бернаре, под присягою сообщают, что два года назад в сентябре помянутый сир де Рэ, проездом из Ванна, остановился на их постоялом дворе и провел там ночь. И что некий Пуату, слуга помянутого сира, столько всего сделал для Перонн Лессар, жившей тогда напротив их дома, что она доверила им сына своего, посещавшего тогда школу и бывшего одним из красивейших детей в тех краях, чтобы он жил у него; и помянутый Колен продал названному Пуату лошадку за шестьдесят су, дабы ребенка оного увезти. А женщины помянутые сказали, что в тот вечер, когда мать доверила ребенка этому Пуату, он его повел на постоялый двор, принадлежащий свидетелям, и говорил другим слугам помянутого сира, что это его паж, они же ему говорили, что он не для него и что помянутый сир, господин их, бережет ребенка оного для себя. На следующий же день, когда сир помянутый с означенного постоялого двора вышел, намереваясь уехать, женщины сии услышали, как мать этого ребенка справилась о сыне

¹ Имя жены Жана Колена не приводится, Оливия – это имя ее матери.

своим в присутствии ребенка и Пуату; на что помянутый сир сказал Пуату, что ребенок выбран правильно; Пуату же отвечал, что выбирал его не кто иной, как он сам, а сир помянутый ему сказал, что он не ошибся и что ребенок прекрасен, словно ангел. Вслед за тем ребенок оный уехал на помянутой лошадке с названным Пуату и помянутым сиром. И Колен оный заявляет, что два или три месяца спустя он видел, как кто-то другой, а не ребенок помянутый, взбирается на лошадь сию, что его поразило. И свидетели вышепоименованные говорят, что с тех пор они помянутого ребенка не видели и не слышали, где он находится, только вот женщины оные говорят, что когда они спросили об этом у приближенных помянутого сира, одни ответили, что он в Тиффоже, другие же, что он мертв: что когда они проезжали по мостам Нантским, его снесло ветром в реку. С тех пор она не видела, чтобы помянутый Пуату проезжал через селение оное Ла-Рош-Бернар в свите названного сира, когда тот сам проезжал через Ла-Рош-Бернар. И в последний раз, когда он там был, шесть недель назад, возвращаясь из Ванна, они спросили слуг помянутого сира, где помянутый Пуату находится, дабы узнать, где находится помянутый ребенок, и выяснили, что Пуату оный уехал в сторону Редона; и они подумали, что случилось это из-за громогласных сетований помянутой Перонн о сыне своем – каковы сетования могли стать известны помянутому Пуату через приближенных названного сира.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Жан Лемейньен и жена его, Аллен Дюли, Перро Дюпуэ, Гийом Жантон, Гийом Портюис, Жан Лефевр, клирик, из храма св. Стефана в Монлюке, сообщают под присягою, что около трех лет назад они часто видели, как маленький ребенок, сын Гийома Бриса, бедняка из помянутого прихода, просил милостыню в крепости Сен-Этьен-де-Монлюк, где жил отец его. Было этому ребенку около восьми или девяти лет от роду, а отец его умер год назад, в начале масленицы. Ребенок сей был весьма красив, и звали его Жаме. Свидетели заявляют, что со времени последнего праздника – дня св. Иоанна – они его более не видели и не слышали ничего ни о том, где он мог бы находиться, ни о том, что с ним случилось. Кроме того, Дюпуэ оный сказал, что в последний из дней св. Иоанна или около того он встретил старуху с румяным лицом, лет ей было от пятидесяти до шестидесяти; она была откуда-то из Куерона, а встретил он ее близ пресвитерии в Сен-Этьене; поверх платья на ней была надета полотняная блуза. А прежде он видел, как она по пути из Савне проходила через помянутый (sic) лес Сен-Этьенский, держа путь то ли в Куерон, то ли в Нант. В тот день, когда она пришла со стороны Куерона, свидетель видел помянутого ребенка близ той дороги, на коей он встретил помянутую старуху, на расстоянии, так

сказать, полета стрелы от помянутой пресвитерии, близ каковой пресвитерии жил некий Симон Лебретон. И свидетель заявляет, что с тех пор он помянутого ребенка не видел и ничего о том, где бы он находиться мог, не слышал. Равно как и не было в краю том никого, кто подал бы жалобу, ибо заступников у него не было; мать же его была нищей, день ото дня просившей милостыню.

Свидетели оные были допрошены Жаном де Тушрондом совместно с Жаном Тома 18 сентября 1440 года.

[Подпись:] *Де Тушронд, Тома*

27 сентября 1440 года.

Сия часть дознания и следствия осуществлена с целью доказать, послыку возможно, что некоторое количество детей, а также иных лиц, привели в замок Машкуль, там же их избивали и умерщвляли сир де Рэ и приближенные его, дабы заполучить кровь их, сердце, печень или иные подобные части тела, чтобы преподнести их в жертву дьяволу или иное коловство с ними творить. Расследование сие осуществлялось Жаном де Тушрондом, коему ведение дела оного поручено было герцогом, а помогал ему Николая Шато, нотариус Нантского суда, 27 сентября 1440 года.

Гийом Фуреж и жена его, Жанна, жена Жана Лефлу, Ришарда, жена Жана Годо из Пор-Лоне, близ Куерона, заявляют под присягой, что около двух лет назад маленький мальчик лет двенадцати, сын покойного Жана Бернара, соседа их, из помянутого Пор-Лоне, и другой мальчик из Куерона, сын Жана Менье, направились в Машкуль за обычным в той местности подаванием, дабы получить милостыню; и с того дня сына помянутого Бернара более не видели и никаких известий о нем не получали, разве что слышали от помянутого сына Жана Менье, что три дня спустя он вернулся в Машкуль и как-то вечером сын Жана Бернара с ним условился, чтобы тот его ждал в определенном месте, за домами машкульскими, и что он поищет им место для ночлега; сказав сие, он ушел, оставив Менье помянутого там, где он ему сие сказал и где тот его прождал более трех часов, надеясь, что он вернется, однако с тех пор он его не видел и никаких известий о нем не получал. Свидетели же заявляют, что они затем видели, как мать помянутого Бернара, отлучившаяся ныне на сбор винограда, весьма сетовала. Кроме того, жена помянутого Фурежа заявила, что на протяжении года она иногда встречалась с какой-то незнакомой старухой в дешевом сером платье и с черным капюшоном, женщина та была небольшого роста; как-то раз с нею был маленький мальчик, и она говорила, что направляется в Машкуль, и прошла с помянутым ребенком через Пор-Лоне; вскоре же, через два или три дня, свидетельница увидела, как она возвращается без

ребенка; тогда она у старухи спросила, что с ним случилось, а женщина сия ей ответствовала, что она его поместила к хорошему хозяину.

[Подпись:] *Де Тушронд, Шато*

28, 29 и 30 сентября 1440 года

Другая часть дознания и следствия затрагивает дело означенное, введущееся против помянутого сира де Рэ, приближенных его и сообщников Жаном де Тушрондом, Мишелем Эстрийяром и Жаном Копжоржем младшим, назначенными на должности сии герцогом, а помогал им Николя Шато, нотариус суда Нантского, 28, 29 и 30 сентября 1440 года.

Андре Барб, сапожник, живущий в Машкуле, сообщает под присягою, что со времени Пасхи он слышал, как говорили, что пропал сын Жоржа Лембарбье, из Машкуля, что однажды заметили, как он собирает яблоки за домом Роида, и что с тех пор его более не видели; кто-то из соседей говорил Барбу и жене его, чтобы они присматривали за ребенком своим и что его могут похитить, они же великий испытали страх, и свидетель даже побывал в Сен-Жан-д'Анжели, и его спросили, откуда он, и он ответствовал, что из Машкуля, после чего все были удивлены весьма,¹ сказав ему, что там едят маленьких детей.

Он сказал, что пропали также ребенок Гийома Жедона, живший у Гийома Илере, ребенок Жанно Руссен и еще один – Александра Шателье, из Машкуля. Кроме того, он слышал, как и другие жаловались на утрату детей в помянутом Машкуле. Он добавляет, что никто не осмеливался о том говорить, боясь людей из капеллы сира де Рэ или кого-то еще из приближенных его, в страхе, что если жалобы сии до них дойдут, их заключат в темницу либо дурно с ними обойдутся.

Кроме того, он сказал, что в церкви Св. Троицы в Машкуле слышал жалобы человека, коего не знал, вопрошавшего, не видел ли кто-нибудь его семилетнего ребенка; было это около восьми месяцев назад.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Жанетта, жена Гийома Сержана, живущего в приходе св. Креста в Машкуле, в селиии Ла-Букардьер, сообщает, что около года назад, на последнюю Пятидесятницу, она с мужем пошла вскапывать землю на поле, дабы сажать там коноплю; дома они оставили восьмилетнего своего ребенка следить за малой полуторагодовой дочерью, по возвращении же они помянутого восьмилетнего ребенка не нашли, что их весьма удивило и опечалило; и они пошли справиться о нем в приходах Машкуля и в иных

¹ В старофранцузском оригинале гражданского процесса написано: «sur ce, l'on lui avoit dit, en se merveillant, qu'on y mangeoit les petits enfans».

краях, однако с тех пор никаких известий о нем не получали и не слышали, что кто-либо его видел.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Жорже [Ле]барбье, портной¹, живущий близ замка Машкуль, сообщает, что у него был сын по имени Гийом, коего он поместил к Жану Пелетье, портному госпожи де Рэ и приближенных сира де Рэ – он обучался ремеслу и жил у него; в последний праздник св. Варнавы или около того юноша оный, восемнадцати лет от роду, играл в Машкуле в мяч; помянутый сир и приближенные его находились тогда в замке Машкуль; и с вечера того дня он своего сына помянутого более не видел и не слышал никого, кто бы его видел и знал, что с ним случилось, хотя он об этом неоднократно и многих вопрошал. И он сказал, что портной, мастер его, и помянутый ребенок, слуга его, постоянно ходили в замок и ели там.

Кроме того, он говорит, что слышал слова, произнесенные шепотом, о том, что в замке оном убивали детей.

Далее, он заявляет, что слышал, как говорили, что паж мессира Франческо², живший у названного сира, также пропал.

Еще он говорит, что видел, как великое множество детей шли просить милостыню в замок Машкуль, когда сир помянутый и приближенные его там располагались.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Гийом Илере и жена его, Жанна Илере, живущие в Машкуле, сообщают, что слышали, как приблизительно в означенное время сын помянутого Жорже Лебарбье пропал и с тех пор они его более не видели и не слышали о том, чтобы кто-то видел его. Кроме того, помянутый Гийом Илере вспоминает, что около семи или восьми лет назад ребенок двенадцати лет, сын Жана Жедона, жил у него и учился скорняжному ремеслу. И помянутый Гийом Илере сообщает, что во время оное, в присутствии Роже де Бриквиля, Жиль де Сийе попросил его одолжить своего слугу помянутого, дабы направить его с поручением в замок оный Машкуль, и помянутый Илере все это исполнил. Гийом и жена его заявляют, что они помянутого прислужника не видели и не слышали, что кто-либо его видел. И в тот же день, весьма поздно, помянутый Гийом Илере спросил у названных Сийе и Бриквиля, что с его слугою случилось, а они ему ответствовали, что им о том неизвестно, разве что он пошел в Тиффож, туда, где, по словам помянутого Сийе, его забрали к себе грабители, дабы сделать своим пажом.

1 В показаниях Эсташа Бланше (с. 231) этот Лебарбье фигурирует как кондитер.

2 Франческо Прелати.

Далее, свидетели заявляют, что слышали, как многие говорили о том, что ребенок Жанно Руссен и другой – ребенок Александра Шателье, живших тогда – первая в окрестностях деревни, второй – напротив церкви Св. Троицы в Машкуле, – также исчезли; и они слышали, как отец и матери их с превеликою скорбью на исчезновение сие сетовали.

Далее, помянутый Гийом Илере заявляет, что около пяти лет назад слышал, от некого Жана Дюжардена, жившего тогда у мессира Роже де Бриквилля, что в замке Шантосе нашли подземный ход, полный мертвых детей.

Далее, Гийом Илере оный заявляет, что слышал, как некая женщина из Рэ, имени коей он не знает, жаловалась в Машкуле, что у нее пропал ребенок.

Далее, свидетели заявляют, что слышали, как все и повсюду говорили о том, что в замке помянутом умерщвляли детей, по каковой причине они сами полагают, что дети оные там были загублены и убиты.

И тогда предстал пред нами, уполномоченными, названный Жан Жедон, каковой заявил, что ранее доверил сына своего помянутому оному Гийому Илере, дабы тот обучил его ремеслу скорняжному; и помянутый ребенок его пропал, как – о том ему неизвестно, и с того времени он его более не видел и известий от него никаких не получал. К тому же он сказал, что слышал, как сетовали на пропажу других детей.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Жан Тифолоз младший, Жуан Обен, Клеман Доре, из Тувуа, говорят, что слышали, как Матлен Туар жаловался и сетовал по поводу ребенка своего, ибо не знал, что с ним стряслось, и весьма этим был опечален; свидетели говорят, что Туар оный был бедняком. А жалобы его они слышали около полугода назад, ребенку же было около двенадцати лет.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Жан Руссен из Машкуля заявляет, что однажды около девяти лет назад ребенок его девяти лет от роду должен был присматривать за скотом и в тот день домой не вернулся; каковому обстоятельству свидетель сей и жена его весьма удивились, не зная, что с ним произошло. И с тех пор, после жалоб и стенаний жены его и его собственных, ему две соседки, ныне покойные, сказали, что видели, как Жиль де Сийе, одетый в табар¹, в кисейном платке, покрывавшем лицо его, разговаривал с названным ребенком и как ребенок помянутый ушел в замок через черный ход. Кроме того, он сказал, что ребенок его помянутый, живший близ замка, хорошо оного Жилия де Сийе знал, а порою приносил в замок молоко тем, кому оно нужно было. И он заявляет, что с тех пор ничего о помянутом ребенке своем не слышал.

1 Короткий, широкий плащ рыцаря с боковыми разрезами, надевавшийся обычно поверх лат (*прим. пер.*).

Вдобавок он сказал, что накануне того дня, когда он потерял помянутого сына своего, слышал он жалобы по поводу утраты ребенка названного Жедона, жившего у помянутого Гийома Илере. Также он сказал, что слышал, как другие люди по поводу утраты своих детей жаловались.

[Подпись:] *Де Туширонд, Копжорж, Шато*

Жанна, вдова Эмери Эделена, прежде жена Жана Бонно, живущая в Машкуле, говорит, что был у нее маленький сын восьми лет, волосы его были светлы, он ходил в школу, был весьма пригожим и способным; жил он с матерью помянутой Жанны близ замка Машкуль; и около восьми лет назад ребенок сей исчез, и никому не известно, что с ним приключилось. А до того дети Руссена и Жедона равным образом пропали. И недели две спустя ребенок Маса Сорена, жена коего приходилась оной Жанне теткою, также пропал; следуя же жалобам, раздававшимся отовсюду, люди посчитали, что дети оные были похищены, дабы их отдали англичанам в обмен на освобождение мессира Мишеля де Сийе, бывшего, как говорили, узником англичан; а приближенные помянутого сира якобы сказали, что в качестве выкупа за названного сира Мишеля должно было англичанам поставить двадцать четыре ребенка мужского пола.

Далее, она сказала, что около двух или трех лет назад она видела в Машкуле человека по имени Оран, жившего где-то около Сен-Мема, который мучился и стонал, ибо пропал сын его, он же спрашивал о нем в помянутом Машкуле, однако, насколько Жанне оной о том известно, известий о нем не было.

Далее, она сказала, что в этом году после Пасхи она слышала, как некий Эзе и жена его, живущие в Машкуле, в приходе св. Креста, в доме некоего Пенсонно, жаловались на то, что ребенок их пропал.

Далее, она заявляет, что слышала, как говорили о пропаже многих других детей, в Бретани и прочих краях, по коим великие всюду разносились сетования. Среди прочих некий человек из Тиффожа, чье имя она запамтовала, ей говорил, что на одного пропавшего ребенка в окрестностях Машкуля приходилось семеро в окрестностях Тиффожа: их похищали в поле, когда они пасли скот, и неизвестно было ни того, что с ними произошло, ни того, что с ними случилось.

[Подпись:] *Де Туширонд, Копжорж, Шато*

Маса Сорен и жена его заявляют, что приблизительно в то же самое время, кое указано было помянутой женою Эделена оною, ребенок жены сей пропал, и никому неизвестно было, что с ним случилось, а вскоре они услышали, что ребенок Александра Шателье, а также ребенок некоего Руссена и еще один – некоего Гийома Жедона, живший у Гийома Илере, равным

образом исчезли; и тогда все предположили, что их отдали англичанам, дабы они отпустили мессира де Сийе, пленника их, при этом говорили, будто за освобождение его нужно предоставить некое число маленьких детей, коих англичане должны сделать пажами.

Далее, они говорят, что сын Жорже Лебарбье, ближайшего их соседа, после Пасхи исчез, и никто не знает, что с ним стряслось. Великие слышны были жалобы на сии, а равным образом и на иные пропажи, однако никто много о том говорить не осмеливался.

[Подпись:] *Де Туширонд, Шато, Копжорж*

Перрин, жена Клемана Рондо, из Машкуля, сказала, что в течение года муж ее был так болен, что его соборовали и считали, что он умирает, а перед тем и еще ранее м-р Франческо¹ и маркиз де Сева, ломбардцы, находившиеся на службе у сира де Рэ², остановились в доме ее в верхней комнате, где и спали вместе; и в тот день, когда муж ее помянутый соборовался, Перрин она осталась вечером в комнате м-ра Франческо и маркиза, ибо рыдала и причитала весьма из-за мужа, они же ушли в замок Машкуль, оставив пажей своих в помянутой комнате, дабы те поужинали. Когда же м-р Франческо и маркиз вернулись, то весьма обозлились на то, что помянутая Перрин там была, и, осыпая ее ругательствами, взяли ее – один за ноги, другой за плечи – и вытащили на лестницу, решив сбросить вниз; с таким намерением Франческо помянутый ударил ее ногою в зад; и она считает, что упала бы, не поймай ее кормилица за платье.

Далее, она сказала, что после этого слышала, как маркиз помянутый сообщал оному Франческо, что нашел ему красивого пажа из окрестностей Дьепа, коим, по словам Франческо, он весьма доволен был; так малый ребенок, весьма красивый, происходивший, по его словам, из Дьепа, из хорошей семьи, пришел помянутому Франческо служить и был у него около двух недель. После этого Перрин подивилась сама себе, не понимая, что с пажом оным стряслось, и задала вопрос сей помянутому Франческо: где же паж его? Франческо ей ответствовал, что паж его обманул и скрылся с двумя экю, ему принадлежавшими, оставив ему ничего не стоившие подписи.

Далее, она сказала, что затем Франческо оный и м-р Эсташ Бланше остановились в небольшом доме в Машкуле, где жил некий Перро Каю, коего они оттуда выставили, взяв у него ключи от означенного дома; дом сей удален от поселений, стоит в уединенном месте, на глухой улице; у входа там колодец; и в небольшом этом доме, который нельзя счесть достойным

1 Франческо Прелати.

2 В тексте значит: «Жившие у сира де Рэ».

пристанищем для порядочных людей, помянутые Франческо и м-р Эсташ ночевали, а маркиз оный, часто помянутых Франческо и м-ра Эсташа посещавший, ночевал в доме помянутой Перрин и мужа ее.

Далее, она сказала, что после ареста помянутого сира и иных вышепоименованных лиц она видела, как в присутствии Жана Лаббе и других из дома помянутого Каю выносили прах, оставшийся, как говорили, от сожженных детей, и небольшую детскую сорочку окровавленную, издававшую запах столь тошнотворный, что она, его вдохнув, сделалась больна.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Андре Бреше, из прихода св. Креста в Машкуле, заявляет под присягою, что около шести месяцев назад он стоял на страже в замке Машкуль и что после полуночи заснул; когда же он спал, незнакомый ему человек маленького роста внезапно появился на дозорном пути, разбудил его и приставил к нему обнаженный кинжал со словами: «Ты сейчас умрешь». Однако, услышав мольбы помянутого Андре, человек сей ему ничего не сделал, продолжил путь свой и удалился. Андре же оно событие это весьма перепугало, так, что он весь взмок; а на следующий день он встретил сира де Рэ, который возвращался в Машкуль с острова Буэн. С тех пор он на страже помянутого замка стоять не осмеливался.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Перро Паскетто, Жан Соро, Катрин Дегрепи, Гийом Гарнье, Перрин, жена Жана Вейяра, Маргарита, жена Перро Редине, Мари, жена Жана Кеффе-на, Жанна, жена Этьена Ланде, из Фресне, близ Машкуля, заявляют под присягою, что после недавней Пасхи они слышали, как Гийом Амелен и Изабо, жена его, с превеликой скорбью сетовали на исчезновение двоих детей своих, а что с ними стряслось – они не знали. С тех они не слышали, чтобы кто-то этих детей видел или с ними встречался.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Изабо, жена Гийома Амелена, живущая в поселке Фресне, куда она с мужем приехала около года назад из Пуансе, заявляет под присягою, что где-то за неделю до окончания прошлого года она послала двоих сыновей своих, одного пятнадцати, а другого – около семи лет, в Машкуль, дабы они купили хлеба на те деньги, что она им дала, они же не вернулись, и с тех пор она не сумела выяснить, куда они делись. Однако на следующий день м-р Франческо и маркиз,¹ жившие у сира де Рэ², коих по ее словам она

1 Франческо Прелати и маркиз де Сева.

2 Они жили не в замке, а в его окрестностях. Это выражение просто означает, что они находились у него на службе.

хорошо знает и видела многократно, пришли к ней в дом, и маркиз спросил, излечила ли она грудь свою; отвечая ему, она спросила, с чего он взял, что у нее было недомогание, ибо на самом деле она ничем не болела. Он ей сказал, что она все же болела и что она не из тамошних краев, а из Пуансе; она же у него спросила, откуда ему об этом известно, а он ей ответил, что ему об этом хорошо известно; тогда она признала его правоту. После чего он окинул взглядом дом ее и спросил, замужем ли она, на что она ему ответила утвердительно, сказав, что муж ее приехал в их край, дабы найти работу. Когда же он заметил двоих маленьких детей в доме, а именно мальчика и девочку, он спросил, ее ли это дети; она ответила утвердительно, после чего он ее спросил, нет ли у нее еще детей; на что она ответила, что у нее есть еще двое детей, не упоминая об их исчезновении, говорить о коем она не осмеливалась. Тогда они ушли и когда покидали дом, она услышала, как помянутый маркиз сказал оному м-ру Франческо, что из этого дома забрали двоих.

Кроме того, она сказала, что где-то за восемь дней до того слышала, как Мишо Буэ и жена его, из Сен-Сир-ан-Рэ, также потеряли ребенка, коего с тех пор не видели.

[Подпись:] *Де Тушонд, Шато, Копжорж*

Перро Судан, из Фресне, заявляет под присягою, что во время, указанное помянутою Изабо¹, он видел, как помянутый м-р Франческо² и помянутый маркиз³ говорили с оною Изабо перед домом, где она живет, однако он не услышал того, что они ей говорили, ибо происходило это на таком отдалении, из-за коего было сие попросту невозможно. Равным образом слышал он, как Изабо жаловалась на исчезновение двоих детей своих, а Мишо Буэ – одного ребенка, каковых детей никто более не видел, насколько ему известно.

[Подпись:] *Де Тушонд, Копжорж, Шато*

Гийометта, жена Мишо Буэ, из Сен-Сир-ан-Рэ, заявляет под присягою, что через неделю после недавней Пасхи красивый и белокурый мальчик ее, восьми лет от роду, пошел за милостыней в Машкуль и не вернулся; с тех пор она известий от него не получала, хотя муж ее, отец помянутого ребенка, справлялся о нем повсюду; а на следующий день, когда в Машкуле раздавали милостыню во имя покойной Маэ Лебретон, она присматривала за скотом, и к ней пришел незнакомый высокий человек, одетый

1 Изабо Амелен.

2 Франческо Прелати.

3 Маркиз де Сева.

в черное, и спросил у нее помимо прочего, где ее дети и почему они не присматривают за скотом. Она ответила, что они пошли просить милостыню в Машкуль, засим он ее оставил и исчез.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Гийом Родиго, прозванный Гийомом де Герандом, и жена его, живущие в Бургнефе-ан-Рэ, заявляют под присягою, что накануне последнего дня св. Варфоломея сир де Рэ и приближенные его, среди коих находились м-р Эташ Бланше и Пуату, приехали в Бургнеф-ан-Рэ на ночлег. И помянутый сир поужинал у Гийома Плюме. У Родиго же оного жил мальчик пятнадцати лет по имени Бернар Аскамю, родом из окрестностей Бреста, коего дядя и манкадр¹ из Бреста ему доверили, дабы мальчик учился французскому языку и жил у него. В тот день помянутые м-р Эташ и Пуату говорили с мальчиком оным, весьма красивым и способным; свидетелям неизвестно, что они ему сказали, а Пуату помянутый пришел к названному Родиго и спросил его, что тот может у помянутого сира купить, говоря, что сделку между оным Родиго и сиром помянутым он уже заключил. В тот же вечер около десяти часов ребенок сей покинул дом их, не забрав с собою ни платья своего, ни обуви, ни капюшона, без ведома и в отсутствие помянутого Родиго и жены его; а слуга их им поведал, что прежде чем покинуть дом, ребенок ему сказал, что он уходит и попросил его позаботиться о чашках и расставить их правильно, после чего исчез; с тех пор они ребенка сего не видели и не слышали ничего о том, что с ним случилось, хотя названный Родиго об этом справлялся у сира оного и помянутых приближенных его, предложив им сорок экю за то, чтобы они ему мальчика вернули. На что помянутые Пуату и Эташ ему ответствовали, что если бы они его сумели отыскать, они бы его охотно ему отдали, однако они, дескать, боятся, как бы он не ушел в Тиффож, дабы стать там пажом.

Мargarита Сорен, из прихода св. Аниана, служанка помянутых Родиго и жены его, заявляет под присягою, что приблизительно в то время, кое выше указано было, когда она и помянутый ребенок после ужина находились в доме названного Родиго, где вместе играли, а Родиго помянутый и его жена были неподалеку, в другом доме, им принадлежащем, где они отужинали, появился помянутый Пуату и спросил их, всегда ли они играют вместе; они ему ответили утвердительно; после чего отвел в сторону помянутого ребенка, положив одну руку ему на плечо, второю же держа шапку его, и говорил ему что-то голосом столь тихим, что она не могла ничего разобрать. Затем, поговорив с ним так, помянутый Пуату удалился;

¹ Точное значение этого слова неизвестно. (*прим. пер.*).

тогда свидетельница спросила у помянутого ребенка, что ему сказал Пугату; он ей отвечал, что тот ему ничего не сказал; вскоре же ребенок свидетельнице сообщил, что хочет уйти и попросил ее позаботиться о делах его и их уладить; и он ушел, не пожелав ей сказать, куда, хотя она настаивала на том, чтобы он ей это сообщил. Он оставил там платье свое, обувь и капюшон, уйдя в том, что на нем было. С тех пор она его более не видела и никаких известий от него не получала.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Гийом Плюме и жена его, Мишель Жерар, из Бургнефа-ан-Рэ, заявляют под присягою, что они видели, как у Родиго помянутого жил хороший мальчик из Нижней Бретани по имени Бернар. Он жил там перед недавним дием св. Варфоломея, однако незадолго до помянутого праздника сир де Рэ приехал в Бургнеф и остановился там на ночлег, а затем они услышали, как помянутые Родиго и жена его весьма сетовали по поводу пропажи помянутого ребенка, коего свидетели никогда более не видели и известий о коем они более не получали.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Тома Эзе и жена его, живущие в Пор-Сен-Пере, заявляют под присягою, что около года они жили в Машкуле, что на недавнюю Пятидесятницу они все еще там жили и что, будучи бедняками, они перед Пятидесятницей помянутой послали сына своего, коему было около десяти лет от роду, за милостыней в замок Машкуль, где в то время расположился сир де Рэ; с тех пор они ребенка своего более не видели и известий о нем не получали, за исключением следующего: маленькая девочка, — чьего имени она не знает, как не знает имени отца ее, — сказала ей, что она видела, как сын ее просил милостыню около замка и что вначале милостыню давали только девочкам, затем мальчикам, а после этой второй раздачи она услышала, как один из слуг сказал сыну свидетелей, что ему не дали мяса и что он должен зайти в замок помянутый, где ему мясо сие дадут; и в самом деле, после этого его впустили в означенный замок.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж, Шато*

Жанетта, жена Эсташа Друэ из Сен-Леже, близ Пор-Сен-Пера, заявляет под присягою, что за год до последнего Рождества, за две недели до праздника или около того, она послала двоих сыновей своих, одного десяти, другого же семи лет, за милостынею в Машкуль, поскольку слышала, как говорили, что сир де Рэ повелел там милостыню раздавать и что, более того, люди там делали сие с охотою. И она сказала, что дети помянутые остались на несколько дней в Машкуле, она же встретила людей, сказавших,

что они их там видели; однако с тех пор она туда часто приходила и их не видела и не знает, что с ними приключилось, хотя она и муж ее многократно о них справлялись.

[Подпись:] *Де Тушронд, Копжорж*

2 октября 1440 года

Другое дознание и следствие, Жаном де Тушрондом и Этьеином Алуаром произведенные, кои назначены были на то герцогом, помогал же им Николая Шато, нотариус Нантского суда, 2 октября 1440 года.

Жанетта Дегрепи, [вдова] Реньо Донета, из прихода Богоматери Нантской, сообщает и заявляет под присягою, что два года назад, в день св. Иоанна или около того, когда сир де Рэ расположился в ее доме в Нанте, пропал двенадцатилетний сын ее, школьник. И с тех пор она известий о нем не получала, разве что две недели назад она услышала, как Перрин Мартен, заключенная в тюрьме Нантской, созналась, что привела помянутого ребенка к сиру оному в покои его, в дом его Ла-Сюз в означенном Нанте, и что помянутый сир приказал привести его в Машкуль и передать прихватнику; кроме того, она созналась, что и в самом деле привела туда помянутого ребенка.

Далее, она говорит, что Жан Юбер и Дени де Лемьон из того же Нанта тоже потеряли своих сыновей¹, коих она знала, и что слышала, как они сетовали на утрату их; и с тех пор она детей оных более не видела.

Далее, она говорит, что по поводу жалобы, кою она обращала к некому Шерпи или к иным приближенным помянутого сира, ибо [ребенок ее] часто бывал в доме Ла-Сюз, неподалеку от которого жила помянутая Перрин, Шерпи оный и приближенные помянутого сира ей сказали, что, по их мнению, он ушел в Машкуль, дабы стать там пажом.

[Подпись:] *Этьен Алуар, Де Тушронд, Шато*

Жан Жанвре и жена его, из прихода св. Креста в Нанте, заявляют под присягою, что два года назад, за восемь дней до праздника св. Иоанна Крестителя, когда сир де Рэ остановился в Нанте в доме своем Ла-Сюз, они потеряли девятилетнего сына своего, школьника, иногда посещавшего дом помянутый Ла-Сюз; и с тех пор они известий о нем не получали, разве что три недели назад они услышали, как говорили, что Перрин Мартен, заключенная в тюрьме Нантской, созналась в том, что привела ребенка оного к сиру де Рэ, в замок его Машкуль.

[Подпись:] *Де Тушронд, Этьен Алуар, Шато*

¹ Относительно Дени де Лемьона речь идет о его племяннике, а не сыне.

Жан Юбер и жена его, из прихода св. Леонарда в Нанте, заявляют под присягою, что два года назад, в четверг, последовавший за днем св. Иоанна Крестителя, они потеряли своего тринадцатилетнего сына, школьника; а сир де Рэ тогда жил в доме своем в Нанте. До этого ребенок сей, будучи нанят на восемь дней, жил у Принсе, принадлежавшего к свите помянутого сира. Принсе, наняв его, должен был ребенку предоставить наилучшие условия, пообещав родителям, что ребенку будет от этого много пользы, равно как и им, однако ребенка он родителям не отдал и даже не привел никаких причин, по коим он от него ушел. Ребенок же помянутый им сказал, что у Принсе оного есть лошадь, на которую он взбираться не осмеливался, боясь, как бы она его не убила. На что родители ему сказали, что он должен вернуться в школу, ребенок же им отвечивал, что у помянутого сира де Рэ служит один благородный человек, назвавшийся Спаденем, с коим он завязал дружбу и у кого желал бы жить, ибо тот ему пообещал хорошо его снарядить, отвести его в другую страну¹ и сделать ему много добра. Поверив словам ребенка, родители его отпустили, и на следующий день после возвращения от помянутого Принсе он и в самом деле туда уехал, проведя дома лишь одну ночь. Когда же после этого он ушел в дом Ла-Сюз, где был в то время помянутый сир, они своего ребенка видели на протяжении недели. Однако в это время сир помянутый отсутствовал четыре или пять дней, оставив в Ла-Сюзе часть приближенных своих вместе с помянутым ребенком. А в тот день, когда сир вернулся, ребенок пошел к родителям своим и сказал матери, что сир его очень любит, что он только что убрал комнату свою и что наставник его дал ему каравай хлеба, испеченный для помянутого сира, каковой он отнес матери. Он сказал ей и о том, что некий Симонне, один из слуг помянутого сира, передал ему еще один каравай такого же хлеба, дабы он отнес его одной женщине в городе. И свидетели говорят, что с тех пор они своего ребенка более не видели и известий о нем не получали, хотя и жаловались на исчезновение его приближенным помянутого сира, им отвечавшим, что какой-то шотландский рыцарь, коему он понравился, увез его с собою. Месяц назад они бесхитростно и доверчиво пожаловались на утрату сына своего жене м-ра Жана Бриана, и жена Жана Бриана сказала жене названного Юбера, что та утверждает, будто помянутый сир убил ее ребенка. На что жена Юбера отвечивала, что она ничего подобного не говорила, однако жена Бриана возразила, что это не так, и что она еще об этом пожалеет, она и другие.

Далее, свидетели говорят, что после пропажи ребенка помянутый сир жил в Нанте около двух недель, на протяжении коих названный Спаден послал за Юбером, по словам последнего, и спросил у него, где сын его; на что тот отвечивал: ему о том неизвестно, однако он отдал его назван-

¹ В тексте сказано: «en pays d'amont» (в страну, которая выше по течению).

ному Спадину¹, который и несет за него ответственность; на это помянутый Спадин ему возразил, что он слабоумный и что он сам несет ответственность за пропажу своего сына. Они говорят также, что слышали, как Дегрепи, [вдова] Реньо Донета, Дени де Лемьон и жена его, Жан Жанвре с жеию равным образом жаловались на пропажу своих детей.

Далее, Юбер оный заявляет, что, потеряв ребенка своего, он сказал Принсе, что тот совершил великий грех, не уследив и не позаботившись о мальчике; Принсе же оный ему ответствовал, что это его не касается и что ребенок, очевидно, находится у благородного человека, который ему принесет много добра.

[Подпись:] *Де Туширонд, Этьен Алуар, Шато*

Агес², жена Дени де Лемьона, ткача из прихода Богоматери Нантской, говорит, что около полутора лет назад племянник ее, сын Колена Авриля³, жил с мужем ее и с нею, было ему восемнадцать лет, и он порой заходил в дом Ла-Сюз; как-то вечером, когда там расположился сир де Рэ, один из слуг его попросил ее отдать ему мальчика, дабы показать ему резиденцию архидиакона Мерля, пообещав ей за то каравай хлеба; она его предложение приняла, сопровождала его, а затем вернулась к себе; а на следующий день помянутый мальчик направился в дом Ла-Сюз, намереваясь получить оный каравай; с тех пор он не возвращался, и никаких известий о том, что с ним могло статься, она не получала.

[Подпись:] *Де Туширонд, Этьен Алуар, Шато*

Жанна, жена Гибеле Дели, из прихода св. Дионисия в Нанте, заявляет, что год назад, на последний пост, она потеряла семилетнего ребенка своего, который бывал в доме Ла-Сюз, где столкнулся с неким Шерпи, поваром сира де Рэ, каковой во время исчезновения ребенка находился в помянутом Ла-Сюзе. А м-р Жан Бриан, живший там же, сказал ей, что видел, как помянутый ребенок жарил мясо, и если верить ему, он сказал помянутому повару, что тот не должен заставлять его работать таким образом на кухне; с тех пор она помянутого ребенка более не видела и известий о нем никаких не получала.

Далее, она сказала, что три или четыре месяца назад жаловалась жене помянутого м-ра Жана Бриана, говоря, что ей-де рассказывали, будто сир де Рэ повелевал похищать маленьких детей, дабы их убивать; однако двое

¹ Во французском тексте сначала написано Spadin (Спаден), а затем – Spadine (Спадин) (*прим. пер.*).

² Во французском тексте это имя пишется и как Agathe (Агата), и как Agaïce (Агес) (*прим. пер.*).

³ Скорее всего, Авриль-сын и есть Колен; отца же звали Гийомом. См. сс. 165 и 280.

слуг помянутого сира, имен коих она не знает, появились, когда она проносила эти слова, и названная жена Бриана им сказала, что свидетельница утверждает, будто помянутый сир повелевал убивать малых детей, и названная жена ей сказала, что она еще об этом пожалеет, как и другие; свидетельница тогда извинилась пред слугами помянутого сира.

[Подпись:] *Де Тушронд, Этьен Алуар, Шато*

Жан Тублан, из Сен-Этьен-де-Монлюка, заявляет, что год назад на последний день св. Юлиана он отправился в Сен-Жюльен-де-Вувант, оставив дома мальчика тринадцати или около лет; свидетель был воспитателем названного ребенка, который жил в доме его. По возвращении он увидел, что мальчик исчез, и с тех пор известий о нем не было.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Жан Фужер, из прихода св. Донациана, близ Нанта, заявляет под присягою, что около двух лет назад он потерял сына своего лет двенадцати, который был весьма красив; и с тех пор он не сумел узнать, что с ним случилось.

[Подпись:] *Де Тушронд*

2 октября 1440 года

Жан Феро, Гийом Жакоб, Перрин Бланше, Тома Бови, Эонне Жан, Дени де Лемьон, из прихода Нантской Богоматери, заявляют под присягою, что знали сына Жана Юбера, сына Реиьо Донета и сына Гийома Авриля, живших в помянутом приходе, и им неизвестно, что с детьми оными случилось, однако они слышали, как отцы их, матери и друзья скорбели и жаловались на их пропажу. Свидетели сии жалобы слышали и подтвердили, что два с половиною года назад дети оные пропали, и с тех пор никаких известий о них никто не получал, разве что год назад свидетели слышали, как говорили, что сир де Рэ и люди его похищали детей, дабы их убивать и что по этому поводу великое повсюду горе, и всем о том известно.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Николь, жена Венсана Бонро, Филиппа, жена Матиса Эрно, Жанна, жена Гийома Приера, из прихода св. Креста, что в Нанте, заявляют под присягою, что они знали сына Жана Жанвре и жены его, живших у господина д'Этампа¹. Ребенку оному было около девяти лет, и они слышали, как отец его и мать жаловались горестно на исчезновение его и утрату. С тех пор они помянутого ребенка не видели и не слышали, чтобы о нем говорили. И, по их словам, они уже полгода повсюду слышат, что сир де Рэ и его люди берут и убивают малых детей.

¹ По-видимому, это Ришар, граф д'Этамп, брата Иоанна V, герцога Бретонского.

Далее, они говорят, что знали мальчика, сына покойного Эонне де Вильбланша, а три месяца назад слышали, как мать его жаловалась на его исчезновение и утрату, и что с той поры он его не видели.

Далее, Рауле де Лоне, портной, свидетельствует, что на последнее Успение сшил камзол для помянутого ребенка, жившего тогда у Пуату. И именно Пуату, а не названная Масе¹, договаривался с ним о пошивке камзола, заплатил ему двадцать су, и с того времени ребенка он не видел.

[Подпись:] *Де Тушронд*

6 октября 1440 года

Жан Эстес и Мишель, жена одного Эстеса, из прихода св. Климента, что близ Нанта, заявляют под присягою, что сын помянутой Даге, по имени Перро Даге, в течение двух или около лет жил у м-ра Гатьяна Рюи, и было ему тогда лет одиннадцать от роду. Прожив там два года, он пришел к матери своей, побыл с ней день или два и, как утверждают свидетели, провел у нее одну ночь. И однажды, то бишь за два года до грядущего Дня всех святых, обеспокоенные мать, свидетели и многие соседи заметили, что ребенок помянутый исчез; и никогда более, по утверждению свидетелей, никто ребенка одного не видел ни в означенном приходе, ни где-либо еще. Свидетели же несколько раз слышали, как мать помянутого ребенка спрашивала о нем у м-ра Гатьяна, у слуг его и у некоего Линаша, проживающего в Анже, причитая и говоря, что не знает, что случилось с ним.

И они видели равным образом, как она спрашивает о нем у Тифен, жены мясника Эонне Лешарпантье, сестры матери помянутого ребенка; каковая Тифен заявила об этом и подтвердила тем же образом.

Далее, когда их спросили, не слышали ли они молву или слухи о том, что названный сир де Рэ или слуги его похитили одного ребенка или других детей, они ответили отрицательно, а узнали они о том лишь после ареста помянутого сира де Рэ и людей его; они также говорят, что до того дня не знали помянутых Тифен и Перрин², заключенных ныне в темницу.

8 октября 1440 года

Жан Шике, пергаментщик, живущий за воротами Совту, свидетельствует под присягою, что около месяца тому назад некто Масе Друе, торговец галантереей из окрестностей Шантлу, близ Ренна, поселился у него, свидетеля, и с ним было несколько других торговцев. И говорили все они о детях, исчезнувших в краю Рэ; и свидетель услышал, как Друе сказал, что он сам

1 Речь идет о жене Эонне де Вильбланша (с. 291).

2 Очевидно, это Тифен, вдова Робена Браншю, и Перрин Мартен, прозванная Ля Меффрэйс. Эту Тифен допрашивали как свидетельницу одновременно с Перрин Мартен, однако их показания до нас не дошли (см. с. 136).

и два других торговца побывали на нескольких ярмарках в Рэ около года тому назад; он оставил [двоих детей] в краю оном и с тех пор не видел их более; и он снова встретился с отцом и матерью их, вопрошавших его, нет ли о них вестей, но ответил им, что не знает ничего об их судьбе.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Пьер Бадью, торговец галантереей из помянутого прихода Шантлу, заявляет, что около года назад видел в означенном краю Рэ двух малых детей лет девяти; у каждого было по тюку, и шли они, как и сам свидетель, на ярмарку; это были братья, дети Робена Паво из помянутой местности. И больше никогда он их не встречал и не знает, что с ними приключилось. Впоследствии оказался он в местности, откуда они были родом, и говорил с родителями их и одним из братьев; те спросили у него, не узнал ли он что-нибудь, и он им ответствовал, что не видел их более после того, как встретил их в краю оном Рэ. Он добавляет, что слышал слова брата сего, говорившего, что был он в разных краях, дабы разузнать что-нибудь о брате своем, но безуспешно.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Жан Дарель, из прихода св. Северина, что близ Нанта, заявляет, что живет в приходе оном вот уже года три; около года назад, когда он заболел и был прикован к постели на долгое время, сын его, живший с ним, был схвачен на Рыночной улице, где играл с другими детьми; он не знает ни того, кто его сына схватил, ни куда его увели, и с тех пор не смог ничего о нем узнать, хотя и побывал в разных местах в надежде получить какие-то о нем известия.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Жанна, жена помянутого Дареля, заявляет, что год назад, в день св. Петра, она потеряла в городе Нанте сына своего по имени Оливье, тогда семи или восьми лет от роду. И с того праздника св. Петра она его более не видела и не знает, что с ним могло случиться.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Жанна, мать помянутой жены Жана Дареля, заявляет, что год назад в день св. Петра, когда возвращалась она из собора св. Петра в Нанте, где была на вечерне, встретился ей помянутый ребенок близ позорного столба, и она довела его до св. Сатурнина, желая отвести его к себе, а перед церковью оной она потеряла ребенка в толпе; она его искала и спрашивала о нем в церкви, однако найти так и не смогла; и с тех пор она его более никогда не видела и известий о нем не получала.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Эонетта, жена Жана Бремана, живущая около рынка в доме, где живут помянутые Дарели, заявляет, что она ребенка Дарелей оных хорошо знала, звали его Оливье, и было ему столько, сколько выше указано; и она сказала, что уверена: во время, указанное выше, жена помянутого Дареля ей сказала, что потеряла ребенка своего, и спросила, не видала ли она его, она же ей ответила, что нет; кроме того, она сказала, что, насколько ей известно, с тех пор ребенок ни разу не появился в доме отца своего и матери; и она так и не слышала, что его нашли.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Николь, жена Жана Юбера, из прихода св. Винсента, что в Нанте, поклявшись говорить правду, заявляет под присягою, что года за два до последнего дня св. Иоанна она отдала четырнадцатилетнего сына своего по имени Жан некому Менгюи, у коего он жил лишь некоторое время, ибо помянутый Менгюи умер. После кончины его помянутый сын вернулся к ней и к отцу своему; после этого сир де Рэ, возвращаясь из Анже, остановился в доме своем в Нанте, под названием Ла-Сюз. Сын свидетельницы пошел в дом сей, где познакомился с неким Спадином, жившим у названного сира. Спадин сей отдал ему каравай хлеба, который он отнес свидетельнице, говоря, что тот ему это дал и хочет, чтобы ребенок помянутый жил с ним, дабы ездить вместе с ним верхом и сопровождать помянутого сира де Рэ. Свидетельница же ему ответствовала, что она это одобряет. И вновь помянутый сын ее направился в Ла-Сюз, откуда вскоре вернулся, многократно со свидетельницею попрощавшись и сказав ей, что едет жить у помянутого Спадина. И в самом деле, он затем ушел, и с тех пор свидетельница его никогда более не видала и не узнала, что с ним могло случиться. Более того, Жан Юбер, муж свидетельницы и отец ребенка, заявляет, что после этого он отправился в Ла-Сюз и спросил у помянутого Спадина, где сын его, на что тот ему отвечивал дважды, что ему об этом неизвестно, что он должен был уехать и что ребенок исчез. Вот каковы были показания ее.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Жан Буро и жена его; Жанна, жена Тибо Жеффруа и дочь его; Гийом Эмери, свидетельствуют, дав клятву говорить только правду, и заявляют под присягою, что они Юбера сего и жену его хорошо знают; что равным образом хорошо им был знаком помянутый Жан, сын их; что они видели, как долгое время они жили в приходе св. Леонарда в Нанте и все еще жили там за два года до недавнего дня св. Иоанна. В то время Жан помянутый, их сын, жил вместе с ними, и до праздника и после него они Жана оного видели в доме помянутых отца его и матери. Однако вскоре ребенок сей уехал или же был увезен – они не знают ни куда, ни в каком направлении, и более они

его никогда не видели; с той поры они помнят, как отец его и мать справлялись о нем в городе оном и в прочих местах. Вот каковы показания их.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Ля Дегрепи, жена Реньо Донета, живущая в приходе Нантской Богоматери, свидетельствует, поклявшись говорить правду; когда ее спросили, она заявила под присягою, что за два года до недавнего дня св. Иоанна Крестителя она и муж ее жили в том доме, где она живет и по сей день. И один из их сыновей жил с ними. Муж ее нанялся на некоторое время к некому Жану Феро, булочнику, дабы ремесленную работу исполнять; и помянутый сын его часто ходил с отцом, дабы сажать хлеб в печь. Она заявляет вдобавок, что до указанного времени сын ее познакомился с несколькими людьми из окружения сира де Рэ, коих она, по свидетельству ее, не знала; как только помянутый сир приехал в город сей, сын ее стал посещать его дом, однако что он там делал, ей неизвестно; наконец она говорит, что в то время, кое выше указано было, то бишь за два года до недавнего дня св. Иоанна, сын ее направился в дом помянутого сира, и никогда с тех пор она его более не видела, а кроме того ей ничего не известно о том, что с ним случилось и жив ли он. Впоследствии она обошла множество селений в надежде получить о нем известия, однако ничего узнать не смогла.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Жаи Феро и жена его заявляют под присягою, что за два года до недавнего дня св. Иоанна помянутый Реньо Донет, ныне усопший, нанялся к ним булочником; сын же его двенадцатилетний часто приходил с ним и сажал хлеб в печь. Однако они наблюдали не раз, что когда он видел либо знал, что сир де Рэ в городе, то, наполнив печь лишь до половины, он покидал работу и отправлялся в дом помянутого сира, а что он там делал, им неизвестно. А однажды, во время оное, — точного дня они сказать не могут — они увидели, как он ушел, и с того дня более его не встречали, и что с ним случилось, им неизвестно.

[Подпись:] *Де Тушронд*

Пьер Бланше и Гийом Жакоб заявляют под присягою, что живут близ дома вдовы Реньо Донета; они уверены, что за два года до недавнего дня св. Иоанна у оного Донета усопшего и жены его был сын, коего они хорошо знали; когда же сир де Рэ оказывался в городе, он тотчас же шел в дом его, и что он там делал, им неизвестно. Но как-то раз он туда пошел, и с того дня они его более не видели, и что с ним случилось, они не знают. Вот каковы показания их.

[Подпись:] *Де Тушронд*

I Признания Анриэ и Пуату

Признание Анриэ'

Да будет известно, что помянутый Анриэ был слугою и камердинером сира де Рэ оного, и когда помянутый сир де Ласюз² захватил Машкуль вместе с замком, Анриэ оный услышал, как мессиру Шарлю Леонскому сказали, что в нижней башне помянутого замка обнаружены были трупы детей, и помянутый мессир Шарль у него спросил, не знает ли он чего-либо об этом, он же ему сказал, что нет, ибо тогда он об этом не знал. Однако он говорит, что когда сир де Рэ вновь обрел Шантосе и поехал туда, дабы передать владение Шантосе герцогу, властительному сеньору нашему, помянутый сир его заставил поклясться, что он не раскроет тех тайн, кои он хотел ему доверить. Взяв клятву сию, он повелел помянутым Анриэ и Пуату, равно как и одному человеку, прозванному Малыш Робен, ныне покойному, пойти в башню оную, где были помянутые трупы детей, взять их, положить в сундук, дабы отнести их в Машкуль. В башне же сей он обнаружил тридцать шесть голов, кои положены были в три сундука, обвязанные затем веревками и свезенные по воде в названный Машкуль, где они были сожжены, а не в Шантосе, ибо помянутый сир де Рэ провел там лишь один или два дня, получив помянутые земли от сира оного де Ласюза, брата своего, дабы передать владение ими помянутому герцогу нашему, что помянутый сир и сделал; а оттуда названный сир де Рэ отправился в Машкуль, где находились дети оные, тела коих почти целиком разложились, ибо они умерщвлены были до того, как помянутый сир де Ласюз захватил означенные земли; и в голову помянутому Аириэ, когда его вели

1 Это признание Анриэ перед судьями светского суда совпадает, особенно в начале этого варианта, с показаниями Анриэ, которые он давал перед церковным судом (с. 245). Здесь добавляются лишь некоторые детали, например то, что когда его вели в темницу, у него возникла идея перерезать себе горло.

2 Рене де Рэ, брат Жилия, сир де Ласюз.

в темницу Нанта, пришла идея, – бывшая дьявольским искушением, – перерезать себе горло, дабы не сказать того, о чем ему известно было.

Далее, помянутый Аирие заявил, что названные Жиль де Сийе и Пуату доставляли в покои помянутого сира де Рэ множество маленьких детей, с каковыми последний имел сношение, возбуждаясь и извергая семя свое на животы их, однако он тешился ими лишь один или два раза. Порою сир помянутый перерезал им горло самолично, иной раз Жиль де Сийе, Аирие и Пуату делали это в покоях его; кровь же струившаяся отмывалась тотчас же, а мертвые дети сжигались в помянутых покоях сира оного, после чего тот шел почивать. Помянутому сиру больше доставляло удовольствия перерезать им горло или наблюдать за этим, нежели иметь с ними плотскую связь. Аирие сей, Жиль де Сийе и некий Россиньоль привели и доставили ему около сорока детей, кои умерщвлены были и сожжены указанным образом. Аирие оный забирал детей, когда они просили милостыню, а помянутые Сийе, Пуату и Россиньоль их сжигали.

Далее, помянутый сир и мэтр Франческо Прелати встречались с глазу на глаз в течение пяти недель в покоях замка Машкуль, от коих у сира помянутого был ключ. И названный Аирие слышал, как говорили, что там нашли восковую руку и кусок железа.

Далее, он заявил, что Катрин, жена некого Тьерри, жившего в Нанте, отдала ему своего ребенка, дабы он вступил в капеллу помянутого сира. Он же, Аирие, повел его в Машкуль, в комиату свою. И там помянутый сир и Пуату взяли с него клятву не раскрывать тайн их. Когда же ребенок был доставлен, Аирие оный отправился в Наит, где провел три дня. Однако по возвращении в Машкуль он ребенка более не видел, и ему сказано было, что тот умер. Аирие сказал, что то был первый ребенок, коего он помянутому сиру доставил; и он думает, что было это около четырех лет назад.

Далее, он сказал, что передал помянутому сиру, в доме его Ла-Сюз в Нанте, детей Гибеле Дели, Жана Юбера, некого Донета, некого Лемьона, всех четверых из Нанта. Помянутый сир с ними сношение плотское имел в означенном доме, а затем они были убиты и сожжены.

Далее, он сказал, что некий Иллари, бретонец, принадлежал к капелле помянутого сира, а затем оттуда ушел, оставив вместо себя брата своего.

Далее, он сказал, что Пуату привел из Ла-Рош-Бернара в Машкуль к сиру помянутому красивого ребенка, коего равным образом умертвили.

Далее, он сказал, что детей забирали из Нанта и приводили в дом Ла-Сюз, где они убивались и сжигались в покоях, в коих почивал помянутый сир, бывший в постели, когда тела их сжигались; по порядку клались в камин толстые или длинные поленья на два тагана, и две или три вязанки сухого хвороста на поленья сии, после чего туда клали детей, а прах от тех, кто сожжен был, разбрасывался повсюду в Машкуле.

Далее, он сказал, что он убил в Машкуле красивого паж, служившего м-ру Франческо.

Далее, он сказал, что юный и красивый мальчик, живший у Родиго в Бургнефе-ан-Рэ, был уведен Пуату и убит в Машкуле, как сказал ему о том Пуату. И Анрие сказал, что он при смерти помянутого ребенка не присутствовал, однако слышал, как Пуату или Жиль де Сийе говорили, что ребенок сей был умерщвлен, подобно остальным.

Далее, он сказал, что Принсе отдал Пуату жившего у него юного паж, каковой паж был Анрие оному знаком; паж тот равным образом умерщвлен был; он добавляет, что детоубийства оные имели место в покоях в Машкуле, где почивал помянутый сир, либо же в портике, и что иногда после сожжения тел, дабы дело ускорилося, в огонь бросали одно за другим платья и сорочки убиенных детей, так, чтобы дыма от них не чувствовалось.

Далее, он сказал, что м-р Франческо Прелати часто посещал покой помянутого сира и оставался там с ним наедине час или два.

Далее, он сказал, что м-р Эсташ пошел за помянутым м-ром Франческо и что он слышал, как тот сказал, будто призовет м-ра Алиборона, то есть дьявола, что он слышал от м-ра Эсташа, будто м-р Франческо призовет его за кувшин вина.

Далее, он сказал, что Андре Бюше, состоявший в капелле помянутого сира, ныне же состоящий в капелле герцога, послал в Машкуль к помянутому сиру детей из Ванна, и что слуга его по имени Рауле привел к нему одного из них, который был убит, а случилось сие приблизительно тогда, когда герцог вернул помянутому сиру деньги, кои ему должен был за Шантосе. Кроме того, он сказал, что помянутый Рауле живет ныне у Жаме Тома, в Нанте, и что названный Андре получил от оногo сира лошадь стоимостью шестьдесят реалов.

Далее, он сказал, что мессиру Роже де Бриквилю, Жилю де Сийе, Пуату и Россиньолю было о вышесказанном известно.

Далее, он сказал, что говорили, будто помянутому сиру нравилось наблюдать за тем, как у детей отделяют голову от тела после того, как он имел с ними сношение на животе, зажав ноги их между своими, а порою садился на живот помянутых детей, когда головы их отделяли от тел; иной раз он надрезал им затылок, дабы они томились и слабели, что ему доставляло великое удовольствие; и пока они томились и чахли, ему удавалось сношаться с ними вплоть до смерти их, порою же и после их смерти, пока они еще были теплыми; а для отрубания голов имелся у них бракмар; если же иногда дети оказывались недостаточно красивы и не отвечали прихоти его, то он сам отрубал им голову помянутым бракмаром, бывало и так, что после этого он с ними сношение имел.

Далее, он слышал от помянутого сира, что нет на свете человека, который когда-либо сумел бы понять дела его, и что действовать так он принуждается своей звездою.

Далее, он сказал, что иногда помянутый сир повелевал расчленить детей оных, отрезав им руки под мышками, и получал удовольствие, глядя на кровь; и он слышал, как м-ру Эсташу Бланше говорили, что помянутому сиру не удастся довершить начатое им, не преподнеся дьяволу ступни, голени и иные члены помянутых детей; он же, Анрие, убил дюжину их своими руками; а иногда помянутый сир спрашивал у мессира де Сийе, у него, Анрие, и у Пуату, какие из голов убиенных детей красивее всех.

Далее, он, по его словам, слышал от Жиля де Сийе, что после отвоевания местности, захваченной сиром де Ласюзом, в Машкуле, в помещении, где хранилось сено, обнаружили сорок детских трупов, кои высушены были и сожжены; и он слышал, как сиру де Сийе говорили, что им повезло, ибо помянутые дети не нашлись; [он сказал также,] что мессир Роже де Бриквиль велел какой-то женщине посмотреть вниз, туда, где были помянутые дети; и что, узрев их, он раскрыл злодеяние, в коем участия не принимал.

Далее, он сказал, что однажды в Тиффоже он, Анрие, вошел в покои означенные сира де Рэ после того, как последний вместе с м-ром Франческо Прелати пребывал там долгое время, и когда они ушли, узрев на полу в покоях оных большой круг, внутри коего были знаки и кресты, а что они означали – этого он не знает.

Далее, он сказал, что у помянутого сира была небольшая книга, написанная кровью либо красными чернилами, а чем именно – он в точности не знает.

Далее, он сознался, что помянутый сир де Рэ, чтобы дети не кричали, когда он желал с ними сношение иметь, приказывал подвесить их на веревке за шею, на высоту приблизительно в три фута в углу комнаты, и когда они уже были при смерти, он их опускал, сам или руками слуг своих, приказывая детям не говорить ни слова, и возбуждал свой уд, держа его в руке, после чего извергал семя свое им на живот; сделав так, он повелевал перерезать им горло и отделить голову от тела, а иногда, после смерти их, он спрашивал, какие из голов детских красивее всех.

Далее, он заявил, что помянутый сир давал ему иногда два или три экю для детей оных; помянутый сир самолично выбирал их, когда они приходили просить милостыню, спрашивал, откуда они, и если они не были местными, если говорили, что у них нет ни отца, ни матери, и были ему по нраву, он впускал их в замок Машкуль. Тогда он вовлек в дело и привратника замка.

Далее, он сказал, что иногда помянутый сир выбирал маленьких девочек, с которыми имел сношения на животе их, таким же образом, как и

с детьми мужского пола, говоря, что так он больше получает удовольствия и ему не так больно, как бывало, когда он развлекался с ними естественным путем; затем этих девочек умерщвляли так же, как и помянутых детей мужского пола.

Далее, он сказал, что если двое детей оных были братьями и если их приводили вдвоем, то он обладал лишь одним, держа, однако, в замке обоих, и дабы второй не раскрыл никому участи брата своего, их предавали смерти совместно.

Далее, он сказал, что порою, когда помянутый сир не имел сношений и детьми оными, он имел их с детьми из капеллы, что свидетеля не касалось, ибо все это держалось в тайне.

Далее, он сказал, что во время последнего путешествия помянутого сира в Ванн, когда он там оставался якобы в ожидании деиег, кои должен был ему герцог, и провел там два или три дня – а было это, как свидетелю кажется, в июле сего года, – Андре Бюше привел в обиталище помянутого сира ребенка, каковой был убит, а тело его было сброшено в доме том в выгребную яму, куда помянутый Пуату спустился по веревке, дабы тело сие закопать, и откуда Бюше и он, Анрие, в работе сей ему помогавшие, едва его вытащили.

Таково было признание помянутого Анрие.

Признание Пуату¹

Что же касается помянутого Этьена Коррийо, прозванного Пуату, то он поведал и без всяких пыток признался в следующем:

Во-первых, примерно через десять лет после того, как он пришел на службу к помянутому сиру де Рэ, – из коих пять лет был пажом его, во времена, когда мессир Роже де Бриквиль, рыцарь, занимался его делами, последующие же пять лет был прислужником помянутого сира, – в течение двух-трех месяцев он увидел в покоях помянутого сира двух мертвых детей, и тот захотел его убить, но помешали ему названные мессеры Роже и де Сийе. Затем мессир помянутый Роже держал его в какой-то комнате четыре дня, и после того с него взяли клятву хранить в тайне все, что видел он или позднее увидит, но до этого сир оный вступил в плотское сношение с помянутым Коррийо на животе его.

Далее, он сказал, что мессеры Роже и де Сийе повелели ему похищать и приводить к помянутому сиру детей; и сами мессеры вышеозначенные привели к нему нескольких, возле коих помянутый сир возбуждал себя, держа член свой в руках, и извергал семя свое на животы их; после чего он

¹ Это признание отличается от показаний Пуату в церковном суде, – больше, чем соответствующее признание Аирие от его показаний там же.

повелевал перерезать им горло; иногда же, когда они истекали кровью, он с ними сношение имел; и что пять лет тому назад он, Пуату, начал приводить к нему детей оных, став соучастником его преступлений.

Далее, он сказал, что когда помянутый сир получил обратно Шантосе от названного сира де Ласюза, брата своего, владевшего замком в течение двух лет¹, помянутый сир направился в Шантосе, где оставался ночь или две. Сир оный сказал тогда ему, Пуату, Анрие, Малышу Робену и еще некому Ике, что в одной из башен давно уже лежат трупы умерщвленных детей и что надобно забрать их оттуда. Пуату и Робен спустились туда, сложили их в мешок и притащили наверх. Анрие, Ике и Сийе стояли на страже. А было там сорок шесть трупов, кои в сундуки сложили и отправили в Машкуль, где и сожгли в башне. Тела же детей оных иссохли и разложились.

Далее, он сказал, что после отвоевания Машкуля, захваченного сиром де Ласюзом и сиром де Лозаком, там нашли восемьдесят мертвых детей, кои равным образом сожжены были в помянутом Машкуле.

Далее, он сказал, что после кончины сира де Ласюза помянутый сир убивал детей оных в своих покоях, о чем названный Пуату от него самого слышал, и что начал помянутый сир заниматься этим около четырнадцати лет тому назад.

Далее, он сказал, что иногда он убивал детей, перерезая им горло большим бракамаром; иногда целовал отрубленную голову, а с телами совокуплялся; иногда убивал их сам, предварительно совокупившись, привязав им веревку на шею, прикрепленную к крюку на шесте.

Далее, он сказал, что если приводили братьев, сир помянутый повелевал схватить обоих, дабы один из них не поднял шум из-за другого, и, поразвлекшись с одним, он оставлял себе другого, пока не вернется к нему позов и желание.

Далее, он сказал, что однажды сир оный взял сердце и руку помянутого ребенка, положил их в опочивальне своей и приказал из окна ему, Пуату, сторожить их; чуть позже помянутый сир спрятал их в рукав, а затем отнес их в покои м-ра Франческо; он не ведает, что они творили там, а сердце оное в сосуде лежало.

Далее, он сказал, что помянутый сир и Франческо Прелати провели ночь в покоях сира оного в Машкуле и начертали там большой круг, внутри же его были знаки и кресты; на стене они нарисовали нечто наподобие герба, по виду напоминавшего голову; потом велели ему, Пуату, выйти, и он пошел к другим в залу, и слышали они звуки, будто какое-то животное, похожее на собаку, шло по крыше. После помянутый сир спросил их, не слышали ли они чего, и они ему ответствовали, что нет.

1 Скорее всего, в течение «двух месяцев»: см. с 237, сн. 1 и с. 247, сн. 1.

Далее, он сказал, что однажды ночью помянутый сир отправил его с м-ром Франческо в поле рядом с Эсперансом, и названный Франческо произносил заклинания в круге, где стоял он с ним, с Пуату. Франческо сей зажег факел и зывал к Баррону и прочим дьяволам, от чего он, Пуату, сильно напуган был. Помянутый сир и Франческо запрещали ему осенять себя крестным знамением. Но ничего не случилось, только пошел сильный дождь, да такой, что уйти они не могли.

Далее, он сказал, что Папле, Гийемен Портъе, Гийемен Лебей и Лемюе, г-н Жантлу, настоятель Шемере и маркиз¹ не ведали ничего о смерти детей оиых; даже племянник помянутого настоятеля Шемере, коего последний вверил некому Табару, дабы тот его обучил петь и писать, умерщвлен был, как и все прочие дети.

Далее, он сказал, что некий м-р Жан, англичанин, и помянутый сир пошли однажды заклинания совершать, а прежде первый сжал мизинец помянутого сира и уколол его иголкой, дабы пошла кровь, и кровью той помянутый сир собственноручно подписал письмо, чернилами писанное. Потом они пошли творить помянутое заклинание, и затем сир оный вернулся весь мокрый, будто в реке искупался. Некто по имени Гийом Сиве пришел к м-ру Жану, англичанину или пикардийцу, и последний сказал помянутому сиру перед заклинанием, чтобы тот не расписывался, иначе все они умрут; а происходило все это в поле неподалеку от Машкуля, близ Эсперанса, рядом с домом некой Ля Пикард. В другой раз помянутый заклинатель вернулся весь израненный, да настолько, что и говорить не мог; а после его ухода он, Пуату, слышал от Ля Пикард, что он притворялся.

Далее, он сказал, что в доме Ла-Сюз убили одиннадцать или двенадцать детей, среди коих был и мальчик по имени Жанвре, из Нанта.

Далее, он сказал, что когда помянутый сир последний раз ездил в Ванн якобы за деньгами, кои названный герцог ему был должен, он оставался там два или три дня, – а было это, насколько помнит он, в июле сего года, – Андре Бюше привел в его жилище ребенка, который был убит, а тело его брошено в отхожее место, куда он, Пуату, спустился на веревке, дабы тело утопить, и откуда его с превеликим трудом вытащили названные Анрие и Бюше, помогавшие ему в том деле.

Далее, он говорил о красивом ребенке, коего он привел из Ла-Рош-Бернара с согласия матери; о другом красивом ребенке, сыне покойного Эонне де Вильблаиша, мать коего живет в Нанте и зовут ее Маса, а отдала она его, дабы он стал пажом и дабы он, Пуату, позаботился об одежде его; и еще о красивом мальчике, жившем в Бургнефе у Гийома Родиго, и что он, Пуату, привел его к хозяину своему, а был мальчик оный пажом того

¹ Маркиз де Сева.

же возраста; и еще о паже м-ра Франческо; и о паже Принсе; и еще, среди прочих, о сыне Жорже Лебарбье, портного, живущего около замка Машкуль; помянутый сир имел с ними плотские сношения, и были они убиты и сожжены; говорил он, наконец, и о многих других, родителей коих не знал, многие схвачены были, когда приходили милостыню просить, как в Машкуле, так и в Тиффоже и в других местах.

Таким было признание помянутого Пуату, как оно в предыдущих статьях изложено было.

2 Приговор Анрие и Пуату

Вслушав признания помянутых Анрие и Пуату, а также мнение многочисленных лиц, при сем присутствующих, адвокатов и прочих, подробно изучив дело сие, монсеньор помянутый президент, полномочный представитель герцога, приговорил названных Анрие и Пуату к смертной казни через повешение и сожжение.

3 Приговор Жилю де Рэ

И после того как был завершен церковный суд над помянутым сиром, последний доставлен был 25 октября в Буффе в Нанте, где собралась толпа столь многочисленная, что почти целиком заполнила она помянутый Буффе. После того как прокурор через правопреемника своего предъявил ему обвинение в совершении указанных выше преступлений, он сознался в совершении оных, и монсеньор президент потребовал от него полного и безоговорочного признания, стыд же за содеянное должен отчасти смягчить наказание, кое воздастся ему уже в мире ином; помянутый сир признался тогда пред судьями, что пользуясь властью своей и силою завладел он замком и крепостью Сен-Этьен-де-Мерморт, владельцем коей был тогда Жоффрау Леферрон, по соглашению, ранее заключенному между ним и помянутым сиром; и он признался, что перед замком означенным он вынудил Жана Леферрона ему замок сей передать и что в помянутом Сен-Этьене он взял в плен самого Жана Леферрона, повелел отвезти его за пределы герцогства в Тиффож, где его долго в темнице держали вплоть до того дня, когда освободил его монсеньор коннетабль. Равным образом он признал, что ослушался указаний помянутого монсеньора герцога вернуть и освободить помянутые владения и дать свободу Жану Леферрону, за нарушение коих пятьдесят тысяч эку причиталось. Еще он признался, испытывая великую скорбь и угрызения совести за содеянное, что убил множество мальчиков, что повелевал сжигать их тела и обращать их в пепел, дабы не оставлять следов преступлений своих и избежать разоблачения со стороны детей оных, и что кроме того иные преступления совершал, кои описаны в признании его, ранее ему зачитанном, подлинность коего он признал.

После признания такого монсеньор президент попросил высказать свое мнение многочисленных людей сведущих и членов совета, на процессе присутствующих; и все они заявили, что подсудимый заслуживает смерти тем или иным путем. И затем, получив таким образом у помянутых сведущих людей и остальных присутствующих совет, монсеньор президент и полномочный представитель герцога рассудил и заявил касательно первого дела, что помянутый сир понес наказание в виде штрафа, ранее упомянутое, взысканные же средства должны быть уплачены в пользу монсеньора герцога и предварительно изъяты из денег, полученных от продажи имущества и земель помянутого сира, суд же здесь может смягчающие обстоятельства усмотреть. Кроме того, касательно других преступлений, содеянных помянутым сиром, в коих он сознался, монсеньор президент и полномочный представитель герцога рассудил и сообщил, что приговаривает онго Жиля де Рэ к смертной казни через повешение и сожжение. После чего заявил помянутому Жилю, чтобы тот молил прощения у Господа Бога и готовился умереть и каяться в содеянных преступлениях и что завтра в одиннадцать часов указанный приговор будет приведен в исполнение. Тогда помянутый сир возблагодарил Всевышнего и монсеньора президента за известие о часе казни его. Затем обратился он к монсеньору президенту с такою просьбой: поскольку он и помянутые Анрие и Пуату, слуги его, вместе совершали те неслыханные и ужасные преступления, за кои и приговорены к смертной казни, то пусть он и слуги его казнены будут в один и тот же день и в тот же час, дабы смог он, будучи главным виновником злостных деяний помянутых слуг, приободрить их, молвить о спасении душ их во время казни и показать на своем примере, как следует умирать достойно; мнится ему, что в противном случае, если слуги не увидят, как сам он умирает, то впадут в отчаяние перед смертью и решат, что он, виновник всех их преступлений, безнаказанным остался; он же, напротив, надеется, что волей Господа нашего он, вынудивший их совершать проступки, за которые они должны умереть, станет причиною их спасения.

Монсеньор президент согласился выполнить просьбу сию и кроме того, принимая во внимание искреннее раскаяние помянутого сира, даровал ему такую милость: после казни оной, как выше было сказано, он дозволяет, чтобы тело его, подверженное огню, было бы в гроб помещено и погребено в Нанте, в любой церкви, кою помянутый Жиль укажет. За что последний поблагодарил монсеньора президента и попросил, чтобы помянутое тело его погребено было в церкви кармелитского монастыря Богоматери в Нанте. Монсеньор президент был таким решением удовлетворен. И кроме того, помянутый Жиль попросил монсеньора президента

обратиться к епископу Нантскому и людям из собора его с просьбою устроить процессию, дабы просить Господа Бога вселить в него и в названных слуг его твердую надежду на спасение, что также было помянутым монсьею президентом дозволено.

Подписано: *Де Тушронд*

4 Казнь сира де Рэ и слуг его, Анрие и Пуату

Во исполнение помянутых приговоров, вынесенных в отношении помянутых Жилья де Рэ, а также Анрие и Пуату, слуг его, привезли их всех на место, предназначение для казни, на луг, расположенный неподалеку от мостов Нантских. А до этого, в тот же деиь, около девяти часов, была устроена большая процессия, в коей великое было множество людей, молившихся Богу за помянутых приговоренных; когда же последние оказались на месте казни, помянутый Жиль де Рэ исповедовал и увещевал слуг своих во спасение душ их, прося их быть сильными и мужественными пред дьявольскими искушениями и весьма покаяться в грехах и в проступках, верить в милосердие Божие и в то, что нет ни единого греха, каковой может быть свершен человеком и какового Бог наш милостивый не простил бы в благодати Своей и милосердии, если грешник в сердце своем великое сожаление и раскаяние несет и просит у Него прощения со всюю твердостью. И Бог скорее готов простить и помиловать того грешника, каковой прощение просит, чем иного. И должны возблагодарить они Господа нашего за знак его любви, что пожелал Он, чтобы они умерли в здравом уме и твердой памяти и не позволил, чтобы неожиданно были они наказаны за прегрешения свои, и даровал им столь пылкую к Нему любовь и раскаяние в грехах своих столь глубокое, что они не должны на этом свете бояться смерти и что сие есть лишь мимолетная кончина, без коей невозможно увидеть Господа во всей славе Его. И они должны стремиться покинуть сей мир, исполненный лишь страданий, дабы отойти к славе вечной. И тогда они, вместе сотворившие зло, после того, как души их отлетят от тел, встретятся во всей славе с Господом в раю. И просил он их поступить, как сказал он, не упорствовать в заблуждениях своих в то малое время, что осталось им, а не то потеряют они названную милость и никогда уже более она к ним не снизойдет. Помянутые Анрие и Пуату поблагодарили тогда названного Жилья де Рэ за добрые его советы и предупреждение, кои дал он им во имя спасения их душ, и сказали, что за благо почитают смерть в этом мире и что он вселил в них великое желание поверить в милость Божию, а также веру, что отойдут они в рай во славе Его, а хозяину своему они пожелали того же, что и он им желал. И после того, как он их наставлял таким образом, опустил он на колени, сложив на груди руки и прося

прощения у Господа и умоляя не судить о нем по проступкам его, а явить милосердие, к которому он себяверяет, а народу говоря, что он брат их и христианин, и прося народ сей, а также и тех из них, чьих детей он загубил, молиться за него Господу нашему, исполнившись пылкой к Нему любви, и просил у всех простить его от чистого сердца и заступиться за него перед Богом, как если бы они за себя просили. И вверяя судьбу свою в руки св. Иакова, к которому всегда имел особое расположение, а также св. Михаила, просил в сей час, когда великую надобность имеет, помочь ему облегчить душу свою и молить Бога за него, невзирая на то, что он не был им послушен, как подобало бы. Он просил также, чтобы в момент, когда душа его отлетит из тела, св. Михаил принял ее и представил пред Богом, коего молил он принять ее с милостию и не наказывать ее за провинности его. И произиес тогда помянутый Жиль речи прекрасные и молитвы Богу, вверяя ему душу свою. И затем, дабы подать добрый пример помянутым слугам своим, он возжелал умереть первым. Помянутые слуги его незадолго до смерти говорили с ним и просили быть сильным, как подобает истинному рыцарю, ради любви к Богу, и памятуя о страстях, кои претерпел Он во искупление грехов человеческих. И умер Жиль де Рэ в раскаянии. И прежде чем пламя охватило тело его и внутренности, оно было извлечено и положено во гроб, каковой отнесен был в церковь кармелитов в Нанте, где и погребен. И тотчас же были повешены и сожжены помянутые Анрие и Пуату, так, что остался от них лишь прах. И калялись они, и сожалели о деяниях своих, и испытывали раскаяние сие и угрызения совести до самого конца.

Подписаю: *Де Тушонд*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

297

Одной из многочисленных масок, которые любил примерять Жорж Батай (1897–1962), была маска ученого, кропотливого собирателя фактов и беспристрастного наблюдателя. Таков Батай–исследователь религий, Батай–знаток наскальной живописи, Батай–экономист, Батай–антрополог. Таким же предстает перед нами и Батай–историк. Однако его невозможно спутать ни с одним из историков или экономистов. Сквозь маску автора проступает лукавый лик, в котором есть что-то дьявольское, замаичивое и вместе с тем отталкивающее. Сухое изложение фактов перемежается всплесками эмоций, закономерности общественного развития становятся актами вселенской трагедии, и читателю очевидно, что сам выбор Батая не случаен, что Жиль де Рэ – лишь один из его героев, запоздалое alter ego стареющего еретика.¹

«Процесс Жюль де Рэ» (1959) – одна из последних работ Батая. К концу жизни он все больше отходил от сюрреализма и бунтарства эпохи «Истории глаза», все чаще обращаясь к истории, пытаясь обосновать свои теоретические построения. Такова и эта книга, написанная почти как микроисторическое исследование. Сегодня, после неофициальной реабилитации Жюль де Рэ в 1992 г.² (об официальном пересмотре процесса XV в. речи не идет), историки уже не столь однозначны в оценках, и виновность этого зловещего персонажа многими ставится под сомнение. И все-таки Батай был прав, говоря о том, что документы процесса – уникальное свидетельство той эпохи.

Перевод книги сложен, как и перевод всего, написанного Батаем, но все же язык здесь существенно проще, чем, скажем, во «Внутреннем опыте»

¹ Поразительное сходство с намерениями Батая обнаруживают замыслы многим ему обязанного Мишеля Фуко. В полном соответствии с традициями своего предшественника он отредактировал и напечатал материалы судебного разбирательства XIX века. Речь шла о подростке Пьере Ривьере, который зарезал своих родственников. (См. Foucault M. *Moi, Pierre Rivière, ayant égorgé ma mère, ma sœur et mon frère... : un cas de parricide au XIXe siècle*. Paris: Gallimard, 1973).

² См.: Bayard J.-P. *Plaidoyer pour Gilles de Rais*. Editions du Soleil natal, 1992.

или в сборнике «Литература и зло». Основной проблемой для переводчика оказываются не разделы, написанные самим Батаем, а материалы процесса, переложенные на современный французский язык его другом, замечательным философом Пьером Клоссовски (1905–2001). Текст написан на языке, отягощенном архаизмами и канцеляритом, поэтому перевод отчасти наследует эту странную стилизацию. Мы не стремились к полному параллелизму и не искали аналогов судебной латыни XV в. в русском языке; по-видимому, не делал этого и Клоссовски. Насколько взвешенным получился русский текст – судить читателю. Нам же хотелось бы поблагодарить за бескорыстную и деятельную помощь Алексея Болдырева, Сергея Зенкина, Елену Мордмиллович, Елену Острину, Елизавету Щербакову и – в особенности – Дмитрия Волчека, уберегших переводчика от множества досадных ошибок и неточностей.

Иван А. Болдырев

«Процесс Жиль де Рэ» – исторический труд, над которым французский философ Жерж Батай (1897-1962) работал в последние годы своей жизни. Фигура, которую выбрал для изучения Батай, широко известна: маршал Франции Жиль де Рэ, соратник Жанны д'Арк, был обвинен в многочисленных убийствах детей и поклонении дьяволу и казнен в 1440 году. Судьба Жиль де Рэ стала материалом для фольклора (его считают прообразом злодея из сказок о Синей Бороде), вдохновляла писателей-декадентов, однако до Батая было немного попыток исследовать ее с точки зрения исторической науки. Значительную часть книги занимают протоколы состоявшегося в Нанте суда над Жилем де Рэ: их перевел с латыни писатель и философ Пьер Клоссовски. Батай составил подробнейшую хронологическую канву жизни своего героя; особый интерес представляет первая часть книги, в которой философ анализирует героизм и злодейство, объединившиеся в одном характере. В отличие от других исследователей, Батай был убежден, что Жиль действительно совершил преступления, за которые заплатил своей жизнью.

ISBN 978-5-98144-108-0

9 785981 441080

www.kolonn.org

интернет-магазин

OZON.RU

24942606